

ФРИТЬОФ НАНСЕН

ПУТЕШЕСТВИЯ

ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ, К СЕВЕРНОМУ
ПОЛЮСУ И В СИБИРЬ

Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes, vorbehalten

Copyright 1923 by Z. J. Grschebin Verlag, Berlin

Типография Зинабург и Ко.
Berlin SW68 / Alte Jakobstr.129

ФРИТЬОФ НАНСЕН

ФРИТЬОФ НАНСЕН

ПУТЕШЕСТВИЯ

ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ, К СЕВЕРНОМУ
ПОЛЮСУ И В СИБИРЬ

ИЗЛОЖИЛ

В. С Т А Н К Е В И Ч

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И
АЛЕКСАНДРА ГРИНЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА

1 9 2 3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если Россию мыслить в виде здания, то фасад ее обращен к Ледовитому океану. Отсюда вывод: каждый шаг, каждое новое достижение на пути изучения полярных стран Россия должна рассматривать, как свой собственный успех, и история полярных открытий, в сущности, могла бы составить главу в нашей отечественной истории.

Глава эта не была бы самой скучной. Во всей истории человечества найдется мало страниц, полных такого захватывающего интереса, как история поисков великих северных путей и борьба за достижение полюса. И на пустынных побережьях покрытых ледниками земель, на морях, загроможденных пловучими ледяными полями, за последние четыреста лет разыгралось бесчисленное количество изумительных драм и трагедий, причем действующие лица почти всегда отличались лучшими свойствами человеческого духа, отвагой, выносливостью, упорством и способностью преодолевать величайшие трудности и приносить тягчайшие жертвы.

В истории этих исследований путешествия Нансена занимают совершенно особое место. По смелости и даже дерзости плана, по тщательности и систематичности подготовки, по умению использовать силы природы и, наконец, по исключительной успешности, они не имеют себе равных среди полярных путешествий всех времен и народов, и лишь путешествие Колумба может быть сопоставлено с ними. И еще одна заслуга за Нансеном. Он не только умел совершать, но у него оказался замечательный литературный талант, позволивший ему живо и ярко рассказать о своих приключениях, и при чтении его произведений перед нами сами собой встают космические силы природы, которым воля человеческая противопоставляет себя для того, чтобы знанием и настойчивостью победить. Если к этому добавить начала товарищества и братства, неизменно господствовавшие в отношениях спутников Нансена, тонкий, мягкий юмор, который просвечивает в описании даже самых драматических моментов, бесконечное разнообразие происшествий и приключений, — то

смело можно сказать: в мировой литературе мало найдется книг более занимательных и поучительных, чем описание путешествий Нансена. В настоящей книге, составляющей в значительной части переложение книг Нансена, по возможности передан стиль автора. Но всякого, кто только может — к сожалению могут не многие — отсылаем к его собственным трудам.

И какой живительный отдых для русского читателя, воспитанного на Онегиных, Обломовых, Раскольниковых и чеховских героях, окунуться в атмосферу волевой, напряженно действенной жизни человека, умевшего сильно желать и знавшего пути к достижению желаний, дерзавшего ставить себе великие цели и умевшего заставить судьбу приносить лучезарную победу... Именно на таких книгах нужно нам начать воспитывать себя!

В. Станкевич.

ПОИСКИ ВЕЛИКИХ СЕВЕРНЫХ ПУТЕЙ

В Индию через Север. „Московитская компания“. Первые полярные зимовки. Поездки и гибель Гудзона. Открытия Баффина. На северо-западном пути. К полюсу на санях. Четыре зимовки Джона и Джэмса Росса. Эпопея поисков Франклина. Открытие земли Франца-Иосифа. Норденшельд открывает северо-восточный путь. Поиски открытого полярного моря. Экспедиция „Поляриса“ и плавание девятнадцати. „Полюса достичь нельзя“!... Последние неудачи.

ЗАДАЧИ полярных исследований, блестяще разрешенные только нашей эпохой, завещаны были еще поколением отважных мореплавателей, современников Колумба, впервые не только сознавших, но и ощутивших, что земля действительно кругла! Именно тогда начались первые поиски великих морских путей на северо-западе, на северо-востоке и через северный полюс земли. Морской путь в Индию, в Китай, к сокровищам востока — вот что манило в прежнее время. И если земля кругла, если Востока можно достичь, плывя на запад, то не лежит ли более короткий и удобный путь через север, по неизвестным полярным морям? И вот, еще за тринадцать месяцев до открытия Америки Колумбом, другой Генуэзский купец, переселившийся в Англию, высадился в 1497 году на северо-восточном берегу Америки. Это был Джованни Габото, по-английски Джон Габот, который достиг Нью-Фаундленда или Лабрадора и принял эти земли за восточный берег Азии. Сокровищ Индии и Китая он там, конечно, не нашел. Но девственные воды у берегов Америки кишели рыбой и всякой дичью, и Габот совершил туда второе путешествие. Но так как он уже достиг преклонного возраста, то на его место вступил сын Себастьян, хвастливый, легкомысленный характер которого скомпрометировал открытия отца так, что даже известия о новой земле скоро заглохли; тем более, что внимание англичан было привлечено попыткой некоего Роберта Торна, который уверял, что кратчайший путь в Индию лежит через северный полюс. Но попытка Торна окончилась тоже плачевной неудачей, и англичане направили поиски в иную сторону.

Уже австриец Герберштейн указал, что, идя на северо-восток, можно морским путем достигнуть устья Оби, которая со своими притоками входит в самое сердце Азии. Вот путь, которым легче всего достигнуть Китая! Во всяком случае, на этом пути лежала возможность установления тесных сношений с Москвией, и это уже само по себе представляло серьезную приманку для смысленых европейских купцов.

И в Англии образовалась „Московитская торговая компания“, которая в 1553 году снарядила экспедицию под предводительством Вилоуби, Шанцеллора и Бэроу для исследования северных побережий Европы и Азии. Около Нордкапа экспедиция была раздавлена бурей. Вилоуби пришлось высадиться на Кольском полуострове и там остаться на зимовку. При отсутствии опыта и неподготовленности эта первая полярная зимовка окончилась трагически: все 62 участника погибли от голода, холода и цынги.

Более удачной была поездка товарищей Вилоуби. Им удалось достигнуть Белого моря и Сев. Двины, спуститься к югу, посетить Москву и заключить торговый договор с Иваном Грозным, в результате чего впоследствии возник портовый город Архангельск. Энергичные англичане на этом не остановились и стали пробивать себе дорогу дальше на восток. Но, дойдя до острова Вайгача, они из-за льдов не могли войти в Карское море и повернули назад.

Этим англичане склонны были довольствоваться и прекратили дальнейшие попытки пробиться на северо-восток. Но зато с тем большей энергией взялись за это дело голландцы, которые назначили за открытие северо-восточного пути высокую награду в 25.000 гульденов и снарядили туда три экспедиции. Одна из них дошла до полуострова Ялмала. Наибольшую настойчивость выказал Виллем Баренц. Несколько раз отправлялся он в плавание, пока не был застигнут около Новой Земли зимними холодами. Несмотря на то, что Баренцом были приняты все меры предосторожности, и экспедиция успела выстроить из наносного леса крепкое и теплое жилище, в котором всё время поддерживался огонь, эта вторая зимовка в полярных условиях тоже оказалась чрезвычайно тяжелой. Стены жилища покрылись толстым слоем льда, платье примерзало к телу, постели были покрыты ледяной коростой. Голода спутники Баренца не испытывали, так как имели достаточно запасов. Но эти запасы не были приспособлены для зимы, и не имелось свежей пищи. Правда, медведей и лисиц было так много, что они царапались в стены дома и, когда жилище оказалось занесенным снегом так, что превратилось в один сугроб снега, лазали даже на крышу. На них охотились, но мясо их считали нечистым и выбрасывали прочь. Весною море вскрылось, но давление льда разрушило корабль, и экспедиции пришлось доверять себя лодкам. Чрезвычайная предусмотрительность Баренца, в конечном счете, спасла экспедицию, которая была подобрана русским рыбацким судном. Из 17 человек экипажа от цынги погибло всего 5, в том числе и сам Баренц, умерший во время плавания на лодке.

Со смертью Баренца кончался первый период натиска мореплавателей на полярные моря. Но к концу XVI и началу XVII века попытки

проложить пути к северу возобновились с новым упорством. Это была эпоха предприимчивых людей, с большим практическим смыслом, смелостью и решительностью, „купцов-искателей приключений“, создавших богатства Голландии и могущество Британской империи. Их имена до сих пор известны всем; они вписаны во все географические карты отважными капитанами тех кораблей, которые они на свои средства снаряжали в далекие странствия. Пролив Смита, пролив Джонса, пролив Лэнкэстра, острова Диггса, мыс Уосстенгольма — все это имена богатых английских купцов, пайщиков экспедиций для открытия пути в Китай и, вместе с тем, авторов „петиции о правах“ и руководителей английской революции.

Но они умели находить себе достойных исполнителей, и в истории полярных открытий имена Дэвиса, Гудзона и Баффина до сих пор памятны и значительны.

Одним из наиболее энергичных путешественников был Генрих Гудзон, имя которого известно всякому по названию пролива, залива и реки, увековечивающих его имя. Из его жизни известны только четыре года, с 1607 по 1611, в течение которых он совершил четыре путешествия. Но мало кто из путешественников оставил по себе столько следов. Поставив своей задачей отыскание северного морского пути в Китай, Гудзон лично испробовал все мыслимые для этого направления. Сперва он, по поручению „Московитской компании“, отправился по тому пути, который до него испробовал Торн, а именно, прямо на север, к полюсу морем, между Гренландией и Шпицбергенем. Натолкнувшись на льды около Гренландии, Гудзон направился к Шпицбергену и потом опять возвращался к Гренландии. Результатом этого замечательного плавания было лишь открытие острова, впоследствии названного голландцами Ян-Майеном, и достижение почти 81° северной широты, что не было превзойдено в течение целых двухсот лет.

Убедившись, что в этом направлении пути нет, и что дорогу всюду преграждают льды, Гудзон на следующий год направился к северо-востоку, искать пути мимо Новой Земли, при чем сразу поставил себе задачей исследовать путь к северу от Новой Земли, через Костин Шар, который тогда считался проливом, и к югу. Но Костин Шар оказался только заливом, к северу путь преградили льды, а южного направления Гудзон не успел исследовать, так как приближалась зима. Эту часть задачи Гудзон оставил до следующего года. Но ропот и возмущение матросов заставили Гудзона во время третьего плавания уже в дороге изменить задачу. Вместо Новой Земли он очутился у берегов Америки, на 40-ой параллели, но там Гудзон нашел только залив, где впоследствии возник город Нью-Йорк, и реку, названную его именем. Он проник на корабле в эту реку и повернул, лишь убедившись, что идти дальше не имело смысла.

Наконец, в 1610 году, неутомимый путешественник в четвертый раз отправился искать пути к Востоку уже в северо-западном направлении у северных берегов Америки, где он обследовал пролив и залив, носящие ныне его имя. Гудзон, как и многие его современники, был уверен, что Америка составляет неширокий пояс, отделяющий Атлантический океан от Тихого, и нужно было лишь найти способ перешагнуть его. Это убеждение подкреплялось тем, что индейцы рассказывали о больших пространствах воды на западе, и эти рассказы, относившиеся к Великим озерам, истолкованы были как указание на близость берегов Тихого океана. Перезимовав, Гудзон хотел продолжать исследования, но тут разыгралась одна из морских трагедий, выяснить которую вполне не удалось. Известно лишь, что часть матросов возмутилась против Гудзона, его связали и посадили в шлюпку с малолетним сыном и всеми больными матросами, а на корабле подняли паруса, оставив несчастных на произвол судьбы. Относительно обстоятельств бунта матросов сохранилось только описание спутника Гудзона, слуги одного из купцов, снарядивших экспедицию. К моменту восстания на корабле имелось запасов всего на 14 дней. Лишь один матрос не захотел остаться на корабле, говоря, что это грозит повешением, и добровольно последовал за капитаном. Ему взбунтовавшиеся матросы дали ружье, порох, дробь, железный котел и немного пищи. После чрезвычайных бедствий, во время которых часть матросов была перебита при столкновениях с туземцами, а часть погибла от истощения во время пути к Англии, корабль достиг родины, где все матросы были посажены в тюрьму. О самом же Гудзоне с тех пор не было никаких известий.

Не менее отважны были исследования Баффина. Из его многочисленных плаваний самое замечательное закончилось открытием залива, получившего его имя. На небольшом корабле, всего в 55 тонн, идя вдоль западных берегов Гренландии, он проник до 78° северной широты и там нашел пролив, которому дал имя Томаса Смиса — впоследствии именно этим проливом был достигнут северный полюс. Плывая вдоль восточных берегов северо-американского архипелага, Баффин открыл проливы Джонса и Лэнкэстра, которые впоследствии сыграли большую роль в истории исканий северо-западного прохода. Открытия Баффина были слишком смелы для его времени, и его плаваний никто не решался повторить. Надо помнить, что свои путешествия он совершал в такое время, когда были известны лишь примитивные способы определения местности, когда всякое продолжительное плавание даже в теплых морях было связано с заболеванием цынгой и с другими бедствиями, происходившими от неумения консервировать пищу и пр. К несчастью, изготовленная им карта затерялась, так как издатель его мемуаров побоялся расходов на ее напечатание. Мало-по-малу к его сообщениям стали

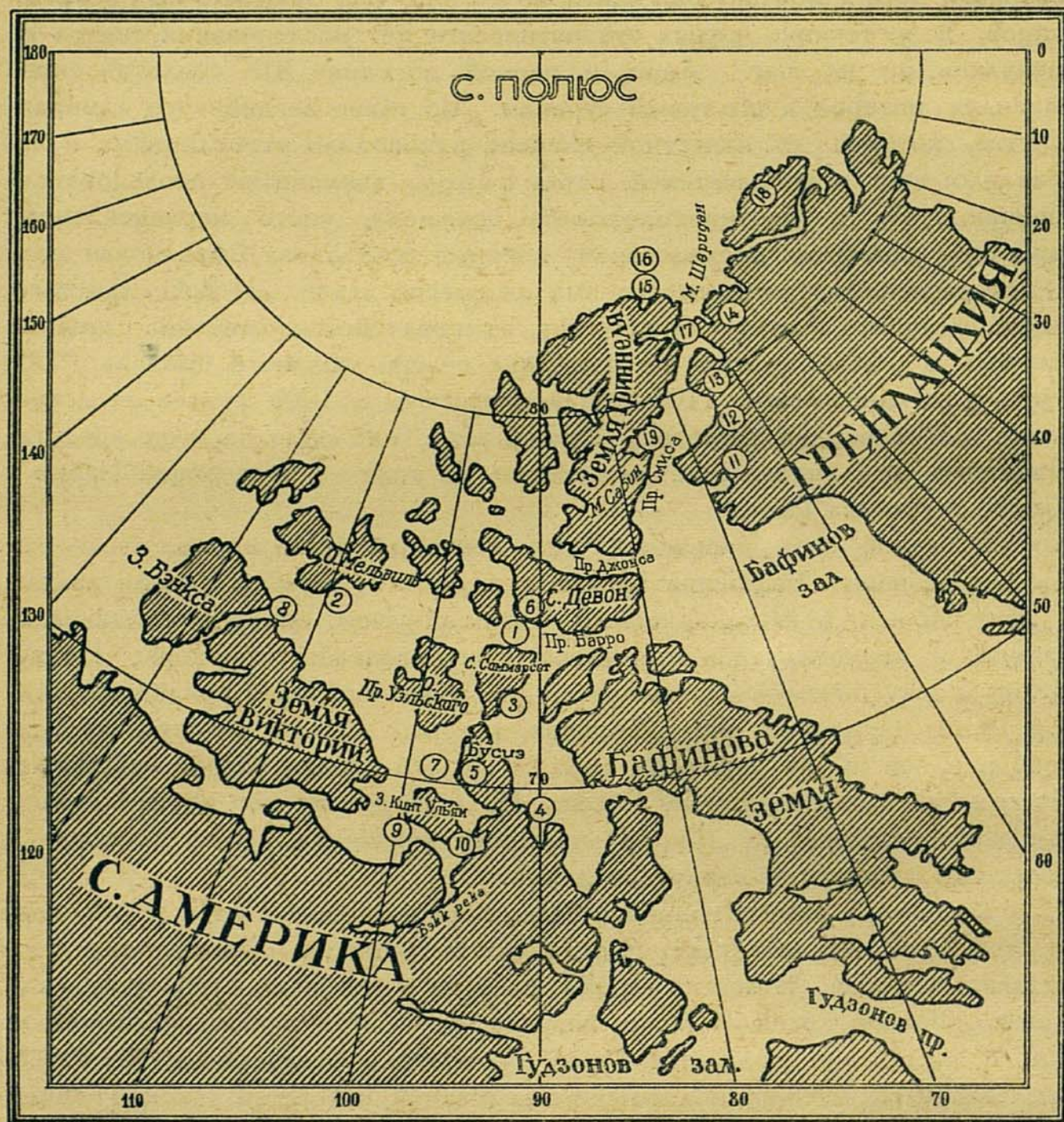
примешиваться выдумки других, и, наконец, к началу XIX века, открытия Баффина стали вообще подвергаться сомнениям, пока новые исследователи не подтвердили их.

Путешествия Гудзона и Баффина были значительны для науки, но с коммерческой точки зрения они были совершенно неудачны, так как северного пути к Востоку они найти не могли. Это охладило пыл богатых купцов, и в течение целых ста пятидесяти лет исследования севера не двинулись ни на шаг. Лишь в первой половине XIX столетия снова оживился интерес к полярным странам. Во главе английского адмиралтейства, которое до известной степени руководило экспедициями и направляло всех мореплавателей, встал Бэроу, знаменитый исследователь Африки. И, в противоположность прежнему, чисто меркантильному характеру полярных исследований, впервые поставлена была новая цель — географические открытия во имя интересов науки. И вот, для того, чтобы поощрить частную инициативу, адмиралтейство установило щедрые награды в 10.000 фунтов за отыскание северо-западного прохода, 2.500 фунтов за достижение 110° западной долготы и 1000 фунтов за достижение 83° северной широты. Кроме того, оно само на свои средства снарядило ряд экспедиций, важнейшие из коих — экспедиции Пэрри и Джона и Джемса Росса.

В первое свое плавание Росс повторил путь, проложенный уже Баффином, нашел Баффинов пролив и идущие из него радиусами каналы и даже вошел в канал Лэнкэстр. Таким образом, он сразу оказался на прямом и верном пути к отысканию северо-западного прохода. Но тут Джону Россу почему-то показалось, что канал кончался грядой высоких гор, и, к изумлению всех офицеров, которые видели, что путь впереди свободен, он вдруг повернул назад. По его следам вскоре отправился Пэрри, доказавший ошибку Росса. Но и Пэрри не мог пройти далеко, так как его корабль „Фурри“ потерпел крушение, и ему пришлось с большими лишениями вернуться домой.

Еще более замечательное путешествие совершил Пэрри в 1827 году на север от Шпицбергена. Когда лед перегородил путь его судну, он оставил корабль, поместил лодки на сани и пустился пешком по льду. Таким образом, сани и лодки впервые явились способом передвижения при исследовании полярных стран, и поэтому Пэрри может считаться создателем тех методов полярных исследований, которыми, в конце концов, северный, а также и южный полюс и были покорены. Но сам Пэрри, со своими тяжелыми, неуклюжими санями и лодками, далеко уйти не мог. Олени, которых он взял с собой, оказались мало пригодными для путешествия по неровному льду, пересеченному трещинами. Кроме того, Пэрри заметил, что часто в результате целого дня напряженной работы

он не только не подвигался вперед, но оказывался отнесенным к югу; ледяное пловучее поле несло ветром и течениями быстрее к югу, чем он мог идти по нему к северу. Но все же, когда, после 35 дней чрезвычайных усилий, он решил повернуть обратно, он находился на широте $82^{\circ} 45'$. В течение целого полувека никто не мог проникнуть севернее Пэрри.

КАРТА ИССЛЕДОВАНИЙ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОГО АРХИПЕЛАГА.

1. Джон Росс. 2. Пэрри. 3. Место гибели корабля „Фурри“. 4. Зимовка Джона и Джемса Росса. 5. Магнитный полюс. 6. Первая зимовка Франклина. 7. Место гибели экспедиции Франклина. 8. Мак-Клюр. 9. Рэ. 10. Мак-Клинтон. 11. Кэн. 12. Мортон. 13. Гайс. 14. Голл. 15. Нэрс. 16. Маркхэм. 17. Зимовки Грили. 18. Ловквуд. 19. Последняя зимовка Грили.

Достигнув преклонного возраста, неутомимый Джон Росс снова вызвался в полярные плавания. Однако, адмиралтейство не пошло на встречу, и ему, для снаряжения новой экспедиции, пришлось искать частных средств. Ему сопутствовал племянник, Джеймс Росс „младший“, имя которого впоследствии стало даже более громко, чем имя Росса „старшего“. Для экспедиции был приобретен корабль „Виктория“, имевший также паровую машину, впервые применяемую в полярных плаваниях. К сожалению, машина оказалась мало пригодной, и впоследствии ее пришлось разобрать. Через пролив Лэнкэстра „Виктория“ вошла в северо-американский архипелаг, где открыла неизвестную землю, которая по имени лица, снарядившего экспедицию, была названа Бусиэ-Фелицией. Около берегов этой земли пришлось провести три зимы, так как в летнее время корабль освобождался только на несколько дней или даже на несколько часов. Место стоянки было замечательно тем, что магнитная стрелка почти отказывалась там служить. Это было доказательством того, что экспедиция находилась неподалеку от северного магнитного полюса, который, как известно, не совпадает с полюсом географическим. Джеймсом Россом были предприняты специальные санные экспедиции для отыскания этого полюса, и ему удалось побывать в самой непосредственной близи от него.

Но запасы приходили к концу, надежд на освобождение корабля, приходившего в полную ветхость, не было никаких, и поэтому пришлось отправиться в крайне опасное обратное путешествие пешком. С большими лишениями путешественники достигли острова Норс Соммерсет, где они нашли в неприкосновенности запасы, сложенные капитаном Пэрри при гибели его корабля „Фурри“. Запасы и теперь были почти не тронуты, кроме свечей, которые частью были съедены лисицами. Пока отдыхали и приводили в порядок лодки, из имеющегося лесного материала построили временный дом. После месячной стоянки отправились дальше, но, достигнув пролива Барро, путешественники убедились, что он уже замерз, и дальнейшее путешествие при отсутствии достаточных припасов было бы равносильно гибели. После долгих колебаний решено было повернуть обратно к тому месту, где были сложены запасы Пэрри, и там провести четвертую к ряду полярную зиму. Только лодки были оставлены в проливе Барро. Вернувшись к прежнему месту, путешественники поняли, каким счастьем было то, что у них имелся запас припасов, и что они за время предыдущей стоянки построили себе дом. С наступлением зимы такая постройка была невозможна, теперь же для них имелось уже готовое жилище, которое они со всех сторон окружили стеной из снега. В чрезвычайном унынии и упадке духа провели путешественники четвертую зиму. Из-за отсутствия платья они почти не покидали своего дома

и старались возможно больше спать. Когда наступило лето, они опять отправились к проливу Барро, на этот раз имея выбор — или дойти до дому, или погибнуть, так как и запасы Пэрри уже приходили к концу. Ослабевшие, павшие духом, с трудом волоча на санях свои последние запасы пищи и трех больных, они достигли пролива Барро лишь на 13 дней ранее, чем в прошлом году. Но на этот раз пролив был свободен от льда, и можно было начать плавание на лодке. 26 августа экспедиция достигла выхода из пролива Лэнкэстра, где ее ожидало спасение. Утром, когда еще все спали, вахтенному матросу показалось, что он видит в море парус. Он разбудил младшего Росса. Тот схватил зрительную трубу и увидел, что это, действительно, корабль. В один миг все вскочили на ноги и бросились к лодке. Но тут поднялся сильный ветер и волнение, лодки шли медленно, и грозила опасность, что корабль уйдет, не увидав их. Целых пять часов гребли, колеблясь между отчаянием и радостью. Наконец, с корабля заметили их и спустили навстречу лодку. Когда лодка подошла, произошел разговор, который Росс описывает таким образом:

„Вскоре лодка была рядом, и матрос, начальствующий на ней, обратился ко мне с вопросом, что мы, вероятно, потеряли корабль и спасаемся на лодках. Я ответил утвердительно и спросил, как называется корабль. Ответ гласил: „Изабелла“ из Гулля, которой раньше командовал капитан Росс“. На это я заявил, что капитан Росс — это я, и что люди со мной — экипаж корабля „Виктория“. Я не удивился, что матрос был поражен этим известием. Растерявшись, он начал меня уверять, что я погиб уже два года тому назад. Но мне без особого труда удалось убедить его, что это только преждевременное умозаключение. Конечно, последовали сердечные приветствия и расспросы, после чего он со своей лодкой направился вперед сообщить кораблю известие, повторяя при этом, что не он один, но и вся Англия считала нас всех погибшими“.

Только достигнув корабля и попав в круг нормальных людей, путешественники поняли и почувствовали, из какого бедствия они вырвались, как грязны, убоги, оборваны, изнурены они были. Мытье, стрижка, бритье, одевание, кормление — все шло в перемежку. Из 23 участников экспедиции погиб в пути лишь один и один ослеп. Нечего и говорить, что на родине экспедиция была встречена с величайшим энтузиазмом. Удивительная судьба ее и значительные результаты, в особенности достижение магнитного полюса, делали экспедицию одной из самых замечательных для истории полярных плаваний того времени, и только путешествие Франклина затмило впечатление, произведенное ею.

Никакая эпоха не была так полна напряженных исследований в полярных областях, как середина XIX столетия. Именно, в это время во всю

ширь развернулась трагическая эпопея экспедиции Джона Франклина и беспримерных по настойчивости и затрате средств упорных поисков ее.

Джон Франклин, один из знаменитейших английских мореплавателей, всю жизнь участвовавший в бесконечном количестве экспедиций и походов, в последние годы своей жизни занимал высокий пост губернатора Тасмании. Вынужденный покинуть этот пост в виду недоразумений с министерством колоний, он, имея уже 59 лет от роду, выработал новый план полярной экспедиции для отыскания северо-западного прохода на пути, указанном еще капитаном Пэрри. В распоряжение Франклина были даны два корабля: „Террор“ и „Эребус“. Экипаж кораблей равнялся 129 человекам. Запасов было взято на 5 лет. На экспедицию эту, руководимую одним из наиболее популярных английских моряков, пользовавшимся уже к тому времени мировой славой, возлагались громадные надежды. По богатству и тщательности снаряжения она превосходила все предыдущие экспедиции, и поэтому и сам руководитель ее и вся Англия были уверены в успехе. Первые дни плавания экспедиции, отправившейся летом 1845 года, были успешны, и самые благоприятные вести были получены от нее при посредстве американских китоловов, встреченных по дороге. Последняя встреча с китоловами была 26 июля в заливе Мельвиля. В это время экипаж обоих кораблей был в наилучшем состоянии и полон надежды быстро выполнить задачу.

Но это было последнее известие, полученное от экспедиции Франклина.

По плану экспедиции можно было ожидать, что при благоприятных условиях она успеет выполнить задачу в один год. Но наступила зима, и об экспедиции не было никаких вестей. Прошли второе лето и осень, и опять наступила зима — опять никаких вестей. Хотя друзьям и родственникам это уже казалось досадным, но все же не давало никакого повода беспокоиться. После возвращения экспедиции Джона Росса, проводшего четыре зимы в полярных областях, отсутствие Франклина в течение двух лет не внушало тревоги. Но вот прошел еще год. И не только не было никаких сведений об экспедиции, но путешественник Рэ, посетивший места, мимо которых должна была проходить экспедиция Франклина, не встретил никаких следов ее.

Тут ожидание сменилось острой тревогой и беспокойством. И с тех пор начались беспримерные в истории полярных исследований поиски Франклина, стоившие неисчислимых трат и многих новых жертв. Велись они в значительной части по почину и на средства британского адмиралтейства, но, кроме того, чрезвычайную энергию выказала также жена Франклина, снаряжавшая на свои средства одну экспедицию за другой. Для поощрения частных лиц адмиралтейство назначило награду в 10.000

фунтов стерлингов за спасение экспедиции и половину этой суммы тому, кто доставит достоверные сведения о ее судьбе.

Поиски велись в трех направлениях: через пролив Лэнкэстра, по следам Франклина, в догонку за ним; от Берингова пролива, навстречу Франклину; и, наконец, по разным направлениям в тех местах, где вероятнее всего могли бы оказаться участники экспедиции в случае ее неудачи. Знаменитейшие полярные мореплаватели приняли участие в этих поисках. Джон Росс, Джеймс Росс, Мак-Клинтон, Мак-Клюр, Рэ, Гриффин, Голл, Ингельфильд и целое поколение полярных исследователей воспиталось во время этих исканий, продолжавшихся целых двадцать лет!

Первоначальные усилия были загадочно-безрезультатны. Единственное, что было найдено, — это место стоянки экспедиции Франклина во время первой зимовки у острова Бичи (юго-восточная конечность острова Норс Девон). Тщательные поиски вокруг этой стоянки открыли множество следов экспедиции на острове, при чем по этим следам можно было судить о занятиях экипажа во время зимы и даже об увеселениях его. Но там же была обнаружена и тревожная находка — большое количество консервных банок с испортившимся содержимым. Оказалось, что значительная часть консервов, поставленных одной английской фирмой, была гнилая, и это, очевидно, серьезно сократило количество пищевых запасов, имевшихся в распоряжении экспедиции.

Дальнейшие следы экспедиции терялись. И, несмотря на тщательные розыски во всех мыслимых направлениях, не удалось найти ни одного следа, что было тем более удивительным, что полярные мореплаватели имели обыкновение устанавливать на тех берегах, мимо которых они проходили, знаки в виде каменных столбов, и оставлять под ними краткие сведения о своей судьбе. Но, конечно, хотя непосредственных результатов поиски Франклина не имели, они принесли с собой целый ряд немаловажных географических открытий. Важнейшее из них было сделано Мак-Клюром. На корабле „Инвестигатор“ он проник в архипелаг с востока, от Берингова пролива. Около острова Бэнксленда он нашел два пролива, несомненно, представлявшие собой выход северо-западного прохода, и в октябре 1850 года он достиг того места, которое уже раньше было достигнуто исследователями с запада. Но этим его странствия не кончились. „Инвестигатор“ так примерз ко льдам и так пострадал, что нельзя было думать ни о дальнейшем плавании, ни о возвращении на корабле назад. Пришлось решиться оставить корабль и отправиться в чрезвычайно опасный обратный путь на санях. Но, по счастливой случайности, как раз в то время, когда Мак-Клюр готовился начать рискованный путь назад, он натолкнулся на Мак-Клинтока, одного из участников экспедиции Бельчера, который проник в эти области с запада. Эта встреча

составляет одно из замечательнейших событий в истории полярных исследований, как бы завершая розыски северо-западного пути. Помощь подоспевшая так неожиданно к Мак-Клюру, была как нельзя более кстати, и весь экипаж его, оставив свое судно, перебрался на один из кораблей Бельчера. Отсюда они вернулись в Англию, являясь первыми людьми, прошедшими северо-западный проход целиком. В награду адмиралтейством было выдано 10.000 фунтов капитану и его спутникам.

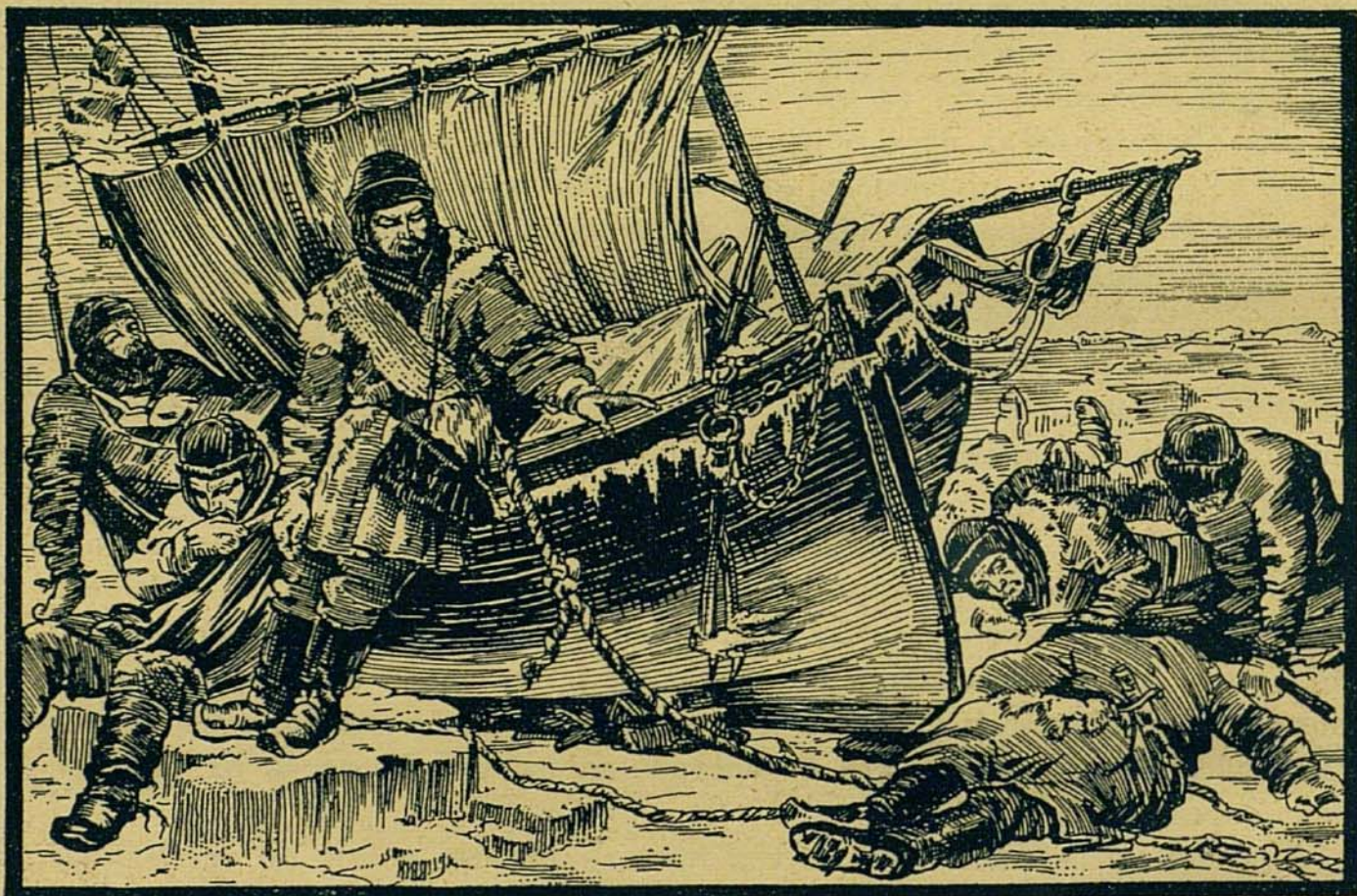
Спасение экипажа Мак-Клора было, однако, единственной заслугой экспедиции Бельчера. Эта экспедиция была снаряжена особенно богато и отправлена на поиски Франклина в составе целой флотилии из шести кораблей. Но один из кораблей затонул, остальные затерло льдами, и Бельчер, по мотивам недостаточно выясненным, счел необходимым покинуть четыре корабля и вернуться в Англию. Здесь он и все капитаны были преданы суду за недостаточно обоснованное оставление кораблей. Суд оправдал всех обвиняемых, и им были возвращены шпаги с выражением полного признания заслуг, кроме одного Бельчера, которому оружие было возвращено молча. Экспедиция Бельчера имела еще замечательное послесловие. Один американский китолов на следующий год увидел среди льдов в проливе Барро судно, которое, не имея на борту ни капитана, ни рулевого, ни матросов, несло одно среди льдин. Оказалось, что это был один из кораблей Бельчера „Резолют“. Китолов привел судно в безопасное место, и оно было возвращено английскому адмиралтейству.

19 дорогих экспедиций оказались бесплодными и не могли обнаружить никаких данных, которые послужили бы к выяснению судьбы Франклина и его спутников. Между тем, прошло уже целых шесть лет, и предположить, чтобы кто-нибудь из экспедиции оставался в живых, было невозможно. Поэтому Франклин и его спутники были вычеркнуты из списков английского флота, как безвестно пропавшие, и поиски их было решено прекратить.

Лишь несколько лет спустя пришли первые вести об экспедиции, найденные случайно и, к сожалению, только подтвердившие предположение о ее гибели. Путешественник Рэ, совершивший по поручению Гудзоновской компании новое путешествие к Бусиэ для географических исследований, встретил эскимосов, от которых он узнал, что несколько лет тому назад весной эскимосы, занимавшиеся охотой на тюленей около земли Кинг Уильям (Короля Вильяма), увидели отряд людей, числом около сорока, тащивших с собой лодку. По виду белые были очень истощены. Знаками они объяснили эскимосам, что их корабль погиб, и что они шли к тем местам, где возможна охота на оленей. У эскимосов, встретивших их, они купили тюленя. Впоследствии эскимосы нашли в разных местах

множество трупов на льду, в палатке и под лодкой на берегу. Рэ нашел у эскимосов много предметов, полученных ими при встрече с белыми. Между прочим, он выменял у них круглое серебряное блюдечко с инициалами Франклина.

Это открытие Рэ лишь утвердило английское общественное мнение в правильности предположения, что вся экспедиция погибла. Сведения Рэ объясняли также неудачу прежних поисков. Все экспедиции искали следов значительно севернее, чем их можно было найти. Замечательно, что только жена Франклина неустанно указывала, что остался необследованным южный угол архипелага около земли Кинг Уильям, как раз там, где следы экспедиции и были найдены.

Гибель экспедиции Франклина.

Адмиралтейство сочло возможным удовлетвориться сообщением Рэ, и последнему была выдана награда в 5.000 фунтов. Но жена Франклина не считала правильным заканчивать на этом поиски. Ведь если уже найдены следы экспедиции, то надо по этим следам идти, и если невозможно спасти участников, то надо спасти хоть результаты экспедиции — найти дневники и записки, и установить точно ее судьбу и ее открытия. На свои собственные средства она приобрела корабль и предложила

Мак-Клинтоку стать во главе экспедиции. Ему удалось благополучно проникнуть до острова Уильяма и обойти его кругом. На берегах этой пустынной земли были найдены лодка экспедиции с двумя трупами и, кроме того, единственный документ, бросающий свет на судьбу экспедиции. Этот документ не что иное, как обычный формуляр, напечатанный заранее на нескольких языках с просьбой доставить его британскому адмиралтейству. Такие формуляры обычно берутся кораблями и, в случае опасности, бросаются в бутылках в море. На нем были две надписи. Одна, с пометкой 28 мая 1847 года, сообщала, что корабли благополучно провели зиму около острова Бичи и, после попытки подняться к северу в пролив Веллингтона, вернулись к острову Корнваллису. На том же формуляре с боков на полях была другая надпись, сделанная год спустя, 25 апреля 1848 года: „Корабли „Террор“ и „Эребус“ покинуты 22 апреля в пяти милях от этого места, после того, как они пробыли в льдах с 1846 года. Офицеры и матросы, общим числом 105 человек, под командой капитана Крозье, высадились здесь на широте $69^{\circ} 37' 42''$ и долготе $98^{\circ} 41'$. Сэр Джон Франклин умер 11 июня 1847 года, и общая потеря людьми по сей день 9 офицеров и 15 матросов. Завтра отправляемся к реке Бэккфиш“.

На основании этого документа и найденных остатков можно было уже точно восстановить судьбу экспедиции Франклина и даже установить причины ее гибели. Было несомненно, что экспедиция покинула корабли слишком рано весной, и что сани ее были перегружены ненужными вещами, которые в большом количестве были найдены у берегов. Это неумение правильно организовать санную экспедицию и было причиной гибели. Ведь Рэ и Мак-Клинток без труда достигли острова Кинг Уильям и благополучно возвратились домой. Все же участники экспедиции Франклина погибли, большинство около острова Кинг Уильям, небольшое количество — около реки Бэккфиш, где было тоже найдено несколько трупов. Несомненно, что никто из них не пережил зимы 1848/49 года. Никаких документов, журналов, дневников, тетрадей найти не удалось. Вероятно, все эти вещи попали в руки эскимосов и были ими уничтожены.

Так закончилась драма экспедиции Франклина, за которой вся Европа следила с напряженным вниманием. Франклин погиб, но цель его была достигнута. В результате неустанных и многочисленных усилий архипелаг Пэрри оказался изученным самым подробным образом, и были найдены не один, а несколько северо-западных проходов. К сожалению, все они оказались непригодными для плавания. Вечные льды не тают в них даже летом, так как в извилистые заливы и каналы не проникает теплая вода, и лед в этом архипелаге движется очень медленно, напоминая собой не столько пловучий лед, сколько движение ледников.

Поиски экспедиции Франклина сосредоточили внимание всего цивилизованного мира на северо-западном проходе, и перед усилиями раскрыть драму, разыгравшуюся на берегах нового мира, потускнела задача обследования северных берегов старого мира, — нужны были усилия мореплавателей новых наций, чтобы вернуть интерес к изучению морей, омывающих север Европы и Азии. А, между тем, как раз здесь в семидесятых годах были достигнуты большие успехи, и знание полярных морей обогатилось такими результатами, как открытие обширного и до толе неизвестного архипелага земли Франца-Иосифа и полное исследование северо-восточного прохода. Первое было осуществлено так называемой „австрийской“ экспедицией Пайера и Вайпрехта, второе совершил шведский мореплаватель Норденшельд на „Веге“.

Австрийская экспедиция своей первоначальной целью тоже ставила исследование северо-восточного пути. Всем было известно, что главная ветвь теплого течения Гольфштрема загибалась вдоль северных берегов Европы и касалась даже Новой Земли, на берегах которой находили плоды морских растений, встречающихся только у берегов Вест-Индских островов, где Гольфштрем берет свое начало. Но как далеко простиралось влияние Гольфштрема к северу и к востоку — никто не знал. А что там могли быть замечательные открытия — это стало ясно после маленького пробного плавания Пайера и Вайпрехта на небольшом суденышке в 40 тонн, на котором они достигли очень высокой широты — $78^{\circ} 43'$, и перед ними вдаль все еще расстиралось совершенно свободное море. К сожалению, небольшое количество взятых припасов приходило к концу, и путешественникам пришлось вернуться назад. Но это их пробное плавание послужило основанием к организации хорошо оборудованной экспедиции, целью которой было идти в направлении течения Гольфштрема севернее Новой Земли на восток, быть может, если удастся, до самого Берингова пролива. В Австрии были собраны для экспедиции значительные средства в 400.000 марок, и для экспедиции был специально оборудован пароход „Тегетгоф“. Запасов было взято на три года. Все участники экспедиции дали подписку в том, что они просят, чтобы, в случае их невозвращения, их не пытались искать. Экспедиция отправилась в июне 1872 года. Но этот год был очень труден для плавания в полярных морях, так как в море имелось много льда. Того места, где в прошлом году Пайер и Вайпрехт видели открытое море, теперь они не могли достигнуть, так как со льдами столкнулись значительно раньше, в таких местах, в которых в обычное время свободно плавают рыбачьи корабли: полоса льдов начиналась на два с половиной градуса южнее, чем в прошлом году. Невдалеке от северных берегов Новой Земли „Тегетгоф“ был со всех сторон окружен льдами, и никакие

усилия не приводили к его освобождению. Вскоре начались страшные натиски льдов, и каждый раз всему экипажу приходилось быть наготове покинуть судно и спастись на громоздящиеся вокруг и ломающиеся льдины. Все надежды на успех экспедиции исчезли, и руководители были уверены, что домой им придется вернуться с пустыми руками. Но мало-по-малу стала тускнеть надежда не только на успех, но и на спасение экспедиции. В течение всей зимы корабль несло льдами все дальше к северу. Надежде освободиться на следующее лето не суждено было оправдаться. Все были в унынии и тревоге, видя, как беспомощный и дряхлеющий „Тегетгоф“ уносился все дальше от земли, в глубь безвестного севера.

Но как раз это беспомощное плавание привело экспедицию к одному из самых замечательных открытий в полярных странах: она натолкнулась на громадную, доселе неизвестную землю. Пайер рассказывает об этом событии:

„30 августа 1873 года был замечательный день. Он принес чрезвычайную перемену в нашей жизни, как бы воскресил нас. Это было около полудня. Мы стояли, прислонившись к борту, и глядели на плывущий туман, сквозь который от времени до времени пробивались солнечные лучи. Вдруг, вдалеке, на северо-западе, завеса тумана раскрылась, и перед нами показались резкие очертания горных вершин, которые через несколько минут превратились в сияющий вид альпийской страны. В первое мгновение мы стояли пораженные, не смея верить глазам. Но сомнений в нашем счастье быть не могло и, охваченные восторгом, мы закричали: — Земля, земля, наконец земля!“.

Корабль был принесен льдинами к самой земле и там остановился. Пользуясь этим, Пайер совершил несколько экспедиций в глубь страны. Самая далекая экспедиция была совершена ранней весной. Для возбуждения интереса в матросах Пайер обещал награду в 1000 гульденов тому, кто достигнет 81°, и 2.500 — достигшему 82-ой параллели. Имея одни большие сани и несколько легких, в сопровождении нескольких матросов с собаками, он отправился прямо к северу. Пайеру удалось достичь мыса Флигели, находившегося за 82-ой параллелью и составлявшего северную конечность острова, названного землей Кронпринца Рудольфа. Но и тут архипелаг земли Франца-Иосифа не кончался, и вдали, к северу и западу, виднелись туманные очертания далеких масс земли. Путешествие Пайера было опасным предприятием. На земле Кронпринца Рудольфа сани с собаками и одним провожатым провалились в пропасть, которая сверху была прикрыта ровным слоем снега, и чуть не увлекли с собой привязанного к ним веревкой Пайера. К счастью, провалившиеся задержались на ледяном выступе стены бездонной пропасти, и их удалось

через несколько часов извлечь. Но самым жутким моментом было, когда на обратном пути к „Тегетгофу“ дорогу преградила полоса свободной воды. Лодки Пайер не имел, и ему грозила опасность остаться отрезанным от корабля. Большими окольными путями удалось обойти свободное пространство воды и опять найти следы своих саней. С тревогой подходил Пайер к берегу, около которого был оставлен „Тегетгоф“. Плавающие льды могли за месяц отсутствия Пайера отнести корабль в море, и тогда ему и его спутникам грозила бы неминуемая гибель. К счастью, оказалось, что корабль попрежнему неподвижно стоял на том же самом месте.

Но состояние „Тегетгофа“ после двухлетней зимовки в льдах было таково, что на плавание на нем нельзя было рассчитывать, даже если бы он освободился от льда. Поэтому решено было покинуть корабль и по льду пробираться к берегам Новой Земли в расчете встретить там какое-нибудь рыбацье судно. С невероятными лишениями и трудностями совершился этот переход. Приходилось по пяти раз возвращаться назад, чтобы перенести все вещи, так что каждый день удавалось пройти весьма мало. Между тем, льды относили экспедицию к северу и часто уничтожали все их усилия продвинуться к югу. К счастью, по дороге было много дичи, и, когда матросы, по примеру Пайера, научились есть сырое тюленьё мясо и ворвань, голода они не испытывали. Путешествие по льду началось 20 мая, и лишь 14 августа экспедиция достигла свободного моря. Но это была уже такая пора года, когда рыбаки торопятся уходить домой, и шансы встретить корабль были незначительны. После двух дней плавания путешественники достигли берегов Новой Земли и плыли вдоль их, с каждым днем все более теряя надежду на спасение; наконец, у мыса Бритвина они наткнулись на два русских судна. Степенные русские бородачи очень сердечно приняли путешественников и досыта накормили всем, что имели лучшего. За особую плату они согласились прекратить свою ловитву и доставили экспедицию в Норвегию.

Северо-западный проход, открытие которого стоило стольких жертв, затрат и усилий, оказался не имеющим никакого практического значения. Это, конечно, не могло вызвать особого энтузиазма к мысли заняться отысканием северо-восточного пути, который всем представлялся и более трудным и далеким. Еще Гудзон верил, что найдет дорогу в Китай к северу от Америки, потеряв надежду войти в Карское море. Но за опасным Карским морем имелась неведомая область Таймырского полуострова и Челюскина мыса. О них имелось свидетельство всего лишь одного человека, Челюскина, который в 1774 году сушей добрался до этого самого северного пункта старой земли и сообщил его очертания географам. Но так как показания Челюскина никем не были проверены,

то еще в середине XIX века русские ученые сомневались в правильности его сведений и даже высказывали гипотезу, что Азия простирается значительно дальше к северу и соприкасается с Новой Землей. Во всяком случае, всем казалось вероятным, что если не суша, то полоса вечного льда связывает мыс Челюскин с Новой Землей. А, между тем, как раз на этом пути человечество ожидала легкая и быстро достигнутая победа, имеющая, быть может, для будущего не только научный, но и значительный практический интерес. Но для достижения этой победы нужна была настойчивость и отвага одного из замечательнейших путешественников — шведа Адольфа Норденшельда.

Норденшельд с молодых лет много плавал по полярным морям. Особенно замечательны были его экспедиции к Шпицбергену, где он исследовал северную часть острова, а затем двукратная поездка по Карскому морю к Енисею. Последние поездки познакомили Норденшельда с условиями плавания по Карскому морю и внушили ему убеждение, что старинная мечта мореплавателей найти путь в Китай вдоль севера Азии не так уж безрассудна.

Прежде, чем составить план путешествия, Норденшельд подробно изучил историю предыдущих плаваний и пришел к следующим выводам. Согласно всем имевшимся сведениям, лед, образующийся зимой у берегов Азии, летом ломается и превращается в пловучие поля, между которыми корабли могут находить себе путь. Почти все путешественники, достигавшие с суши северных берегов Сибири, свидетельствовали, что у этих берегов имеется „полюнья“, т. е. место, не покрытое льдами. Однако, несмотря на то, что и с востока и с запада от Челюскина мыса было в разное время пройдено довольно значительное расстояние, не было еще ни разу сделано попытки пройти весь путь сразу. Объяснялось это тем, что корабли, рисковавшие войти в эти моря, бывали всегда плохо снабжены, так что зимовка грозила им гибелью. Кроме того, мореплаватели не умели пользоваться наиболее удобным временем навигации. Уже с конца июля они искали убежища на зиму, между тем как наиболее удобное для плаваний время — конец лета и начало осени, т. е. август-сентябрь месяцы. Поэтому если снарядить хороший пароход, то можно надеяться, в один или, во всяком случае, в два года пройти все расстояние. Нечего и говорить, что открытие этого пути имело бы громадное значение для торговли и науки. Но если бы даже цель — пройти из Атлантического океана в Тихий — и не была достигнута, то все же каждая новая верста к востоку от устья Енисея была бы открытием для науки. Кроме того, несколько лет правильных, систематических научных наблюдений на далеком, недоступном севере Сибири, особенно во время полярной зимы, дали бы массу ценных материалов, которые сами по себе стоят снаряжения особой экспедиции.

Таков был план Норденшельда. Шведское правительство пошло навстречу планам Норденшельда. В начале 1877 года шведский король пригласил к себе значительное количество лиц, которые могли бы интересоваться этим проектом, и после обеда Норденшельд изложил свой план, который был принят некоторыми сочувственно, некоторыми же весьма критически. Но король и несколько состоятельных лиц решили поддержать его. При их содействии Норденшельду удалось собрать нужные средства, примерно 200.000 рублей. Особенно много помог Диксон, который лично дал около 120.000 рублей, хотя после возвращения экспедиции эта сумма была разделена равномерно между ним, королем и русским купцом Сибиряковым. Для нужд экспедиции был куплен корабль „Вега“, который должен был принять на себя всю экспедицию. Кроме того, „Вега“ должен был сопровождать пароход „Лена“, построенный на средства Сибирякова. Пароход „Лена“ должен был идти только до реки Лены и по пути служить как транспортное и разведочное судно, которое, благодаря своим малым размерам, легче могло бы пробираться среди льдов и находить дорогу. Кроме того, тот же Сибиряков просил Норденшельда взять с собой еще два парохода: „Фразер“ и „Экспресс“, которые должны были идти с европейскими товарами к устью Енисея и оттуда привезти в Европу русский хлеб. Это было очень важно для экспедиции, так как оба парохода не были нагружены полностью и могли взять запас угля для „Веги“ и „Лены“, который те приняли при расставании с пароходами-спутниками. „Вега“ была еще новый корабль, построенный специально для охоты в полярных морях на китов и тюленей. Конечно, корабль был приспособлен для нужд экспедиции, и на нем были устроены помещения для сопровождавших ученых, так что „Вега“ превратилась в пловучую научную станцию. Запасами экспедиция была снабжена на два года.

Плавание „Веги“ сопровождалось исключительным успехом. 21 июля 1878 года экспедиция покинула последний норвежский порт Тромсе. Пролив Югорский Шар был достигнут прежде, чем увидали хоть малейшую льдину. В Хабаровке к экспедиции присоединились пароходы Сибирякова, и 1 августа маленькая эскадра вошла в Карское море, которое оказалось почти совершенно свободным от льда. Первое ледяное поле экспедиция встретила только около Белого острова, но и тут лед был настолько рыхлым, что не представлял никакой трудности для плавания. В гавани Диксона была совершена перегрузка запасов угля, и вслед за тем экспедиция разделилась: „Вега“ и „Лена“ направились дальше в неизвестные моря, а их спутники повернули к югу, к устью Енисея, где благополучно выгрузили привезенные товары и возвратились назад в Европу.

Начиная с 10 августа, экспедиция Норденшельда шла по неизведанным морям. Но плавание совершалось благополучно. Единственное значительное ледяное поле, перегородившее путь, оказалось весьма рыхлым и не помешало плаванью. Большим препятствием были туманы, вследствие которых приходилось соблюдать крайнюю осторожность в путешествии и замедлять путь. Замечательно, что в то время, как Норденшельд впервые плыл по морям, воды которых никогда еще не бороздил корабль, он мог там на этот раз легко встретиться со своим земляком, норвежским капитаном Иогансеном, который на свой страх и риск, просто из любви к приключениям и жажде повидать неведомые страны, совершал маленькую „рекогносцировку“ в этих областях и дошел до того места, откуда уже виднелся берег Таймырского полуострова.

Море, по которому „Вега“ плыла, Норденшельд изображает так:

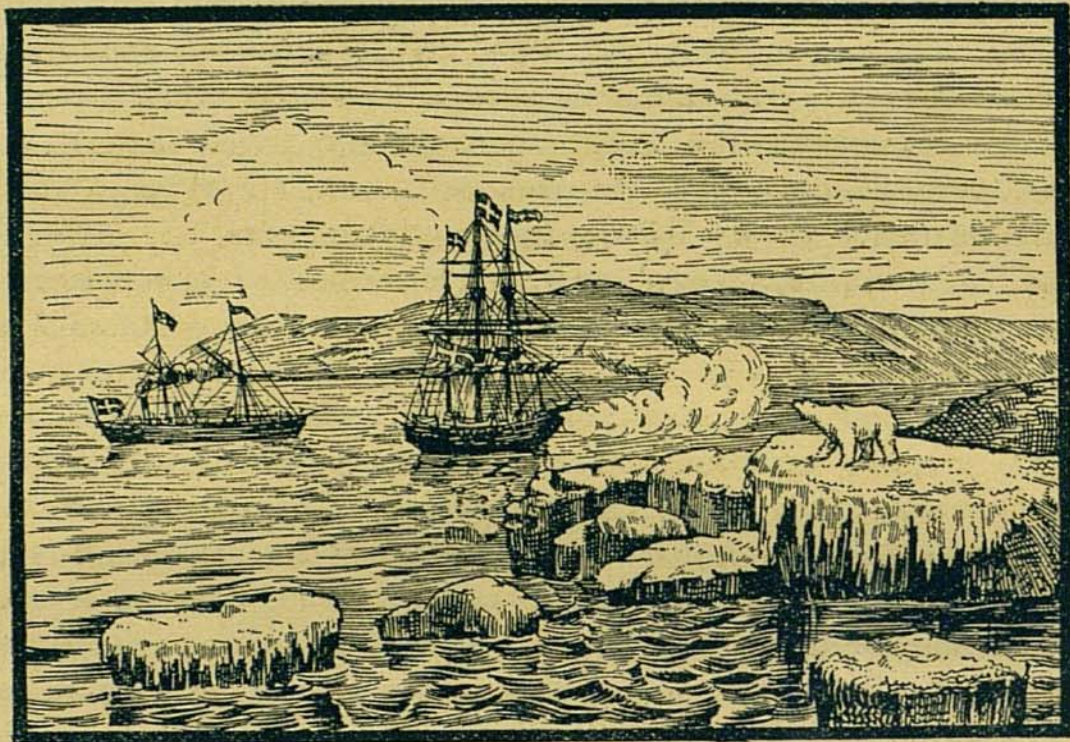
„Лед попадался нам лишь в небольших количествах, да и это был рыхлый лед заливов и рек. Едва ли в течение дня нам встречалась хоть одна льдина, достаточная для того, чтобы на ней мог улечься тюлень. Настоящего старого пловучего льда, какой встречается у северных берегов Шпицбергена, здесь мы не видим вовсе. Другое поразительное отличие Карского моря от моря около Шпицбергена заключается в малом количестве теплокровных животных, которое наблюдается в этих областях, доселе пощаженных охотниками. В течение целого дня мы не видели ни одной птицы — обстоятельство, которого я раньше ни разу не наблюдал во время летних путешествий в полярных областях. Точно так же не было видно ни одного тюленя“.

Но вот наступил торжественный для экспедиции день.

„19 августа мы плыли дальше вдоль берега отчасти под парусами, отчасти на парах, почти все время в густом тумане, который лишь порою настолько расходился, что можно было различать береговую полосу. Чтобы не быть разделенными, оба парохода должны были часто подавать друг другу сигналы свистками. Море было гладко, как зеркало. На пути лишь изредка встречались пловучие льдины, хотя в течение дня мы плыли мимо обширного нераздробленного ледяного поля, стоявшего в бухте, на западном берегу Челюскина полуострова. Лед, из которого состояло это поле, в тумане казался чудовищно толстым и высоким, хотя в действительности он был почти так же изъеден, как лед, образующий те полосы пловучих льдин, которые мы то и дело встречали в море.“

Туман мешал что-либо видеть на море, и я уже опасался, что наиболее северная часть Азии будет так окутана им, что мы не сможем высадиться на берег. Вскоре, однако, на северо-востоке замерецился темный, не покрытый льдом выступ земли. Залив, открытый к северу, врезался здесь в землю, и в нем 19 августа в 6 часов пополудни оба судна бросили якоря.

Таким образом, мы достигли цели, к которой люди тщетно стремились в течение многих веков: впервые корабль стоял на якоре у самой северной конечности Старого Света. Поэтому не удивительно, что это событие было отпраздновано поднятием флагов и пушечным салютом, а после поездки на берег — торжественным пиром, с вином и тостами“.

Норденшельд у мыса Челюскина.

Но ни салюты, ни красивое убранство флагами не произвели впечатления ни на кого, кроме белого медведя, показавшегося было на прибрежных льдинах и быстро скрывшегося при выстрелах. Следов человека путешественники не могли найти нигде. Но все сомнения относительно правдивости рассказов Челюскина были рассеяны: его описание мыса, заслуженно названного по его имени, было правильно и замечательно точно.

Для подробного исследования мыса Челюскина, Норденшельд не имел времени и торопился дальше. Плавание совершалось благополучно, и в ночь с 26 на 27 августа, достигнув высоты реки Лены, „Вега“ рассталась со своим последним спутником, пароходом „Леной“, который, идя вверх по реке, в том же году достиг Якутска. До этого места экспедиция ни разу не была задержана льдами, и Норденшельд высказывал предположение, что такое состояние льдов должно быть каждый год около конца августа. Во всяком случае, он считал доказанным, что наиболее опасное место для плавания не проход около Челюскина мыса, а выход в Карское море у Новой Земли.

Погода стояла прекрасная. Море было свободно. И Норденшельд начинал верить, что ничто не помешает ему достигнуть Берингова пролива до наступления зимы. Еще перед отправлением в путь Норденшельд собрал самые точные сведения от русских и американских моряков, что плавание в этих областях возможно в течение всего сентября месяца. А, между тем, как раз этот путь показал, с какими случайностями всегда приходится считаться во время полярных плаваний.

От устья Лены „Вега“ пришлось пробираться узким каналом между льдинами и берегом; 6 сентября начались уже задержки из-за льдин и полного тумана, а 12 сентября пришлось остановиться и стоять целых шесть дней, так как путь преградил нагромодившийся лед. 18-го числа, все еще уверенная, что этой же осенью можно будет достичь Берингова пролива, экспедиция получила возможность продолжать путь и 28 сентября достигла Колючиной бухты и Чукотского полуострова. Но здесь пришлось остановиться из-за льдов, которые сгромоzdились за несколько часов до прихода „Веги“. В первое время Норденшельд не предполагал ни на минуту, чтобы тут пришлось зазимовать. Но дни проходили за днями, ледяные оковы не расступались, наоборот, в виду морозов стал образовываться свежий лед. И, наконец, пришлось убедиться, что исключительно удачную экспедицию постигла первая неудача: ей пришлось зазимовать буквально у самого порога Тихого океана, зазимовать из-за того, что „Вега“ не успела пройти небольшого числа оставшихся верст несколькими часами раньше: на небольшом расстоянии от ее вынужденной стоянки долгое время виднелся открытый путь на восток.

Лишь через 10 месяцев, летом следующего года, „Вега“ освободилась от ледяных объятий и благополучно вышла в Тихий океан, после чего она совершила триумфальное плавание вокруг Азии и Европы, составляя предмет чествований и оваций во всех странах, куда приходилось заходить по пути.

Таким образом, две основные задачи полярных исследований нашего полушария были доведены до конца. Но зато третья задача — достижение северного полюса — приводила лишь к одной неудаче за другой.

Более всего и дольше всего возлагали надежды на так называемый „американский путь“, через Баффинов залив и канал Смиса. Уже во время поисков Франклина капитан Инглефильд вошел в канал Смиса и обнаружил, что это не залив, как принимали раньше, а длинный канал, ведущий глубоко к северу. Инглефильд высказал предположение, что этот канал ведет к открытому полярному морю, которым можно достигнуть и Шпицбергена, и Берингова пролива.

Это возбудило внимание полярных исследователей. Богатый американец Гриннель дал средства на организацию полярной экспедиции, которая отправилась под командой капитана Кэна. У берегов Гренландии

Кэн посетил наиболее северные эскимосские поселения, и в одном из них к его экспедиции присоединился эскимос Ганс Гендрих, имя которого с той поры неразрывно связано с целым рядом наиболее смелых полярных экспедиций. Он был очень полезен и во время экспедиции Кэна, хотя впоследствии, увлекшись красавицей-эскимоской, встреченной на далеком севере, он, не простившись, сбежал.

Плавание Кэна было полно лишений и испытаний. Корабль был окружен льдами и затонул. Экипажу пришлось на лодках искать себе прибежище на берегу Гренландии, где он зазимовал, делая в течение своего пребывания неоднократные разведки к северу. Один из спутников Кэна, Мортон, достиг при этом $81^{\circ} 22'$ северной широты и, к удивлению, он там в июне месяце нашел совершенно открытое море и очень богатую жизнь по берегам. Это открытие было наиболее замечательным результатом экспедиции Кэна.

Через несколько лет участник экспедиции Кэна, доктор Гэйс, в сопровождении нескольких спутников, в том числе и Мортон, отправился наново искать доступа к открытому морю, которое видел Мортон. Достигнув того места, где их шесть лет тому назад покинул Ганс Гендрих, они нашли его вместе с женой и ребенком и приняли в экспедицию. Гендрих давно уже поджидал корабля, уверенный, что европейцы вернутся снова искать пути к северу. Теперь он очень охотно присоединился с женой к экспедиции. У входа в канал Смиса пришлось зазимовать. На следующий год тоже не удалось пробиться на корабле к северу. Но санная экспедиция дошла до того места, где Мортон обнаружил свободное море. Однако, теперь оно было так покрыто льдом, что сам Мортон не мог узнать местности. Когда же экспедиция проникла еще дальше, то к северу она увидела „темное небо“, как над открытым морем, лед же вокруг был мелкий, как если бы разбитый морскими волнами. Таким образом, и эта экспедиция не опровергла факт существования на севере свободного моря.

Дальнейший шаг в том же направлении суждено было сделать капитану Голлу. Он был гравером по образованию, но увлекся описанием полярных путешествий, сам принял участие в поисках Франклина и провел несколько лет в полярных странах, употребляя в пищу сырое мясо и ворвань. Теперь, услышав о свободном полярном море, он с таким успехом повел агитацию о необходимости достигнуть его, что президент Грант и морской министр Робенсон заинтересовались его проектом, и конгресс отпустил нужные средства. Для экспедиции был приспособлен корабль „Полярис“, и летом 1871 года Голл уже плыл к северу. В Гренландии к экспедиции опять присоединился эскимос Гендрих с семьей.

Экспедиция началась с исключительным успехом. Той же осенью капитану Голлу удалось пройти канал Смиса и Кэна и достичь на „Полярисе“

высоты 82° 16', какой не достигал еще ни один корабль. Но открытое северное море найдено не было. Наоборот, за каналом Смиса шел еще более узкий канал, названный по имени Робенсона. А то, что Гэйс принимал за море, оказалось ничем иным, как новой, неизвестной землей, небо над которой было таким же темным, как и над открытым морем. Капитан Голл хотел было продолжать пробиваться на север среди льдов. Но недостаточная дисциплина на корабле заставила его искать зимовки южнее, где он скончался от сердечных припадков, не поберегшись во время одной из санных экспедиций.

После смерти руководителя экспедиции, конечно, нечего было и думать о продолжении исследований и решено было возвращаться назад. Поэтому, как только в августе месяце следующего года „Полярис“ освободился из льдов, экспедиция поспешила повернуть к югу.

Но корабль был уже недостаточно прочен и имел течь в нескольких местах. Когда по дороге его застигла буря, то положение стало настолько грозным, что пришлось прикрепиться к льдине, на которой начали на всякий случай устраивать убежище и складывать запасы с корабля. И как раз в то время, как часть экипажа находилась на корабле, а часть на льдине, раздался глухой гул, канаты, державшие корабль, лопнули, и „Полярис“, гонимый ураганом, унесся в море, оставляя на льдине 19 человек, в том числе двух эскимосов с женами и детьми. Так как корабль имел сильную течь, то оставшиеся на корабле могли вначале думать только о своем собственном спасении, работая над насосами. Но состояние корабля было уже безнадежным, так что пришлось выброситься на берег. Там из развалин корабля было устроено жилище, и экипаж провел зиму сравнительно благополучно, ни в чем не нуждаясь. Следующей весной из остатков корабля сделали две лодки, плывя на которых, встретились с кораблем и были спасены.

Попав на корабль, они узнали, что их товарищи, оставшиеся на льдине, тоже чудесным образом спаслись. Но тем пришлось значительно труднее. В течение всей зимы они находились на пловучей льдине, которая неслась к югу. Припасов было недостаточно, охота давала мало, несмотря на то, что эскимосы выбивались из сил и не раз спасали экспедицию, добывая дичь. Весною льдина во всех направлениях стала раскалываться, так что ее пришлось покинуть. Но у путешественников была только одна лодка на шесть человек, и на ней пришлось разместиться девятнадцати. Поэтому почти все оставшиеся припасы, постель и запасное платье пришлось оставить на льдине или выбросить по дороге в море, когда бурные волны стали захватывать утлую лодку. Таким образом, то на лодке, то на льдине плыли они 192 дня, пока не оказались в виду Лабрадора. В последние дни у них не было вовсе припасов, и они

питались исключительно тюленьей кожей. К счастью, тут эскимосам удалось застрелить белого медведя, и экспедиция могла несколько подкрепить свои силы. Наконец, вдали показался корабль. Но он не мог видеть погибающих, и вот наступила ночь, полная неизвестности и тревоги. На другое утро корабль был уже ближе, и 19 человек были спасены.

Все последние полярные экспедиции были отправлены молодыми в морском деле нациями — Швецией, Австрией и Америкой. В классической же стране мореплавания, в Англии, со времени поисков Франклина всякие полярные предприятия стали совершенно непопулярными. Все газеты, все общественное мнение было решительно против траты средств на это „бездоходное“ дело. Но успехи других народов, открывших землю Франца-Иосифа, исследовавших северо-восточный путь и все далее проникавших к северу со стороны Гренландии, привели к тому, что и среди англичан стали все громче раздаваться голоса о необходимости „владычице морей“ тоже принять участие в полярных исследованиях. По почину Лондонского географического общества британское правительство приняло решение отправить экспедицию под командой капитана Нэрс, дав ему задачу идти возможно дальше на север, если возможно до самого полюса.

Корабль Нэрс „Алерт“, под командой капитана Маркхэма, проник дальше на север даже чем „Полярис“. Но и Нэрс не обнаружил открытого моря. Наоборот, море оказалось покрытым таким льдом, какого прежние полярные исследователи еще не встречали: чрезвычайной мощности, в виде громадных скал, повидимому, весьма древних по образованию, так что Нэрс назвал их „палеокристическим“ льдом.

Зазимовав у северного побережья земли Гранта, экспедиция организовала ряд рекогносцировок на санях в разные стороны. Наиболее важная экспедиция, под командой капитана Маркхэма, должна была исследовать путь к северу. Маркхэму был дан отряд из 15 человек, сани и две лодки. С чрезвычайными трудностями пробираясь между ледяных скал и гряд, отряд Маркхэма шёл к северу с 3 апреля 1876 года по 10 мая. Но уже по дороге к северу его спутники один за другим стали заболеть. К 10 мая 5 человек было совершенно обессилено, а несколько имели явные признаки цынги. Путь же все время был чрезвычайно тяжелый, и большая половина взятых припасов была уничтожена. Поэтому пришлось повернуть назад, пройдя 110 километров от стоянки корабля и достигнув небывалой северной широты 83° 20'.

Обратный путь оказался еще труднее. К началу июня только шестеро были еще сравнительно здоровы и способны к работе, четверо едва сами могли плестись, а пятерых нужно было везти в санях, и один из них умер в дороге. Весь отряд был на краю гибели, когда его, наконец,

встретила подмога с корабля, посланная навстречу. Только трое могли сами взойти на корабль, остальных пришлось внести.

После этого опыта и Маркхэм, и Нэрс считали себя в праве притти к выводу, что пути к северному полюсу нет. И капитан Нэрс при возвращении домой счел себя в праве в телеграфном сообщении о результатах экспедиции заявить всему миру, что дороги к полюсу нет: „The north pole is impracticable“. Ирония судьбы: северный полюс был достигнут именно на том пути, с которого вернулся Нэрс...

Но ближайшие годы подтвердили, что капитан Нэрс, пожалуй, был прав. Последние экспедиции до Нансена — экспедиция Де-Лонга на корабле „Жаннетта“ и Грили, были особенно неудачны. Обе экспедиции, богато снаряженные Америкой, несмотря на невообразимые лишения и гибель большинства участников, принесли мало результатов и создали чрезвычайную сдержанность к дальнейшим планам полярных исследований.

Экспедиция Де-Лонга была снаряжена Гордоном Беннетом, издателем большой американской газеты „New York Herald“, уже заслужившим благодарность мира географов организацией экспедиции Стэнли в Африку на поиски Ливингстона. Теперь Гордон Беннет стал носиться с мыслью об организации полярной экспедиции. Подходящим руководителем явился Де-Лонг, который уже раньше принимал участие в исследовании Гренландии. Богатый меценат и полярный исследователь Аллен Юнг согласился продать свою испытанную в плаваниях яхту „Пандору“, которая была перестроена и получила новое имя „Жаннетты“. Этому имени, благодаря Нансену, суждено было сделаться впоследствии одним из самых громких имен в истории полярных исследований.

Де-Лонг, собираясь к северному полюсу, в сущности, не имел точного плана. Даже в разгаре сборов экспедиции он все еще колебался, каким путем ему лучше идти — вдоль западного берега Гренландии, вдоль ее восточного берега, или же, наконец, через Берингов пролив. После некоторых колебаний и совещаний с полярными авторитетами, он выбрал последний путь. Не малую роль в этом решении сыграло то обстоятельство, что как раз в это время весь цивилизованный мир был в волнении из-за неизвестности судьбы Норденшельда, и Де-Лонг решил идти ему навстречу.

Плавание „Жаннетты“ началось летом 1880 года. Первым делом Де-Лонг посетил место зимовки „Веги“ и там от местных жителей-чукчей узнал, что „Вега“ уже вошла в Тихий океан. Поэтому Де-Лонг повернул курс корабля и направил его прямо на север. Все его надежды основывались на рассказах моряков-китоловов, что в этой части моря льды движутся к северу, и поэтому Де-Лонг смутно надеялся достигнуть высоких широт.

Но льды встретились очень скоро и на низкой широте. „Жаннетта“ смело врезалась в пловучий „пак“ и продолжала прокладывать себе путь. Однако, льды все сгущались, и к 6 сентября пришлось остановить машину, так как продвигаться дальше стало невозможно. В виду небольшого островка Геральда „Жаннетта“ окончательно замерзла в пловучем ледяном поле и, уже не по своей воле, увлекалась к северу движением льда. Вначале Де-Лонг еще надеялся, что рано или поздно ему удастся освободиться, что сентябрьские бури разломают льды, или что „бабье лето“ растопит их. Но все напрасно: зима приближалась, а „Жаннетта“ беспомощно сидела во льдах.

Несмотря на общее удовлетворительное состояние судна и всего экипажа, Де-Лонг сразу начал терять веру в успех экспедиции, и в своем дневнике он жалуется, что ему придется вернуться в Америку ни с чем, так как избранный им путь оказался самым неподходящим для движения к северу. Но вот начались натиски льдов на корабль. Положение становилось все тревожнее, и в своем дневнике Де-Лонг пишет:

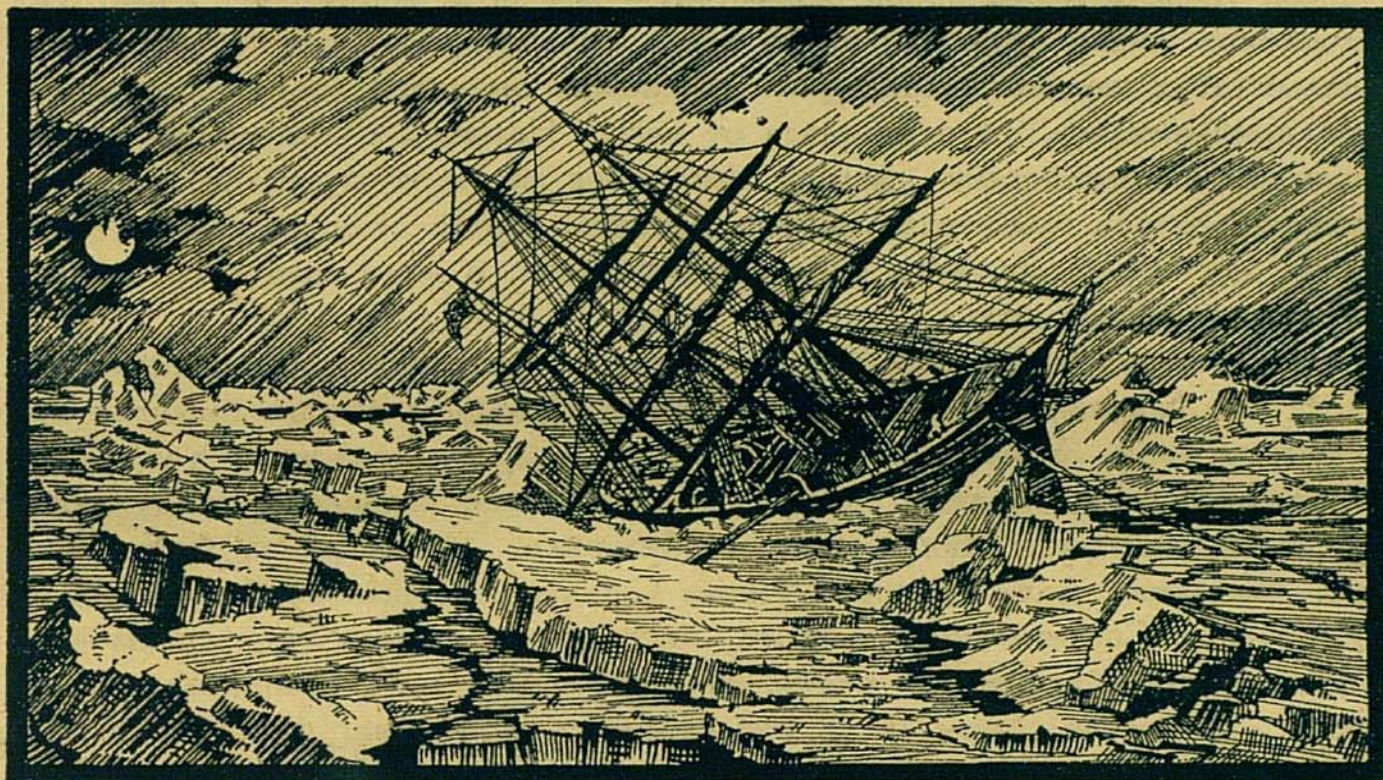
„Попытки быть поэтичным в описаниях арктической жизни весьма похвальны, но я могу оставить это в стороне. Я слишком остро ощущаю, что мы находимся в критическом положении, чтобы писать хладнокровно о красотах ледяного ландшафта. Я могу только отметить, что пловучий лед — место, не соответствующее кораблю, и, как бы ни было здесь красиво с точки зрения художника, я могу всем сердцем желать только одного — быть отсюда подальше“.

Со второй половины зимы на корабле от сильных давлений льда появилась значительная течь. Все средства починить корабль не давали результата, воду все время пришлось откачивать, и не только ручными насосами, но главным образом паровым, для чего пришлось тратить много драгоценного угля. С января месяца началось непрерывное откачивание воды, продолжавшееся и днем и ночью в течение 17 месяцев, при чем попеременно действовали насосы паровой, ручной и, наконец, еще ветряный, приводимый в движение ветряной мельницей. Иногда течь значительно уменьшалась, иногда она становилась сильнее, но не прекращалась ни на минуту. Этим судьба экспедиции была решена. Во всяком случае, речь могла идти уже не о дальнейших исследованиях, а только о возвращении домой.

„Никаких результатов, только корабль с течью!“ горестно восклицал Де-Лонг.

Относительно возврата он не беспокоился, уверенный, что летом корабль выберется из льдов. Но прошел июнь, июль, август — корабль всплыл на короткое время, но кругом было непреодолимое ледяное поле. И вот началась вторая зима, еще более страшная и беспокойная. А, меж-

ду тем, лед двигался все дальше к северу, и возможность спастись все отдалялась. Положение корабля становилось все хуже, и, наконец, после 21 месяца плавания во льдах, „Жаннетта“ была окончательно раздавлена напором льдин, и 11 июня 1882 года она пошла ко дну.

Гибель „Жаннетты“.

Весь экипаж, значительная часть припасов, а также сани и лодки были спасены на лед. И экспедиция направилась по льду к устью реки Лены, таща за собой лодки и припасы. Движение затруднялось тем, что несколько членов экспедиции были больны, в том числе капитан корабля, с первых же месяцев полярного плавания заболевший глазами, так что ему пришлось несколько раз делать операцию и долгое время содержать в полнейшей тьме. Кроме того, многие члены экспедиции испытывали свинцовое отравление от консервов, повидимому томатов, сок которых раз'едал металлические банки и постепенно отравлял путешественников. К довершению всего, в экспедиции существовало убеждение, что употребление воды, имеющей хоть небольшую долю солености, очень опасно и влечет за собой цыngu. На корабле все время употребляли дистиллированную воду. Теперь же о дистилляции, конечно, не приходилось и думать, и это действовало тяжело на моральное состояние людей, привыкших к мысли об опасности недистиллированной воды.

Путь по льдам оказался очень трудным. Приходилось тащить тяжелые нагруженные лодки через льдины, нагроможденные в холмы, гряды и

торосы. Иногда в течение целого дня продвигались всего 2 мили. Итти приходилось по несколько раз взад и вперед, перетаскивая часть вещей и возвращаясь за остальными. Шли усталые, сонные, голодные, промокшие от сырости и тумана и не раз проваливаясь в воду. Наконец, 11 июля, увидели перед собой неизвестную землю и направились к ней. Но движение льдин относило их то назад, то в сторону, так что в течение целых двух недель экспедиция безуспешно пыталась достичь острова и то приближалась, то отдалялась от него. Наконец, с величайшими трудностями и опасностями удалось выбраться на твердую землю. Новооткрытый остров был назван именем Беннета. Кроме птиц, на нем не было дичи, но зато было много яиц, много топлива, в виде наносного дерева, и чистая, свежая вода.

Отдохнув несколько дней на острове, пустились в дальнейшую дорогу по направлению к островам Новая Сибирь и вскоре достигли открытого моря. Утомительный переход по льду был закончен, и началось плавание на трех лодках, команду над которыми разделили между собой Де-Лонг, лейтенант Чип и инженер Мельвиль. Несмотря на бурное море, плавание вдоль островов Новая Сибирь совершалось благополучно. Достигнув Семеновского острова, экспедиция считала себя спасшейся. Здесь удалось застрелить оленя, на берегу было много топлива, имелась вода. До устья Лены было уже недалеко, и Де-Лонг был уверен, что экспедиции удастся быстро достичь сибирских поселений. Но в ту же ночь, когда покинули Семеновский остров (12 сентября), в море их застигла буря, и лодки потеряли друг друга. Де-Лонгу удалось достигнуть земли. Но берег был настолько мелкий, что лодка остановилась уже на расстоянии полутора версты, и земли пришлось достигать вброд. Высадившись, партия Де-Лонга имела запасов всего на 4 дня. Местность оказалась чрезвычайно пустынной и неприютной — сплошная тундра, в которой ноги проваливались и часто вязли по колено. С неописуемыми лишениями, страдая от голода, холода, недосыпания, имея трех калек, которые лишь с величайшим трудом двигались сами, но ничего не могли нести, шел караван Де-Лонга среди тундр дельты Лены. К счастью для них, бывший с ними в качестве повара русский Алексей застрелил сперва двух оленей, потом еще одного оленя. Это значительно поддержало силы путников. Но дальше дичь исчезла, запасы кончились, и, начиная с 6 октября, они имели только спирт, глицерин и кожаные платья — это все, чем они могли поддерживать свои силы. С того же дня началось вымирание каравана. Тогда Де-Лонг отправил двоих наиболее сильных матросов вперед за помощью. С ружьем, одеялами и двумя унциями спирта отправились Ниндеман и Норос в путь, между тем как остальные 12 человек остались ожидать их. Но дни проходили за днями, помощь

не появлялась, силы таяли, так что путешественники уже не были в состоянии оттаскивать трупы умерших товарищей. На последних страницах дневника Де-Лонг отмечал только число и называл имя очередного умершего. Последняя запись от 30 октября сообщала, что двое умерло, а третий умирает. Вероятно, в тот же день умер и Де-Лонг вместе с врачом и поваром-китайцем, — они трое были найдены несколько поодаль от остальных товарищей.

Лодка под командой Чипа исчезла, и никаких следов ее найдено не было. Лодка же с Мельвилем достигла берега, где путешественники натолкнулись на селение туземцев. Спаслись также Ниндеман и Норос, найденные туземцами в страшно бедственном состоянии. Питаясь в пути гнилой рыбой, оба они заболели и не могли идти. Встретившись с туземцами, они первым делом стали убеждать тех идти на помощь оставшимся. Но, не зная языка, они не могли объясниться, и, несмотря на все их мольбы и слезы, их повезли на юг, к селению. Там они встретились с Мельвилем, которому рассказали о положении оставшихся товарищей. Мельвиль, имея отмороженную ногу, первым делом пустился на поиски и не прекращал их до тех пор, пока не исчезла всякая надежда, что кто-нибудь из партии Де-Лонга мог еще оставаться в живых. Но и после этого Мельвиль оставался в Сибири и продолжал поиски. Лишь весной он нашел лагерь Де-Лонга. Дневники, журналы, записки — все было найдено в неприкосновенности и было опубликовано вдовой Де-Лонга.

Трагический конец экспедиции Де-Лонга не был еще известен, как из той же Америки была снаряжена другая экспедиция в северные области, так называемая „экспедиция к заливу Леди Франклин“, под начальством лейтенанта Грили.

Основной задачей экспедиции была организация приполярной научной наблюдательной станции. По мысли Вайпрехта, усилиями многих государств были организованы наблюдательные станции на возможно более северных пунктах земного шара для того, чтобы вести наблюдения по одинаковой программе и, таким образом, составить ясную картину атмосферических условий приполярных стран.

Одну из таких станций, и притом наиболее северную, должна была составить экспедиция Грили. В 1881 году она была на корабле „Протей“ доставлена через канал Смиса в гавань Открытий, где был устроен дом и склад припасов. Это самое северное в мире селение получило название форта Конгер. Корабль, выгрузив экспедицию, немедленно вернулся назад с тем, чтобы на следующий год вернуться с новыми припасами и сменой людей.

С первых же дней в экспедиции Грили начались неприятности личного характера, и один из участников вернулся вместе с кораблем, а другой

должен был тоже отправиться, но опоздал на корабль и вынужден был остаться в качестве постороннего лица, не подчиненного главе экспедиции.

В общем первая зимовка прошла благополучно, и весной были приняты довольно большие экскурсии в разные стороны для исследования мало известных областей севера Гренландии, земли Гринелля и Гранта. Самая значительная рекогносцировка была направлена к северу и состояла из лейтенанта Локвуда, сержанта Брэнара и эскимоса Христиансена. Им удалось на санях и собаках достигнуть северной конечности Гренландии на широте $83^{\circ}24'$, что на несколько минут превосходило широту, достигнутую Маркхэмом.

Но вот лето близилось к концу, а „Протей“ все не появлялся. Однако, припасов было еще довольно, и вторая зима была проведена вполне благополучно. Но так как экспедиция не была рассчитана на такое долгое время, то было решено, что если „Протей“ не появится и на следующий год, то экспедиция отправится на лодках навстречу к югу. С января месяца для этого стали уже делаться приготовления и устанавливаться склады припасов на предстоящем пути.

Но „Протей“ не появился и в следующем году, и состояние льда в проливе было таково, что нельзя было и ожидать его появления. Поэтому 9 августа экспедиция оставила форт Конгер и отправилась на юг, покидая на месте зимовья значительные склады топлива и пищи. С собою взяли припасов на 40 дней, и, кроме того, по дороге было заготовлено на 20 дней.

Отступление экспедиции совершалось сперва на паровом катере и на трех лодках, которые шли на буксире; но уже с первых дней довольно часто дорогу преграждали льды, которые не раз грозили раздавить хрупкие лодки. В течение двух недель все же прошли свыше 300 миль, достигнув южного выхода канала Смиса. Но тут льды окончательно окружили маленький караван лодок, и дальше пробиваться стало невозможно. После двухнедельного бесплодного ожидания, паровой катер и две лодки пришлось оставить и отправиться с одной лодкой и санями по льду к ближайшему берегу. После нескольких дней изнурительного пути экспедиция достигла мыса Сабин, где, в виду позднего времени, пришлось зазимовать. Тут из оставленного на берегу письма Грили узнал, что „Протей“ два месяца тому назад затонул, раздавленный льдами. Так как капитан „Протея“ сообщал в письме, что им будет сделано все возможное, чтобы отыскать экспедицию, то Грили решил остаться у мыса Сабин и не двигаться дальше, ожидая помощи. С небольшими запасами, которые у него еще имелись и которые были найдены на месте крушения „Протея“, а также в депо, оставленных в разных местах на берегу прежними экспедициями, и пополняя эти запасы охотой, Грили

рассчитывал продержаться зиму. Жилье было построено из льда и камней, а крышей ему служила лодка и парусина, насланная на поперечные палки.

При отсутствии достаточной пищи, одежды и топлива, зима оказалась чрезвычайно тяжелой. Начались болезни от истощения и цынги; с января месяца члены экспедиции один за другим начали умирать, при чем одной из первых жертв оказался герой экспедиции лейтенант Локвуд. Экспедиция рассчитывала, что ранней весной ей удастся переправиться на берег Гренландии, а оттуда вдоль берега достигнуть ближайшей колонии. Но для этого у нее не хватило сил, и она осталась на лето около места зимовки, питаясь только тем, что давала охота. Между тем, силы так слабели, что охотиться было трудно, и в последнее время пищей служили улитки, которых Брэнар собирал на морском берегу, а потом кожа от спальных мешков, обуви и снаряжения. Наряду с этим все учащались ссоры, даже между офицерами доходило до чрезвычайно острых столкновений, действовавших крайне деморализующе на весь экипаж. Начались упреки в том, что пища раздается неправильно и неравномерно. Наконец, дошли до того, что стали замечать систематические покражи с естных припасов. После сурового предупреждения Грили пришлось отдать приказ расстрелять одного матроса, который был неоднократно уличен в краже. При обыске у расстрелянного было найдено значительное количество тюленьей кожи — предмет, которым питались в последнее время. Другой моряк, которого тоже подозревали в воровстве, вскоре умер, и Грили думает, что его смерть была ускорена впечатлением, которое на него произвела казнь товарища. Но перед смертью своей он писал: „Куски тюленьей кожи и языков были найдены на койках доктора и Бендера (недавно умерших), и это показывает, как бесчестны были они. Хотя Генри (расстрелянный матрос) утверждал, что я с'ел кусок тюленьей кожи, но я, умирающий человек, отрицаю это; я с'ел только свои собственные сапоги и пару старых штанов. Я чувствую, что быстро приближаюсь к смерти, но я хотел бы, чтобы она наступила еще скорее“.

Утверждение относительно доктора было, конечно, выдумкой; оно только свидетельствовало о моральной атмосфере экспедиции. Но было установлено, что доктор принимал одуряющую настойку спорыньи, и это ускорило его смерть.

К половине июня из 26 человек оставалось в живых всего 7, и притом только двое из них еще были способны с трудом держаться на ногах, остальные же неподвижно лежали в своих мешках и ожидали неминуемой, неотвратимой смерти. Ночью 22 июня Грили слышался свисток со стороны моря. Слабым голосом он спросил Брэнара и Лонга, единственных, кто мог еще ходить, не пойдут ли они посмотреть на берег. Те ответили, что попытаются сделать, что могут, и поплелись. Но Брэнар

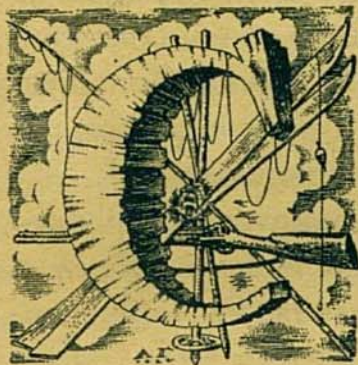
тотчас вернулся и самым решительным образом заявил, что ничего не видать, но что Лонг пошел дальше поправить флаг бедствия, который свалился. Отчаяние опять воцарилось в палатке умирающих, как вдруг Грили услышал незнакомый голос, зовущий его по имени. Неописуемая радость охватила всех, кто был еще в сознании. И тут же последний глоток спирта, оставшийся от запасов, был отдан наиболее слабому из больных. Остатки экспедиции Грили были спасены. Но один из них умер еще в Гренландии. Это был Элисон, с отмороженными руками и ногами, который калекой был доставлен уже к месту последней зимовки и там все время получал двойную порцию пищи, хотя положение его было явно безнадежным.

Таким образом, за продвижение всего на несколько миль дальше к северу было уплачено жизнью двадцати смелых людей. Сведения об этой экспедиции, вместе с сообщениями относительно судьбы капитана Де-Лонга, показали всему миру, что дальнейшие полярные исследования стали бесцельными. Все пути были испробованы, и всюду концом была неудача. Поэтому, можно сказать, к середине 80-ых годов вопрос о полярных экспедициях вообще был снят с очереди и, во всяком случае, не мог рассчитывать на серьезное внимание мира ученых и мореплавателей.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ НАНСЕНА

Пра-пра-прадед Нансена. Сторе-Френ. Первые „экспедиции“. Лыжи. Прогулки по Нордмарку. На „Викинге“. Полярное море. Среди льдов. Научные достижения.

КАЛЫ И МОРЕ и, как результат борьбы этих двух стихий, фьорды, врезающиеся в скалы, и скалистые мысы, выступающие в море, — вот западный берег Скандинавского полуострова, населенный норвежцами. Но море здесь не только враг. Море для норвежца — и верный друг, и заботливый хозяин. Иные страны, находящиеся так же далеко на севере, как Норвегия, имеют пустынную природу, замерзшую почву, замерзающее на долгое время море, которое, даже летом, покрыто пловучими льдами. Но в Норвегии около берегов льда почти не знают, и ее климат значительно теплее, чем в других странах на той же высоте. Происходит это потому, что море несет с юга теплое течение, Гольфштрём, которое согревает страну. Море не только греет, но и питает норвежца. Уже древние викинги умели бороздить моря на своих хрупких лодках и пошаривать по берегам соседних стран, неожиданно появляясь и так же быстро исчезая. Теперь же мы встретим норвежские рыболовные, китобойные и тюленепромышленные суда во всех доступных областях арктических морей, а когда здесь стало тесно — они показались и у моря, окружающего южный полюс. Поэтому неудивительно, что норвежцы любят море... И даже те из них, кто сам никогда не плавал по морям и всю жизнь не покидал суши, все же не могут чувствовать себя чуждыми морю, ибо кто-нибудь из предков, а зачастую и целый ряд их, жил на море и морем.

Фритьоф Нансен не составлял в этом отношении исключения. Один из его далеких предков, датчанин Ганс Нансен, был знаменитым в свое время путешественником, совершившим, одним из первых, плавание в Белое море. Ганс Нансен был не только практиком-мореплавателем, но усиленно занимался теоретически, читал множество географических книг и даже составлял себе из них выписки, так что в результате получился весьма замечательный сборник всевозможных сведений по физике, астрономии, географии, хронологии и пр. В результате, перечитывая свои выписки, Ганс Нансен пришел к выводу, что и другим было бы полезно

иметь под руками эти сведения, и он выпустил в свет свои записки в виде об'емистой книги. Конечно, многое в его взглядах современному читателю кажется наивным и диким; например, гром и молнию он объясняет тем, что солнце впитывает в себя сернистое вещество земли, которое смешивается с водяными парами туч и под воздействием солнца воспламеняется. Но многие сведения, особенно из области географии, поражают своей правильностью и точностью. Поэтому не удивительно, что книга, впервые изданная в 1633 году, надолго пережила автора и стала настольной для норвежских и датских моряков. Еще при жизни автора она выдержала четыре издания, и значение ее и интерес сохранились до последнего времени — так, семья Нансена приобрела один экземпляр этой книги с такой надписью на ней: „Книга эта приносит очень большую пользу мореплавателям. Оле Бергерсен Лас. 1841 г.“ Таким образом, целых два столетия книга казалась морякам полезной и современной!

Жизнь Ганса Нансена была полна происшествий и драматизма. В сороковых годах своей жизни он покинул морское ремесло и был избран в городской совет Копенгагена, сперва членом, потом одним из 4 бюргермейстеров и, наконец, первым бюргермейстером. В беспокойное время постоянных войн он не остался вдали от политики и не раз проявил изумительную решимость и энергию, например, при защите города Копенгагена от нападения неприятеля. И биографы Фритьофа Нансена не могут не указывать на очень значительные черты совпадения между мужественным датчанином и его знаменитым пра-пра-правнуком.

Значительно меньше общего можно найти между характером Фритьофа Нансена и его отца. Небольшой, худенький, честный, строгий, трудолюбивый, прилежный, Балдур Нансен был заурядным юристом со сравнительно скромной практикой, не особенно одаренным, совершенно чуждым какого-либо интереса к спорту, к путешествиям и движению. Но одну черту все же Фритьоф Нансен унаследовал от отца: чрезвычайную тщательность в разработке каждой идеи, ту мелочность и педантичность, которая, как мы увидим, составляла сильнейшую сторону при разработке его планов. Больше черт сходства унаследовал Нансен от своей матери, происходившей из знатного рода баронов Ведель Ярлсберг. В молодости она страшно любила спорт и отдавалась ему со страстью, которая решительно шокировала ее родных, — в то время увлечение спортом не было распространенным, и традиции знатных семей не допускали этого низменного занятия. Особенно увлекалась она лыжным спортом, а это тогда всем казалось не женским делом и почти неприличным для молодой девушки из аристократической семьи. В первый раз она вышла замуж против воли своих родителей за сына булочника, почти порывая со всеми родными. Выйдя вторично за Балдура Нансена, она в

домашней жизни была примерной, энергичной, заботливой хозяйкой, из тех, которые знают каждую тряпку, каждый уголок во всем доме от подвала до чердака.

После свадьбы родители Нансена переселились в имение Сторе-Фреен, неподалеку от Христиании. И там, 10 октября 1861 года, увидел свет Фритьоф Нансен.

Местность вокруг имения была красивая, здоровая. Деревенская жизнь, домашние животные, прекрасные склоны гор для лыж зимой, со всех сторон лес, а на расстоянии 3 километров школа в Христиании, куда приходилось потом ежедневно ходить пешком. Первые экспедиции Нансена были по двору и окружающему лесу, но уже тут, еще всего только пяти лет от роду, Нансен имел первое „столкновение“ со льдами: свалился на кучу льда на дворе и так неудачно, что все лицо оказалось залитым кровью. Потом круг его достижений расширился, и начались настоящие „морские приключения“ — в речке, протекающей по соседству, в которой пришлось не раз выкупаться не только вольно, но и невольно. Одно из „приключений“, память о котором сохранило семейное предание, — рыболовный крючок, вцепившийся в губу мальчика. Вытащить было нельзя, но мать не растерялась и сделала ножом надрез на губе и извлекла крючок. При этом ни мать, ни сын не вздрогнули и не моргнули.

Первые охотничьи упражнения были тоже неудачны. Многочисленные белки никак не хотели попасться под стрелы самодельного лука, которыми их старались настичь Фритьоф со своим братом. Но Фритьоф не унывал — и смастерил себе целую пушку, стрелявшую настоящим порохом. С нею он возился до тех пор, пока пушка от слишком сильного заряда не разорвалась в клочки, а крупинки пороха залезли под кожу на лице „артиллериста“, и матери опять пришлось делать операцию с извлечением их.

Посещение школы расширяло горизонт и вместе с тем служило и значительным физическим упражнением: школа находилась в трех верстах, и поэтому каждый день приходилось делать не менее, чем шестиверстную прогулку, а летом, когда Нансен и после обеда ходил купаться с товарищами, — это составляло уже 12 верст, не считая прогулки помимо школы.

Страсть Нансена к лыжному спорту началась рано. Первые лыжи были не лучшего сорта — они были стары и даже не одинаковой длины. Но друг отца Нансена, типограф Фабриций, как-то увидел мальчика, с трудом справлявшегося с этими лыжами, и имел неосторожность в шутку пообещать ему новые лыжи. Обещание это запало в ум мальчика. И как только опять наступила зима, Фритьоф при каждой встрече стал допрашивать Фабрициуса, когда же тот, наконец, исполнит обещание и подарит лыжи. И вот настал торжественный день. Сестра Фритьофа

вручает ему какой-то длинный-длинный пакет, полученный через посыльного. Нансен, трепеща, разворачивает, и перед его взорами блистает пара прекрасных лыж, покрытых красным лаком, с черными полосами, и палка с трензелем и ухваткой. С тех пор Нансен стал делать большие успехи в беге по снегу, и эти лыжи служили ему верой и правдой в течение целых десяти лет.

В пользовании спортом мальчикам в семье Нансена была предоставлена полная свобода. Но поблизости был один очень крутой, отвесный и опасный спуск; и лишь с этой кручи детям было строго-на-строго запрещено скатываться, хотя взрослые и опытные лыжебежцы не боялись спускаться с нее. Фритьоф однажды долго присматривался, потом попробовал спуститься с половины ската и, наконец, взобравшись наверх, покатился стремглав вниз. Скорость бега была так велика, что Нансен потерял управление лыжами, и, в результате, они воткнулись носами в снег, а сам Нансен, описав в воздухе дугу, головой вниз полетел с такой силой в сугроб снега, что голова его коснулась земли, в то время как на поверхности торчали только концы ног. Все, присутствовавшие при этом прыжке, затаили дыхание, в полной уверенности, что Нансен сломал себе при падении шею. Но вот торчащие из снега ноги начали шевелиться и болтаться. Дружными усилиями товарищей и под всеобщий хохот — с верху холма до самого низа — Нансен был извлечен из сугроба.

Но вскоре Нансен настолько наловчился, что стал даже получать премии за бег на лыжах, и этот вид спорта на всю жизнь остался для него излюбленным.

Несмотря на то, что семья Нансена нужды не знала, дети воспитывались в спартанской простоте и бережливости. До сравнительно позднего возраста Нансен получал всего только 50 оре (25 копеек) карманных денег в месяц, да и то ему приходилось давать очень строгий отчет, на что эти деньги были израсходованы. Но и в самом характере Нансена было нечто спартанское. Так, однажды, когда ему исполнилось 8 лет, поблизости была ярмарка, и он с братом получил довольно значительную для них сумму с правом истратить деньги на ярмарке по своему усмотрению. А на ярмарке, не говоря о разных аттракционах и представлениях, были горы печений, сладостей и других заманчивых вещей. Но, к удивлению родственников, мальчики вернулись домой с ярмарки, нагруженные только... инструментами, которые они себе купили. Тогда, в награду за благоразумие, им была подарена такая же сумма, и, только успев пообедать, мальчики побежали опять на ярмарку и купили еще инструментов, а на оставшиеся несколько копеек купили себе по булочке!

Любознательность мальчика проявлялась с каждым днем сильнее. Иногда она приводила к довольно-таки рискованным опытам. Однажды,

когда в доме впервые появилась швейная машина, Нансен так заинтересовался ею, что, пользуясь отсутствием матери, смело принялся за работу. Можно себе представить ужас хозяйки, когда она увидела, вместо машины, бесформенную груду разрозненных частей... Но Нансен, если верить семейному преданию, не раньше успокоился, чем собрал машину и снова привел ее в полный порядок.

Такая любознательность не всегда сходила гладко с рук. Однажды, Фриттьоф с братом раздобыли где-то ящик с веществами для изготовления фейерверка и на чердаке принялись за дело, пустив в ход фарфоровую ступку, занятую у хозяйки под условием самого осторожного обращения с посудой. Ступка была тотчас наполнена разными веществами. Но вдруг в нее попала случайно искра. Пламя взвилось до самого потолка деревянного чердака. В ужасе экспериментаторы схватили ступку и выбросили ее через окно, сами же вымазали лица сажей и растянулись на полу, якобы впад в бесчувственное состояние, чтобы старшие приняли их за „пострадавших“ и не так сильно сердились.

Местность около имения Сторе-Фреен была как нельзя более подходящей для воспитания будущего путешественника и неутомимого исследователя. С одной стороны, в трех верстах громадный город, столица страны Христиания, со своими школами, библиотеками, культурной и научной жизнью. С другой стороны, „Нордмарк“ — пустынный, дикий норвежский лес, простирающийся на десятки квадратных километров, лишенный каких-либо дорог, кроме узких тропинок для туристов и любителей первобытной природы, без единого жилища, гостиницы или отеля. Высокие скалы и обрывы, поросшие лесом, вечная тишина, нарушаемая только голосами птиц и журчаньем горных ручьев... Какой простор для фантазии ребенка в ту пору, когда величайшим героем и другом является Робинзон Крузо! И как тянет туда, несмотря на запрет родителей! Хоть бы краем пройти в ближайшее селение Сокерталь! И вот, еще ребенком, Нансен совершил свою первую экспедицию. О ней он рассказывает сам такими словами:

„Во время моего первого географического исследования я не проявил особого мужества, хотя путешествие простиралось не далее Сокерталя.

Мне было тогда лет 10-11, и в Сокертале жило несколько ребят, с которыми я тогда дружил. Они не раз просили моего брата и меня зайти к ним. Однажды, в июньский день, мы сидели у крыльца, и вдруг нам в голову пришла мысль, что именно теперь самое время исполнить просьбу наших друзей. Внутренний голос говорил нам, что надо было бы спросить разрешения матери и отца, но тот же голос предостерегал, что такое разрешение нам ни за что не будет дано. Кроме того, родители отдыхали после обеда, и мы не стали их будить, а если ожидать, пока

они проснутся, то будет слишком поздно. Поэтому мы двинулись в путь, не спрашивая разрешения. В начале дорога была нам известна, и мы благополучно достигли ближайшего селения. Но там дело пошло хуже; мы, однако, спрашивали прохожих и шли, таким образом, сперва к церкви в Сокертале, а затем к имению, где жили наши товарищи. Когда мы пришли туда, было уже 7 часов вечера, тем не менее, нам надо было еще поиграть с друзьями, потом отправиться в сарай на сено, а затем немного половить рыбу. Но мы никак не могли настроить себя на веселье: нас отчаянно грызла совесть, и мы с трудом могли выдержать полчаса. Наконец, мы отправились домой, и душа у нас так ушла в пятки, что долгий обратный путь оказался еще труднее. Мы до крови истоптали ноги и представили печальное зрелище для тех, кто видел нас, как, наконец, в 11 часов вечера мы достигли усадьбы. Уже издали мы увидели, что прислуга была на ногах и, очевидно, искала нас. Тут мы совсем пали духом. Когда мы вынырнули из-за угла, нам повстречалась мать. „Это вы, дети?“ спросила она. „Ну, теперь начнется“, подумали мы: „Где же вы были?“ спросила мать. „Да так, мы просто сходили в Сокерталь“. Теперь то нам зададут! Но мать, к нашему изумлению, только сказала: „Что за странные вы, однако, дети!“ И слезы появились на ее глазах.

Подумать только, ни единого дурного слова! — Подумать только: итти в постель с израненными ногами и не услыша ни одного дурного слова!

И, странным образом, через несколько дней нам было позволено опять сходить в Сокерталь. Уж не решили ли отец и мать, что они слишком строго обращались с нами?

Мы имели еще одного знакомого в Сокертале. Он назывался Ола Кнуб. Его жена продавала нам ягоды. Мы получили разрешение отправиться с Ола Кнубом на ловлю рыбы. Что за ликованье было, когда мы с кофейником и удочками выступили в поход для того, чтобы в лесу вести образ жизни дикарей. Я никогда не забуду дней, проведенных там. Я еще теперь живо вижу шалаш на берегу озера, первобытный лес позади и щиты от ветра кругом шалаша. Полнейшая свобода и подлинная жизнь индейцев. Не было ни матери, ни отца, чтобы звать нас, когда приходила пора ложиться или кушать. Все делалось так, как нам самим хотелось. Ночь была светлая и длинная, сон короток. Лишь в полночь забирались мы в шалаш на нары. Но задолго до восхода солнца мы были уже у воды и ловили форелей. Мы ходили вброд по реке и прыгали по камням. И я помню, как я однажды хотел прыгнуть вслед за Ола Кнубом с одного камня на другой. На камне не было достаточно места и для одного, не говоря уж о двоих. И я прыгнул слишком рано. Ола Кнуб стоял еще на

камне, на который я хотел вскочить; мне пришлось искать иной опоры для моих ног, и я упал в воду, — ноги на одном камне, затылок на другом, а туловище под потоком воды!

Когда я стал постарше, я целыми днями жил в лесу. Я никогда не делал приготовления к таким экскурсиям, но довольствовался коркой хлеба и варил рыбу на углях, и для меня не было большего удовольствия, как жить среди дикой природы жизнью Робинзона Крузо“.

Рыбная ловля тоже не забывалась. В особенности летом, с конца мая. До этого времени по рекам сплавляется плотами лес, земля отрывается от берегов, в воду во множестве попадают черви, и рыба имеет достаточно пищи. Но с конца мая плоты кончаются, рыбе становится голодно, и она охотно хватает и муху. И вот по субботам, как только кончены занятия, забирались небольшие запасы провизии — кусок хлеба, колбасы, горсть кофе, полный набор удочек — и прощай Фреен! Долгими часами — все вперед и вперед вдоль реки без остановки, чтобы поспеть половить еще вечером. Ночью сон два, три часа, утром глоток кофе, закуска рыбой, тут же зажаренной, и опять ловля. Если слишком устали, то опять вздремнуть в кустах или в яме у реки, а там за работу, по колено в воде, пока, наконец, под утро в понедельник, усталые и изнеможенные, с искалеченными ногами, достигали дома — в некотором сомнении, стоит ли из удовольствия так изнурять себя! Но, выпавшись утром и видя гору рыбы на столе в кухне, отгоняли сомнения, и стоило опять притти субботе, как в три часа доставались удочки, и опять в путь! С годами экскурсии становились все продолжительнее. К рыбной ловле присоединилась и охота на зайцев. А вместе с тем все большая привычка к изнурительным маршам и долгому голоданию.

Такая жизнь не была чем-то необычным для сверстников Нансена, нет, подобные скитания, охота, ловля рыбы знакомы всякому юноше Норвегии. Но все же Нансен и тут несколько отличался от своих товарищей. Прежде всего своей неприхотливостью. Так, однажды, зимой, во время дальней экскурсии на лыжах, оказалось, что все участники экскурсии имели ранцы, полные провизии, один Нансен был без ничего. Однако, когда остановились на привал, и все стали доставать свои припасы, то и Нансен полез за пазуху и, весь дыша паром и запотевший, с торжеством вытащил из кармана два пирожка, разогретых на естественном очаге, так что дымились. „Кто хочет этого, ребята?“ спросил он товарищей. Но, хотя всякий непрочь был полакомиться, теперь все отказались, так неаппетитно выглядели эти смятые пирожки. „Ну, и дураки вы“, заявил Нансен: „ведь пирожки-то с вареньем!“

Точно так же Нансен не знал меры в усталости и не особенно любил соразмерять силы. Так, однажды, он вдруг решил достигнуть

одного селения, которое было видно с наблюдательной башни. Он тотчас отправился в путь, не захватив ни крошки провианта, и добрался до селения, но почти обессиленный от голода и усталости, так что, достигнув места назначения, свалился с ног.

Такие прогулки не раз были связаны даже с опасностью для жизни. Так, брат Фритьофа Нансена вспоминает одну экскурсию в горах зимой. Итти пришлось по крутому обрыву. Дорога — скользкий лед, с одной стороны — крутая стена, с другой — бездонная пропасть. Даже пробираясь осторожно, самые опытные туристы испытывали головокружение.

Но Нансен не имел терпения итти медленно, он беззаботно прыгал над пропастью, как вдруг — неудачное движение, поскользнулся и покатился вниз. Брат видел только, как Фритьоф вдруг побледнел; казалось, еще одно мгновение, и он будет лежать разбитый на дне пропасти. Но невероятным напряжением ног и рук Нансену удалось в последний миг удержаться. Итог: достигнув ближайшей станции, ему пришлось сменить свои штаны, существенная часть которых осталась в виде лохмотьев на леднике!

Так, переплетаясь с охотой, экскурсиями, рыбной ловлей, впечатлениями от лесов, гор, полей, лыжного спорта, шли школьные годы. Учился Нансен в общем хорошо, получая похвалы за успехи. Но вот настала пора выбрать профессию. И тут он стал колебаться. Сперва было хотел записаться в военную школу и подал даже туда заявление, но, пораздумав, взял обратно. Потом поговаривал о медицине. Наконец, выбрал себе зоологию. Уже в 1882 году через своего родственника он обратился к профессору Колле за советом относительно занятий. Профессор вспомнил, что к нему самому не раз обращались тюленепромышленники с просьбой отправиться с ними вместе в море и там во время ловли тюленей изучать их жизнь. Не согласится ли это сделать Нансен? Ведь он смелый турист и охотник. Нансену понравилась эта идея, и, немного позанимавшись в университете и ознакомившись с анатомией тюленей, он в начале марта оказался на борту судна „Викинг“, направлявшегося в полярное море. Переход совершился так незаметно, как если бы Нансен собрался на очередную праздничную прогулку: как в школе у него занятия чередовались с экскурсиями, охотой и рыбной ловлей, так точно теперь университетские занятия переплелись с плаванием на тюленепромышленном судне. И, словно играя, он незаметно для себя очутился по соседству с громадной ледяной пустыней, которая должна была в будущем стать ареной его подвигов и достижений.

Путешествие на „Викинге“ было полно для Нансена незабываемых впечатлений. Вот как он изображает свою первую встречу с полярными льдами: „В мрачную ночь, когда мы были недалеко от острова Ян-Майен, нам сообщили, что виден первый лед. Я выскочил на палубу и стал вглядываться в ночной мрак, но кругом царила черная ночь, и я не мог ничего различить. Вдруг из тьмы вынырнуло что-то большое, белое, стало расти, все более выделяясь своей белизной на черной поверхности моря. Это была первая льдина. За ней показались другие; они появлялись издали с плеском и шумом, скользили мимо нас и исчезали. Вдруг я заметил в северной части неба странное сияние; сильнее всего оно было у горизонта и высилось до самого зенита. Одновременно я услышал с севера шум моря, похожий на прибой волны у скал. Это было ледяное поле, лежащее к северу от нас. Свет был отблеском, который белая поверхность бросает в воздух; шум происходил от перекачивания волн моря через льдины, которые, качаясь, ударялись друг о друга. В тихие ночи этот шум слышен очень далеко в море.

Мы все приближались, шум становился все сильнее, число пловучих льдин все больше — и вот корабль время от времени стал насккивать на них. Со страшным шумом льдины при этом поднимались вверх, но крепкий нос корабля отбрасывал их в сторону. Удары были подчас так

сильны, что все судно дрожало, и стоящие на палубе едва могли устоять на ногах. Тут уже не приходилось сомневаться, что мы приближались к чему-то Новому, Неизвестному.

В течение нескольких дней мы плыли вдоль льда, но вот, однажды вечером, увидели приближающуюся бурю. Так как нам уже опротивела качка, то мы решили войти в ледяное поле, чтобы там переждать бурю. Но прежде, чем мы достигли безопасного места, буря уже разразилась. Почти все паруса были убраны, но мы все же летели с бешеной скоростью. Корабль ударялся о лед, его бросало от одной льдины к другой, — однако, приходилось идти вперед и в темноте пробивать себе дорогу. Но вот началось бурное волнение, которое все усиливалось. Ледяные глыбы громоздились друг на друга, ударялись, ломались, и кругом стоял грохот и шум. Однако, команда капитана была слышна даже среди этого шума. Побледневшие матросы молчали и точно подчинялись ему; все были на палубе, так как корабль трещал во всех швах, и внизу никто не чувствовал себя в безопасности.

Все дальше плыли мы в ледяное поле; перед носом корабля клубилась пена; теснящиеся кругом ледяные глыбы, давая место кораблю, покорно громоздились друг на друга, разбивались или отбрасывались в сторону. Вот перед нами вырисовывается из мрака громадная белая льдина, которая грозит снести баканцы и снасти; поворот руля — и мы пронеслись благополучно. С наветренной стороны несетя громадная волна и, с грохотом пенясь, разбивается о борт судна — корабль получает ужасный толчок, слышен треск, и щепки со свистом летят кругом, опять треск — с обеих сторон поврежден борт!

Но чем дальше плывем мы, тем становится спокойнее. Морское волнение делается менее заметным, грохот льдин утихает, но зато тем сильнее бушует над нами буря. Входить в ледяное поле во время бури было весьма рискованно, но мы проделали это вполне благополучно и теперь находились в надежной пристани. Когда на утро я вышел на палубу — был уже ясный день. Кругом простиралось белое, мирное, ледяное поле, и лишь сломанная решетка борта напоминала о бурной ночи.

Такова была моя первая встреча со льдом“.

В общем, однако, полярное море несколько разочаровало Нансена. „Полярное море — это нечто совершенно особенное, непохожее на все остальное, а прежде всего непохожее на то, как мы его воображаем. Я много читал о нем, прежде чем увидел своими глазами, и представлял себе его как мир грандиозных ледяных гор, на которых высятся к небу гордые башни и зубцы из сверкающего льда всевозможных форм и цветов. На деле же не оказалось ничего подобного: плоский белый плывущий

лед качался на зелено-голубом море, и над ним сменялись туман, сияние солнца, буря, штиль. Вот все, что я увидел“.

И тут же Нансен имел случай убедиться, что войти в ледяное поле кораблю подчас гораздо легче, чем выйти из него. После окончания бури оказалось, что льдины так нагромодились кругом „Викинга“, что он не мог выбраться в открытое море, и потребовалась помощь других кораблей.

Вообще начало плавания было не особенно удачным. В течение долгого времени „Викинг“ блуждал по морю, не встретив ни одного тюленя. Куда девались тюлени? Были они на западе или на востоке? Куда направить курс корабля? Прошло уже пять недель, но охота еще не начиналась, и Нансен не мог даже приступить к наблюдениям. Неужели придется вернуться с пустыми руками? А тут, как на грех, стали попадаться встречные корабли, уже до-верха нагруженные добычей. Наконец, в'ехав на ледяное поле возле Исландии, „Викинг“ натолкнулся на большое стадо тюленей, и началась охота, продолжавшаяся непрерывно три дня и три ночи — когда тюлени в виду, приходится торопиться, и отдыхать уже нечего! Тут уже другие тюленепромышленники смотрели издали со своих кораблей и только могли завидовать — сами же они пробраться не могли, так как место охоты было отделено от свободного моря широким поясом нагромодившегося льда.

Но это было лишь светлым эпизодом в плавании „Викинга“. В конце июня, когда он находился недалеко от восточных берегов Гренландии, с ним случилась беда, которой больше всего опасаются тюленепромышленники: он вмерз в пловучие льды и в течение целого месяца — драгоценного для охоты времени — не мог освободиться. Капитан был в тревоге, экипаж — в ужасе, так как очень часто случалось, что льды разбивали застрявшее таким образом судно. Один Нансен во всю наслаждался приключением, еще бы — это непредусмотренное программой вынужденное плавание среди ледяного поля давало ему возможность, кроме научных наблюдений, еще порядком поохотиться на белых медведей! И тут Нансен, действительно, отличался: все равно, когда бы медведь ни появился в виду корабля — во время сна, во время еды или научных занятий, Нансен тотчас вскакивал, бросал в сторону все научные инструменты, тетради и карандаши, схватывал винтовку и бежал на лед. И не мало северных царей пало жертвой его меткой винтовки. Не раз он пускался один в преследование за раненым зверем и настигал его далеко от корабля. Один раз он при этом чуть не утонул в трещине среди льдов. Но зато из 19 медведей, убитых во время этого плавания, львиная доля пала от его руки или, во всяком случае, при его деятельном участии. В награду, когда Нансен возвратился, под

его столом появился мех крупного белого медведя. И Нансен говаривал, что тут в полном смысле слова он держит пята на вые побежденного врага: это был мех как раз того медведя, из-за которого он впервые выкупался в полярном океане!

Во время плавания „Викинга“ не раз видны были сверкающие вершины Гренландии и ее ледников, подчас так близко, что Нансена брал соблазн понаведаться туда. Он даже просил капитана, чтобы тот дал ему лодку, но капитан наотрез отказал, считая предприятие слишком рискованным, тем более, что лед каждую минуту мог расступиться, и тогда судно должно было пуститься в плавание без промедлений и не могло бы ожидать одного человека.

Наконец, во второй половине июля лед дал трещины, корабль освободился от его объятий, и Нансен возвратился домой, полный совершенно новых увлекательных впечатлений, овеянный дыханьем полярного моря, бодрый, радостный.

Сразу после возвращения Нансен попал прямо в противоположный мир. Только что — громадные просторы, привольная охота на белых медведей среди пловучих льдин и айсбергов. Теперь же — усидчивая работа над микроскопом, мелочное исследование микроорганизмов, клеток и тончайших тканей. А именно, не успел он ступить ногой на берег, как ему было предложено место хранителя естественно-научного музея в Бергене. Предложение было более чем лестным для начинающего естествоиспытателя. И вот Нансен оказался в рамках научных будней и систематического труда. Работа эта была ему вдвойне полезной. Прежде всего сам музей был к этому времени уже довольно богатым хранилищем, и занятия в нем чрезвычайно расширяли научный кругозор Нансена. Но, быть может, еще большее значение имела личность основателя музея, профессора Даниельсена, кипящего энергией, инициативой, живейшим интересом ко всем проявлениям общественной жизни, несмотря на годы и сверкающие седины.

Все же Нансену трудно приходилось в условиях неподвижной жизни. Правда, иногда он, при помощи микроскопа, подаренного ему отцом, с такой же страстью следил за жизнью микроорганизмов, с какой преследовал медведей, и ему удавалось всю кипучую энергию сосредоточивать на научных занятиях. Лишь иногда вдруг налетала волной тоска по перемене места, по движению и простору. Иногда эта тоска разрешалась отпуском на несколько дней для поездки в горы и экскурсии на лыжах. Но часто Нансен подумывал о том, чтобы бросить Европу и отправиться повидать чужие страны, и даже вел переговоры об этом с американцами.

В этот период как раз, быть может, под влиянием тоски по движению, в нем зародился план путешествия через Гренландию. Но это была только смутная идея. Покамест же дело ограничилось тем, что Нансен отправился для научных занятий в Италию.

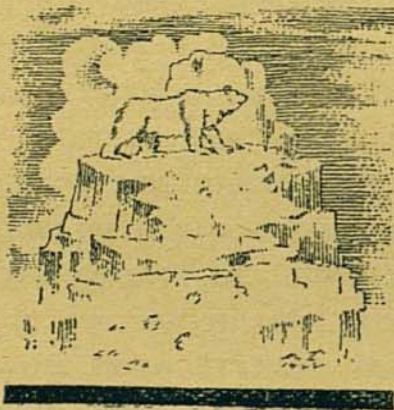
Сперва он посетил Павию, где некоторое время работал под руководством профессора, изобретшего специальный способ окрашивания нервных тканей для проявления их при наблюдении под микроскопом. А как раз это было нужно Нансену при его занятиях над микроорганизмами — он уже в 1895 году получил медаль за работу над мизотомеями и теперь хотел углубить свои исследования нервной системы. Из Павии Нансен отправился в Неаполь, где ему удалось получить возможность работать в тогда еще недавно сооруженном знаменитом „неапольском аквариуме“, научно-зоологической морской станции. Станция эта была сооружена по инициативе и в значительной степени на средства немецкого приват-доцента Дорна. С чрезвычайным упорством этот молодой ученый добивался сперва права начать сооружение, а потом, когда личные средства его иссякли, финансовой помощи и, наконец, когда подозрительные итальянцы запретили строить станцию дальше, нового разрешения, — и ему удалось довести свое дело до конца. Организация этой станции и была началом новой эпохи в области зоологии. Морская жизнь до того времени могла изучаться учеными только в спиртовых банках, где самые роскошные экземпляры морской флоры и фауны были уже скорчены, скрючены, судорожно сведены. Тут же в обширных аквариумах, сообщающихся с настоящей морской водой, наблюдатель видел всех обитателей Средиземного моря в живом, подлинном виде. А ученый мог тотчас же подняться наверх, в залы для занятий, со всеми новейшими приспособлениями для научных занятий, в прекрасно обставленные лаборатории, и туда ему приносили для исследований любой экземпляр, который он только что наблюдал в его родной стихии.

И опять таки, может быть, не только научные занятия в роскошных лабораториях неапольского аквариума, но и личность создателя его, который показал, что может сделать один энергичный человек для науки, произвела впечатление на Нансена. По возвращении домой он было носился с мыслью побудить сородичей устроить такую же станцию на берегу Норвегии, но ограничился написанием статьи в журнале „Натурен“. Сам же он оказался всецело увлеченным занятиями по сдаче докторской работы и, главное, по подготовке первой своей экспедиции.

Эти годы научных занятий дали Нансену солидную научную основу, приучили всматриваться в жизнь природы и систематическими исследованиями искать разгадок ее тайн. Станным образом, все его научные занятия сосредоточивались на вопросах, имевших как будто лишь

отдаленное отношение к его основным достижениям в жизни. Его первые исследования были посвящены изучению мелких паразитных червей, живущих на морских звездах, и первая большая печатная работа появилась под заглавием: „К учению об анатомии и гистологии мизотомей“. Два года спустя, в 1887 году, на эту же тему им была опубликована еще более обширная статья в известиях бергенского музея. В этих работах он старался разрешить спор о происхождении мизотомей путем изучения их тонкой нервной системы. Это невольно вывело его из узкого круга наблюдений над одним видом животной жизни к изучению других видов под углом зрения определенных широких зоолого-гистологических обобщений, к изучению нервной системы и ее мельчайших разветвлений. При этом он пользовался самыми новыми методами исследований, и в 1888 году в тех же известиях бергенского музея было опубликовано на английском языке его исследование: „Строение и сочетание гистологических элементов центральной нервной системы“, работа, которая сама по себе, по утверждению ученых зоологов, могла доставить Нансену имя, как ученому.

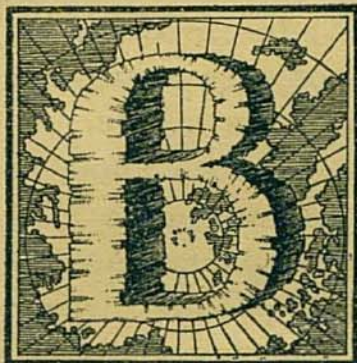
Но для самого Нансена его научные занятия отходили все более на задний план. И все силы мысли и воли привлекала новая задача — Гренландия.

НА ЛЫЖАХ
ЧРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ

СЕВЕРНАЯ САХАРА

Открытая и забытая страна. Поиски лесов. Значение Гренландии для геологии. Экспедиции Енсена, Норденшельда и Пири. План Нансена. „Надо сжечь за собой корабли“. Первые неудачи. Критики и пессимисты. У Норденшельда. Спутники Нансена. Приготовления в дорогу.

ВЕЛИЧАЙШИЙ остров земного шара, Гренландия, занимающий не менее 1.000.000 кв. верст, до недавнего времени был очень мало известен. Правда, его давно уже населяли эскимосы, перебравшиеся туда из Северной Америки, вероятно, более чем за тысячу лет тому назад. Но эскимосы, с которыми читатель познакомится впоследствии ближе, ютились только по самому краю берега Гренландии, не отходя от него более, чем на несколько верст, так как далее круто поднимались горные гряды, покрытые снегами и вечным льдом. Первобытная фантазия эскимосов населяла глубь острова чудовищами и таинственными существами; предания рассказывали удивительные происшествия, место действия которых было внутри острова, но сами природные жители считали безумием даже попытку пробраться за горные береговые гряды.

Европейцы тоже давно узнали о существовании острова. Смелые норвежские мореплаватели не только посещали его тысячу лет тому назад, но даже основали на нем несколько колоний. Норвежское „Королевское зеркало“ такими словами изображает остров: „Если ты спросишь, свободна ли страна от льда или нет, или покрыта ли она льдом, как море, то ты должен знать, что лишь небольшая часть земли не покрыта льдом. Все остальное находится подо льдом, и поэтому люди не знают, велика ли земля, или мала, раз все горы и долины покрыты льдом, так что нигде не имеется открытых мест, но должно предположить, что открытые места имеются или в долинах меж гор, или вдоль морского берега“... Норвежские древние поселения существовали в Гренландии до XV века, когда они пришли в упадок и вымерли от чумы. Самый путь в Гренландию был забыт, и даже лучшие географы XVII века давали лишь мифические сведения о том месте, где находится остров, то покрывая его морем, то превращая в архипелаг мелких островков. И, даже когда остров был вновь открыт, о нем существовали фантастические представления. Так, в 1723 году одна норвежская экспедиция получила от

властей инструкцию исследовать леса внутри Гренландии, соблюдая возможную осторожность против нападения дикарей и диких животных! И такие экспедиции для исследования глубины этого острова снаряжались не раз. Но все они кончались тем, что исследователи и путешественники взбирались на прибрежные горы, вступали на ледник и, убедившись, что впереди все тот же лед и лед, возвращались обратно. При этом все попытки делались исключительно с западного, более доступного берега. Восточный же берег был даже летом опоясан пловучим льдом и совершенно недоступен для мореплавателей. Это, между прочим, и служило поводом для все повторяющихся попыток пройти Гренландию поперек, достигнуть восточного берега сухим путем. Кроме желания исследовать внутренние области Гренландии, к этому побуждала надежда найти следы старых норвежских поселений, остатки колонии „Остербигден“, которая, по преданию, находилась на восточном берегу. Одна из самых первых и поучительных попыток — экспедиция Делагера, в 1751 году, продолжавшаяся семь дней.. Но экспедиции удалось подняться только на край прибрежных гор. Правда, далее открывалось ровное ледяное поле. Но идти дальше Делагер не рискнул из-за отсутствия достаточного количества с'естных припасов и из-за того, что уже при первом под'еме сапоги изорвались в лохмотья, а также из-за страшного холода, который господствовал на ледниках.

Неудачи первых экспедиций, показавших, что путь к восточному берегу чрезвычайно труден, если только вообще возможен, заставили исследователей на долгое время отказаться от дальнейших попыток. Сведения о Гренландии не увеличивались в течение почти полу-века. Даже самый вопрос перестал как будто интересовать географов. Во всяком случае, научный интерес кончался там, где начинался лед. И лишь с середины прошлого столетия вопрос о Гренландии выплыл снова, и таинственная земля оказалась опять в сфере интересов и внимания ученых. Этим мы обязаны ученому Ринку, долгое время жившему в Гренландии. Если прежние исследователи искали областей, не покрытых льдом, и считали пространства, покрытые льдом, лишенными всякого интереса, то Ринк впервые обратил внимание ученых на самый лед, на его свойства и, прежде всего, на его громадные массы. Дело в том, что геологи, изучавшие строение земной поверхности, давно уже искали разгадки многих загадочных и необ'яснимых явлений. Было очевидно, что над земной поверхностью, кроме уже известных вулканических, водных и атмосферных сил, действовала еще какая-то неизвестная сила, прорывавшая долины, переносившая с места на место громадные количества земли, песку и горных пород, усеявшая камнями значительную часть Европы и Америки. Кое-кем уже давно высказывалась мысль, что такой силой

мог быть только лед. Но для этого лед должен был действовать в таких громадных количествах, которые казались совершенно непостижимыми. Тут, однако, вспомнили о ледниках Гренландии. Уже и раньше мимоходом замечали, что лед, покрывающий Гренландию, достигает чрезвычайной мощности многих десятков саженей. Но значение этого факта впервые установил Ринк, указавший на то, что лед этот не остается на месте, а постоянно спускается в море, причем некоторые ледяные фиорды отдают ежегодно более миллиарда куб. футов льда! Эти ледяные массы, двигаясь по поверхности острова иногда со скоростью до 60 футов в сутки, производят колоссальную работу, обламывая скалы, увлекая камни, прорывая долины, прокапывая фиорды. И если уже раньше существовало среди геологов мнение, что северная часть Европы была в древнейшие эпохи вся сплошь покрыта льдом, то Ринк показал, что изучение работы громадных ледяных масс в Гренландии делает это предположение полной достоверностью, и устройство поверхности значительных пространств теперешней обитаемой земли может быть объяснено и понято наблюдениями над великой северной ледяной пустыней. Оказалось, что для понимания природы тех валунов, которые массами разбросаны по всей Северной Америке и Европе, в том числе и по всему северу России, для понимания направления многих из текущих там рек — необходимо изучение тех сил, которые еще ныне действуют в Гренландии, а раньше, в ледниковый период, действовали на пространстве значительно большем.

Работы Ринка возбудили с новой силой интерес к Гренландии, и целый ряд исследователей направил свои усилия на то, чтобы собрать возможно больше сведений о характере ее ледников. Естественно, что при этом вопрос об устройстве поверхности внутри страны стал играть для науки очень большую роль. Поэтому началась эпоха новых попыток проникнуть в глубь Гренландии. Среди них наиболее выдающееся место занимают экспедиции Енсена, Норденшельда и Пири.

Экспедиция Енсена продолжалась 23 дня, и ею был собран значительный научный материал — но опять только о прибрежной полосе, так как за грядой гор, опоясывавших берег Гренландии, экспедиции проникнуть не удалось. Норденшельд совершил по Гренландии два путешествия: первое путешествие в 1870 году и второе в 1883 году. Своей задачей для второго путешествия Норденшельд ставил исследование внутренних областей Гренландии. До путешествия он был убежден, что внутри Гренландии, за поясом снежных и ледниковых гор, имеются долины, покрытые растительностью, если не лесами. По его мнению, именно то обстоятельство, что Гренландия со всех сторон окружена горами, защищающими ее от холодных северных ветров, обеспечивает сравнительно

теплый климат ее внутренних пространств, дающий возможность развиваться растительности. В сопровождении 9 спутников, среди которых были также два лапландца с лыжами, Норденшельд в течение 17 дней прошел 117 километров вглубь от западного берега. Хотя экспедиция шла все время по пространству, сплошь покрытому льдами, Норденшельда не оставляла вера, что внутри Гренландии имеются оазисы, покрытые зеленью. И перед тем, как вернуться, он отправил своих лапландцев совершить разведку в глубь страны, при чем в инструкции им было сказано, чтобы они, в случае достижения открытых пространств, захватили с собой прежде всего образцы трав и цветов! Лапландцы вернулись после 57-часового отсутствия, при чем, по их словам, они покрыли пространство в 230 километров. Но, кроме ледяной и снежной поверхности, они не видели ничего. Это заставило Норденшельда поколебаться в своей уверенности о наличии открытых пространств внутри Гренландии, хотя потом он опять стал склоняться к мысли, что он со своей экспедицией лишь случайно попал на ледяной пояс, прорезывающий всю Гренландию поперек, в то время как на юге и на севере от этого пояса могут иметься открытые пространства: находясь в глубине острова, он видел летящих ворон, которые не имеют обыкновения слишком отдаляться от свободной ото льда земли. Все путешествие Норденшельда продолжалось 31 день и дало много ценных наблюдений. Как мы увидим дальше, оно же вдохновило впервые Нансена на его экспедицию.

Между прочим, путешествие Норденшельда поставило перед наукой новую загадку, именно он заметил, что снег в глубине Гренландии во многих местах покрыт тонкой серой пылью. Сам Норденшельд приписал эту пыль космическому происхождению и думал, что она падает на землю из бесконечных мировых пространств. На этом основании он даже создал целую новую теорию о, так сказать, „наносном“ происхождении земной поверхности. Однако, другие ученые, подвергнув пыль точному анализу, пришли к убеждению, что она может происходить от гор прибрежной полосы, так как состоит из тех же веществ, как и прибрежные скалы. Но окончательное разрешение этого вопроса могло дать только изучение пространств Гренландии, ибо если бы Норденшельд был прав, то слой пыли распределялся бы равномерно на всей Гренландии, если же правы его антагонисты, то по мере удаления от берега слой пыли должен был делаться тоньше и около восточного берега, где прибрежные скалы почти все время покрыты снегом, должен был совсем исчезнуть.

Последней значительной попыткой исследования Гренландии была экспедиция американца Пири, впоследствии прославившегося своим путешествием к северному полюсу. Путешествие Пири продолжалось

23 дня. Ему удалось за это время отойти от берега на 160 километров. Но, если по количественным данным эта экспедиция мало уступает экспедиции Норденшельда, то качественно, по научности результатов, она стояла значительно ниже, и целый ряд данных Пири был подвергнут научной критикой сомнению. Во всяком случае, экспедиция Пири подтвердила наблюдения Норденшельда, что за полосой неровного, покрытого трещинами льда, в глубине Гренландии, начиналось ровное снежное поле, слегка поднимающееся вверх и уходящее в неизвестную даль.

Таковы были сведения о Гренландии к 80-ым годам прошлого столетия. Несмотря на самоотверженные усилия целого ряда путешественников, многие важнейшие вопросы оставались все еще нерешенными. Прежде всего, все экспедиции начинались с западного берега и давали сведения лишь о западной береговой полосе. Восточный же берег был почти совершенно не изучен, а ледников восточного берега нога человека не коснулась еще ни разу. Далее, как мы видим по взглядам Норденшельда, среди солиднейших ученых были еще значительные сомнения относительно устройства внутренних пространств Гренландии: изученные области были слишком малы, чтобы с уверенностью говорить, что вся страна покрыта льдом. Для этого надо было предположить, что вся поверхность Гренландии представляется в виде выпуклого щита, поднимающегося к середине и опускающегося к берегам, — предположение, казавшееся многим геологам совершенно невероятным. Между тем, этим определялась возможность внутри Гренландии оазисов, растений и, быть может, даже лесов. — Наконец, уже первые экспедиции дали целый ряд интересных метеорологических наблюдений, и было чрезвычайно важно получить более подробные сведения о климатических и метеорологических условиях внутри этой „Северной Сахары“, в виду ее значительного влияния на погоду и климат всех прилегающих стран.

Фритьофу Нансену было суждено одним ударом разрешить все эти вопросы.

Мы уже упоминали, как, во время плавания на „Викинге“, Нансену пришлось побывать у берегов Гренландии. Уже тогда у него являлась мысль о возможности исследования восточного берега Гренландии, несмотря на опоясывающую полосу пловучих льдов. В одном из научных норвежских журналов он высказал эту мысль печатно. В душе он подумывал уже о путешествии внутрь Гренландии, но еще не высказал этого, да, правду сказать, и сам не имел еще отчетливой идеи. Ясный и законченный план возник у него лишь год спустя. В один осенний вечер Нансен как-то сидел в обществе и с полным безразличием прислушивался

к чтению газеты. Вдруг его внимание приковало сообщение о возвращении экспедиции Норденшельда, которому удалось пройти рекордное расстояние от берегов внутрь Гренландии, при чем сопровождавшие его лапландцы пробежали на лыжах очень значительное пространство. И в уме Нансена, как молния, зародился почти законченный план путешествия через Гренландию от одного берега к другому.

Он был убежден, что Гренландия сплошь покрыта льдом и снегом, и ему, как лыжебежцу, не казалось трудным пройти весь путь поперек. Сложен был лишь вопрос о выборе направления. Все прежние экспедиции направлялись от западного берега к восточному. Но именно поэтому все эти экспедиции отступали перед препятствиями и возвращались: на обратном пути их ожидали населенные западные берега, кров, тепло, уют и пища, между тем как продолжение путешествия и даже благополучное его окончание сулило лишь мрачную перспективу достижения суровых, неприступных восточных берегов, где ожидала гибель или, в лучшем случае, тяжкое путешествие вдоль берегов до южной конечности острова.

Поэтому Нансен решил поступить наоборот: от восточного берега идти к западному. Тут перед путешественником, раз вступившим на ледяные и снежные поля, выбора не будет: позади — снежные пустыни, впереди — европейские колонии, помощь и приют.

Оставался еще трудный вопрос, каким образом достигнуть восточного берега, который вообще считался почти неприступным. Но как раз случайные гренландские впечатления Нансена подсказывали ему на это ответ: по пловучим льдам. Экспедиция, по его мнению, должна была на корабле подойти как можно ближе к восточному берегу и потом, забрав все снаряжение, на санях пробраться к берегу. В виду того, что, по всей вероятности, между пловучими льдами и берегом могло быть пространство свободной воды, экспедиция должна была захватить с собой еще достаточно вмещающую, а вместе с тем легкую лодку, которая будет оставлена на берегу при отправлении в глубь острова.

План был составлен. Сомнений в его осуществимости у Нансена не было. И, все же, до осуществления его прошло несколько лет. Первые попытки вызвать интерес к экспедиции у датчан и норвежцев окончились неудачей. Затем Нансен сам оказался занятым другими работами. Лишь осенью 1887 года он опять вернулся к своей мысли о Гренландской экспедиции и решил так или иначе ее осуществить.

Однако, и на этот раз первые шаги были неудачны. Университет в Христиании, к которому Нансен обратился с просьбой о денежной помощи в размере всего 5.000 крон, отказал ему, так как правительство и парламент пришли к заключению, что не дело казны поддерживать

частные увеселительные прогулки. К счастью для Нансена, одно частное лицо, богатый коммерсант в Копенгагене, А. Гамэль, заинтересовался проектом молодого ученого и дал ему средства. Ведь дело шло всего-навсего о сумме, примерно, в 2.500 рублей.

Получив средства и обеспечив таким образом возможность организовать экспедицию, Нансен выступил уже с публичным обоснованием своего проекта. Проект встретил единодушное осуждение. Весь план с начала до конца казался критикам неосуществимым. Прежде всего, все компетентные лица считали подлинным безумием надежду пробраться к восточным берегам по пловучим льдам, „подобно белому медведю“. Дальше, даже добравшись до берега, экспедиция должна была все же оказаться в критическом положении. Как раз восточное побережье Гренландии, по всему, что о нем известно, отличалось особой крутизной прибрежных гор, и казалось невероятным, чтобы экспедиции, предоставленной исключительно своим силам, удалось осилить эти под'емы. Поэтому, даже не касаясь вопроса о возможности пройти Гренландию на лыжах, критики уверяли, что 9 шансов из 10 было за то, что экспедиция кончится неудачей на первых же порах и если не погибнет, то вынуждена будет с трудом и лишениями пробираться вдоль берега к западным поселениям. В этой критике плана были единодушны специальные географические органы всех стран — Норвегии, Дании и Англии. От них не отставала и общая, неспециальная пресса, снабжавшая подчас критику язвительной шуткой. Так, в одном из бергенских юмористических листов появилось объявление следующего содержания:

„В июне месяце нынешнего года лаборантом Нансеном будет дано замечательное представление: бег на лыжах по материковому льду Гренландии. Места для публики устроены в трещинах ледников. Брать обратные билеты излишне“.

Даже знаменитый путешественник Норденшельд, к которому Нансен обратился с изложением своего плана, принял его очень любезно, но все же высказался скорее против проектируемого путешествия.

Об этой попытке Нансена найти авторитетную опору своему плану приведем рассказ норвежского профессора Бреггера, жившего в Стокгольме.

„Когда я 3 ноября 1886 года вошел в свой рабочий кабинет в минералогическом институте, сторож доложил мне, что какой-то норвежец хотел меня видеть, но не оставил визитной карточки и не назвал своего имени. Земляки без имени и визитной карточки не были слишком большой редкостью. Конечно, это какой-нибудь „временно находящийся в затруднительных обстоятельствах“ и нуждающийся в помощи.

— Каков он собой? — спросил я недовольным тоном.

— Долговязый, белокурый.

— Одет прилично?

— Без пальто, — ответил сторож и лукаво улыбнулся. — Похож на моряка.

Так, так! моряк без пальто. Это значило, что мне придется позаботиться о его пальто! Здесь, очевидно, и зарыта собака.

В полдень пришел профессор Вилле.

— Видел ли ты Нансена?

— Нансена? Кто это? Матрос без пальто?

— Без пальто? Он хочет пройти поперек Гренландии... — И Вилле торопливо покинул меня. Вскоре после этого пришел другой товарищ — зоолог. — Видел ли ты Нансена? Что за славный парень! Он рассказал мне интереснейшие вещи о жизни миксиний! А его исследования нервной системы! Прекрасно, чудно!

Наконец, после всех этих предвестников появился и он сам. Высокий, стройный, широкоплечий, сильный, молодой и ловкий, „долговязый и белокурый!“ Волосы на высоком лбу были зачесаны назад, одет несколько небрежно. Он пришел прямо ко мне и с своеобразной располагающей улыбкой, представляясь, протянул руку.

— Вы хотите пройти Гренландию?

— Да, я подумываю об этом.

Я посмотрел в его глаза. Удивительно [спокойно и вызывая доверие, стоял он с добродушной улыбкой на резко очерченном мужественном лице. Все время он был одинаков — ровный, открытый, несколько угловатый, но при разговоре он, казалось, выросал с каждым словом. Этот план — на лыжах с востока на запад, который я только что считал сумасбродной идеей, во время разговора стал самой обычной вещью в мире. И мне тотчас сделалось ясным: он осуществит этот план, это верно так, как то, что мы сидим вместе и разговариваем.

Два часа тому назад я не знал еще его имени, но в течение нескольких минут мы стали как бы старыми знакомыми, как если бы я знал его многие годы, и я чувствовал, что я буду горд и счастлив быть его другом всю жизнь.

— Мы тотчас пойдем к Норденшельду, — сказал я. И мы пошли. В своем странном платье — в узкосшитом, темном, застегнутом, похожем на вязанную синюю блузу или пиджак — он невольно вызывал внимание на главной улице Стокгольма. Некоторые принимали его за акробата!

Итак, мы пришли к Норденшельду. Тот, как всегда, был занят в своей лаборатории. Мы прошли через комнату, наполненную ящиками с минералами. „Старый там, но он очень занят“, шепнул мне ассистент.

По комнате, среди своих минералов, взад и вперед ходил широкоплечий „старый Нор“, как его с любовной фамильярностью называют в Швеции. При виде его широкой спины, невольно припоминалось происшествие во время его путешествия по Енисею. Волны то и дело грозили наполнить лодку. Но Норденшельд сам уселся у борта так, чтобы ледяные волны разбивались о его спину. И таким образом, прикрывая судно, сидел он несколько часов. Вот из какого материала лепятся полярные путешественники.

Я поздоровался с ним и представил ему: „Консерватор Нансен из Бергена. Он хочет пройти поперек Гренландии...“

— Ого!

— И он хотел бы просить твоего совета.

— Привет, привет! Так, так, господин Нансен, вы хотите в Гренландию?

Бомба разорвалась. Дружественный, любезный, но все еще несколько рассеянный вид, который только что имел Норденшельд, исчез, и все его внимание было возбуждено. Казалось, что он глазами испытывает молодого человека, чтобы убедиться, с кем имеет дело. И с веселым видом он произнес: „Вы можете получить у меня пару хороших сапог, господин Нансен, да я не шучу: это дело первейшей важности — иметь сапоги первого сорта!“

Лед был сломан. Нансен разговорился во всю. Норденшельд тут, то там вставлял скептические замечания. План показался ему — таково было по крайней мере мое впечатление — безрассудным, но не неосуществимым. Ясно, что личность Нансена произвела на него значительное впечатление. Он тотчас выразил готовность помочь ему своими советами и опытностью.

Многое было, о чем надо было переговорить: лапландцы, лыжи, сани и сапоги — и, наконец, пловучий лед! Можно ли его пройти таким путем, как проектировал Нансен? Но „старый был очень занят“. Было решено, что Нансен придет еще раз.

В тот же вечер, когда мы у меня беседовали с Нансеном, кто-то позвонил. Оказалось — Норденшельд. Теперь я уже знал, что он, действительно, серьезно заинтересовался планом.

Мы сидели довольно долго вместе и обсуждали как гренландскую экспедицию в частности, так и арктические и антарктические исследования вообще.

На другой день был торжественный годовой обед у норвежского статс-секретаря в Стокгольме. Я спросил Нансена, не хочет ли он присутствовать на обеде. Нет, в шерстяной куртке нельзя идти, а другого платья он с собой не взял.

„Но ко мне вы можете притти так, как есть, и пообедать со мной“, пригласил его к себе Норденшельд. На том и было решено.

Я не знаю, получил ли Нансен обещанные сапоги; но пару очков от снега Норденшельд, во всяком случае, ему послал“.

Увы, этим и ограничилась помощь „старого Нора“! Между тем, единое его слово в печати или в обществе в пользу предприятия так облегчило бы задачу Нансена! Но это слово сказано не было.

Однако, ни критика специалистов и знатоков, ни шутки зубоскалов, ни покачивания головой „благоразумных людей“ не останавливали Нансена, и он весь ушел в сборы своей экспедиции.

А подумать ему действительно было о чем: надо было выбрать спутников, надо было заготовить подходящую теплую, но прочную и вместе с тем удобную одежду, надо было обдумать, сколько и какой пищи взять и как эту пищу везти с собой. Далее — научные инструменты, оружие, лыжи, сани, лодка — все надо было запасти, специально заказать или приспособить.

Отто Свердруп.

Важнее всего, конечно, было подобрать себе спутников — людей смелых, решительных, выносливых, с железным здоровьем. К тому же,

они все должны были быть отличными лыжебежцами. Правда, Нансену приходилось не искать, а выбирать: только появились в газетах сведения о его приготовлениях, как к нему буквально посыпались предложения со всех концов Европы. Но он выбрал себе в спутники трех европейцев.

Какие люди нужны были Нансену, можно судить по характеристике его первого помощника в этой экспедиции, а впоследствии знаменитого капитана „Фрама“ и самостоятельного полярного исследователя Отто Свердруп. Отец его был собственником маленькой усадьбы и леса на севере Норвегии. Родившись (в 1855 г.) среди суровой природы и привыкнув с малых лет к всевозможным занятиям в любую погоду в лесу и в горах, Отто Свердруп рано научился самостоятельно справляться со всеми трудностями жизни. Еще мальчиком он начал бегать на лыжах, и среди дикой природы он, понятно, быстро сделался отважным и опытным лыжебежцем. К десяти годам получил он ружье и с этого времени стал записным охотником, бродившим зимой на лыжах, весной охотившимся на тетеревов, а осенью на медведей. В город, в школу его не посылали, и он учился у домашнего учителя. Впрочем, особенной любви к книгам у него не наблюдалось. 17 лет он отправился в море и с тех пор в течение долгих лет плавал отчасти на норвежских, отчасти на американских судах.

В 1878 году он сдал мореходные испытания и в течение многих лет плавал в качестве штурмана. Однажды, ему пришлось пережить кораблекрушение норвежской шхуны около западных берегов Шотландии. И тут-то сказалось, что за человек Свердруп, так как, лишь благодаря его решительности и благоразумию, экипажу удалось спастись. Затем он водил в качестве капитана шхуну и пароход и в течение года командовал рыбачьим судном. Несколько лет тому назад некий изобретатель подводной лодки искал лицо, которое согласилось бы вести его лодку через Немецкое море в Англию. Охотников для такого предприятия не находилось — ведь лодка до сих пор плавала только у самых берегов. Случайно узнал об этом Свердруп и тотчас вызвался совершить плавание, и даже убедил своего родственника отправиться вместе с ним в качестве машиниста. Но сам изобретатель передумал и счел более благоразумным отправить свою лодку просто на буксире.

Последние годы Свердруп жил главным образом в имении своего отца, который переселился на юг Норвегии. Здесь он тоже менял занятия, работая то в качестве лесника, то сплавщика, то отправляясь на ловлю рыбы, и везде был первым. Но самым любимым занятием для него было отправиться в бурю в море на лодке на полных парусах и нестись, разрезая пенящиеся гребни волн. Вот каким был Свердруп! Нечего и говорить, что он был словно создан для экспедиции. За время

своей разнообразной, разносторонней и полной приключений жизни он многому научился и во всяком положении умел найтись. Он был спокоен и всегда знал, что посоветовать.

Вторым спутником был Олуф Дитрихсон, тоже морской капитан и лейтенант флота; его познания, приобретенные в военной школе, чрезвычайногодились при дальнейшем путешествии и во время научных исследований и измерений. Третьим членом экспедиции был Христиан Христиансен Трана, молодой крестьянин — ему было всего 24 года — сосед Свердрупа по имению; несмотря на свою молодость, Трана тоже не впервые видел море и был выносливым и опытным лыжебежцем.

Все европейцы отправлялись в экспедицию как во имя интересов науки, так и вследствие жажды приключений и новых впечатлений. Материальных интересов тут для них не могло быть в виду того, что вся экспедиция была обставлена более чем скромно.

Кроме трех европейцев, Нансена в пути сопровождали еще два лапландца. На мысль взять с собой лапландцев Нансена навела, очевидно, экспедиция Норденшельда. Он написал своим знакомым на севере Норвегии, чтобы те приискали для него двух выносливых лапландцев в возрасте от 30 до 40 лет, холостых, привыкших к горам. Долго пришлось ожидать Нансену. Лишь в самый последний момент прибыли новые члены экспедиции. Вначале Нансен был крайне разочарован: один из них, Балто, был еще совсем молодой парень, другой, Равна, маленький, тщедушный, робкий, значительно старше 40 лет. Кроме того, Равна был женат. Оба лапландца только по дороге в Христианию узнали о том, что их ожидало, и очень трусили. Оба пошли на риск исключительно в виду перспективы заработка, который им, лапландцам, казался все же очень соблазнительным. Оба они, в особенности же младший, Балто, оказались все же полезными членами экспедиции, хотя значительно уступали европейцам не только по мужеству и спокойствию, но даже в выносливости и способности к напряжению.

Критики и антагонисты молодого ученого, почти с суеверным ужасом относившиеся к восточному побережью Гренландии, называли Нансена „безумным“. Но достаточно ознакомиться с приготовлениями Нансена, чтобы видеть, что этот „безумец“ в сущности уже в Норвегии почти обеспечил успех своего предприятия. Не было ни одной мелочи, ни одного пустяка, который не был бы обсужден и обдуман самым тщательным образом. И этим его экспедиция отличалась почти от всех предыдущих путешествий. Так, например, уже неоднократно экспедициями употреблялись сани. Но почти ни одна не могла похвалиться тем, что эти сани были выбраны надлежащим образом. Нансен же долго обдумывал тип саней. Прежде всего, он пришел к выводу, что сани

должны быть небольшими и легкими, такими, чтобы их с грузом по снегу мог тащить один человек. Нансен рассуждал так. Путь, который экспедиции предстояло пройти, — особенно в начале, при подъеме в горы, и в конце, при спуске с гор, — настолько труден, что во многих местах придется сани просто нести на руках. Тяжелые сани очень затруднили бы путь, между тем как легкие санки можно будет при помощи нескольких человек быстро переправить через самые трудные места. Далее, во льду могли быть, как это сообщалось прежними экспедициями, опасные трещины, покрытые снегом, и сани могут провалиться и исчезнуть со всем грузом. При маленьких санях потеря небольшой части запасов не так заметна и не поставит экспедицию сразу в безвыходное положение, что случилось бы при пропаже больших саней и значительной части имущества. Нечего и говорить, что сани сделаны были из лучшего материала, легкие и прочные — за все время путешествия не случилось ни одной поломки, несмотря на подчас очень трудный и неровный путь. При скреплении частей саней не было употреблено ни одного гвоздя, а все скрепы были сделаны особым способом, обеспечивающим и прочность и вместе с тем эластичность саней. Для удобства укладки груза к саням были приделаны высокие спинки.

Вторым важнейшим для экспедиции предметом были лыжи. Нансен не довольствовался тем, чтобы взять один из готовых видов лыж, но самостоятельно, советуясь со специалистами и мастерами дела, разработал новый тип лыж. Сделаны были они по его специальному заказу. Всего взято было 9 пар: 2 пары были из дуба и 7 пар из березы. Внизу березовых лыж были вделаны тонкие стальные полоски, как для прочности, так и для того, чтобы лыжи легче скользили по влажному и зернистому снегу. Для того же, чтобы лыжи не сдавали назад, не откатывались — под самой ногой были приделаны шкурки с оленьей ноги. Привязь к ноге была самая простая, чтобы не утомлять ноги во время долгих переходов.

С таким же вниманием была сконструирована лодка, приспособленная к тому, чтобы ее можно было легко тащить по льду, и чтобы при сдавливании льдами она выскальзывала наверх.

Не мало хлопот доставило Нансену устройство специальной кухни для варки пищи во время пути. Так как много топлива брать было невозможно, то приходилось озаботиться, чтобы кухня расходовала топливо возможно экономнее, а, вместе с тем, все тепло уходило на варку пищи. Аппарат был устроен таким образом, что спиртовая лампа нагревала сразу боковые стенки, в которых варилась пища, и верхний котелок, куда клался снег для превращения его в воду.

Одежда была взята только шерстяная — кроме рукавиц, которые были из меха. Меховая одежда, по мнению Нансена, была бы слишком

тяжелой и представляла бы то неудобство, что мех не пропускает испарину, которая образуется при движении. Нансен помышлял даже о том, чтобы спальные мешки тоже сделать шерстяными, но потом отбросил эту мысль. Во время сна нечего бояться испарины, тут важнее всего тепло — и мешки были сделаны из меха. Впоследствии он убедился, что если бы мешки были шерстяные, экспедиции, вероятно, не удалось бы закончить своего путешествия. Мешков было взято два, так, чтобы в каждом могло помещаться по трое участников экспедиции. Конечно, было мало удовольствия после трудового дня залезать в мешок вместе с двумя спутниками и чувствовать всякое движение, всякое поворачивание соседа. Но при таком способе члены экспедиции грели друг друга, а тепло было важнее всего. Еще лучше было бы устроить один мешок на всю экспедицию. Но тогда являлась опасность, что если сани, на которых уложен мешок, пропадут, то экспедиции будет грозить неминуемая гибель, ибо она будет лишена возможности отдыха. При двух мешках, в случае пропажи одного, в оставшийся мешок могли бы залезать четверо и спать, чередуясь с двумя остальными.

Не менее важное значение имел выбор пищи. Так как каждый кусок еды путешественникам, согласно плану экспедиции, приходилось тащить на себе, то нужна была особенная тщательность, чтобы выбрать пищу достаточно питательной и не слишком тяжелой. Расчет пищи Нансен сделал таким образом. Экспедиция должна была продлиться около 2 месяцев. В день же на каждого человека нужно было по $\frac{1}{4}$ килограмма сушеного мяса, столько же жиров, несколько большее количество сухарей, далее, шоколад, сахар, гороховый суп, мясные сухари и пр., так что в день всякий участник экспедиции должен был получить несколько больше одного килограмма твердой пищи. Этого количества должно было оказаться вполне достаточным для поддержания сил даже при самом тяжелом путешествии и при больших холодах.

Несмотря на распространенное мнение, что алкоголь согревает при морозах, Нансен не взял ни капли спирта для употребления в питье — тот спирт, который был взят в виде топлива, был денатурирован. Нансен был убежден, что спирт только по видимости греет, на самом же деле он поднимает внутреннюю температуру, ослабляет жизнедеятельность и действует только разрушающе, не принося никакой пользы. Даже кофе было взято очень небольшое количество, и во время путешествия кофе было совсем изгнано из употребления по вечерам, почти не употреблялось и по утрам, так как было замечено, что оно на короткое время возбуждает человека, а потом длительно ослабляет его. Поэтому пили преимущественно чай, который обладает свойством прекрасно утолять жажду. Табаку было взято небольшое количество, лишь на воскресные дни.

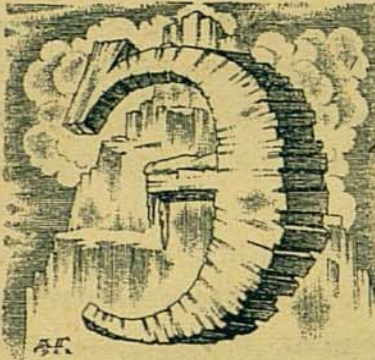
Нечего и говорить об особенном внимании, с которым был сделан подбор научных инструментов для наблюдений и измерений: секстанты для определения географического местоположения, карманные компасы, барометры разных образцов и систем, термометры, анероиды для определения высоты над морем, хронометры, маленький фотографический аппарат, подзорные трубы. Если к этому добавить два ружья небольшого калибра с зарядами, палатку, полотнища которой могли служить также парусами, 30 литров денатурированного спирта, небольшую аптечку и бесчисленное количество других мелких предметов; если припомнить, что при выборе всех этих вещей приходилось быть чрезвычайно осторожным и все время заботиться о минимальном весе, то мы поймем, что сборы Нансена были связаны с бесконечными заботами, тем более, что приходилось сноситься с разными странами: с Данией, с Англией, Францией, Германией, для того, чтобы получать наилучшее снаряжение и материал из первых рук, чаще всего по заказу.

Наконец, в апреле, когда все было уже готово, члены экспедиции решили испытать свое снаряжение и отправились в горы, еще покрытые снегом, для того, чтобы переночевать в таких условиях, в которых им нужно будет впоследствии провести многие ночи. Увы, первая попытка показала, что еще далеко не все было в порядке, а именно: походная кухня, несмотря на все усилия Нансена, не хотела служить и, несмотря на то, что горела много часов подряд, с трудом растопила снег, но кофе на ней так и не удалось сварить: вместо горячего кофе, пришлось довольствоваться тепловатой водой, в которую был налит кофейный экстракт. Этот урок пошел на пользу: лампа была переделана и впоследствии в течение одного часа превращала в воду довольно значительное количество снега и кипятила суп или что полагалось, при чем на все уходило не более трети литра спирта.

В общем, подготовка потребовала значительно больших средств, чем Нансен предполагал раньше. И он, не считая, тратил свои последние сбережения, влезал в долги и вложил в экспедицию своих денег раза в два больше, чем дал ему Гамэль, — всего экспедиция стоила около 15.000 крон. Правда, студенческий союз в Христиании открыл подписку на покрытие расходов, и эти дополнительные 10.000 крон были собраны. Но это было сделано уже после благополучного возвращения Нансена домой!

В ПЛЕНУ У ЛЬДОВ

На „Язоне“. Охота на тюленей. К берегу Гренландии. На лодке через льды. Первая авария. Между морем и землей. Среди бурунов. Мрачные перспективы. „Земля слишком близко“.

ЭКСПЕДИЦИЯ была готова. Оставалось только доставить ее к берегу Гренландии. Нансену, конечно, хотелось бы нанять корабль. Тогда он был бы полным хозяином дела и мог бы выбрать наиболее удобное время и место для высадки. Кто знает, может быть, ему посчастливилось бы пристать на корабле к самому берегу восточной Гренландии, и это само по себе было бы очень важным и интересным опытом, стоящим целой экспедиции. Но средства не позволяли и думать об этом. Оставалось войти в соглашение с одним из тюленепромышленных кораблей, чтобы тот доставил их к краю льдов, опоясывающих берега Гренландии, и там, находясь на борту, использовать первую представившуюся возможность своими силами достичь берега, пробираясь между льдинами. Соглашение было заключено с собственниками корабля „Язона“. Но так как „Язон“ пускался в плавание значительно раньше, чем имело смысл отправиться экспедиции, то решено было, что Нансен и его товарищи отправятся в Исландию, и оттуда уже „Язон“ подберет экспедицию.

В начале 1888 года Нансен отправился из Христиании через Копенгаген в Шотландию, где должен был встретить остальных членов экспедиции, направившихся туда прямым путем. Из Шотландии, мимо Фарерских островов, на пароходе они достигли Исландии. Там не без труда путешественникам удалось встретиться с „Язоном“, на борту которого 4 июня они двинулись в море. Но идти к берегам Гренландии было еще рано — ведь это была еще пора „ледохода“, когда льды из Ледовитого океана в значительном количестве неслись течением с севера вдоль восточных берегов Гренландии, а, кроме того, это было самое „горячее“ время для охоты на тюленей. И Нансену вторично пришлось в течение почти полутора месяца наблюдать быт тюленепромышленников и их приемы охоты. Вот несколько страничек из его описания жизни на „Язоне“.

„Народная пословица говорит: „За картами нет родственников“, и это приложимо также к жизни в полярном море. Здесь всякий корабль

старается превзойти другой. Если рядом находятся несколько кораблей, и с одного замечены тюлени в то время, как другие их не видят, то прежде всего нужно постараться, чтобы другие корабли ушли, и заняться ловлей одному. С этой целью применяются самые удивительные шутки: корабль вдруг пускается под всеми парами и на всех парусах в путь, как если бы увидел тюленей в другой стороне, и этим старается сманить их за собой с тем, чтобы, как только те уйдут на значительное расстояние, вернуться и начать охоту одному — это самый обычный маневр. И что за суматоха и оживление начинаются на корабле, пробивающем себе путь среди льдов, как только раздается крик с бочки, что тюлени в виду! Все тотчас вскакивают на ноги, все торопятся на передний конец судна посмотреть, не видны ли тюлени с палубы, у всех руки полны работы — надо привести в порядок лодки, проверить, имеется ли хлеб и сало в ящиках, наполнены ли бочки пивом, не пусты ли патронташи, в порядке ли винтовки, а когда нечего больше делать, тогда начинают оттачивать ножи для снятия шкуры с убитых тюленей. Затем опять идут в носовую часть посмотреть, не видны ли тюлени. Взгляд то поднимается к бочке на мачте, чтобы посмотреть, в какую сторону там обращена длинная подзорная труба, то направляется туда же, куда смотрит эта труба, и стоит действительно показаться тюленям, как начинается оживление, показывание друг другу, возбужденный разговор; тюлени, как черные точки, появляются вдали на льдинах все в большем числе, и каждый тюлень приветствуется восторженно.

Тем временем корабль верно и спокойно прокладывает себе путь через лед. С бочки раздается команда, оба рулевых работают так, что пот градом катится с них, и рулевое колесо ходит, как веретено. С грохотом, полным ходом, корабль с такой силой налетает на льдины, что с трудом можно удержаться на ногах. В машинном отделении топка все поддается, а винт работает так, что голубая вода за килем кипит и пенится до тех пор, пока ее не покрывают льдины. Наверху в бочке сидит капитан, наслаждающийся зрелищем массы тюленей, обдумывая при этом план охоты и выбирая путь для корабля. Такое плавание через лед полно напряжения. На всем корабле царит ожидание и беспокойство. Наконец, раздаются долгожданные слова: приготовить лодки!

Ликующие возгласы слышны по всему кораблю, шумнее всего в каюте матросов, где, конечно, никто больше не спит. Все одевают охотничье платье, а тем временем на кухне поспешно жарят и варят, чтобы экипаж, прежде чем спуститься в лодки, успел еще плотно поесть. Часто, однако, проходит еще целых полдня, пока корабль окажется в середине стада тюленей и остановится в самой сердцевине ловли, там, где тюлени лежат массами друг около друга. Тут с бочки раздается команда: „Занять места!“

— и все в один миг усаживаются по лодкам, висящим на баканцах с обеих сторон корабля. Стрелки — на каждой лодке имеется только один стрелок, и он является начальником в ней — получают указания, в какую сторону нужно плыть каждому из них, и, наконец, слышится: „лодки на воду!“ И в то время, как корабль умеряет свой ход, все лодки быстро опускаются вниз, отталкиваются и уходят в указанном им направлении. Десятки лодок, одновременно отталкивающихся от судна и уходящих в разных направлениях, между льдин, представляют внушительное зрелище. Стоя во весь рост впереди лодки, стрелок смотрит вперед, в то время как рулевой правит, а трое или четверо гребцов изо всех сил работают веслами. Но вот лодки в'езжают в место, где лежат, греясь на солнце, тюлени, и со всех сторон начинается стрельба, словно на поле битвы. Каждому стрелку хочется первому возвратиться на корабль с лодкой, полной добычи. Он подзадоривает свою команду и гонит лодку возможно быстрее вперед.

При приближении к тюленим надо стараться, чтобы они, раз увидев лодку, не потеряли ее из виду, и гребти нужно возможно прямее к ним. Если же тюлень чем-либо испугать, то он мгновенно исчезает. Как только он увидит лодку, он подымает голову, но так как расстояние обычно большое, то он опять спокойно кладет голову на лед. Но вот лодка, гонимая четырьмя сильными гребцами, приближается, и он опять подымает голову и глядит уже с некоторым сомнением. Он поглядывает на лодку, потом на воду, начинает беспокоиться, придвигается ближе к краю льдины, вытягивает шею и, видимо, готовится исчезнуть, как вдруг, по команде стрелка, весь экипаж лодки подымает ужасающий рев. Тюлень в изумлении останавливается, прислушиваясь к странному звуку, но, придя в себя, опять придвигается к краю льда и хочет исчезнуть. Опять слышится рев, еще более ужасный, чем раньше, и опять он вытягивает шею, изумленно и удивленно прислушивается, глядя на лодку, которая приближается с громадной быстротой. Тюлень склоняется над краем, сгибает дугой спину и вытягивает морду к воде. Несмотря на страшный вой, теперь тюлень уже твердо решил прыгнуть в воду, а между тем, лодка еще не подошла на расстояние ружейного выстрела! Тут не остается ничего иного, как взбросить винтовку и послать пулю в край льда как раз под животным, так, чтобы снегом и осколками льда обдало его грудь и нос. „Это что-то новое!“ — и он испуганно тянется назад, на льдину, уставившись в изумлении на край льда. Но, пока он раздумывает над этим загадочным явлением, лодка достигает ружейного выстрела; весла выпускаются из рук и, оставаясь в уключинах, скользят с боков, и все сидят недвижимо, стрелок поднимает ружье, бух — и пораженная в лоб голова тюленя падает на лед, на этот раз с тем, чтобы никогда более не подняться.

Если на той же льдине или поблизости лежит больше тюленей, то можно застрелить многих, лишь бы в первого тюленя попасть так, чтобы он остался мертвым на месте. В 1882 году я на одном месте настрелял полный груз лодки и мог настрелять еще в несколько раз более, если бы было куда поместить добычу, так как, если со всех сторон по краям льдины лежат убитые тюлени, то остальные тоже остаются лежать. Они смотрят на своих мертвых товарищей, считая их живыми, и думают, что, если те, находясь в непосредственной близости от нарушителей тишины, могут оставаться спокойно на месте, то остальным тем более нечего беспокоиться.

Но если стрелок неудачлив и не попадет сразу в смертельное место, так что раненый тюлень бьется на льдине или с плеском бросается в воду, то можно быть уверенным, что остальные тоже заволнуются и последуют его примеру. Поэтому лучше промахнуться, чем попасть плохо. Отсюда ясно, насколько важно для охоты на тюленей иметь хороших стрелков.

Как только тюлень убит, с него снимается шкура. Необходимо это сделать возможно скорее, чтобы ехать дальше и не быть обогнанным другими. Поэтому важно, чтобы каждый стрелок имел на своей лодке ловких людей. Опытный моряк способен освежевать тюленя в невероятно короткое время. Это проделывалось в две минуты. Сперва делается длинный надрез на животе от головы до хвоста, потом несколько ударов ниже с обеих сторон между слоем сала и мяса, затем несколько надрезов сверху на голове и внизу у хвоста и задних ног, и кожа содрана! В дело идет только кожа и лежащий под ней толстый слой сала. Остальное бросают на льдине в качестве добычи для чаек.

Но такая охота — это праздники во время ловли тюленей. Большая часть дней проходит в монотонном плавании среди льдин и бесплодном высматривании горизонта. Нансену и его спутникам пришлось порядком поскучать во время плавания на „Язоне“, несмотря на то, что Нансен исполнял обязанности доктора как для экипажа „Язона“, так и для других встреченных кораблей. Особенно мучил недостаток книг. Нансен взял с собой только самые необходимые книги, и теперь сильно чувствовался недостаток материала для чтения. Прочтено было все, что можно было достать, даже книжки, имевшиеся у матросов, — в большинстве случаев романы с кровавыми приключениями. Более того, Нансен устраивал „пиратские“, как он сам называет, экспедиции за книгами на другие корабли. Но все это было слишком мало для того большого количества свободного времени, которое было у них в запасе.

Лишь 13 июля, когда уже время охоты на тюленей приходило к концу, был дан долгожданный приказ выйти из пловучих льдов и направить курс к берегам Гренландии.

В ночь с 14 на 15 июля штурман „Язона“ увидел землю. Но утро было туманное, и трудно было определить, насколько судно было далеко от берегов. Лишь в полдень Нансен, занятый писанием писем в Европу, услышал снова крик:

„Земля!“

Он вскочил и выбежал на палубу... Что за зрелище! Среди волн тумана вдали простиралась озаренная солнцем Гренландия.

Судя на глаз, земля была на расстоянии 8 морских миль (около 50 верст). Так как это расстояние было слишком далеким, а впереди был лед, то корабль повернул к югу. 16 июля корабль был уже около места, где ширина ледяного пояса не могла быть больше 4 миль. И, наконец, когда утром на следующий день Нансен вышел на палубу, он сразу увидел, что настал день, когда можно было сделать попытку высадки на берег — расстояние до берега не могло быть больше 2 1/2 миль. Кроме того, лед не был сплошным, и, повидимому, лодке легко было пробраться среди льдин. Если бы корабль принадлежал Нансену, то он, не колеблясь ни минуты, попытался бы пробиться через пояс пловучего льда: во время охоты кораблям приходится пробиваться к стаду тюленей и через более широкие ледяные поля. Но корабль был собственностью тюленепромышленников, которым был дорог всякий час, и которые не хотели рисковать без всякой пользы для себя. Поэтому Нансен даже не поднял вопроса о возможности кораблю пробиваться через льдины и был очень рад и тому, что капитан корабля предложил ему воспользоваться, кроме лодки экспедиции, еще одной из небольших лодок, бывших на корабле.

Последние минуты проведены были в торопливых сборах, распаковывании ящиков, перекалывании вещей на сани, писании последних писем родным и близким. Приблизительно около 7 часов вечера все было готово к путешествию. После дружественного трогательного прощания с товарищами по плаванью на корабле, члены экспедиции заняли места в лодках: Нансен, Дитрихсон и Балто в лодке, предоставленной капитаном корабля, а Свердруп, Христиансен Трана и Равна — в собственной лодке экспедиции.

— Все на местах? Отчаливай!

И обе лодки, повинаясь сильным ударам весел, понеслись по темным волнам к неизвестному берегу.

Громовое „ура!“ из 64 здоровых морских глоток на корабле „Язоне“ и пушечные салюты провожали путешественников. Вскоре им в догонку показалась еще одна лодка с 12 моряками, посланная капитаном корабля „на всякий случай“. Но при первом столкновении со льдами Нансен убедился, что посторонняя помощь ему не нужна, и он отослал эту лодку назад на корабль.

Вначале все шло прекрасно. Лед был не слишком густой, и лодки без труда пробивались между льдинами. Лишь в немногих местах пришлось перетаскивать лодки через неширокие пояса сгромоздившихся льдин. На беду, однако, начал падать сперва мелкий, а затем все более сильный дождь. Небо покрылось темными облаками, и словно что-то мрачное нависло над шестью человеческими существами в непромокаемых плащах, с надвинутыми на головы капюшонами, пробивающимися в неизвестную даль.

„Является ли это предзнаменованием судьбы экспедиции?“ — спрашивал себя Нансен. И он видел, что тревога закрадывалась не только в души робких лапландцев...

А лед становился все хуже и хуже, Нансену все чаще приходилось вылезать из лодки и взбираться на высокие льдины для того, чтобы рассмотреть путь. Вскоре путешественники заметили, что они оказались в морском течении, которое увлекало их со значительной силой вместе с пловучими льдинами. В одном месте они попали в такую стремнину, что льдины кружились, трещали и ломались, наталкиваясь друг на друга, и хрупким, маленьким лодкам грозила немалая опасность. Свердрупу удалось вытащить свою лодку на большую и сравнительно безопасную льдину. Но Нансен со своими двумя спутниками порядком промучился, пока ему удалось выбраться в открытое пространство около громадной ледяной горы. С трудом к нему присоединилась и лодка Свердрупа.

Казалось, трудностям приходил конец. Впереди виднелось свободное пространство воды, дождь перестал лить, а берег был уже настолько близок, что ясно были видны неровности и камни на склонах прибрежных холмов. Думалось, ничто не могло помешать экспедиции благополучно добраться до берега, и путешественники уже разговаривали о том, где и как они будут варить себе на берегу кофе, — вопрос не малой важности после стольких часов напряженного труда и тревог.

Но разговор о кофе оказался преждевременным — лишь спустя 12 дней путешественники получили его! Теперь же, как только пустились в путь, лодка Нансена попала в неудобное место, и острый край льдины прорезал доску дна. Пришлось поспешно вытащить лодку на лед, выгрузить из нее все вещи и заняться починкой. Свердруп и Христиансен сделали это с величайшей быстротой, воспользовавшись дощечкой от бочки из-под пива, несколькими гвоздями и топором. Но все же это вместе с разгрузкой и нагрузкой, потребовало нескольких часов, а в это время лед опять сгустился, кругом стемнело, потоками хлынул дождь. После 15-ти часового напряженного труда все выбились из сил и нуждались в отдыхе и пище. Поэтому не оставалось ничего иного, как разбить на пловучей льдине палатку, забраться в мешки, поесть холодного и отдохнуть.

В это время небо над морем несколько прояснилось, и путники увидели на большом расстоянии „Язона“, который как раз в это время разводил пары и часом спустя отправился в море, вероятно, в полной уверенности, что экспедиция уже достигла берега. В описании путешествия, составленном Балто, этот момент изображен следующим образом:

„Когда Равна увидел корабль в последний раз, он сказал мне: — Как мы были глупы, что оставили корабль для того, чтобы погибнуть здесь. Нет никакой надежды, чтобы мы выбрались отсюда живыми. Громадное море станет нашей могилой“.

Пока путешественники спали в палатке, забравшись в свои мешки, один из них должен был стоять на страже и наблюдать, не разойдется ли лед, и не откроется ли путь. Но состояние льда менялось мало. Правда, по временам казалось, что льдины редели, но тотчас же они снова сдвигались одна к другой, так что нечего было и думать о том, чтобы пробираться на лодках. Точно так же нельзя было пробираться „волоком“ по льду, так как льдины были неровные, нагроможденные друг на друга, а вместе с тем слишком малые, чтобы по ним можно было надежно идти.

Льдина, между тем, увлекалась течением сперва к западу, к берегу, потом с еще большей быстротой к югу, в сторону от земли. При этом течение оказалось таким сильным, что относилось быстрее от берега, чем экспедиция могла при всех усилиях приближаться к нему. Поэтому приходилось оставаться в мешках и довольствоваться скромным, хотя и необходимым делом — вычерпыванием из палатки воды, которая пробивалась через отверстия для веревок, скрепляющих полотнища.

Лишь по истечении 24 часов невольного отдыха, утром 19 июля, лед настолько раздвинулся, что решено было повторить попытку достичь берега. Дождь несколько поредел, небо посветлело, земля стала опять видной, — хотя расстояние до нее увеличилось вдвое с того момента, как началась попытка высадки. В начале дело пошло на лад. Лодки, хотя и с трудом, но все же пробивали путь между льдинами. Потом удалось добраться до громадной пловучей ледяной горы, и за ней было открытое водное пространство. Однако, далее лед стал сгущаться и, наконец, снова преградил путь. Путешественникам опять пришлось выбраться на первую удобную льдину, раскинуть палатку и сушить свое промокшее платье. Особенно нужно было это Нансену, который, как-то выскакивая из лодки на льдину, оступись и очутился весь с головой в воде. Такое купанье было не слишком большим удовольствием, но полярному путешественнику не приходится с этим считаться. Раскрыты были коробки с консервами. На дне боченка в лодке с „Язона“ оказалось пиво. И, закусывая, путники старались утешить себя тем, что могло быть и хуже.

Вечером, когда уже все спали, Нансен остался один, чтобы зарисовать вид берега Гренландии. Недавно этот берег был так близок, но теперь он уходил все более в даль. Вдруг Нансен услышал со стороны моря глухой гул. Взглянул — над морем ползли черные тучи, и видно было, что волны вздымались все сильнее. Грозил буря. Но так как это, в конце концов, не касалось экспедиции, то Нансен спокойно забрался по примеру других в мешок и заснул.

Утром он проснулся от сильных толчков. Волнение заметно усилилось. Когда путники выползли из мешков, они увидели, что их льдина треснула поперек. Лапландцы, забравшиеся на самый высокий край, крикнули, что они уже видят море. Действительно, в отдалении виднелось открытое море, которого экспедиция не видела с того момента, как оставила корабль. Волнение на море усиливалось. А течение несло экспедицию прямо к бурунам, образующимся в том месте, где волны открытого моря разбиваются о край ледяного пояса.

Между тем, льдина, на которой разместилась экспедиция, получала в разных направлениях все новые трещины. Пришлось оставить ее и перебраться со всеми пожитками на другую, побольше и посolidнее. Но хуже и опаснее всего было то, что буруны все приближались, и путешественникам грозила серьезная опасность быть вынужденными вступить в борьбу с морскими волнами.

Особенно были перепуганы лапландцы. После того, как экспедиция перебралась на новую льдину, Нансен обратил внимание, что оба лапландца исчезли. Это было тем более поразительно, что льдина, в несколько десятков метров в поперечнике, была местом, очень мало подходящим для игры в прятки. Вдруг он заметил, что одна из лодок была как-то уж очень тщательно покрыта парусиной. Он подошел туда и, приподняв край, увидел обоих лапландцев, лежащих рядышком, при чем Балто читал вслух Евангелие. Лапландцы не заметили Нансена, и он осторожно опять прикрыл эту импровизированную походную церковь. Бедные невольные путешественники считали себя погибшими и готовились к смерти.

Европейцы же относились к положению значительно спокойнее. И когда был сервирован обед из горохового супа, для чего впервые была разведена кухня, несмотря на то, что волнение чуть не опрокидывало ее, настроение европейцев стало совсем бодрым, и они обменивались шутками так, как если бы находились в уютной каюте надежнейшего корабля. Но лапландцы ели молча и укоризненно поглядывали на своих беззаботных товарищей.

Буруны, между тем, приближались, и предстояло подумать о том, что делать, если льдина будет отеснена к ним. Уже было видно, как волны обмывали крайние льдины, и не было сомнений, что живая душа

не могла остаться на льдине в бурунах и будет смыта пенящимися волнами. Но льдина, на которой находилась экспедиция, была толстая и крепкая. Поэтому было решено не покидать ее до тех пор, пока можно будет держаться на ней. В случае же необходимости, пришлось бы думать о том, чтобы пробираться через буруны на лодках.

„При этом удовольствии пришлось бы здорово вымокнуть, — замечает Нансен, — но наша решимость бороться до конца была непоколебимой“.

Обдумывая и готовясь к вынужденному спуску лодок, путники убедились, что нельзя быть уверенным, что удастся спасти обе лодки. Спустить одну нагруженную лодку силами шести человек было еще мыслимо. Но как быть с другой, для спуска которой осталось бы всего три человека? Поэтому решено было все самое необходимое уложить в одну лодку и всеми силами постараться спасти ее, предоставив другую на волю судьбы.

Буруны все ближе и ближе. Вот уже они не далее, чем триста метров от льдины, на которой разместились экспедиция. Казалось, не было силы, которая могла бы спасти путников от встречи с ними. Но так как была ночь, то путники решили перед предстоящими испытаниями подкрепиться сном. Поэтому, оставив стражу, все забрались в мешки — кроме Балто, которому казалось, что безопаснее спать под открытым небом, и который расположился на лодке.

Первую вахту принял на себя Свердруп. Когда Нансен, после первой дремоты, проснулся, шум волнения моря был оглушителен, и льдина вся колебалась и дрожала. Нансен ожидал, что каждую минуту Свердруп разбудит всех. Но тот продолжал мерно ходить взад и вперед, и Нансен опять забылся сном. Когда же он проснулся утром, то волнение моря и шум бурунов были слышны лишь как отдаленный гром. Нансен взглянул из палатки — море было далеко от льдины. Но зато вся льдина кругом была покрыта мелкими обломками льда, которые волнение набросало на нее, в виде стены со всех сторон. — Свердруп же рассказал следующее. Ночью он не раз подходил к входу палатки с намерением разбудить товарищей. Но каждый раз решал подождать еще немного. Лишь на всякий случай он открыл вход палатки. В это время льдина находилась у самого края бурунов. Кругом высились громадные льдины, грозящие каждую минуту обрушиться и раздавить всю экспедицию. Пенящиеся волны бурунов обдавали льдину со всех сторон — и только стена из мелкого льда защищала палатку и вещи экспедиции от брызг волн. Но Свердрупу уже приходилось не раз удерживать лодку, на которой спал Балто, чтобы ее не смыло волнами. Тут медлить нельзя было больше. И Свердруп подошел к входу палатки, поднял завес и готов был уже

будить товарищей. Но опять он решил подождать еще нового приступа волн. Как вдруг в тот момент, когда, казалось, льдина вовлекается в самое опасное место бурунов, она неожиданно переменяла направление своего движения и с изумительной быстротой понеслась к берегу.

Первую вахту принял на себя Свердруп...

„Можно было подумать, — рассказывал Свердруп, — что льдину направляла какая-то невидимая рука“.

Непосредственная опасность на этот раз миновала. Льдина находилась в тихом месте, среди пловучих льдов. Шум бурунов и морского прибоя был слышен, но в большом отдалении. И после тревожной ночи экспедиция наслаждалась спокойным и солнечным днем.

Но, тем не менее, положение оставалось критическим. Вместо того, чтобы пристать к берегу, спутники, действительно, „как белые медведи“, вот уже несколько дней неслись на хрупких льдинах, увлекаемые течением все дальше к югу, т. е. все дальше от того пункта, от которого экспедиция должна была начать свой путь внутрь Гренландии. И если еще можно было надеяться на спасение экспедиции, на то, что дальше к югу они сумеют вырваться из пояса пловучих льдов и на лодках

добраться до берега, то все же приходилось уже мириться с тем, что самая цель путешествия — переход через Гренландию — на этот раз не будет достигнута, и Нансену, очевидно, придется возвратиться ни с чем домой. Несколько раз экспедиция, пользуясь тем, что лед редел, делала отчаянные попытки на лодках добраться до берега — но безуспешно: вода, полная мелких обломков льда, была похожа на кашу, по которой лодки не двигались, несмотря на все усилия путешественников.

Но время невольного бездействия не было потеряно без пользы, и экспедиция, несмотря на отчаянность своего положения, производила научные наблюдения, которыми руководил Дитрихсон. Измеряли температуру и давление атмосферы в разное время дня, наблюдали силу и направление ветра, формы облаков. Несмотря на усталость, наблюдения велись даже ночью, чтобы иметь возможно более полную картину состояния и изменений погоды.

Так неслись путники на льдине день и ночь, сутки за сутками. Берег то приближался, то опять отдалялся, но ни разу их не принесло настолько близко, чтобы можно было рассчитывать достигнуть земли. Шум морских бурунов на внешнем краю ледяного поля был все время слышен то слабее, то сильнее. Иногда туман спускался на море, и тогда экспедиция не знала, куда и в какую сторону несет их течение. Единственная надежда была на то, чтобы со стороны Гренландии от берега поднялся сильный ветер, или хоть буря, тогда лед был бы разогнан по морю, и перед экспедицией открылся бы, хотя и опасный, но все же свободный путь к берегу. Погода была, в общем, тихая. И единственным развлечением для экспедиции, помимо научных наблюдений, было следить за жизнью их невольных сотоварищей — тюленей, которые в большом количестве показывались часто на льдинах. Тюлени тоже с большим изумлением и любопытством наблюдали за неизвестной породой зверей и свои чувства выражали в шумном фыркании и хлопании хвостом. Так как экспедиция не нуждалась в свежем мясе, имея запас конского мяса, взятый с „Язона“, то мирных морских аборигенов никто не трогал. Один только раз Нансен и Свердруп не выдержали искушения и поддались охотничьей страсти. Видя, как кругом на льдинах лежали громадные тюлени, охотники решили застрелить одного. Нансен подкрался к стаду и выстрелил. Один тюлень остался лежать на льдине, но не был убит наповал, и, когда Нансен подошел к нему, тюлень стал сползать в воду. Нансен воткнул в него гарпун с одной стороны, Свердруп — с другой, и оба они пытались приподнять хвост и заднюю часть туловища тюленя и тем лишить его возможности сползти в воду. Но тюлень рванулся, вырвался и моментально бухнул в воду, оставив обоих охотников с вытянутыми лицами над краем льдины.

23 июля утром Дитрихсон разбудил товарищей, так как лед растаял, и, казалось, была возможность плыть на лодках. В течение целого дня путешественники пробивались к берегу, терпеливо выжидая, когда лед сгустился, и опять пробираясь вперед, как только путь становился свободнее. Но к вечеру пришлось остановиться, так как груды льда преградили путь окончательно. После ночного отдыха, во время которого даже не разбивали палатки, а лежали в мешках под открытым небом, решили попробовать двигаться волоком. Но дело шло медленно и плохо. Лед был неровный, и лодки удавалось перетаскивать лишь с большим трудом и при напряжении всех сил. Но все же хоть понемногу, но приближались к берегу. Уверенность в достижении земли так выросла, что путешественники начали уже высчитывать, сколько времени им понадобится, чтобы опять достигнуть того места, от которого они собирались начать свой переход по ледникам Гренландии.

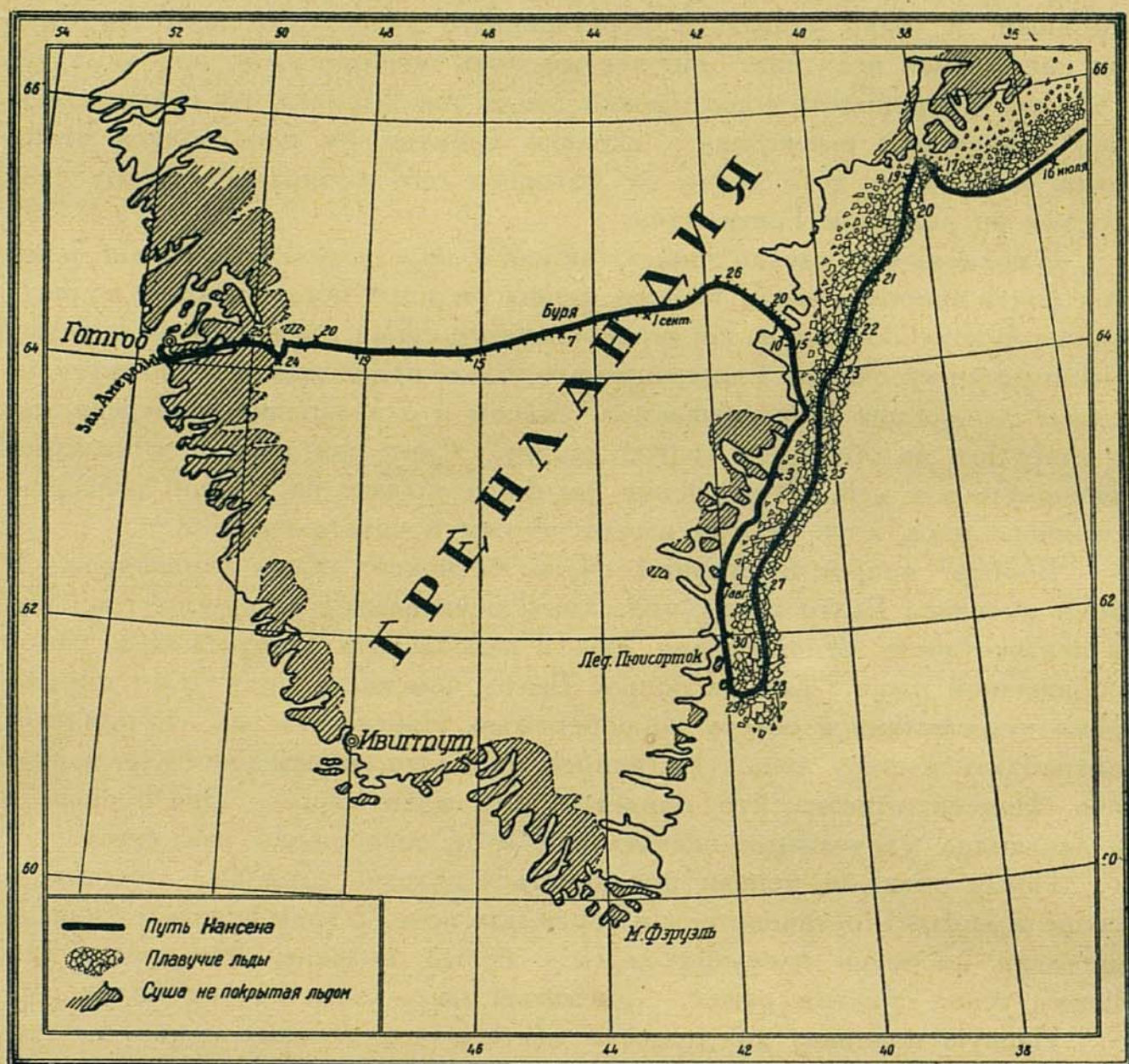
В полдень был сделан привал, так как солнце грело очень сильно, а лед стал почти непроходимым. Нансен решил устроить обед посытнее и приготовил хорошую порцию из консервированного супа с сырым мясом, нарезанным мелкими кусочками. Европейцам это блюдо пришлось очень по вкусу, но бедные лапландцы с нескрываемым ужасом и отвращением смотрели, как те уплетают за обе щеки сырую конину. Сами они наотрез отказались прикоснуться к ней. В утешение им было выдано по порции консервированного мяса, которое они нашли чистым и питательным.

Вообще вопрос о питании очень беспокоил обоих лапландцев. В своем дневнике Балто писал, что самым печальным в их путешествии была неизвестность относительно еды и перспектива употребления самой непривычной пищи. Так, на вопрос Балто, чем экспедиция будет жить во время путешествия к северу по побережью, Нансен ответил, что придется употреблять в пищу дичь. На вопрос же Балто, на чем они будут варить дичь, Нансен ответил, что придется есть мясо сырым. Это произвело на лапландца удручающее впечатление, и он совершенно пал духом.

После обеда не успели продвинуться далеко. Лед был трудный, и вскоре пришлось остановиться и переждать ночь. Утром показался издали еще один абориген пловучих льдов — белый медведь. Но прежде чем Нансен успел схватить ружье — косматый зверь скрылся меж льдин.

Первую половину дня провели опять в бездействии: льдины кругом были слишком малы, чтобы перетаскивать по ним лодки и сани, но вместе с тем они нагромодились так густо, что лодкам среди них не было пути. После обеда заметили, что течение опять несет в открытое море, и опять грозила опасность попасть в полосу бурунов. Поэтому с неимоверными усилиями и напряжением начали пробиваться к берегу. Но что пользы? Течение, уносившее от земли, было быстрее, чем движение к

земле, несмотря на самые отчаянные усилия. Пришлось снова выбрать крепкую льдину, с высокими краями, но не слишком большую, чтобы могла качаться на волнах, не ломаясь. На этой льдине уложили свои пожитки, разбили палатку и решили оставаться, будь что будет, даже если бы течение занесло их в самую середину бурунов. Оставаясь на ней, путешественники, в течение всего 27 и 28 июля, неслись к югу, все время отдаляясь от своей цели. Вечером 28 июля море несколько рас-

чистилось, в сущности, была даже возможность попытаться опять проби-
раться на лодках между льдин. Но Нансен уже устал от разочарований
и не хотел покидать надежную льдину.

Как всегда, ночью поочередно сменялась вахта. Под утро на вахте
стоял Свердруп. Над морем сгустился туман, и Свердрупа поразило,

что прибой волн он слышал не с той стороны, как всегда. Море шумело обычно с восточной стороны, со стороны открытого пространства. Тут же шум слышался ясно с западной стороны, там, где должна была находиться земля. Как ни сверял Свердруп свои наблюдения с компасом — ему оставалось притти к заключению, что или он, или компас сошли с ума.

Свердрупа сменил Равна. Равна не умел смотреть на часы. И хотя все члены экспедиции должны были дежурить лишь по два часа, но Равна простаивал обычно не менее четырех, ибо он боялся разбудить своего заместителя до срока. Так случилось и теперь. Уже было совсем светло, когда Нансен заметил, что Равна озабоченно заглядывает в палатку. Нансен подумал, что Равна опять беспокоится, можно ли будить заместителя. Но его удивило необычное тревожное выражение его лица, и он спросил его в шутку:

„Ну что, Равна, видна ли земля?“

„Да, да, земля слишком близко“, ответил Равна таким тоном, что Нансен сразу вскочил на ноги: слово „слишком“ лапландцы употребляют вместо слова „очень“.

Действительно, земля была „слишком“ близкой, чтобы оставаться дольше в мешках. Берег виден был совершенно ясно, а главное — путь к нему был почти совершенно свободен от льда.

Все были тотчас разбужены, лодки спущены на воду и нагружены, и, усиленно работая веслами, путешественники понеслись к берегу, достижение которого еще вчера казалось им таким неосуществимым. До самого берега путь оказался свободным — только в нескольких местах пришлось раздвинуть льдины.

К СЕВЕРУ НА ЛОДКЕ

Пир на суше. На лодке вдоль берега. Первые эскимосы. Ледник Пюисортток. В гостях у эскимосов. Среди ледяных гор. Ропот лапландцев.

ТРУДОМ вырвавшись из объятий ледяного поля и преодолев страшные опасности, путешественники, можно было думать, постараются пристать к ближайшему берегу, чтобы хорошенько отдохнуть после всех тревог и опасностей. Не тут-то было. Стремление скорее достигнуть назначенного пункта было так сильно, что экспедиция, минуя ближайший остров и даже не приставая к берегу, направила свой курс прямо на север по открытой полосе воды между берегом и поясом плывучих льдов. Как раз на пути показался остров Кекертарсуак. Тут путешественники не выдержали искушения поскорее почувствовать под ногами твердую, надежную почву... Это искушение было тем более сильным, что уже давно было условлено, что, как только экспедиция достигнет твердой земли, она устроит себе торжественное пиршество даже не с кофе, а с шоколадом. Подъезжая к острову, экспедиция должна была миновать громадную ледяную гору, которая была так велика, что нижней частью своей касалась дна моря. На ее склонах сидело множество чаек. Как раз, когда лодки проезжали мимо, громадная глыба льда откололась и с шумом скатилась в море. Чайки в испуге взлетели темной тучей. Все это было так непохоже на безжизненность среди плывучих льдов, что путешественники невольно почувствовали с новой силой, какое это счастье иметь возможность свободно ехать в нужном направлении.

Но препятствия были не все кончены. Несколько далее, у самого берега, лодки наткнулись на новый пояс льдов. Но, к счастью, льдины были невелики, и экспедиция без особого труда пробила себе путь. И вот наступила торжественная минута: лодки, украшенные норвежским и датским флагами, подплыли к крутому берегу, и путники радостно прислушивались, как скалы отзываются эхом на человеческую речь! Без труда найдена была удобная пристань для лодок, и вот, буквально взапуски, все стали выскакивать на землю, чтобы скорее почувствовать

ногами камни, настоящие камни! „Мы взобрались на утесы, — пишет Нансен, — чтобы увидеть, что делается вокруг. Мы были как дети: кусочек мха, стебелек травы, не говоря уже о цветке, возбуждали в нас целую бурю восторга. Все было так ново, переход был так резок и неожидан. Лапландцы моментально исчезли среди утесов, и прошло не мало времени, пока мы опять их увидели“.

Лишь после того, как улеглась первая буря восторгов, путешественники принялись за более прозаическое, но, тем не менее, весьма приятное занятие — приготовление торжественного обеда. Добровольцев для этого дела было более, чем достаточно, и Нансен, обычно выполнявший обязанности повара, мог отправиться, по примеру лапландцев, в горы высматривать дальнейший путь на север. В горах, разглядывая окружающую местность, он вдруг услышал знакомое жужжание, которое приблизилось к нему и остановилось на его руке: в самом деле, настоящий комар! Смотреть на живого комара было истинным наслаждением, и Нансен позволил ему напиться крови досыта — ведь, этого удовольствия комар, вероятно, давно уже не знал! Но вот новое развлечение: чирикающая подлетела воробей, уселся на камне и стал с любопытством, склоняя голову то в одну, то в другую сторону, рассматривать странного пришельца.

Путь на север, насколько можно было видеть, не был вполне легок, и за открытым морем около острова виднелись пространства, повидимому, покрытые льдом, через которые придется еще пробиваться. Но это не омрачило праздничного настроения Нансена, и, сфотографировав виды острова, он отправился вниз, к товарищам.

„Наконец, шоколад был готов, и шесть жадных глоток могли в свое удовольствие тянуть великолепный, горячий напиток богов. Кроме порций, более обильных, чем когда-либо, были розданы еще добавочные порции в виде печений, швейцарского сыра и варенья. Мы получили, действительно, „королевский“ обед, какого у нас еще ни разу не было. Но мы заслужили его и наслаждались им. Настроение было приподнятое“.

Тут же за обедом было решено, что это пиршество было лишь исключением, и с этого момента должен господствовать один лозунг: как можно меньше сна, как можно меньше еды и как можно больше работы. Пища экспедиции должна отныне состоять почти исключительно из воды, сухарей и сушеного мяса. Путники имели слишком мало времени, чтобы думать о варке или об охоте. Ведь было потеряно около двух недель короткого гренландского лета, а предстояло еще — достигнуть западного берега. Поэтому было важно не терять ни единого часа дорогого времени.

Еще в тот же день вещи были опять сложены в лодки, и экспедиция двинулась дальше на север. В начале путь шел гладко, море было свободно. Но потом лед сгустился, и часто приходилось пробивать себе дорогу, расталкивая и обходя льдины. Это было особенно трудным делом ночью, но путешественники не хотели терять времени на отдых. Солнце зашло за горы, и лишь ночная заря своим отблеском освещала море перед лодками. Мрачные образы полярной ночи навевали невольно тоску на всех. Но приходилось быть внимательным и по отблеску неба на воде угадывать, свободен ли путь, или приближаются навстречу льдины. Около мыса Рантцау лед настолько сгустился, что пришлось пробивать путь баграми и топорами. К полуночи стало так холодно, что вода между льдинами стала замерзать, и это очень мешало лодкам продвигаться вперед. Наконец, к утру силы путешественников стали сдавать: ведь они работали более 12 часов подряд, не имея ничего во рту от самого своего торжественного обеда. Стремление скорее пробраться на север было так сильно, что было забыто все остальное, но теперь потребности тела стали сказываться с такой силой, что многие почти не могли открыть глаз. Поэтому, выбрав льдину потолще, экспедиция причалила к ней, чтобы немного закусить и приотдохнуть, хотя всех мучило сознание, что, в сущности, время для отдыха еще не пришло. Лишь только наступил день, экспедиция принялась наново за трудную работу — пробивать себе дальнейшую дорогу.

Особенно трудным стал путь около мыса Аделаер. Громадные льдины лежали близко друг от друга, плотно прижатые, и усилия всех членов экспедиции не могли их раздвинуть. Но вот еще одно напряжение, еще дружный натиск баграми, веслами, топорами — льдины подались на какой-либо дюйм. Еще напор — и путь открылся, правда, узкий, трудный и опасный, тем более, что льдины, под напором дальнейших льдин, все время стремились опять сойтись.

С трудом миновав мыс Аделаер, к полудню пристали к выступу земли, которому Нансен дал название мыс Гард. Тут экспедиции пришлось пристать, чтобы подумать об отдыхе после 24-часовой работы. Они разбили палатку и приготовили обед.

На этой стоянке случилось великое событие для путешественников — они встретили людей, аборигенов Гренландии, эскимосов. Случилось это так. Во время скудного обеда сперва Нансену, а потом и другим спутникам слышались среди шума волн и крика птиц какие-то звуки, странно напоминающие отдаленные человеческие возгласы. Но возможность встречи с людьми в этой области казалась так мало вероятной, что путники приняли эти звуки за голоса особой породы птиц. К концу обеда звуки, чрезвычайно похожие на человеческую речь, раздались так близко,

что все вскочили на ноги, а Балто, схватив подозрную трубу, вскарабкался на прибрежный обломок скалы и оттуда закричал, что видит два человеческие существа. К Балто подбежал Нансен и увидел, что, в самом деле, к стоянке приближались два черные пункта, то сближавшиеся между собой, то расходившиеся. Вскоре стало ясно видно и махание весел. Это были два эскимоса на каяках, с трудом прокладывавшие себе путь среди ледяных глыб. Каяки вскоре причалили к берегу, и перед путешественниками предстали двое из коренных обитателей страны: один был в костюме из тюленьей кожи, прикрывавшем верхнюю и нижнюю часть тела, в то время, как середина оставалась голой; другой, к удивлению Нансена, имел на себе, кроме предметов туземного одояния, еще синюю ситцевую рубашку. На голове последнего была странная широкая шляпа, поля которой были сделаны из того же материала, как рубашка, натянутая на обруч из-под бочки. Как потом Нансен узнал, такие головные уборы были весьма „модными“ среди обитателей Гренландии и составляли гордость их обладателей. Впрочем, они были не лишены и практического удобства, так как во время плавания на каяках защищали от ярких лучей солнца. Оба эскимоса были молоды и, стоя перед путешественниками, безбоязненно, приветливо улыбались им. Затем они начали оживленно жестикулировать и очень быстро лопотать на своем языке, указывая рукой на лодки путешественников, на юг, на север, ни на мгновение не умолкая, хотя, конечно, норвежцы не понимали ни одного слова.

Нансен достал листок бумаги, на котором у него были записаны слова туземного наречия. Но, как он ни пробовал говорить, каким акцентом ни выговаривал слова — его понимали не более, чем он понимал туземцев. Тогда Нансен перешел к жестам, и дело пошло на лад быстрее, так, что Нансен скоро понял, что эскимосов имеется много, но их стоянка расположена значительно дальше на север от страшного своей славой ледника Пюисортот. Эскимосы, при упоминании о леднике, всеми жестами и интонацией давали понять, что плавание мимо него сопряжено с большими опасностями и нуждается в величайших предосторожностях. Нансен жестами постарался объяснить эскимосам, что экспедиция пришла не с юга, а с моря. Но это вызвало со стороны туземцев только возгласы, похожие на мычание, выражавшие высшую степень удивления.

Они выразили чрезвычайное удовольствие, когда им дали по кусочку мясного бисквита: попробовав небольшой кусок, они остальное спрятали, очевидно с намерением показать своим. Между тем, эскимосы, имевшие одежду на верхней и нижней части туловища, начали дрожать от холода, так как на воздухе было свежо. Спросив знаками, куда путешественники направляются, и еще раз предостерегающе указав на Пюисортот, они отправились к берегу. Одев свои легкие полушубки, они ловко, как

кошки, вскочили в каяки и, пробивая себе путь среди льдин, скоро скрылись из глаз в направлении ледника Пюисортток. Так как в этой местности, по единодушному показанию всех прежних путешественников, эскимосы никогда не живут, то путешественники решили, что эти два эскимоса находились в пути и лишь случайно оказались в этой местности.

После непродолжительного отдыха и сна, часов около 6 вечера, Нансен вскочил и разбудил товарищей. Лед, казалось, несколько поредел, и нельзя было тратить ни минуты — ведь предстояло пройти наиболее опасную часть пути. Не только эскимосы питали почти суеверный ужас перед ледником Пюисортток. Почти все путешественники рассказывали много мрачного об этой местности, о неожиданных обвалах ледяных стен, мимо которых приходится плыть, о громадных глыбах льда, сползающих на морское дно, где они отрываются и выбрасываются на поверхность моря, ломая и уничтожая все. Эскимосами даже выработан определенный ритуал для путешественников, проезжающих мимо этого страшного ледника. Главное было — сохранять полнейшее молчание и, Боже сохрани, не произнести название ледника. Точно так же нельзя было глядеть на ледник, и т. д. Во всяком случае, эта часть побережья была наиболее трудной для плавания, и некоторым экспедициям приходилось по многим дням ожидать, пока груды ледяных глыб несколько поредеют и откроют возможность пройти. Поэтому надо было не терять ни минуты, так как, судя по появлению эскимосов, путь был открыт.

На этот раз Пюисортток не оправдал своей дурной славы. Несмотря на то, что путешественники в полное свое удовольствие любовались им и громко делились своими впечатлениями, они спокойно, по сравнительно свободному проходу, проехали мимо него, и Нансен склонен был утверждать, что дурная слава за ледником имела не по заслугам. Единственное основание для опасений заключалось в том, что ледник был необычайно широк — спускаясь в море лавиной в $\frac{3}{4}$ версты шириной. Кроме того, действительно, лодкам приходилось ехать около самого ледника, так что была всегда опасность, что обваливающиеся глыбы могут или раздавить лодку, или даже, если бы лодка не попала прямо под глыбу, опрокинуть ее поднявшимся волнением. Поэтому благополучный переезд мимо ледника чрезвычайно поднял дух путешественников, и им казалось, что чуть ли не все препятствия уже пройдены.

Недалеко за Пюисортоком путешественники опять слышали людские голоса. Оказалось, что они проезжали мимо стоянки эскимосов, которые толпой высыпали на берег поглядеть на невиданных людей. Хотя вечер еще не наступал, но искушение побывать среди людей было так велико, что путешественники решили устроить свою ночевку около эскимосов, и направились к берегу. Жители стоянки встретили их очень дружелюбно,

махая руками, указали наиболее удобное место для причала, улыбающейся, жестикулирующей, все время говорящей толпой окружили европейцев, как только те вышли на берег, и повели гостей в свой лагерь, состоящий из палаток, покрытых тюленьими шкурами. Когда путешественники остановились перед одной из самых больших палаток, их тотчас пригласили войти внутрь. Нансен с товарищами перешагнули порог, но сразу же были буквально оглушены чрезвычайной вонью, нависшей в жилище. Рыбий жир, запах человеческих тел, вонь от сосудов, стоящих в палатке — чем наполнены были сосуды, Нансен не решается рассказать, чтобы не шокировать застенчивого читателя — делали воздух таким, что, действительно, „топор висел“. Двое из спутников Нансена не выдержали вони и немедленно вышли на свежий воздух. Другие же остались в жилище, а Нансен даже пришел к выводу, что к этому запаху не так уж трудно привыкнуть.

Как только носы путешественников немного освоились с жилищем, настала очередь глазам поражаться. Палатка эскимосов была полна людей — в ней жило четыре или пять многочисленных семей. И все обитатели были в „домашнем“ эскимосском платье, которое состояло в узеньком пояске, надеваемом на бедра — как мужчинами, так и женщинами; отличие было лишь то, что дамский поясок был несколько шире мужского. Тут же при путешественниках вновь входившие молодые люди — девушки и парни — снимали с себя без стеснения все платье и надевали пояски, и все это напоминало скорее баню, чем жилье. У стен палатки были устроены нары, такой ширины, что на них можно было лежать, и такой длины, чтобы хватило на всех обитателей. Каждая семья имела свой участок нар. Перед участком каждой семьи стоял очаг из выдолбленного камня, полный рыбьего жира. Фитилем служили пучки гренландского мха. Очаги горели и день и ночь, и обязанностью женщин было поддерживать огонь и доглядывать, чтобы пламя горело ровно, не чадя и не затухая. Над этими же очагами каждая семья готовит себе пищу в каменных висячих котлах. Некоторые из этих котлов во время посещения висели над огнями, и в них журчала кипящая вода. Рядом с очагом перед участком каждой семьи находился еще один сосуд, издававший особенно жестокую вонь.

Эскимос дома почти все время проводит на нарах. Особенно женщины почти весь день сидят на них на корточках, делая свою домашнюю работу. Тут же кучей валялись голые ребятишки, которых матери кормили, при гостях, грудью.

Нельзя сказать, чтобы эскимосы отличались особенной чистотой. Лишь молодые девушки обращали внимание на чистоту своей кожи. Но средством для отмыwania жира и сала служило именно содержимое

вонючих сосудов. Это было их единственное косметическое и парфюмерное средство. Мыла они, конечно, не знали.

Волос эскимосы не стригут, и в чащах, на их головах, стадами гуляют соответствующие звери. Время от времени тот или иной эскимос запускал пальцы в свою чашу и начинал охоту. В случае улова, дичь немедленно отправлялась в рот и поглощалась с видимым удовольствием. Иные путешественники рассказывают, что, в случае особенно крупного экземпляра этой дичи, счастливый ловец показывал ее своим соседям, те передавали дальше, пока, наконец, побывав в руках всех присутствовавших, дичь не возвращалась назад к охотнику, который, к зависти других, отправлял ее себе в рот. Был и другой способ ловли, более усовершенствованный, а именно: к концу палочки привязывался клочок заячьей шерсти и запускался в волосы или между платьем и кожей. Насекомые, конечно, стаями забирались в мягкий и теплый мех и, таким образом, потом извлекались и попадали, как лакомство, в обладание охотника.

Пока путешественники сидели и присматривались к совершенно новой для них жизни, обитатели жилища любезно показывали им все предметы и, как могли, объясняли склад своей жизни. Один эскимос представил им свою жену, которой он, повидимому, был очень доволен. Оказалось, что все они имели по одной жене, хотя удачливому охотнику не возбранялось иметь и двух жен, но никогда больше. Иные хвастали своими вещами, объясняли назначение различных предметов. Наконец, один из жильцов вышел из палатки и скоро вернулся назад, держа в руках пук кожаных ремней. Он тщательно развязал их и, отмерив длинный конец, отрезал его и дал Нансену. Потом отрезал другой конец и дал другому посетителю, и так подряд одарил всех. Его примеру последовали другие обитатели, и каждый из них подарил каждому из гостей по длинному концу кожаного ремня, лучший подарок, на какой только они, при их бедности, были способны. И все это делалось совершенно бескорыстно, без всяких попыток выпросить что-либо в обмен, а просто как исполнение долга гостеприимства, которое чрезвычайно развито и является священным обычаем у эскимосов. Злейший враг, приблизившийся к палатке, мог рассчитывать на самый радушный прием и жить под одной кровлей в течение многих месяцев.

Вообще эскимосы, несмотря на свою нечистоплотность и неопрятность жилищ, отнюдь не производят отталкивающего впечатления. Наоборот, они были очень милы, и к их жизни можно было бы, по мнению Нансена, без труда привыкнуть.

Погостив в жилище эскимосов некоторое время, путешественники вышли на свежий воздух искать места для устройства ночевки. С по-

мощью толпы эскимосов скоро все вещи были вытащены на берег. Всякий предмет снаряжения экспедиции возбуждал удивление и восторг со стороны убогих обитателей северных пустынь. Они не могли вдоволь наглядеться на все диковинные предметы, никогда не виданные перед тем. Столпившись, они смотрели, как европейцы разбивали палатку, и не могли скрыть удивления перед быстротой, с какой было сооружено жилище. Точно так же они не пропустили без внимания и без возгласов удивления и восторга ни одного действия во время приготовления пищи; они внимательно, хотя и не без жадности, глядели на каждый кусок, отправляемый пришельцами в рот. Хуже всего было, когда настала пора укладываться спать. Эскимосы ни за что не хотели упустить эту картину, и толпа мужчин и женщин стояла у входа в палатку, глядя, как европейцы снимают один предмет одежды за другим и потом все залезают в мешки, так что остались видны только шесть голов. Эта картина была встречена всеобщим дружным смехом. Вход в палатку был закрыт, и эскимосы, пожелав путешественникам доброй ночи, разошлись. На этот раз экспедиция сочла излишним оставить стражу, тем более, что все нуждались в отдыхе после долгой непрерывной работы.

На другое утро путники, после спокойной ночи, проснулись поздно: эскимосы уже давно с нетерпением ожидали их пробуждения. В течение утра Нансен пытался сфотографировать группу эскимосов. Но это ему никак не удавалось: стоило только направить об'ектив своего аппарата, как эскимосы в тревоге разбегались, ожидая выстрела или какого-либо иного волшебства. Тогда Нансен прибег к хитрости: сделал вид, что смотрит в другую сторону, и ему удалось сделать несколько снимков.

Беседуя путем знаков, европейцы об'яснили эскимосам, что собираются в путь на север. Оказалось, что часть эскимосов тоже собиралась двинуться туда. Поэтому в лагере немедленно закипела работа: палатки с поразительной быстротой стали складываться, и все добро нагружалось на челноки. Европейцам при этом пришлось видеть сцену прощания эскимосов между собой. Мужчины обеих партий — остающейся и отправляющейся в путь — уселись в каяки, выстроились в ряд, военным строем, и стали угощать друг друга рожками с нюхательным табаком. Так как каждый из участников церемонии должен был угостить каждого и сам должен был понюхать из всех рожков, то можно себе представить, какое количество табаку было запихано в ноздри, и сколько чихания раздалось при этом торжественном прощании.

Нансен очень жалел, что ничем не мог отблагодарить эскимосов за их гостеприимство. Но всех вещей было в обрез; поэтому пришлось ограничиться подарками в виде пустых жестянок из-под консервов. И этому эскимосы были очень рады.

При погрузке вещей порвался один из мешков экспедиции, и рассыпалась соль. Поэтому пришлось наново переукладывать вещи, и европейцы замешкались. Пока они окончательно собрались, каяки эскимосов, отправлявшихся на север, скрылись уже между льдин. Только один каяк остался, как бы для того, чтобы служить провожатым европейцам. Так как путь был свободен, и европейцы после отдыха работали с удвоенной силой, то им удалось скоро нагнать туземцев, которые с видимой нерешительностью стояли около выступа берега. Несколько женщин стали еще издалека махать европейцам руками, и когда те подъехали, то оказалось, что эскимосы боялись двигаться дальше, в виду довольно больших льдин, перегораживающих лед, и любезно предлагали европейцам следовать первыми. Это было некоторым разочарованием для Нансена, который рассчитывал, что, наоборот, туземцы, прекрасно знающие море, будут показывать им путь. Тем не менее, путешественники отважно двинулись вперед, смело врезаясь между льдин, расталкивая их лодкой, как клином, или раздвигая бамбуковыми шестами и веслами. Когда эскимосы увидели, как громадные льдины послушно поддаются дружным усилиям европейцев и раздвигаются перед ними, их удивлению не было предела, и это чувство они выражали, как обычно, звуками, очень похожими на мычание. Их две „женские“ лодки и мужские каяки следовали за европейцами, и всякий удачный поворот экспедиции, всякий успешный маневр между льдами и удачное усилие над льдинами вызывали новый взрыв сочувственного мычания, которое, однако, по словам Нансена, едва ли могло бы считаться наилучшей музыкой.

В свою очередь, европейцы могли вдоволь насмотреться, как эскимосы нюхают табак. Особенно один эскимос отличался этим искусством. То и дело он доставал свой огромный рожок с табаком, наполнял ноздри и чихал так, что было непонятно, как он мог еще удержаться на своем каяке. Когда же чихание прекращалось, и эскимос поднимал свое лицо, покрытое струившимся табаком, то оно выражало столько искреннего удовлетворения, что европейцы не могли удержаться от веселого смеха.

Во время путешествия Нансен с любопытством присматривался к пресловутым, так называемым, „женским лодкам“. Мужчины у эскимосов употребляют только одиночные каяки. Женщины же путешествуют по морю в больших лодках, до 30 футов длиной. По мнению многих путешественников, эти лодки отличаются совершенно исключительной способностью пробиваться между льдинами, и без этих лодок нельзя и думать о плавании вдоль восточного берега Гренландии. Но Нансен убедился, что это лишь предрассудок. Правда, лодки в открытом море двигались очень быстро, при своеобразной манере гребли. А именно, темп ударов весел вначале довольно умерен, но он постепенно все ускоряется, пока удары

сыплятся один за другим. При этом женщины-гребцы, по мере ускорения такта, поднимаются при каждом взмахе все выше, так что, наконец, они то приседают, то выпрямляются во весь рост, и вся лодка имеет забавный прыгающий вид. Достигнув самого быстрого темпа, гребля сразу обрывается, чтобы начаться снова умеренным темпом. Движение получалось все же весьма быстрое, так что европейцы, имея на каждой лодке только двоих гребцов, отставали. Но при первом скоплении льда женские лодки беспомощно останавливались, и европейцам приходилось прокладывать для них путь. Часто даже в тех местах, где лодки экспедиции благополучно проскальзывали между льдинами, длинные и неуклюжие „женские“ лодки застревали, и экспедиции подолгу приходилось поджидать их. Поэтому Нансен пришел к выводу, что европейские лодки гораздо более приспособлены для путешествия, чем туземные.

К вечеру европейцы остановились, чтобы закусить. Эскимосы же поплыли дальше, так как они отличались способностью подолгу оставаться без пищи. Когда экспедиция нагнала туземцев, то над морем сгустились тучи, и начал лить дождь. Европейцы накинули свои непромокаемые плащи, подняли капюшоны и без смущения продолжали путь. Эскимосы же были в видимой нерешительности и стали знаками объяснять, что необходимо остановиться и разбить палатки на ближайшем острове. Нансен, как умел, ответил знаками, что он хочет продолжать путь. Тогда эскимосы заявили, что дальше ехать невозможно, так как состояние льда очень плохое. Но Нансен отправился на остров, взобрался на скалы и увидел, что путь достаточно сносен. Поэтому он решил ехать дальше и расстаться с спутниками. Один из эскимосов долго следовал за экспедицией на каяке, употребляя все свое мимическое красноречие, чтобы побудить вернуться. Наконец, видя бесплодность своих усилий, он огорченно повернул назад; впрочем, пустая жестянка из-под консервов послужила для него не малым утешением.

Европейцам на этот раз не удалось далеко проехать. Лед, действительно, оказался таким опасным, что к вечеру пришлось выбраться на крутой берег и переночевать на склоне скалы. На следующий день путь на север продолжался с прежним упорством и достаточно успешно. С полудня вид Гренландии резко изменился. До сих пор берега не отличались особенной живописностью. Они были плоски, горы были видны только в отдалении, и ледники и снежные поля доходили до самой воды. Теперь же у самой черты моря вздымались высокие крутые скалы, совершенно обнаженные от снега и льда. Глаз путешественников с радостью отдыхал при виде каменных стен, как если бы это были плодороднейшие поля — так был приятен переход от однообразной и постоянной белизны снегов и льдов.

Чем дальше на север, тем больше попадалось ледяных пловучих гор, айсбергов. Некоторые из них были фантастической формы. Нансен упоминает об одной колоссальной льдине, которая издали даже привела в смущение путешественников: в ее причудливых формах никак нельзя было предположить глыбы льда. Но, когда под'ехали ближе, удивление еще более возросло. Два огромных ледяных выступа, как громадные башни церквей, высились над айсбергом; внизу же, в крутой стене льда, море прорыло пещеру такой величины, что в нее смело мог бы в'ехать небольшой корабль с полной оснасткой. Пещера была наполнена причудливым светом и игрой красок от синей до темно-ультрамариновой. Можно было подумать, что волшебный дворец фей, весь построенный из изумруда, качается на морских волнах!

День за днем проходил в трудной работе. Если море было свободным от льдин, то приходилось безостановочно грести, чтобы использовать возможность движения на север. Когда льды сгущались — началась борьба с ними, изнурительная, напряженная, причем не раз участники экспедиции, при выскакивании на льдины, оступались и подчас уходили с головой в воду. Сушиться приходилось только усиленной работой, потому что о перемене платья нельзя было и думать. Пища все время раздавалась строго взвешенными порциями, ибо Нансен боялся, что ее может не хватить. Горячей пищи не варили, потому что экономили топливо, а, кроме того, было некогда — торопились скорее заснуть и скорее опять пуститься в путь. Только один раз, когда кругом места стоянки было много топлива в виде мха, стеблей трав и наносного дерева, разложили яркий костер и сварили на нем горячий ужин. Иногда поднимался попутный ветер, и можно было поставить паруса. Но зато еще чаще приходилось бороться со встречными ветрами. Эскимосов встретили только два раза. Один раз проезжали мимо группы туземцев, в которых узнали своих прежних спутников: те, очевидно, обогнали европейцев во время их сна. Встреча ограничилась приветственными жестами и улыбками с обеих сторон. Другой раз пришлось плыть опять мимо стоянки эскимосов, которые, в отличие от прежних сородичей, отнеслись к появлению европейцев подозрительно и сдержанно. Лишь после долгих уговоров и уверений знаками и ломанным языком, что намерения европейцев самые дружелюбные, а главное, после подарков в виде пустых жестянок, туземцы стали приветливее. Нансен хотел приобрести у них запас сушеного тюленьего мяса. Но напрасно он объяснял знаками свое желание — никто не мог понять его. Тогда он показал на кусок мяса, висевший около одной из палаток, и оно ему тотчас было предложено. В обмен он дал иглу. Это произвело такой фурор, что эскимосы стали непрерывно предлагать мясо. Все участники

экспедиции получили подарки из мяса. В обмен, кроме игл, были даны еще пустые коробки из-под консервов. Один Равна не захотел сделать этого. И свой отказ он объяснил тем, что он не хочет пользоваться наивностью дикарей: для мяса они найдут сами употребление, а игла слишком ничтожное вознаграждение за это!

На этот раз европейцы оставались около стоянки эскимосов недолго и опять поплыли на север. Новой трудностью, которую приходилось преодолевать Нансену, явился ропот лапландцев. Достигнув земли, они было несколько оправились от первого страха, в особенности же, когда увидели туземцев — не людоедов, как их напугали еще в Норвегии, а мирных дружелюбных эскимосов. Но теперь они были убеждены, что последние эскимосские стоянки остались позади, а экспедиция все держала путь к северу. День за днем проходили в изнурительной работе, отдыха было мало, а главное, желудок всегда был пуст, ибо пища раздавалась по весу и в концентрированном виде. Ее было достаточно для поддержания сил, но она не создавала ощущения сытости. И Балто стал открыто жаловаться на невозможные условия. Ему де было обещано, что каждый день будет кофе, а тут кофе они получили всего на всего один единственный раз. Больше ни разу не было не только кофе, но и теплой пищи. Работа все труднее, все время приходится быть под командой, голодным. Он дал бы много тысяч крон, лишь бы иметь возможность вернуться домой. Тем более, что надежд на успешность экспедиции быть не может: кругом скалы, и возможности подняться во внутренние части Гренландии нет никакой.

Напрасно Нансен спокойно и сдержанно старался втолковать, что ежедневного кофе никто не обещал; что пищи достаточно, и она делится по-братски поровну между всеми, а больше давать нельзя, так как может не хватить на все время, и они окажутся внутри Гренландии без куска пищи; что в таких путешествиях нельзя быть без того, чтобы один человек не распоряжался остальными; что доступ в Гренландию имеется — он был виден во время первой высадки. Балто был непреклонен в своем недовольстве и не хотел ни с чем считаться. „Повадки и обычаи“ экспедиции были ему совсем не понутру, и настроение его, как и Равны, всё время ухудшалось.

Но если Балто высказывал недовольство открыто, то тяжесть путешествия ощущали все. Особенно было трудно привыкнуть к пище. Раньше на корабле все время путешественники ели досыта, до полноты в желудке. Теперь же это ощущение ими давно уже было забыто. И когда, после возвращения, кто-то спросил Христиансена, был ли он сыт во время экспедиции, он ответил: „Нам помогало сознание, что пищи было достаточно. Нет, сытым я не был ни разу!“ И на замечание, что

это было, вероятно, очень тяжело, он ответил: „О да, особенно вначале, когда мы были непривычны. Но тогда Нансен нас заверил, что пищи достаточно, и это помогало нам. И, как вы видите, он был совершенно прав“.

ПОДЪЕМ НА ЛЕДНИК

Разведка пути. Сборы в путь. Буря. Последний привет земли. „Черные“ на белом. Перемена направления. Индейские лыжи. Одновременно стужа и жара. Второй полюс холода. В ледяной пустыне.

ИШЬ 10 августа, т. е. почти месяц спустя после первой попытки высадиться, после стольких тревог, опасностей и трудов, экспедиция достигла пункта, откуда решено было начать подъем в глубину Гренландии. Это было недалеко от высокой скалы Киотак, у подножья громадного ледника — пологой, но широкой лавины, спускавшейся к морю. Настроение всех путешественников сразу приободрилось, как только они почувствовали, что больше не придется пробиваться между льдинами, на утлых лодочках, которые каждую минуту могли затереться и быть раздавленными среди громадных ледяных скал. Под ногами теперь была твердая почва, и ее не нужно было оставлять уже до самого конца экспедиции. Чувство радости в особенно примитивной форме сказывалось у лапландцев. Во время морского путешествия Балто находился в покаянно-молитвенном настроении, вздыхал о своих грехах и постоянно заглядывал в св. Писание, которое он держал все время при себе. Теперь же, едва выбравшись на берег, он стал вдруг передразнивать своего приходского пастора, с уст его несколько раз сорвались крепкие словечки, трудно сочетаемые с набожностью, а Священное Писание он вернул Равне, как вещь, надобность в которой уже миновала. Впрочем, потом, когда Свердруп объяснил ему, что от высадки на восточном берегу до достижения западного берега могло многое случиться, он стал опять несколько сдержаннее и задумчивее.

Но и другие члены экспедиции не были в унынии, хотя местность, где они находились, отнюдь не была слишком приветливой. „Это было смешение серого с белым, кое-где с примесью синего. — Кругом серый воздух, свинцово-серое море с белыми льдинами и серые скалы с белым снегом, и немножко синевы в расщелинах ледников или на ледниковых льдинах на воде. Но настроение наше не было серым!“

Пока разгружали лодки, Нансен сварил на ужин кофе — это было второй горячей едой за все двенадцать дней пути вдоль берега Гренландии. Ужин, понятно, прошел в приподнятом настроении.

На другой день, пользуясь чудесной погодой, путешественники принялись за работу. Часть из них занялась очисткой от ржавчины полозьев саней и стальных полос у лыж. Дитрихсон ушел на с'емку карты окружающей местности. Нансен же и Свердруп, захватив с собой некоторые из инструментов для наблюдений и немного провианта, отправились на разведку — посмотреть, насколько доступен под'ем на ледник.

С моря под'ем представлялся совершенно гладким и ровным. Но на самом деле дорога оказалась не легкой, и Нансену с товарищем пришлось несколько раз менять направление, пока они, наконец, выбрали наиболее удобный путь. Но и тут, чем дальше они поднимались вверх, тем хуже становился лед, и тем больше трещин перегораживали им дорогу. Трещины эти шли поперек ледников, образуясь вследствие того, что леднику при спускании приходится принимать форму местности, лежащей внизу, и, переползая через холмы, он горбится, и верх его покрывается глубокими трещинами до самого дна. Вначале трещины были не велики, так что их можно было обходить или перепрыгивать. В некоторых местах через трещины нависли естественные мосты из оторвавшихся глыб льда, и по этим местам можно было переходить через пропасть, зияющую с обеих сторон. Для предосторожности путники обязались, как это практикуется в горах, веревками, так что если бы упал один, то другой мог бы его удержать. Эта предосторожность стала особенно необходимой при дальнейшем под'еме, когда трещины оказались покрытыми тонкой коростой снега. Правда, путешественники ощупывали осторожно каждый шаг, тыкая палкой в снег. Все же не раз то один, то другой проваливались через верхний покров несколько замерзшего сверху снега и, удержавшись на руках и палке, чувствовали, как ноги неуютно болтаются в пустоте. Но им каждый раз удавалось быстро выкарабкиваться из такого более чем неприятного положения.

Хуже, пожалуй, было то, что они не захватили с собою лыж, и им пришлось идти по вязкому снегу, который сверху был покрыт тонкой коростой. Эта короста была не настолько крепка, чтобы удержать ногу на поверхности, но она была достаточно твердой, чтобы затруднять вытаскивание ноги, увязшей в снегу. Это делало ходьбу чрезвычайно тяжелой, и оба путника буквально выбивались из сил, тем более, что за последние месяцы жизни на лодке и на корабле они отвыкли от ходьбы, и ноги очень быстро уставали.

Поднявшись на высоту около 125 метров, путешественники сделали привал, чтобы закусить и оглядеться кругом. Перед ними все продолжался под'ем. За ними вдали простиралось море. И какая разница по сравнению с тем, что было три недели тому назад, когда они покинули корабль! Тогда на многие версты берег был отгорожен непрерывным

поясом пловучего льда, теперь же гладкое, чистое море простиралось до самого горизонта, и на нем можно было заметить только редкие одиночные льдины. Тогда к берегу не могли пробраться утлые лодочки, теперь же целый флот кораблей мог спокойно пристать к нему, не натолкнувшись на пути ни на одну льдину!

После отдыха продолжался под'ем в гору. Путь все время был тяжел, особенно когда начал моросить дождь. Путникам все казалось, что вот еще один под'ем, и они достигнут ровного места, но нет — стоило им только взобраться на ближайший холм, как за ним выше открывался второй, затем следующий, и т. д. Наконец, они достигли цели — и поднялись на вершину террасы, за которой начинался ровный путь — весь лед, покрытый снегом, среди которого от места до места возвышались голые скалистые вершины, так называемые „нунатаки“. Теперь Нансен был уверен, что, как ни труден путь, его можно преодолеть, и под'ем в горы, вопреки пессимистам и критикам, является вполне осуществимым предприятием. День уже склонялся к концу, когда Нансен и Свердруп, закусив, отправились назад, идя в новом направлении, чтобы посмотреть, нет ли иного, более удобного, под'ема. Но новое направление оказалось значительно хуже прежнего. Им пришлось постоянно наткаться на расщелины и трещины ледника. Через некоторые они пробирались по хрупким снежным мостам, переползая подчас на четвереньках, чтобы не провалиться под тонкий свод. Но трещины становились все шире, и дальше их пришлось не раз обходить, так что путь шел зигзагами. Наконец, дорога стала такой тяжелой, что в ночной темноте было невозможно идти дальше. Поэтому, несмотря на сильный дождь, путники решили подождать рассвета. Лишь около 5 часов утра, после 16 часов тяжелой дороги, наши разведчики, промокшие, продрогшие, смертельно усталые, достигли палатки, где их товарищи уже спали крепким сном. Закусив чем попало, они забрались поскорее в мешки и крепко заснули — заслуженный отдых после стольких усилий и трудов.

Хотя разведка показала, что путь в горы был доступен, тем не менее, ни на другой, ни на третий день экспедиция не покидала места своей стоянки. Было много подготовительных работ, которые надо было выполнить, прежде чем сняться в путь. Нужно было серьезнейшим образом заняться сапогами. Рекогносцировка Нансена показала, что со снегом нельзя шутить, и обувь должна быть исключительно прочной. Поэтому в первый же день все, взявшись за шило, иглы и кожу, превратились в сапожников. Далее, лодки были вытащены на берег и уложены килем вверх в укромное место в лоштинке. Для безопасности, чтобы ветер не перевернул их, сверху положены были тяжелые камни. Под лодки поместили маленький склад провианта в виде сушеного мяса, полученного

от эскимосов, некоторое количество зарядов для ружей и другие вещи. Кроме того, Нансен составил коротенькое описание всего путешествия и в запаянной жестянке оставил в одной из лодок. Остальные вещи распределили поровну на пять саней и тщательно уложили, стараясь предусмотреть все возможные случайности и приключения.

В эти дни путешественники питались главным образом дичью — птицами, застреленными во время пути, но сохраненными, так как не было времени их варить. Теперь же из них варили суп и с наслаждением ели свежее мясо. Когда обед бывал готов, каждый доставал из котла свою порцию прямо руками. „Таких новшеств, как вилки, — замечает Нансен, — мы, конечно, не имели. Но, на основании опыта, я могу засвидетельствовать, что это совершенно излишние принадлежности. Вилки, которыми нас снабдил Господь Бог, чрезвычайно удобны, если только их не совать в слишком горячий горшок; но в этом отношении очень быстро создается должная сноровка!“

15 августа началось путешествие по Гренландии в северо-западном направлении. Так как днем было жарко, и снег был слишком рыхлый, то решено было вначале идти по ночам.

Хотя снежное поле ледника спускалось к самому морскому берегу, так что с места же можно было тащить сани, тем не менее, начало пути было очень трудное, так как подъем был крут, и каждые сани приходилось тащить втроем, возвращаясь потом за остальными. Сани же были достаточно тяжелы, так как на каждом находилось свыше 100 килограммов груза. Достигнув более ровного места, где сани можно было тащить в одиночку, их перегрузили, так что на четырех находилось груза несколько менее 100 килограммов, а на пятых, которые тащили двое, было приблизительно вдвое больше.

В общем ночь прошла благополучно. Немножко подморозило, снег покрылся коростой, удерживающей тяжесть человека, и путь был ровный, без трещин. Лишь к утру лед начал портиться, в нем стали попадаться неровности и ямы, но все же поверхность его оставалась твердой и гладкой, так что сани легко можно было перетаскивать. Пройдя около полумили и поднявшись на высоту приблизительно около 180 метров, путешественники остановились на отдых. Они с неизъяснимым наслаждением выпили по несколько чашек горячего чаю с конденсированным молоком и забрались в спальные мешки. Один Дитрихсон остался почти без отдыха: раскладывая вещи на ночь, путники спохватились, что они на месте полуночного короткого привала оставили кусок сыра. Никто, однако, не хотел двигаться с места. Но Дитрихсон заявил, что он охотно пойдет, тем более, что это даст ему возможность проверить некоторые наблюдения, необходимые для съемки местности.

Проспав весь день, лишь к вечеру двинулись дальше. К полуночи, однако, стало так темно, что было трудно различать местность. Поэтому около 11 часов раскинули палатку, выпили шоколаду и стали ожидать рассвета. Но к рассвету стал сперва накрапывать, а потом все сильнее падать дождь, и, наконец, полило, как из ведра. Непромокаемые плащи мало помогали, и скоро путешественники были мокры до мозга костей. Но все же до самого полудня они шли вперед. Подъем был не особенно крут, так что вдвоем было не трудно тащить сани. Хуже было то, что часто стали попадаться трещины. Привязаться веревкой друг к другу путешественники не могли, так как привязали себя к саням в расчете, что, в случае провала в пропасть человека, идущего впереди, сани, находящиеся на некотором отдалении за ним, останутся, и он будет висеть до тех пор, пока другие товарищи подоспеют на помощь. Но такие провалы случались не часто, и дело почти всегда ограничивалось тем, что провалившийся погружался в снег лишь до подмышек, удерживаясь на поверхности снежного покрова руками и шестом.

Около полудня дождь усилился, поднялся ветер, и идти вперед стало невозможно. Пришлось остановиться и разбить палатку. Насколько хватало запасов, переменили мокрое платье на сухое, выпили бесконечное количество горячего чаю и забрались в мешки. Курящие члены экспедиции получили еще по трубке табаку. Целых трое суток пришлось провести на том же месте — буря свирепствовала с такой силой, что о движении вперед нельзя было и думать. Первые 24 часа все почти непрерывно спали, наверстывая недоспанные в прежние дни часы. Но и из дальнейших суток большая часть времени прошла в сненье. Впрочем, больше нечего было делать: наблюдения были почти невозможны, читать было нечего, так как вся библиотека экспедиции состояла из морского календаря и логарифмических таблиц. Только Равна и Балто имели для чтения св. Писание. Кроме того, на время бездействия пища была сведена до минимума — ели, приблизительно, раз в сутки, хотя некоторые из членов экспедиции жаловались, что их желудки вопят от голода. Оставалось одно — подольше и покрепче спать!

Лишь днем 21 августа погода настолько исправилась, что стало возможно продолжать путь. Начали с того, что приготовили обильный обед, чтобы подкрепиться на дорогу и вознаградить себя за пост в предыдущие дни. Дорога была очень трудной из-за вязкого снега и трещин, покрывавших лед во всех направлениях. Но зато подъем стал менее крутым, так что можно было тянуть сани поодиночке. К вечеру небо совсем прояснилось, можно было ожидать мороза, и поэтому решено было подождать утра, пока подмерзнет поверхность снега. На другое утро Нансен около 4 часов утра разбудил товарищей. На снегу уже образовалась

твердая короста, и до 10 часов утра можно было идти безостановочно. К этому времени экспедиция достигла 870 метров высоты, и можно было думать, что наиболее тяжелая часть подъема закончена. По этому случаю был устроен полупраздничный обед с добавочными порциями.

22 августа выступили в путь в 2 часа утра и шли до 9 часов, пока солнце не разрыхлило снега. Утренний ужин ознаменовался траги-комическим эпизодом. Нансену пришла в голову „гениальная“ идея добавить к чаю лимонного сока для придания ему особо-приятного вкуса. Но он упустил из виду, что в чае уже имелось конденсированное молоко, которое сразу стянулось клубками и опустилось на дно сосуда. Чай был, конечно, выпит и в таком виде, но попытка смешения лимона с молоком больше не повторялась.

После дневного отдыха, часов около 9 вечера, двинулись в дальнейший путь. На этом переходе пришлось преодолевать совершенно исключительные по трудности подъемы на все дальше возвышающиеся уступы ледника, втянуть на которые сани можно было только усилиями многих лиц. Остановка для отдыха была сделана на следующий день в 11 часов утра. Было так тепло, что в палатке казалось душно, и некоторые предпочли лечь на открытом воздухе. Но, странным образом, когда вечером двинулись в путь, то скоро убедились, что ночные морозы, которые раньше казались им союзниками в пути, теперь на той высоте, которой экспедиция достигла, стали слишком сильными. Снег стал твердым, и полозья санок и лыжи не скользили по нему, а царапались им, как если бы это был мелкий песок. Очевидно, было уже выгоднее идти по мягкому снегу днем, несмотря на жару. Поэтому часов около 10 вечера остановились выжидать утра.

И этот привал ознаменовался маленьким приключением. Так как тяжесть саней оказалась слишком большой, то решено было их облегчить, выкинув все, в чем не было абсолютной необходимости. Прежде всего обречены были на оставление пропитанные маслом покровы для спальных мешков. Покровы эти должны были служить защитой от сырости, но на этих высотах сырости уже нечего было бояться. Так как не хотелось бросать покровы без всякой пользы, то решено было употребить их на топливо. Нарвали из них мелких полос, сложили грудой в палатке и зажгли. И вот веселое пламя ярко запылало, к восторгу путешественников, давно не гревшихся у огня. Но радость их была несколько преждевременной. Материя не только горела, но она еще более чадила, и очень быстро вся палатка была полна таким густым дымом, что путешественники не могли разглядеть друг друга. Кто мог — поспешил забраться в спальные мешки и закрылся в них с головой. Но двоим пришлось остаться караулить огонь. Пока в сосуде над костром был

растоплен снег и закипела вода, палатка превратилась буквально в ад. На другое утро путешественники были уже благоразумнее и разложили огонь вне палатки. Но что за вид представляли они друг другу в это утро! Сажа покрывала их с ног до головы, все лица были черными, и только глаза и зубы казались ослепительно белыми на этом черном фоне.

Это, конечно, не могло заставить путешественников подумать о мытье: вообще за все время путешествия, от момента оставления корабля до достижения западного берега, они не мылись ни разу. „Что за нечистоплотные создания, может подумать читатель“, писал Нансен. — „Но мы вынуждены с этим согласиться. Впрочем, я должен добавить, что при обычных условиях мы все же имели обычай мыться“. Конечно, во время путешествия приходилось считаться с особыми обстоятельствами. Прежде всего — с недостатком воды. На пути все время мучила жажда. Той воды, которую они добывали в своем аппарате, было слишком мало на шестерых. Правда, все участники экспедиции имели жестяные фляги, которые они наполняли снегом и клали под одежду, чтобы теплом собственного тела добыть воды. Но эта вода, после тяжелой работы, казалось, только смачивала губы, но не могла утолить жажду, как следует. Конечно, тут было не до того, чтобы потратить хоть каплю драгоценной влаги на такую роскошь, как мытье. Кроме того, от воды кожа на морозе трескалась и покрывалась пузырями, между тем, как слой грязи защищал кожу от воздействия солнечных лучей, отражающихся от поверхности снежной равнины. Вот почему и на этот раз все остались вычерненные сажей, предоставляя времени привести цвет лица в естественный вид.

На следующий день к полотнищам присоединили еще деревянные бруски — шины, взятые на случай переломов ног или рук. Теперь, когда под'ем был закончен, опасность несчастных случаев была так незначительна, что из-за нее не стоило таскать с собой лишний груз.

25 августа под'ем все продолжался. Этот день отмечен маленьким приключением за обедом. Так как приготовление горячей пищи на обед занимало слишком много времени и затягивало стоянку в середине дневного перехода, то Нансену пришла счастливая идея — разводить кухню в дороге с тем, чтобы экспедиция останавливалась лишь тогда, когда суп будет совсем готов. Так и сделали. С большими предосторожностями поставили аппарат на одни из саней, заботливо присматривая за ним во время движения. Когда суп закипел, разбили палатку и осторожно внесли в нее кухню. И вдруг — неловкое движение Нансена, кухня опрокидывается, и весь горячий суп выливается на подстилку палатки, смешиваясь с грязью, со спиртом из кухни и комками снега. Вмиг все были на ногах, выкинули все из палатки и приподняли концы края подстилки так, что ни одна капля драгоценного содержимого кастрюли не была пролита.

Несмотря на непредусмотренную поваренным искусством приправу из снега, грязи, денатурированного спирта, все было с'едено до последней ложки.

26 августа экспедиция достигла почти двух-верстной высоты (1990 метров). На следующий день Нансен попробовал, нельзя ли использовать силу ветра и применить паруса. Равна и Балто были в отчаянии от нелепости выдумки. „Еще чего, чорт возьми! Таких сумасшедших мне еще не приходилось встречать. Они собираются ехать по снегу на парусах!“ ворчал Балто.

И, действительно, вначале из затеи выходило мало путного. Сани связали по двое, из покрышек и палок сделали паруса. Но ветер был недостаточно благоприятный, а лавировать на санях было трудно.

Эта неудача и весь результат первых дней пути, во время которых экспедиции удалось пройти значительно меньшее пространство, чем можно было рассчитывать, заставили Нансена несколько изменить план путешествия. Вначале экспедиция держала направление на датское поселение на западном берегу Христиансгоб, как было предположено в плане Нансена, выработанном еще на родине. Но теперь Нансену стало ясно, что, в виду задержки с высадкой и в виду медленности пути, нет никакой возможности рассчитывать добраться до этого поселения до середины сентября. Между тем, в это время оттуда уходил последний корабль, и экспедиция, таким образом, не могла бы в этом же году вернуться на родину. Значительно больше шансов было захватить корабль, если путь направить к более южному поселку Готгобу, тем более, что этот путь к Готгобу был значительно короче. К этим соображениям присоединилось и то, что местность около Христиансгоба была достаточно исследована Норденшельдом, между тем как на ледники около Готгоба еще не поднимался никто.

Изучив детально карту Гренландии и взвесив все обстоятельства, Нансен поделился своими соображениями с другими товарищами. Конечно, все горячо одобрили его план: после стольких испытаний самый краткий путь, естественно, казался самым привлекательным! Поэтому направление пути было тут же изменено. Оказалось, что и ветер более благоприятен для нового направления, и еще в тот же день экспедиция значительно продвинулась вперед.

28 августа Христиансену случилось неосторожно ступить в снежную яму и вывихнуть себе ногу около коленного сустава. В продолжение нескольких дней он мог идти лишь с большим трудом, и только усиленный массаж, делаемый ему Дитрихсоном, поправил его. В тот же день оба лапландца стали жаловаться на боль в глазах. В северных странах летом, когда светит солнце, глаз не имеет, где отдохнуть от ослепительной белизны, и, если не носить специальных предохранительных очков,

глаза начинают очень сильно страдать. Станным образом, из всех участников экспедиции, только у жителей, снежных гор появились признаки „снежной слепоты“; европейцы же не жаловались на глаза ни разу. Зато свет и тепло солнца очень влияли на кожу, которая лопалась и шелушилась, причиняя всем очень сильную боль. И тут помогли предусмотрительно запасенные красные вуали, которые защищали лицо от слишком яркого света — более плотную материю надеть на лицо нельзя было, так как она оледеневала на морозе.

До этого времени путешественники шли на лыжах, почти не снимая их с ног. Вначале, пока снег был покрыт ледяной коростой, лыжи служили прекрасно, и лучшего способа передвижения по Гренландии быть не могло. Нансен был уверен, что, не будь лыж, они вынуждены были бы вернуться назад, или же все погибли бы в ледяной пустыне. Но в последние дни начал сильно падать снег, а солнце уже светило не настолько сильно, чтобы могло заметно растопить его днем. Поэтому твердая короста оказалась покрытой слоем мелкого сыпучего снега, который от ночных морозов делался таким жестким, как если бы это был чистейший песок. Лыжи глубоко врезывались, но плохо скользили по нему, и особенно на под'емах стало очень трудно идти. Поэтому в последние дни под'ема путешественники решили испытать так называемые индейские лыжи — нечто в роде веревочных решеток на ногах, которые давали возможность держаться на рыхлом снегу и не соскальзывали обратно. Первыми одели эти лыжи Нансен и Свердруп. Лапландцы глядели на это незнакомое им приспособление с величайшим недоверием и твердо заявили, что они достаточно знают толк в снеге, чтобы судить о ненужности таких диковинок. И не малым удовлетворением было для них смотреть, как Нансен и Свердруп вначале чуть ли не на каждом шагу валились носом в снег. Дело в том, что индейские лыжи были довольно широкие, и поэтому непривычный ходок постоянно наступал одной лыжей на другую. Пришлось приучиться расставлять ноги шире, и тогда мало-помалу дело пошло на лад, и при этом настолько хорошо, что в течение нескольких дней Нансен и Свердруп, а за ними остальные европейцы надели эти лыжи, находя их чрезвычайно практичными при данной обстановке. В конце концов, пожимая плечами и покачивая головой, их примеру последовали и „знающие толк в снеге“ лапландцы. Но это продолжалось всего несколько дней. Как только поверхность стала ровной, все опять вернулись к обыкновенным лыжам, так как те значительно меньше утомляли, не требуя поднимать ногу при каждом шаге и не вынуждая расставлять ноги шире, чем при обычной ходьбе.

31 августа с глаз исчезли последние признаки земли, не покрытой снегом, — последние видимые выступы гор или „нунатаки“. В тот же

день, несколько часов спустя после того, как последний „нунатак“ скрылся за горизонтом, путешественники были поражены, слыша щебетание птиц. Это оказался северный воробей, который несколько раз покружил над экспедицией, сел на снег, почирикал, глядя на людей, наклоняя головку то на один, то на другой бок, и, наконец, улетел в северном направлении. „Это был последний привет, который нам посылала земля“, отмечает Нансен.

1 сентября экспедиция преодолела значительный перевал, с гребня которого она увидела перед собой ровную, безграничную равнину с уже очень ничтожным, едва заметным под'емом. Здесь Нансен заметил, что облака на западе были странной формы, какой они до сих пор в этом направлении не имели, — тяжелые громады, холмистого вида, похожие на те облака, которые образуются обычно непосредственно над морем под влиянием его влажности. Такие же облака видны были с юга и с востока, между тем как над головой и с севера небо было совершенно чисто. Нансен вывел из этого заключение, что экспедиция достигла гребня щита, и что вскоре должен начаться спуск. И неудивительно: ведь они находились уже на высоте 2400 метров над уровнем моря! Это сообщение было, конечно, встречено восторженно и, как водится, было отпраздновано обедом с добавочными порциями. Впрочем, это торжество оказалось впоследствии несколько преждевременным: ни в следующий, ни в дальнейшие дни склон к западу не был достигнут, и перед путниками все время простиралась неизменная плоская равнина с незаметным для глаз под'емом.

Около этого времени совершена была перегрузка саней, впереди экспедиции шествовали Нансен и Свердруп, которые вдвоем тащили санки с двойным грузом. За ними следовали по проторенному пути остальные сани. Нансену и Свердрупу приходилось особенно тяжело. Не говоря о том, что они все время шли впереди, прокладывая путь, их сани имели какой-то недостаток, который они не могли никак разгадать. Во всяком случае тащить их было труднее, чем все остальные сани. Подчас оба буквально выбивались из сил, несмотря на то, что были, пожалуй, крепче, чем все остальные члены экспедиции. По мнению Свердрупа, сам чорт, уцепившись сзади, мешал им тянуть. Наконец, они не выдержали и решили бросить эти сани. Все свои вещи они перегрузили на сани Балто, а вещи Балто переложили к Равне. С этого времени лапландцы должны были тянуть вдвоем. Станным образом, хотя груз не уменьшился ни на один фунт, но тянуть новые сани Нансену и Свердрупу было без сравнения легче, и им казалось, что с этого дня для них занялась заря новой жизни.

Чем далее углублялись путешественники в Гренландию, тем жесточе становились морозы. Еще 31 августа Нансен упоминает в своем

дневнике, что солнце грело днем так сильно, что снег был совсем влажный, и ноги промокли. Но уже вечером схватил такой мороз, что хотя сани катились значительно легче, но зато путешественникам грозила серьезная опасность отморозить ноги: во всяком случае, сапоги и носки превратились в сплошной комок льда. Но дальше солнце уже не имело силы делать снег влажным. На этих высотах на севере температура отличалась чрезвычайным своеобразием. Разреженный воздух поглощал очень мало тепла, и поэтому контрасты холода и тепла были чрезвычайно разительны. Даже в одно и то же время, днем, разница между температурой на солнце и в тени достигала 30 градусов. Например, 1 сентября днем термометр Цельсия на солнце показывал 29,5° тепла, а в тени 3,6° мороза. Еще более разительна была противоположность между температурой дня и ночи — в тот же день ночью температура упала до 16° мороза. 3 сентября отмечена еще более резкая разница. Термометр на солнце на саних показал 31 градус тепла, а температура воздуха в то же время была 11 градусов мороза. Таким образом, в то время, когда лицо человека, обращенное к солнцу, потело от жары, его затылок мерз от сильнейшей стужи!

Но особенно холодно было по ночам. Для измерения температуры воздуха путешественники имели специальные термометры, показывающие всего до 30 градусов мороза. Они не могли и предполагать, чтобы в летнее время температура могла хоть на один момент опускаться ниже. Но уже 3 сентября, не успело солнце зайти, как, при наблюдении, столбик ртути опустился ниже последнего деления. Ночью, даже в палатке, где горела походная кухня и спали 6 человек, минимальный термометр, который Нансен держал под своей подушкой, показал ниже последнего деления: вероятно, было около 40 градусов мороза! В общем, в течение сентября по ночам температура была около 45 градусов, а днем, в самое теплое время, — от 20 до 15 градусов мороза. Едва ли во всем мире существует место с такой низкой температурой в это время года!

Нансена интересовало, какая температура могла быть там в самый разгар лета. Но об этом могли быть только предположения и догадки, и, казалось, не было возможно искать что-либо достоверное. Но вот 31 августа, разбивая палатку и укрепляя колья для оттяжек, заметили, что под верхним покровом свежего, мягкого снега, толщина которого была 5-10 дюймов, под коростой, образовавшейся за лето, имелся слой опять мягкого снега, в который палка уходила совершенно легко. Это было доказательством, что во внутренних пространствах Гренландии солнце в течение лета не способно растопить или даже сделать влажным весь слой снега, скопившийся за зиму. Лучи солнца за день могли увлажнить только верхний слой, но едва вода успевала уйти в нижележащие слои, как

ночной мороз опять схватывал и удерживал воду наверху. Таким образом, все громадное количество осадков, выпадающее в течение года на поверхности Гренландии, не уходит в виде вешних и летних вод, а остается, накапливаясь веками и тысячелетиями, причем колоссальные массы снега со временем, под тяжестью верхних слоев, превращаются в чистейший лед. Такое превращение можно было проследить втыканием палки в снег. Под поверхностным мягким слоем был слой твердой ледяной корки в $1\frac{1}{2}$ дюйма толщиной, далее, опять около 7 дюймов снега! затем следовала новая корка льда, за которой палка уходила еще вглубь на 1-2 фута, пока, наконец, не останавливалась, наткнувшись на сплошной твердый лед. Местность, где снег даже летом не успевает растаять! Несомненно, это была самая холодная область северного полушария, имеющая не менее, чем Таймырский полуостров, право именоваться северным полюсом холода,

Конечно, передвижение по такому морозу было очень тягостным. Лицо при движении так обмерзло, что вся борода вместе с наушниками шапки представляла один сплошной комок льда, и открыть рот для того, чтобы произнести слово, было мучительно больно. В каких условиях шли путники, видно, например, из следующей странички описания Нансена.

„До полудня 4 сентября погода была чудесная. Ночью навалило легкого сыпучего снега. Солнце освещало бесконечную однообразную снежную равнину, которая, едва заметно поднимаясь, распростиралась перед нами, как сплошной белый, усеянный алмазами, ковер, тонкий и мягкий, как пух, образуя чуть заметные волны. Но после обеда картина изменилась. С северо-запада подул резкий ветер, он гнал перед собой свежее-упавший снег и превратил все вокруг в одну сплошную снежную кучу. Небо затянулось, и становилось все холоднее. Термометр упал до 19 градусов мороза. Ветер все усиливался и перешел в бурю; ему навстречу подвигаться было трудно, и приходилось соблюдать осторожность, чтобы не замерзнуть. Сперва отмерз нос, но это я заметил своевременно и растиранием снегом спас его. Я думал, что я уже вне опасности, как вдруг почувствовал странный холод под подбородком и заметил, что часть шеи около верхушки горла отморожена до окостенения и ничего не чувствует. Растирая снегом и намотав вокруг шеи шерстяную рукавицу и другие части запасной одежды, я справился и с этой бедой. Но худшее было еще впереди. Ветер пробрался через платье в область желудка, и я почувствовал там мучительные боли; я положил туда войлочную шапку и таким образом отстоял и эту часть тела. Свердрупу приходилось одно время так же плохо, как мне. Что делалось с другими, я не знаю, так как они шли за нами, я думаю, однако, что они чувствовали себя не многим лучше. Удовольствие забраться в палатку и поесть горячего было в этот вечер больше, чем когда-либо“.

6 сентября началась снежная буря. Во время движения она не слишком мешала, так как ветер дул в спину. Плохо было только то, что во время метели грозила опасность потерять друг друга, и часто приходилось останавливаться, чтобы проверить, все ли имеются налицо. Но хуже всего пришлось вечером, когда нужно было разбивать палатку, в то время как ветер и снег яростно вырывали из рук и полотнища и веревки. Нансен на день оделся слишком легко и теперь решил надеть больше платья под свою куртку. Но, как только он снял ее, ему показалось, что он остался совсем голым — мелкий снег свободно проникал через поры рубашки и шерстяной фуфайки, как если бы на теле не было ничего. Чуть не отморозив руку, Нансен лишь с величайшим трудом совершил переодевание и застегнул свою куртку. Буря продолжалась всю ночь. Когда рано утром Нансен проснулся, он услышал какой-то странный шум около палатки. Оказалось, что одна из оттяжек оторвалась и билась о стенки палатки. Можно было опасаться, что еще немного, и вся стенка будет изорвана в клочки. Вещами и тюками кое-как укрепили палатку. После горячего завтрака, который всем показался особенно вкусным, хотели было отправиться в путь. Но выбраться из палатки было нелегко. Кругом было навеяно столько снега, что пришлось буквально прокапывать себе ход. Первым высунулся Балто. Но он тотчас вполз обратно и заявил, что о движении нечего думать. Высунулся Нансен, но он только мог убедиться, что Балто был совершенно прав. Оставалось сидеть в палатке и выжидать конца бури. Балто и Христиансен были посланы к саням, чтобы добыть припасы на день. Одевшись и обвязавшись всем, что только было под руками, вышли они из палатки. Сани были занесены до верха снегом, так что найти их было нелегко. Ветер так подхватывал обоих фуражиров, что иногда им приходилось ползти на четвереньках.

Лыжами, тюками, палками, ремнями укрепили, как могли, со всех сторон палатку и стали пережидать непогоду. Буря продолжалась еще весь день и ночь. Только на короткое время ветер вдруг совершенно стал, и воцарилась жуткая, томительная тишина. Но вот налетел маленький порыв ветерка с противоположной стороны, за ним другой, уже посильнее, удар за ударом, и вот с ураганной силой снова завыл ветер, гоня перед собой клубящиеся массы снега. И, что хуже всего, теперь ветер дул с той стороны, где находился вход палатки, т. е. наиболее слабая часть ее. Пришлось оставшимися лыжами, веревками, запасной одеждой и всем, что ни попало, заделать дверь и, таким образом, оказаться как бы в ловушке, не имея возможности выйти до самого конца бури. Для утешения, Нансен сварил кофе, которое в обычные дни было изъято из употребления, курильщикам был роздан табак. В общем

было уютно и тепло. Только один Равна, несмотря на любимое кофе, был неутешен и упрямо повторял, что он, мол, старый лапландец, знает толк в снеге и понимает, что сентябрьские бури длятся очень долго.

На следующий день буря настолько спала, что удалось двинуться в дальнейший путь, с трудом откопав сани, совершенно занесенные снегом.

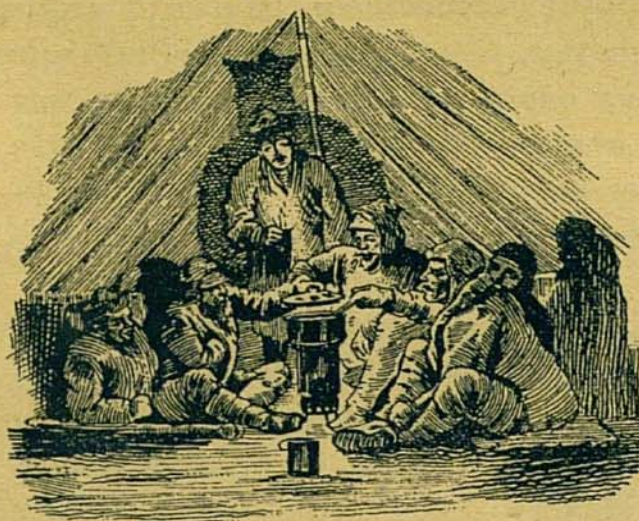

После ночного отдыха — в путь!

В общем дни тянулись однообразно. Начиная день Нансен, исполнявший обязанности повара. Особого удовольствия в этой должности не было. Протерев глаза, приходилось вылезать из оледенелого, сплошь покрытого инеем мешка в палатку, где царил 40-градусный холод, где полотнища стенок были увешаны ледяными сосульками, градом валившимися вместо утреннего душа на прикасающегося к ним. Зажигание огня тоже было весьма мучительным делом. Приходилось невольно касаться голыми руками металлических частей кухни и осторожно, чтобы не пролить драгоценного спирта, смачивать замерзший фитиль, причем спирт смачивал и пальцы, что потом причиняло нестерпимую боль. Для того, чтобы избежать этой операции, Нансен, впоследствии, носил фитиль в кармане брюк и теплотой своего тела предохранял его от замерзания. Далее, надо было внимательно следить за горелкой, чтобы пламя было не слишком высоким и не слишком низким. Когда же кофе или

чай были готовы, Нансен будил своих товарищей, которые обычно завтракали, не вылезая из своих спальных мешков — Нансен тоже, исполнив свои обязанности, забирался на время завтрака в мешок.

Нансен не решается утверждать, что стряпня производилась с образцовой чистотой и с соблюдением всех предписаний поварского искусства. Прежде всего — посуда никогда не мылась. Дело сводилось просто к тому, что в конце трапезы котелок отдавался одному из товарищей — чаще всего Балто, и тот, насколько позволяла длина языка и рук, старательно облизывал и обчищал его. Но котелок был особого устройства и весьма узкий книзу, так что руки до дна не доходили. Поэтому на дне наслоениями скоплялись остатки разных кушаний: кофе, шоколада, горохового супа, чаю. Иногда во время кипячения со дна поднимались кусочки смеси из всех родов кушаний, и счастливчик, выловивший эти неясного содержания кусочки, с удовольствием с'едал их.

Ужин в палатке.

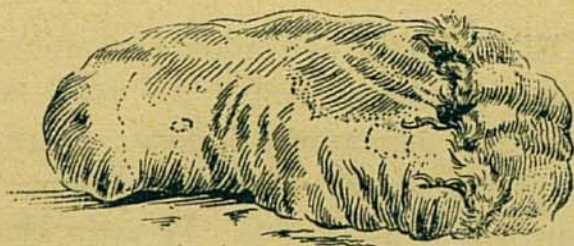
Ели в общем теперь довольно часто. День проходил в этом отношении в следующем порядке. После утреннего завтрака, сделав еще несколько метеорологических наблюдений, снимались с лагеря и двигались в путь. По прошествии нескольких часов — останавливались, и каждый с'едал по кусочку шоколада с мясным порошком. Далее, следовал обед, изготавливаемый, как упоминалось, во время пути и поглощаемый с максимальной быстротой, тогда все сидели на санях, не разбивая палатки. Через несколько часов — опять по кусочку шоколада. Далее — вечерняя закуска, а некоторое время спустя — кусок шоколада. Наконец, при последней остановке, когда на ночь разбивалась палатка, готовился опять теплый ужин. При этом у всякого было по горло дела, с установкой

шестов, натягиванием полотнищ, укреплением стен палатки со стороны ветра. Тут же производились главнейшие метеорологические и астрономические наблюдения. Один только Равна избрал благую участь. Его единственной обязанностью было — наполнить котел снегом. Правда, это он делал с полным знанием своего дела и, как знаток снега, всегда умел добыть именно такой снег, который при таянии давал возможно более воды. Но затем он считал свою земную миссию исполненной и обычно сидел, скрестив ноги и спокойно глядя на суету вокруг.

В общем, по расчетам, пищи было достаточно. И, тем не менее, все путешественники все время чувствовали неутолимый голод. Прежде всего не хватало жиров. По случайной оплошности, пемикан, взятый экспедицией, был изготовлен не по обычному рецепту. Обычно при изготовлении пемикана, высушенное и растертое в порошок мясо при пресовании смешивается в равной доле с жиром. Тут же датская фирма приготовила пемикан, тщательнейшим образом очищенный от жировых веществ. Поэтому путешественники получали жиров меньше, чем предполагалось по расчетам, и испытывали жгучий жировой голод. Между тем, запас масла был очень не велик, и Нансен мог выдавать не более, чем по $\frac{1}{2}$ фунта в неделю на человека. Масло это с'едалось чистым, кусками. Некоторые имели достаточно терпения для того, чтобы делить свою долю на дневные порции. Но Христиансен обычно с'едал свой кусок в первый же день и остальное время страшно мучился от полного отсутствия жиров. Точно так же мучила жажда от отсутствия достаточного количества воды. Поэтому даже после торжественных обедов, когда порции выдавались удвоенные, путешественники жаловались, что они все же голодны, как волки. Более того, даже когда при приближении к западному берегу Нансен счел возможным разрешить спутникам брать пемикану сколько угодно, все же голод не переставал мучить их, пока они не получили достаточного количества жиров и воды.

Курильщики, почти не менее, чем отсутствие масла, мучило отсутствие табаку. Последнего взят был небольшой запас, который раздавался только в торжественных случаях. Поэтому самые записные курильщики нашли себе суррогат — стали жевать кусочки просмоленного каната. Они находили, что это возбуждало выделение слюны и делало рот влажным. Нансен хотел попробовать сделать то же, но кусок каната вылетел изо рта значительно скорее, чем был отправлен туда. Нансен, однако, придумал другое. Находя, что рот все же полезно чем-либо занимать, он стал жевать кусочки дерева. После долгих проб он нашел лучшим на вкус дерево — из-под индейских лыж. Того же мнения оказался и Свердруп, и при их дружных усилиях индейские лыжи стали к западному берегу совершенно тонкими.

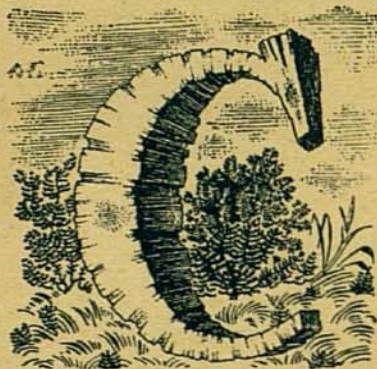
Несмотря на такие тяжкие условия, все же путешественники проходили в день $1\frac{1}{2}$ — 2 мили. И, если не считать вывиха ноги Христиансена, болезней глаз, потрескавшейся кожи на лице, все были здоровы и, насколько возможно, сохраняли бодрое настроение духа.

Пол экспедиции в одном мешке.

У ЗАПАДНОГО БЕРЕГА

Первые признаки земли. На саних под парусами. „Земля видна“. Снова трещины. Вода! Тяжелый спуск. Снова на суше. Первая дичь. На „полулодке“. Встреча с людьми. Готгоб. Зима в Гренландии. Среди эскимосов. На каяках. Возвращение. „К северному полюсу я все-таки поеду“.

СЕРЕДИНЫ сентября путешественники с часу на час рассчитывали дойти до того места, где начинался спуск к западному берегу. Судя по астрономическим наблюдениям, западный берег должен был находиться неподалеку. И хотя Нансен подозревал, что их приблизительные расчеты могли быть слишком оптимистичны, но он нарочно не делал точных вычислений, чтобы не разрушать надежды, которая сильно поддерживала его спутников. Наконец, 11 сентября местность стала склоняться книзу. На следующий день склон был еще заметнее. Все были в прекраснейшем настроении, а оптимисты — Балто и Дитрихсон — утверждали, что экспедиция еще до вечера увидит землю. Но экспедиция находилась еще на высоте 2800 метров, и Нансен знал, что должно пройти еще не мало времени, пока перед ними предстанет земля. По расчетам выходило, что до берега было не менее 17 миль. Но так как снежное поле было ровным и склонялось в сторону путешествия, то идти было легко.

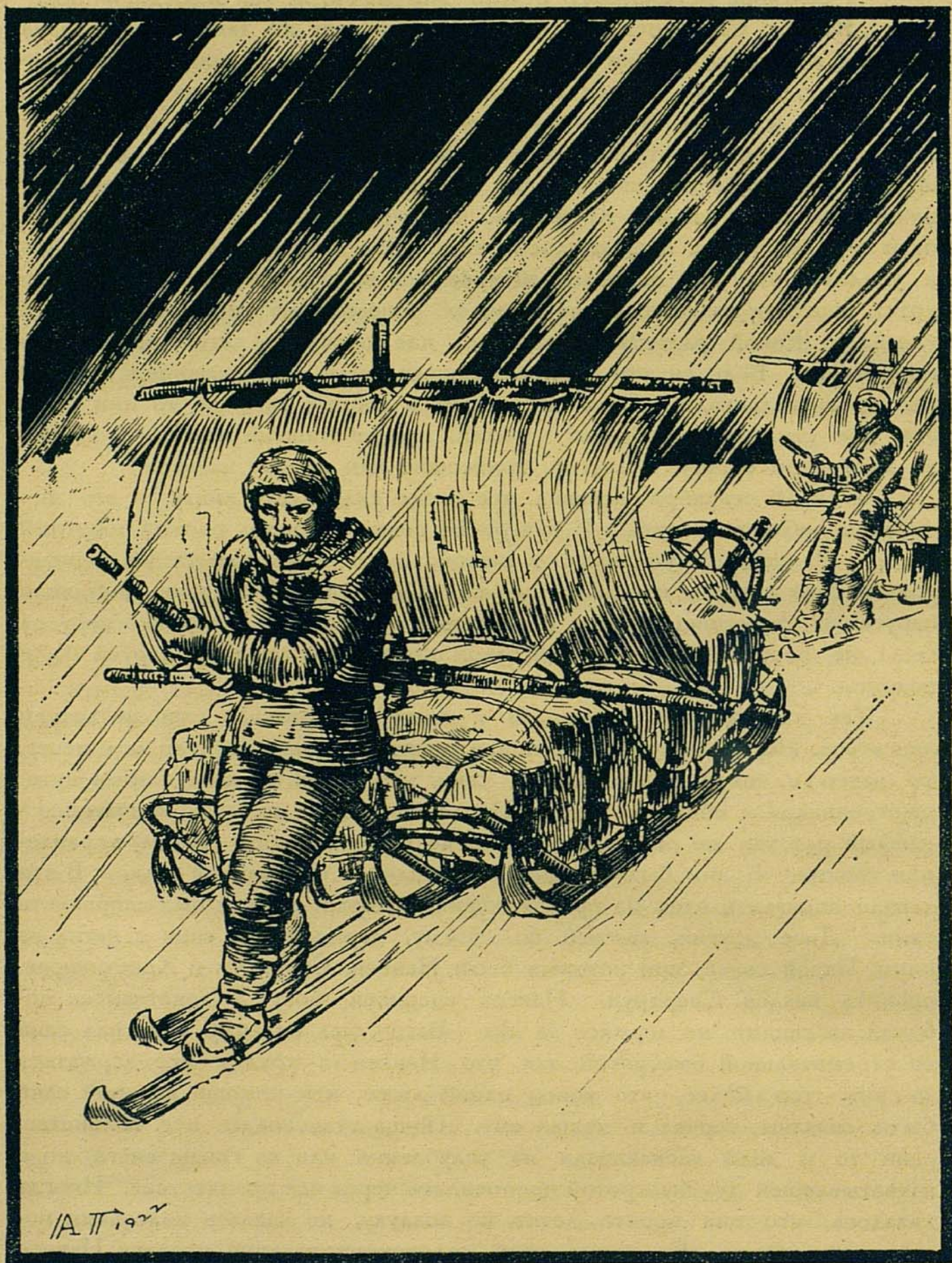
14 сентября оставалось, по расчетам, всего 8 морских миль, но признаков земли не было никаких. Равна начал было ворчать: „Я, мол, старый лапландец, я дурак, но я думаю, что мы никогда не достигнем западного берега“. Нансену на это пришлось лишь ответить, что совершенно верно, что Равна глуп. Балто поставил вопрос на более принципиальную почву. И у него вырвалось в тот же день: „Проклятье! Кто может знать, сколько от одного берега до другого, ведь, никто до нас не был здесь“. С большим трудом Нансену удалось заронить в его сознание представление о способе измерения непройденных расстояний, но все же и на Балто значительно лучше, чем геодезические астрономические выкладки, действовали насмешки и шутки товарищей.

16 сентября признаки земли стали ощутительными — температура повысилась до 17,8° мороза, и это всем казалось уже настоящим теплом. До открытой земли, по расчетам, должно было остаться не более 2 миль.

17 сентября исполнилось ровно два месяца, как экспедиция покинула „Язон“. Случилось так, что как раз в этот же день была роздана обычная недельная порция масла, и это, само собой, поднимало всеобщее настроение. А тут стенки палатки оказались к утру не покрытыми сосульками и инеем, и все почувствовали это, как признак близости к берегу. Во время завтрака путешественникам показалось, что им послышалось щебетание птички. Но так как звук не повторился, и в воздухе ничего не было видно, то решили, что это ошибка. Однако, во время пути — щебетание послышалось опять. Все моментально остановились и увидели, что над экспедицией кружится воробышек, который словно хотел присесть на сани, но не решился, попрыгал по снегу, вспорхнул и улетел. „Какой радостью было для нас появление этого маленького воробышка. Ведь он нам приносил привет земли, приближение к которой мы предчувствовали. Если кто верит в добрых ангелов, то ими были эти два снежные воробышка — один, прощебетавший нам на прощание на восточном берегу, и другой, принесший нам привет здесь...“

17 и 18 сентября равнина все более склонялась книзу, и это значительно облегчало путь. С вечера 18 сентября подул свежий попутный ветер. За ночь он усилился, и решено было опять попытаться использовать силу ветра и поставить паруса. Сани связали по двое, поставили паруса из полотнищ палаток и покрывал. Работа по установке парусов была не особенно приятной на таком морозе, но все-таки паруса были подняты.

Так как полозья примерзли к снегу, то вначале сани не хотели двигаться. Но, когда путешественники впряглись сами и стянули их с места, то ветер с такой силой рванул сани, что те мигом налетели на путешественников и сбили их с ног. После нескольких попыток, кончавшихся каждый раз тем же результатом, решено было изменить систему управления санями. К ним было приделано дышло из бамбуковой палки. В это дышло впрягался один из провожающих, который должен был направлять сани. Двое других, каждый по своему, держался за сани и катил за ними. Парой саней, при которых были Нансен, Свердруп и Христиансен, править взялся Свердруп. Нансен уцепился сбоку, а Христиансен побежал за санями, не держась за них. Ветер был сильный и погнал сани со стремительной быстротой, так что Нансен с трудом мог держаться за них, тем более, что конец одной лыжи, при помощи которой сани были связаны, торчал и мешал ему. Почва становилась все волнистее, сани то и дело на скакивали на углубления или на гряды снега, но с захватывавшей дух быстротой проносились через все препятствия. Иногда казалось, что они просто летят по воздуху, не касаясь полозьями поверхности снега. Во время этой головокружительной поездки Нансен

Под парусами.

заметил, что топор, лежавший на санях, освободился от привязи и готов был свалиться. Нансен осторожно стал поправлять его, но в это время сани в'ехали в ложбинку, конец лыжи ударил по ногам Нансена — и вот он лежит, растянувшись на снегу, и видит, как сани стремительно уносятся от него, исчезая в тумане снежной метели. Поднявшись на ноги, он пустился изо всех сил догонять их — вдруг видит на снегу лежит топор, уже вывалившийся из саней. Подняв топор, он побежал дальше. Опять что-то блестит на снегу — оказалось, жестянка с драгоценным шоколадом. Конечно, он поднял и ее и с топором водной руке, с жестянкой в другой полетел снова вдогонку. Но дальше-хуже, и ему опять попало несколько жестянок с пемиканом, оброненных в снегу. Взять их он уже не мог, и, собрав все оброненные товары, Нансен уселся терпеливо поджидать остальных товарищей, которые были далеко позади. Но тут и Свердруп, который вначале только радовался, что дело идет так отлично — ветер несет экспедицию к ее цели, не требуя от нее слишком больших усилий, начал удивляться, что его товарищи, которые, вероятно, уютно сидят на санях, ведут себя так тихо и не говорят ни слова. Он попробовал сам заговорить — но никто ему не ответил. Он крикнул громко — опять молчание, он стал кричать изо всей силы — с тем же результатом. Увидеть же он не мог, так как конец саней был закрыт от него широким парусом. Тут ему не оставалось ничего иного, как завернуть сани против ветра и спустить парус. Тем временем Нансена настигли сперва Христиансен, а потом и другие спутники со второй парой саней. Часть поднятых на дороге вещей была уложена на другие сани — но тут открылось, что и второй экипаж растерял часть своего добра — не хватало целых трех жестянок с пемиканом. Конечно, нельзя было и думать о том, чтобы примириться с такой потерей, и, пока товарищи Дитрихсона отправились на поиски потерянного, Нансен и Христиансен догнали Свердрупа. Переложив вещи и дождавшись товарищей, все опять двинулись в путь.

В управлении санями Свердрупа сменил Нансен. Дело это оказалось, однако, не особенно легким. Сани неслись так стремительно, что неудачное движение и падение рулевого повлекло бы к тому, что сани со всем багажом налетели бы на него. Приходилось все время напрягать все мускулы, чтобы, при всех под'емах, спусках и неровностях, не потерять равновесия.

Но награда была близка. К концу того же дня вдруг раздался крик Балто:

— „Земля видна!“

И, действительно, в том направлении, где снежная туча метели несколько поредела, видна была на западе продолговатая темная вершина

горы. Радостными криками приветствовали путешественники этот несомненный признак, что цель их пути не далека.

Балто следующим образом описывает этот знаменательный в истории экспедиции момент:

„Вечером, двигаясь с нашими санями на парусах, я заметил вдали на западе темную точку. Я вглядывался, всматривался, пока не убедился, что это открытая земля. Тогда я крикнул Дитрихсону: „Я вижу открытую землю!“ Дитрихсон тотчас крикнул остальным, что Балто видит землю на западе. „Ура, ура!“ Наконец-то настал момент, которого мы столько времени ждали, и у нас снова поднялся дух, и явилась надежда перейти эти ледяные горы, величайшие во всем мире! Если бы нам пришлось провести больше дней в этих льдах, боюсь, многим пришлось бы плохо. — Едва только Нансен услышал это, как остановился и раздал каждому по два кусочка мясного шоколада. Такой уж у нас был обычай — есть лучшее, что имеется, всякий раз, как только мы достигали места, к которому давно стремились“.

Открытая земля оказалась несколько севернее, чем намеченный курс экспедиции. Но Нансен повернул тотчас к земле, тем более, что и дорога в ту сторону, повидимому, была лучше.

Весь этот день до вечера не уставал попутный ветер, и сани стремительно неслись вперед. Уже было темно, когда путники, бывшие позади, увидели, что Нансен, управлявший первыми санями, с чрезвычайным усилием круто повернул их, затормозил на месте и стал кричать другим, чтобы не ехали дальше. Оказалось — еще секунда движения, и первые, а быть может, и вторые сани находились бы в бездне: Нансен остановился на самом краю широкой трещины, глубиной в несколько сот метров!

Это была первая трещина, но не было сомнения, что она не может быть последней. Поэтому решено было принять меры предосторожности, и с того времени Нансен без саней все время бежал впереди, исследуя путь. Но это почти не уменьшило быстроты, так как ветер гнал лыжебежцев и без паруса. Попадавшиеся трещины были не широки, и сани легко проносились через них. Один раз, впрочем, Свердруп и Христиансен чуть-чуть не исчезли в бездонной пропасти — хрупкий снежный мост, перекинувшийся через одну широкую трещину, не замеченную Нансеном, обвалился сейчас же вслед за тем, как они проехали по нему.

Наконец, к ночи путешественники добрались до такого места, где лед был покрыт трещинами во всех направлениях. Как ни хотелось использовать попутный ветер до конца, но двигаться дальше было слишком рискованно, и решено было остановиться на ночлег. Путешественники оказались такими усталыми, что не могли даже приготовить себе торжественный ужин, который был возведен по случаю появления земли.

Решено было перенести пиршество на утро, перед сном же закусили лишь остатками швейцарского сыра.

Уже засыпая, Нансен заметил, что у него отморожено два пальца на руке. Оттирать снегом уже было поздно — пальцы уже начали оттаивать. Вскоре началась мучительная боль, пока сон и усталость не преодолели ее. Рано утром Нансен вскочил, как ужаленный, — он вдруг вспомнил, что с вечера он забыл завести свои часы — увы, они стояли. Как на беду, Свердруп тоже забыл завести свои. А ведь без часов невозможно определение географической долготы!

Когда путешественники высунули головы из палатки — перед ними широко распростиралась земля. Моря, правда, еще не было видно, но оно уже чувствовалось за грядой впереди лежащих утесов и гор. Естественно, что такому зрелищу, как нельзя более, соответствовал торжественный завтрак, и путешественники получили вволю чай и ели, сколько хотели, печенья и сыру. Лишь около полудня двинулись в дальнейшую дорогу. Ветер спал, поэтому пришлось опять впрячься в сани, хотя подчас не люди тянули сани, а наоборот: спуски были все круче, и в некоторых местах путешественники скатывались, буквально как с ледяных гор, с трудом сохраняя руководство над санями, несшимися с быстротой ветра. Иногда опять наталкивались на трещины. Раз сани Нансена и Свердрупа чуть не провалились, и их с трудом удалось вытащить на твердое место. Балто и Равна тоже чуть не поплатились за свое стремление идти своим путем — их сани совсем уже свесились над бездной, и с трудом их удалось вытащить обратно.

На следующий день падал густой снег, увидеть что-либо было трудно, и приходилось пробираться почти ощупью. Однако, Нансену удалось сделать астрономическое наблюдение, и он убедился, что они находятся несколько севернее, чем он хотел бы: при виде земли, которая показалась с севера, они невольно несколько изменили свой курс и слишком подались в ее сторону, что им пришлось искупить несколькими лишними днями в пути. К вечеру экспедиция остановилась у очень крутого спуска. Пробираться ночью вниз не было возможности, поэтому решили остановиться; трое остались устраивать палатку и готовить ужин, а Нансен, Свердруп и Христиансен отправились на разведку. Готовить ужин должен был Балто.

Разведчики из предосторожности перевязались веревкой и стали спускаться вниз. Дорога была чрезвычайно трудная, но все же возможная. Вдруг Нансен, к великому своему изумлению, увидел на некотором расстоянии среди белого снега темное пространство. Неужели вода? Но это мог быть и чистый лед. Подойдя ближе и ткнув палкой, он убедился однако, что это действительно вода. С неизъяснимым наслаждением

все припали к живительной влаге, которой не имели вдоволь уже свыше месяца. Правда, вода была страшно холодной, и от нее коченели небо, язык и виски. Но тогда путешественники делали маленький перерыв и, как только отходили, тянули воду опять. Трудно сказать, сколько литров воды поглотил каждый из них, во всяком случае — немало, и они ясно чувствовали, как желудки начинали раздуваться от воды и делаться круглыми.

Наконец, напившись вдоволь, разведчики отправились дальше. Вдруг слышат: кто-то кричит им в догонку. Глядят — бежит Равна. Тревога охватила Нансена — не случилось ли какое-либо несчастье с товарищами. Но, оказывается, просто Нансен позабыл оставить фитиль от кухни, и Балто послал за ним Равну. По дороге Равна тоже заметил воду, но он так торопился, что даже не глотнул ее. Теперь же, на обратном пути, он собирался наверстать упущенное. Когда Равна вернулся и сообщил оставшимся о найденной воде, Балто схватил пустую жестянку и понесся туда. Напившись воды, он зачерпнул ящик и притащил к палатке. Тут на воду набросился Дитрихсон и пил так много, что едва-едва осталось на суп. К возвращению разведчиков ужин был готов. Давно не ели с таким аппетитом, как на этот раз — даже Равна, который все время раньше жаловался, что не может есть, как следует, так как нечего пить. Теперь же он уплетал за двоих. После ужина был приготовлен напиток из лимонного сока и сахара с горячей водой. Его пили уже лежа в мешках. Маленький, последний огарок свечи освещал палатку. И все чувствовали себя по-новому спокойными, уверенными и довольными.

Однако, от места, откуда видна земля, до самой земли расстояние было еще большим. Перед путешественниками стояла трудная задача — найти дорогу для спуска по крутизнам, по льду, пересеченному во всех направлениях трещинами, среди крутых обрывов и пропастей. Еще перед завтраком, пока Балто готовил чай, Нансен и Свердруп опять отправились на разведки. Им удалось наметить сравнительно сносную дорогу, и после завтрака вся экспедиция осторожно двинулась в путь. Нансен и Свердруп шли впереди, указывая путь, а остальные медленно тащили сани. Во время этого перехода Нансен едва не погиб. Он как-то ступил неосторожно, обе ноги его с лыжами свисли в глубокую трещину, и он удержался над пропастью, уцепившись руками о край льда. Свердруп был далеко впереди и не подозревал об опасности, в которой находился Нансен, так что тому с трудом удалось выкарабкаться на твердый лед. Весь этот день прошел в тяжелой работе. Но следующий день — 23 сентября — был еще тяжелее. Сани приходилось тащить втроем, перенося их на руках через крутые ледяные валы и через трещины. Перетаскивать сани на руках было трудно, но не легче было и удерживать

Над пропастью.

их, когда приходилось спускаться по крутым, гладким ледяным откосам. Такого трудного перехода экспедиция не имела ни разу во все время своего и так уж далеко не легкого пути. Но сознание близости цели и уверенность, что это последние усилия, после которых ждал уже отдых, добавляли сил. После полудня самое трудное место уже было пройдено, и начинался сравнительно ровный лед, по которому можно было опять тянуть сани в одиночку. Все же надежда еще в тот день достигнуть конца ледника и вступить на землю не оправдалась. Наступил вечер, и пришлось поневоле остановиться. Но настроение у всех было великолепное, ибо в этот утомительный день удалось достигнуть большего, чем можно было ожидать.

На другой день Нансен опять умчался по гладкой дороге вперед и вскоре очутился на краю ледника, который круто спускался к берегу небольшого озера, окруженного со всех сторон скалами. На противоположной стороне виден был выход в виде русла ручья, бегущего, очевидно, к морю. Вскоре к откосу подошли и другие путешественники. Хотя спуск был труден, но он был быстро преодолен, и экспедиция благополучно спустилась к озеру, оставляя гренландские ледники навсегда позади за собой.

Но прежде, чем дойти до обнаженной земли, надо было пройти поперек замерзшего озера, где лед был слабый и в некоторых местах грозил провалиться. Благополучно достигнув противоположного каменистого берега, все поспешно сбросили лыжи и с быстротой оленей повыскакивали на берег. „Нельзя выразить словами, что мы испытывали, снова почувствовав под ногами камни и землю. Наслаждение пронизывало нас, когда мы касались ногами вереска, и пряный запах травы и мха щекотал наши ноздри. Ледник лежал за нами, длинным, холодным и серым обрывом спускаясь к озеру, мы же упивались видом голой земли, простиравшейся перед нами: вдоль долины волнами вздымалась одна гряда холмов за другой — это было нашей дорогой, которая должна была довести нас до фьорда,

Даже Равна сиял счастьем. Он так часто терял, бедняга, надежду почувствовать когда-либо твердую почву под ногами! Оба лапландца, как только достигли берега и вытащили свои сани, тотчас стали карабкаться на горы — точно так, как это они уже раз сделали, когда, после блуждания в пловучих льдах, экспедиции удалось достигнуть восточного берега.

После великолепного обеда стали немедленно собираться в дальнейший путь. Конечно, тащить сани по голой земле было невозможно. Поэтому решено было забрать побольше вещей с собой в тюках и нести их до фьорда. Там предстояло смастерить лодку и отправить двух человек

в ближайшее селение Готгоб в то время, как другие должны были постепенно перенести к берегу остальные вещи. Для постройки лодки были взяты брезенты и бамбуковые палки от лыж.

При укладывании и сборе всех поразил Равна, который захотел к своей ноше, одинаковой с ношей каждого из спутников, добавить еще все свое платье, что значительно увеличивало тяжесть. И оказалось, что он легко, без всякого напряжения мог нести все это. У Балто даже вырвалось восклицание: „Ну, и силища у этого Равны!“ Во время пути, на ледниках, Равна очень бережно относился к своей силе и расходовал ее очень осторожно. Теперь же он понимал, что можно, не боясь, развернуться во всю, и бодро шел под своим узлом, который размерами был больше самого носильщика.

Фьорда в этот же день достигнуть не удалось. Но зато что за наслаждение было разбить палатку в укромном уголке на берегу длинного озера растянуться после дневных трудов на мягкой мураве в то время, как горный воздух, напоенный запахом вереска, ласково овеял путешественников.

Во время ужина набрали вереска и разложили костер, и наслаждались уже тем, что могли видеть то, что с'едалось: во время путешествия в большинстве случаев приходилось ужинать в полной темноте. Ели почти досыта, уничтожая бесконечное количество супа. Около костра все время возился Равна. Вначале его с трудом удалось уговорить набрать вереску и развести огонь. Но как только огонь разгорелся, не было никакой возможности убедить Равну вернуться в палатку — он все время подкладывал и поправлял костер. После ужина курильщики набили трубки мхом и травой и с дымящими трубками растянулись вокруг огня со счастливым сознанием, что ледники пройдены, и цель достигнута.

Свердруп говорил впоследствии, что никогда в жизни он не имел такого прекрасного вечера, как первый вечер, проведенный на гренландском вереске с трубкой, набитой гренландским мхом.

На другое утро продолжали путь. Неподалеку от озера путешественники увидели зайца, который выскочил и уселся под пнем. Нансен быстро схватил ружье и приблизился на 200 футов. Все затаили дыхание и радостными криками приветствовали ловкого стрелка, которому удалось уложить зайца на таком громадном расстоянии. Это было свежее мясо на ужин!

И в этот день не удалось достигнуть моря! Карта, которой руководствовался Нансен, оказалась совершенно неверной, и в то время, как, судя по карте, давно уже нужно было достичь моря, расстояние до него было еще не менее двух морских миль.

Вечером опять выбрали уютное место около маленького озера, окруженного лужайками и поросшим по берегам вереском. В сосуде из-под спирта сварили зайца, застреленного утром. Все уже предвкушали, как

будут лакомиться супом со свежим мясом, как вдруг сосуд опрокидывается, и все содержимое летит в огонь. Зайца удалось спасти, но суп пришлось варить наново из гороховых консервов. Это не уменьшило удовольствия. Заяц, правда, был слишком мал для шести путешественников с волчьими аппетитами, но все же было приятно поесть чего-либо свежего, а не вечно жесткий, твердый пемикан, о который чуть ли не ломались самые крепкие зубы.

На следующий день, во время обеденного отдыха, Балто внезапно исчез, и его отсутствие продолжалось довольно долго, пока он не появился на вершине одной горы. Он восторженно махал шапкой и показывал рукой на запад. Скоро он вернулся назад и сообщил, что видел большое пространство синей воды. Его товарищи со всех ног побежали туда же — соблазненные, кроме вида моря, также ягодами, которые, по словам Балто, в изобилии росли наверху. С горы было видно, что фьорд недалек, и поэтому, не теряя времени, двинулись в его направлении. Еще одно усилие, еще последнее напряжение воли — и вот перед путешественниками долгожданный, обетованный берег фьорда. У подножия скал, окружающих фьорд, был маленький пруд воды с берегами, поросшими травой и вереском, — идеальное место для лагеря. На его берегу были сброшены ноши, и все, с сознанием, что еще один этап пройден, растянулись на траве.

Но все же и это еще не было последним этапом. И до конца предстояло еще сделать многое: построить лодку, добраться до Готгоба, принести вещи к берегу и самое важное — обеспечить себе возвращение в Европу.

Рано утром на другой день Дитрихсон с Христиансенем и Равной отправились обратно за вещами. Балто же остался с Нансенем и Свердрупом помогать в шитье по постройке лодки. Материалом для постройки лодки служила парусина и бамбуковые палки, инструментами — иглы, ножи и три пары рук. И, хотя Свердруп показывал чудеса ловкости, мастерства и сноровки, все же лодка не отличалась особым изяществом. Кроме того, она весьма сильно текла, и не было никакой возможности сделать ее непроницаемой для воды. Но все же она удовлетворяла своему назначению: она могла держать на поверхности воды двоих гребцов и необходимые вещи. Весла были сделаны из бамбуковых палок, к которым были привязаны разветвленные в виде вилки стволы кустарника, на которые натянули парусину.

Труднее всего было устроить сносные скамейки. Для одной скамейки был пущен в ход статив инструмента, для другой же — два обломка бамбуковых палок. Но все же сиденье получилось не комфортабельное.

Еще утром работа подвинулась так далеко вперед, что Балто оказался уже излишним, и он пустился вдогонку за своими товарищами. Нансен же и Свердруп вдвоем закончили работу над лодкой. Все

ненужные вещи они сложили в палатке. С собой они взяли запасное белье, сапоги, куртки из оленьей кожи, одолженные у лапландцев, дождевые плащи, фотографические аппараты, винтовку с патронами, 12 плиток гороховой колбасы, семь фунтов мясного шоколада, мешок с сухарями, коробку с ливерным паштетом, три фунта масла, пять плиток пемикана. Запас был не малый, но ведь путь был неизвестен, и мало ли что могло еще случиться до достижения жилого места!

Путешествие началось не слишком успешно. Фьорд оказался вначале столь мелким, что пришлось тянуть лодку на буксире, шествуя по вязкому илистому дну. Таким способом шли до самого вечера, и, когда стемнело, море, по которому можно было бы ехать на лодке, все еще не было достигнуто. После ужина забрались под кусты вереска и, закутавшись в меховые куртки, проспали всю ночь. На следующий день до самого полудня пришлось не мало промучиться, перетаскивая лодку через мелкие места. Но к обеду достигли места, откуда можно было начать настоящее плавание. К удовлетворению путешественников, их самодельная лодка плыла вполне удовлетворительно и даже не слишком медленно. Конечно, она имела и свои недостатки — главным из них было то, что лодка протекала, и, примерно, каждые десять минут приходилось вычерпывать из нее воду. Но это было лишь маленьким неудобством, на которое при данных обстоятельствах не приходилось обращать слишком большого внимания.

Во время пути Нансен застрелил шесть больших чаек. Пристав к берегу, путники развели огонь и, очистив дичь, стали ее варить. В котелок можно было поместить только двух птиц. Но эта пара, как только сварилась, была немедленно бесследно уничтожена, так что даже вкус остался мало замеченным. Поэтому поставили котелок еще раз и сварили еще двух птиц. На этот раз могли есть уже несколько спокойнее. А тут на небе разыгралось исключительное по красоте северное сияние. „Слово человеческое не знает выражений, которыми можно было бы описать блаженство двух „дикарей“, которые в тот вечер сидели на берегу фьорда и лазали в котел голыми руками в то время, как блеск огня костра затмевался блеском северного сияния. Все небо было об'ято пламенем на севере и на юге пылали яркие языки. Вдруг по небу как бы пронесся вихрь, увлекающий все огни, которые в зените неба собрались в крутящуюся огненную массу. Глаза слепило от блеска. И вот буря стала улегаться, свет стал мало-по-малу исчезать, и, наконец, остались лишь тусклые облака света на звездном своде, которое сверкало с прежним блеском. Такого сияния я не видел ни раньше, ни позже“.

На следующий день (30 сентября) началось плавание вдоль берега моря. Плыть было довольно тяжело, особенно когда поднялся противный ветер и довольно значительные волны. Но суденышко выдержало

и эту пробу и все продвигалось вперед. Вечером Свердруп перед самым сном свалился в воду и вынужден был спать в мокром платье. Но это не помешало ему вместе с Нансеном проспать спокойно до позднего утра. 1 октября, после полудневного пути, опять сварили прекрасный обед из четырех чашек, причем к бульону добавили гороху и сухарей; получился такой навар, что, поглощая его целыми литрами, они чувствовали, как прибывали их силы. На беду, около того места, где они обедали, росли сочные и вкусные ягоды. От такого десерта отказаться было невозможно, и вот, сперва стоя, потом сидя и, наконец, лежа, путешественники набросились на эти ягоды, которые были так кстати после однообразной диеты во время долгого пути. Так как за время обеда поднялся сильный ветер, так что нечего было и думать о дальнейшем пути, то путники снова принялись за ягоды и ели их до тех пор, пока не уснули. Проснувшись вечером и видя, что ягоды висят тут же, они опять принялись есть их, пока не уснули. Рассказывая об этом, Нансен шутил: „Если правильно, что неумеренность относится к великим грехам, то мы оба, поглощавшие ягоды на берегу фьорда, заслужили тягчайшие кары. Удивительно только, что кара не последовала тотчас — но наши желудки были для этого в слишком хорошем порядке“.

В полночь ветер утих, и Нансен разбудил Свердрупа. После быстро изготовленного раннего завтрака они около часу ночи сели в лодку и поплыли дальше. Поверхность моря сверкала фосфорическим блеском, и при каждом взмахе казалось, что весла погружаются в расплавленное серебро. Путники, не уставая, гребли всю ночь и всю первую половину дня. К полудню, к своему удивлению, они достигли уже устья фьорда, откуда, как они предполагали, было уже недалеко до Готгоба. На радостях высадились и сварили себе обед, который превзошел все предыдущие пиршества. Обед был настолько сытен, что Нансен с трудом мог взобраться в лодку и согнуться, чтобы достать весла. Тут еще подул попутный ветер, так что благополучие их было бы совсем безоблачным, если бы не те мучения, которые им доставляли их сидения из палок. А в этот день они провели на этих стульях пытки почти что по 20 часов, так как гребли, не уставая, до самого вечера. Но за это они вознаградили себя ужином. Теперь, когда до ближайшего жилья оставалось так немного, нечего было экономить, и было бы просто обидно, чтобы что-либо сохранилось не использованным. Поэтому ели, можно сказать, до отвала, особенно масло, которое употребляли даже на десерт — намазывая на шоколад! Рассказывая о своем чудовищном аппетите, Нансен сам удивляется, что от этого времени у него сохранилось воспоминание об еде. Сознание победы, чувство морального удовлетворения, торжество после законченного громадного дела — все это пришло потом.

За завтраком, 3 октября, были сделаны последние отчаянные попытки ничего не оставить из провизии: ведь, Готгоб был уже совсем недалек. И вот еще перед полуднем они достигли места, откуда было видно множество эскимосских юрт и небольшой европейский дом. Это не был еще Готгоб, а лишь новая колония около Готгоба. Так как поднялся ветер, то путешественники высадились на берег, где навстречу им высыпала большая толпа эскимосов, оживленно обсуждавшая появление этих странных существ, едущих, неизвестно откуда, на „полулодке“, как эскимосы удачно прозвали неуклюжее суденышко. Эскимосы, с виду очень похожие на своих братьев с восточного берега, дружелюбно улыбаясь, помогли причалить и вынести вещи на берег, с любопытством рассматривая диких пришельцев и их вещи. В это время к толпе приблизился молодой человек в европейском платье и с красивым белокурым европейским лицом. Европейец заговорил было по-английски и спросил: „Вы англичане?“ Но Нансен, услыша датский выговор, ответил по-норвежски.

„Нет, мы норвежцы“.

„Можно узнать Ваше имя?“

„Мое имя Нансен, мы прошли через ледники Гренландии“.

„Ах вот как, разрешите мне поздравить Вас с докторской степенью“.

Наивный молодой человек, должно быть, как-то раньше вычитал в газетах о том, что Нансен был произведен в докторское звание, и теперь не нашел ничего более достойного поздравления, чем получение этой ученой степени.

Нансена же прежде всего интересовал вопрос относительно корабля. Но ответ был не утешительный. Последний корабль отошел уже два месяца тому назад, и до весны на приход нового парохода надеяться было нечего. Правда, в колонии Ивигтут, находившейся южнее, еще стоял корабль „Фокс“. Но и этот корабль отплывал в середине октября, а до Ивигтута было 70 миль.

Одним ударом все мечты Нансена и его товарищей еще в ту же осень вернуться на родину рассыпались в прах. Впрочем, оставалась еще надежда — на корабль от Ивигтута. И Нансен решил послать туда гонца с просьбой, чтобы перед своим уходом корабль зашел в Готгоб. Просить корабль ждать экспедицию Нансен не решался, ибо не знал, сколько времени может пройти, пока выручит своих товарищей, оставшихся на берегу фьорда, и как долго продолжилось бы их путешествие к Ивигтуту.

Пока Нансен обдумывал это, к нему подошел миссионер, живший в европейском доме. После первых представлений, он пригласил путешественников к себе. С волнением переступили они порог цивилизо-

ванного дома. „Скромная обстановка этого благочестивого человека нам казалась величайшей роскошью. Что за наслаждение было сидеть на стуле, есть за столом, накрытым белоснежной скатертью, пользуясь тарелками, ножами и вилками! Было ли так вкуснее? Я не решусь утверждать это без всяких оговорок. Нам, ведь, очень пришлось по вкусу сидеть под открытым небом у огня, и было как-то особенно привлекательно — есть чаек, разрывая их пальцами и зубами, без тарелок, ножей, вилок — без всяких околичностей“...

После закуски у миссионера путешественники отправились в Готгоб. Но известие об их прибытии дошло уже раньше, и они были встречены пушечными салютами: салютами провожал их цивилизованный мир, салютами же встречал опять!

Датская колония Готгоб, расположенная в ложбине у тихого залива, не была обширной. Четыре-пять европейских домов, церковь на холме, а кругом ряд гренландских хижин. Вся колония высыпала на улицу посмотреть на диких гостей, приехавших на полулодке. Все лица светились улыбками, и на них выражалось столько радости и удовлетворения, что казалось — лучи солнца озаряют толпу. Навстречу вышли также европейские дамы, жившие в колонии, их было четыре. „Было странно, замечает Нансен, опять видеть дамские платья среди этих красивцев, одетых в штаны и шкуры“.

Нансена и Свердруп привели прежде всего в дом директора колонии и здесь осушили за их здоровье по стакану вина. Затем директор пригласил их к обеду, а покамест они отправились приводить себя в порядок. Когда путешественники взглянули на себя в зеркало, они ужаснулись своего вида — с обожженной солнцем кожей, грязными лицами, поношенными платьями. Тотчас же была устроена основательная чистка. „Неописуемым наслаждением было всунуть голову целиком в умывальницу и устроить основательную головомойку, хотя до конца мы сразу отмыться не могли. Потом мы надели наше собственное свежее белье, которое мы принесли с собой, через гренландские ледники. Мы чувствовали себя, как новорожденные“.

После обеда для Нансена начались опять хлопоты. Надо было выручить товарищей, находившихся на берегу бухты Амералик, и послать известие кораблю „Фокс“. Но в этот день ему ничего не удалось сделать. Поднялась такая сильная буря, что никто из эскимосов не решался выехать в море.

На ночь путешественникам отвели каждому по отдельной комнате. Было приятно растянуться в кровати, которой путешественники не знали такое долгое время, на свежей, чистой постели. Но Нансену спалось не слишком хорошо в эту первую ночь после достижения цели. Он был,

конечно, очень взволнован сознанием успешно законченного опасного дела; но, может быть, постель была слишком мягкой и удобной после привычки к спанью на льду, в кожаном мешке.

Когда на другое утро Нансен, после прогулки по берегу моря и наблюдений над работой эскимосов над привезенными с моря тюленями, зашел к Свердрупу, тот сидел у своего хозяина, плотника и строителя лодок, за обильным завтраком, состоящим из свежее зажаренных северных куропаток, свинины и других прекрасных вещей. Нансен выразил сожаление, так как он рассчитывал позавтракать с ним вместе у директора. „За чем же дело стало? — возразил Свердруп, — такие приятные вещи можно повторять сколько угодно раз“. Таким образом установился обычай, что Свердруп обедал ежедневно по два раза: сперва у своего хозяина, потом у директора. Три дня эта своеобразная диета сходила с рук благополучно, но на четвертый день желудок не выдержал, и Свердрупу пришлось пол дня пролежать в постели. Но еще много времени должно было пройти, пока путешественники настолько насытились, что могли есть, как все остальные люди.

В первый же день пребывания в Готгобе удалось найти эскимоса, который согласился отправиться с письмом к кораблю, стоявшему на юге. Нансен торопливо написал письма заведующему колонией Ивигтут и капитану корабля „Фокс“, прося, чтобы корабль перед отплытием в Европу зашел в Готгоб за экспедицией. Кроме того, на всякий случай, он составил короткое письмо Гамэлю, финансировавшему экспедицию, с сообщением о благополучном достижении западного берега и с кратким описанием путешествия. Кроме того, Свердруп написал письмо своему отцу.

Хуже обстояло дело с помощью товарищам. В виду беспокойной погоды, эскимосы не решались отправиться на лодках. Поэтому пришлось для начала ограничиться посылкой двух эскимосов на каяках, поручив им доставить оставшимся провизию и письмо Нансена. Несколько раз делались попытки послать лодку, но один раз лодка вернулась обратно из-за волнения, другой раз лодка отправилась, но эскимосы сочли более благоприятным высадиться на ближайшем острове и там спокойно провели несколько дней, пока не уничтожили весь данный им провиант, — они рассчитывали, что, все равно, им уплатят за проведенное время! Лишь 9 октября удалось отправить лодку. 12 же октября вся колония Готгоб опять была на ногах — с моря показались лодки с остальными участниками экспедиции. Особенное внимание возбуждали у эскимосов лапландцы, которые сначала были приняты за женщин, так как были одеты в длиннополые куртки, какие носили эскимосские дамы. Балто чувствовал себя превосходно, болтал, рассказывал и тотчас же установил самые

дружественные отношения со всей колонией. Равна же, как всегда, был своеобразен: он подошел к Нансену, отвесил глубокий поклон, схватил руку, и хотя он говорил мало, но все лицо его светилось чувством радости и удовлетворения.

От Дитрихсона Нансен узнал все подробности о пребывании партии оставшихся. Прежде всего они, как было условлено, занялись переноской вещей, оставленных на краю ледника, к берегу моря. Это оказалось задачей не легкой и потребовало нескольких дней довольно трудной работы; однажды Дитрихсон, переправляясь через лед на речке, чуть было не утонул, провалившись в воду. Доставив все вещи к берегу, Дитрихсон прежде всего проверил количество оставшихся запасов. Оказалось, что лишь пемикану был еще сравнительно значительный запас, которого могло хватить еще на долгое время; но хлеба и горохового супа оставалось всего на пять дней, считая по самым скромным порциям. Жировых веществ не было вовсе, так как последний кусок масла был давно съеден. Поэтому было решено еще несколько дней оставаться на берегу, а затем, в случае неполучения никаких вестей от Нансена, отправиться сухим путем в Готгоб, питаясь в дороге пемиканом. Правда, со времени отправки Нансена и Свердруп прошло уже 6 дней, но все же тревожиться еще не было повода; сложив вещи, все спокойно лежали на траве, греясь на солнце и наслаждаясь покоем и сознанием, что самое худшее уже миновало.

На следующий день Дитрихсон отправился к фьорду снимать кроки местности. С собой он взял свою порцию обеда в виде куса хлеба и мясного сухаря. Голод порядком мучил его. Но он добросовестно не хотел трогать припасов до наступления обеденного времени. Вдруг со стороны моря послышался выстрел. Дитрихсон бросился в эту сторону и вскоре увидел идущих вдоль берега двух гренландцев, несших на спине мешки и тюки, которые, по обычаю эскимосов, были прикреплены к ремню, одетому на лоб. Это были те эскимосы, которых Нансен послал товарищам с первой вестью о своем благополучном достижении Готгоба и запасом провианта. Не успел Дитрихсон прочесть письмо, как он первым делом сообразил, что теперь ему уже незачем экономить, и, вытащив свой обед, в один миг уничтожил его.

Когда Дитрихсон с посланцами достиг стоянки, посылки были вскрыты, и все путешественники уселись вокруг. Дитрихсон сперва прочел вслух письмо Нансена. Единственным неприятным было в этом письме сообщение, что мало надежды отправиться в Европу в этом же году. Но на радостях на это мало кто обратил внимание, и все принялись за распаковывание пакетов. С любопытством, как дети вокруг рождественского стола, открывали путники один сверток за другим, радуясь каждой

прекрасной вещи, которая доставалась из мешков: хлебу, мясу, кофе, табаку. Но более всего восторга вызвал большой запас масла и сала. Были и деликатесы, так как дамы из Готгоба прислали целую пачку печений и сладостей. Тотчас, конечно, принялись за еду. И Дитрихсон полагает, что никогда никто из них не обедался так жировыми вещами, как все они в этот вечер, — в этом отношении они были похожи на дикарей.

Этот момент Балто описывает так:

„После того, как Дитрихсон со своим печеньем в кармане ушел, я взлез на скалистый холм, высотой около 300 футов. Только я поднялся на него, как увидел троих человек, которые шли по направлению ко мне. Одного я узнал — это был Дитрихсон, который встретил людей, посланных к нам с провиантом. Я тотчас помчался к палатке и сказал оставшимся, что видел идущих к нам людей. Оба не поверили мне. Но я принес сухое дерево, разложил огонь, принес воды, налил в котел и поставил на огонь, прежде чем пришли люди, так как я был уверен, что они захотят кофе. Вскоре после того, как они пришли, Дитрихсон исследовал запасы, присланные из Готгоба. Я увидел, что Нансен прислал мне трубку с табаком, и тотчас принялся ее курить, в то время как другие сели за еду. Хлеб резали кусками в палец толщиной, на него накладывался слой масла в пол дюйма, и это заедалось еще ветчиной и запивалось кофе“.

Но это еще не был конец. Во время сомого разгара безудержного пиршества вдруг со стороны моря раздались новые выстрелы. Оказалось, что это были посланцы из другой колонии, директор которой, узнав о прибытии экспедиции, по собственному почину послал от себя запасы. Опять началось разворачивание пакетов, опять бурные взрывы радости по поводу изобилия вещей, о которых недавно можно было только мечтать! Среди новых посылок оказалась бутылка коньяку и сахар. Решено было поэтому устроить пунш. Впрочем, пунш не был очень пьяным, потому что его разбавили, в чрезвычайно большом количестве, водой — чтобы побольше хватило на всех.

Лишь поздно ночью улеглись на покой. Пир горой продолжался и весь следующий день. К обеду была сварена масляная похлебка, о которой столько мечтали во время пути, тоскуя по маслу и жирам. Нансен как-то торжественно обещал, что, как только они достигнут колонии, он угостит всех похлебкой. И вот он прислал и масла и пшеничной муки, так что могли наготовить этой похлебки полный котел. Сперва хотели быть благоразумными и есть осторожно, так как обилие пищи могло повредить после столь долгого воздержания, во время которого желудок привык к небольшому количеству концентрированной пищи. Но, при

виде роскошной похлебки, осторожность была оставлена: путешественники столько уже перенесли, что они были уверены, что перенесут и это „испытание“, и изо всех сил дружно работали над дымящимся котлом!

11 октября со стороны моря раздались многочисленные выстрелы. Это были люди, приехавшие за экспедицией.

После прибытия в Готгоб путешественники очень скоро подружились со всеми жителями маленькой колонии, особенно же с эскимосами. Даже Равна, когда ему надоедало сидеть дома, отправлялся в первое попавшееся жилище эскимосов, где его тотчас очень гостеприимно принимали, садился на скамейке и сидел, не говоря ни слова, иногда по целым часам. Это повторял он почти каждый день, хотя никто не мог понять, что за удовольствие доставляло это ему. Гораздо подвижнее и предприимчивее был Балто. Тот даже подружился со многими эскимосами и чувствовал себя совершенно в своей стихии.

В первое же воскресенье было устроено празднество с танцами. На Нансена вид танцующих гренландцев произвел громадное впечатление. Живописные, пестрые одежды в тесной колышущейся толпе, множество красивых фигур в быстром движении, сияющие лица, в которых во всяком мускуле была жизнь, возбужденные голоса, заразительный смех, стройные ноги в белых, красных и синих „камикер“, замечательная точность и выдержка в такте, с которыми они отплясывали норвежские и другие танцы — все было полно жизни и движения.

„Все это для нас, — пишет Нансен, — было так ново, так привлекательно, чарующе, что мы невольно были сами захвачены. Казалось, мы вдруг открыли, какие потоки радости и наслаждения содержит в себе жизнь. Нет, этот народ еще не научился радоваться!“

День проходил за днем, а о корабле не было ни слуху. Нансен стал невольно привыкать к мысли, что придется зазимовать в Гренландии. Так и случилось на самом деле. Вскоре он получил известие, что посланные им каякеры в последний момент успели еще передать на уже готовый к отплытию корабль письма Нансена и Свердруп. Но зайти в Готгоб „Фокс“ не мог. Была уже поздняя осень, капитан не знал фарватера и имел на борту 40 пассажиров. Случись несчастье, всем пришлось бы зазимовать в Гренландии, и такое увеличение числа жителей могло сразу катастрофически отразиться на благосостоянии всех и повлечь за собой даже бедствия голода. Поэтому он вынужден был отплыть, не заходя в Готгоб. Но он захватил письма Нансена к Гамэлю и Свердрупа к отцу. И еще этой осенью весь цивилизованный мир с восторгом узнал о подвиге, совершенном Нансеном, который, и не подозревая, каким героем он стал, коротал, как мог, зимнее время в Гренландии.

Но зима в необычных условиях не пропала для Нансена даром. Он предпринял несколько маленьких экспедиций по окрестностям и в ближайшие колонии. Особенно пристально изучал он быт и жизнь эскимосов. Он, как мог, изучил их язык и наблюдал за эскимосами не со стороны, но живя среди них по целым неделям, охотясь с ними, питаясь такой же пищей, как они. Главным приобретением Нансена, имевшим большое значение в дальнейшей жизни, было то, что он научился ездить на эскимосском каяке.

Каяк — это своеобразная эскимосская лодочка на одного человека, длиной около двух саженей и шириной 18—20 дюймов. Она сделана из деревянного легкого остова, обтянутого тюленьей кожей. Киля лодочка не имеет и поэтому сама по себе очень неустойчива, и держаться на ней непривычному гребцу очень трудно. Но зато она чрезвычайно быстра, и при помощи двухлопастных весел эскимосы летят на ней с невероятной быстротой. Сверху каяк закрыт и имеет лишь круглое отверстие с закрепленным кольцом, в которое влезает седок. В хорошую погоду к этому кольцу плотно пристегивается широкий пояс, который достает до подмышек. Этот пояс не дает воде и брызгам проникнуть внутрь каяка. В плохую же погоду гребец надевает непромокаемый плащ, плотно застегнутый у рукавов, у шеи и в кольце каяка, так что гребец и каяк составляют одно сплошное целое. Тут волны могут обдавать каяк со всех сторон, могут захлестывать гребца с головой, могут даже опрокидывать и переворачивать каяк вверх дном — все равно, ни капли воды не попадет в утлое суденышко, и оно тотчас опять оправляется и продолжает путь по самому бурному морю. Кроме того, каяк настолько легкий, что один человек может нести его без труда на плечах очень далекое расстояние.

Присматриваясь к жизни эскимосов, Нансен не мог не понять, что каяк незаменимая вещь для охотника берега Гренландии. Но для того, чтобы уметь хорошо пользоваться каяком, нужно много ловкости и большая практика — эскимосы начинают ездить на нем с детского возраста. Нансен немедленно заказал себе каяк и, как только он был готов, стал учиться. Сперва дело казалось очень трудным. Лодочка, как мы говорили, была чрезвычайно неустойчивая, и малейшее неловкое движение приводило к тому, что гребец головой вниз находился в воде, а лодка дном кверху на воде. Но после некоторой практики Нансен приучился владеть каяком в совершенстве и предпринимал даже такие плавания, на которые не решались самые смелые эскимосы.

Его примеру последовал и Свердруп. После него Дитрихсон. А там к ним присоединились Христиансен и Балто. Последний вначале был очень храбр. Но первый опыт окончился довольно плачевно. При

большом стечении зрителей, стоящих на берегу, Балто смело уселся в каяк и попросил, чтобы его оттолкнули от берега. Но, как только каяк всплыл, уверенность Балто исчезла, на его лице появился испуг, и вот, после нескольких отчаянных взмахов веслом и усилий удержаться в равновесии, каяк опрокидывается, Балто скрывается под водой, и только его четырехугольная шляпа плавает на поверхности воды. К счастью, все это происходило неподалеку от берега, и присутствовавшие поспешили вытащить неудачного мореплавателя на сухой берег, где он был встречен всеобщими насмешками, особенно громкими со стороны эскимосов, вниманием которых Балто как раз особенно дорожил. После нескольких попыток и Балто овладел искусством управления каяком, и все члены экспедиции не раз устраивали далекие поездки в море.

Нансен так увлекся изучением жизни эскимосов, что в конце зимы провел в гостях у эскимосов, живя с ними в их хижине, целый месяц. Результат своих впечатлений он описывает следующим образом.

„Нельзя сказать, чтобы образ жизни, который я здесь веду, был очень богат событиями, и я все более становлюсь похож на эскимосов. Я живу жизнью этого народа, ем их пищу, привыкаю ценить их лакомства, в роде сырого сала, сырой рыбьей кожиры и мерзлых ягод с прогорклым жиром. Я болтаю с ними, как могу, плаваю с ними на каяке, хожу на охоту, и мне становится ясным, что европейцу не так невозможно стать эскимосом, если только он имеет достаточно времени для этого.

Жизнь среди этих людей мало-по-малу становится по мне. Их невинный беззаботный образ жизни, их нетребовательное довольство и добродушие действуют заразительно и гонят прочь все тревоги и заботы“.

И Нансен не был тягостью для своих хозяев, так как участвовал с ними в рыбной ловле и самолично поймал двух больших рыб, ловля которых связана с большими трудностями и требует большой выдержки, выносливости и силы — этими рыбами в течение трех недель питался не только он сам, но и вся семья, в которой он жил.

В результате, к концу зимы, Нансен имел множество друзей среди эскимосов, которые, в свою очередь, очень привязались к нему.

И, когда настал час расставания с Гренландией, Нансен был расстроен, видя, как искренно огорчены были эскимосские друзья. Один из них сказал ему: „Теперь ты возвратишься в большой свет, откуда ты пришел к нам, ты встретишь там много нового и, вероятно, скоро забудешь нас, но все мы тебя никогда не забудем“.

Эта зима, проведенная в таком непосредственном соприкосновении с полярной природой и жизнью, для Нансена была прекраснейшей подготовкой для дальнейших планов — не даром, еще шагая по льду Гренландии, Нансен уже говаривал со Свердрупом о путешествии к северному полюсу.

Но вот настал апрель месяц, и со дня на день можно было ожидать появления в Готгобе корабля.

15 апреля с утра погода была очень неблагоприятная, свирепствовала сильная метель, так что все были уверены, что в такую погоду ожидать корабля нельзя. В то время, как Нансен сидел в доме директора за кофе и беседовал с доктором, на берегу раздался крик „умиарсуит“, „умиарсуит“, т. е. „корабль“, корабль“. Все бросились из комнаты и стали глядеть на море. Вначале за пеленой метели не видать было ничего. Но вот сверху показалась черная тень — это была оснастка корабля, который уже находился в бухте. С величайшей поспешностью бросились Нансен и его товарищи к своим каякам и поплыли к кораблю. Едва только они успели ступить на палубу, как на мачте был поднят норвежский флаг, и раздался громовый салют в честь Нансена, его экспедиции и Норвегии.

Сборы к отправке закончены были быстро, и 4 мая берега Гренландии скрылись из глаз. Несмотря на встречные ветры и сильное волнение, вследствие которых путешествие растянулось на целых 17 дней, время на гостеприимном корабле проходило приятно и быстро. Всего было вдоволь — вплоть до сладостей и шампанского, присланного из Европы специально для экспедиции; вся дорога была сплошным празднеством. 21 мая экспедиция достигла Копенгагена, где пользовалась гостеприимством г-на Гамэля и была предметом оваций и чествования со стороны всех датчан. После нескольких дней празднеств отправились в Норвегию и 30 мая при великолепной погоде вошли на пароходе в фьорд Христиании, где их встретил целый флот пароходов и стая лодок. Это произвело сильнейшее впечатление даже на Равну. Когда пароход приближался к гавани, Нансен, указывая на крепостную стену и мост, сплошь покрытые толпой, спросил Равну:

„Ну, разве это не красиво, столько людей?“

„Да, очень красиво, но если бы это были олени!“ ответил Равна.

Смелое путешествие Нансена сразу выдвинуло его в первые ряды полярных исследователей и создало ему широкую славу. Со всех сторон посыпались на него самые лестные награды, составлявшие мечту многих путешественников, как, например, медаль „Вега“ шведского географического общества, которой до Нансена было награждено всего пять человек, и медаль „Виктория“ Лондонского географического общества. Многие научные общества на родине и за границей избрали его почетным членом, и турнэ по Европе прошло с исключительным успехом.

Но Нансен попрежнему на досуге продолжал увлекаться спортом. И, вероятно, во время лыжных экскурсий он познакомился с дочерью известного норвежского естествоиспытателя Эвой Сарс, умной, веселой, очень музыкальной девушкой, обладавшей прекрасным голосом. Но более всего сближало с нею Нансена то, что Эва Сарс была опытным и неутомимым лыжебежцем. Вскоре она стала невестой и затем женой Нансена.

Из этой эпохи Нансена семейное предание сохранило следующий эпизод. В ночь с 11 на 12 августа 1889 года непрерывный град камешков сыпался в оконное стекло в домике, где жила сводная сестра Фриттьофа Нансена, бывшая его ближайшим другом и поверенным. Ее муж, с которым Нансен в годы молодости шатался по лесам и полям, и который был первым учителем стрельбы из ружья и ловли рыбы, вскочил с постели и открыл окно.

— Что там такое случилось? — зарычал он, глядя в светлую летнюю ночь. Во мраке стоял высокий, стройный человек в сером костюме и спокойно сказал:

— Впустите меня.

Несмотря на не особенно лестные приветствия, которыми его осыпали сверху, серый человек все же настаивал:

— Впусти меня.

И вот, в 2 часа ночи, Фриттьоф Нансен оказался в комнате своей сестры. Он расставил свои длинные ноги и, запустив руки в карманы, мрачно глядел на нее.

Сестра вскочила с постели: „Боже мой, что случилось там такое с тобой?“

— Я обручился!

— С кем же?

— Конечно, с Эвой.

И Нансен заявил, что он голоден.

Тут его шурина пришлось идти в кладовую для того, чтобы достать кусок говядины, затем спуститься в погреб, чтобы принести шампанского. И у постели сестры был накрыт стол. Так началась новая глава жизни Нансена.

Все радовались, и знакомые и родственники. Огорчен был только один Свердруп. Узнав о помолвке Нансена, он не спал всю ночь. И как же не огорчаться! Ведь таким образом все планы относительно путешествия к северному полюсу окончательно проваливалась.

Но Свердруп мало еще знал своего товарища. И покрытая мраком неизвестности история помолвки Нансена отчетлива только в одном: делая предложение Эве Сарс, он все же сказал:

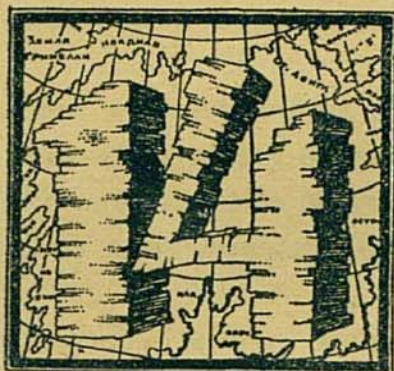
— Но к северному полюсу я все-таки поеду!

ВО ТЬМЕ И ЛЬДАХ

ИМЕЕТСЯ ЛИ ПУТЬ К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ?

„Большой день“ в Лондонском Географическом Обществе. Как использовать силы природы? Полярные морские течения. Смелый план. Суровая критика. Все авторитеты против!

НОВАЯ 1892 г. в Лондонском Королевском Географическом Обществе был большой день. Зал Общества был полон. Кроме обычной публики, всегда бывавшей в Обществе, в первых рядах кресел были видны фигуры испытанных „морских волков“, исколесивших вдоль и поперек весь земной шар, которым, пожалуй, даже вся наша земля казалась уже маленькой и тесной. Еще бы, если попробовать сложить число морских миль, пройденных на своем веку всеми присутствующими на заседании, то получились бы подлинно астрономические цифры, во всяком случае, достаточные, чтобы добраться до луны, вернуться с нее и, кроме того, еще с дюжину раз, в виде приложения, прокатиться вокруг земли!

Что же вызвало такой интерес к заседанию? Сделано ли было новое замечательное географическое открытие? Или Общество собиралось чествовать отважного путешественника, после долгих скитаний и лишений вернувшегося домой, где его уже давно считали погибшим? Или кто-нибудь из английских купцов или организаторов, приехав из далеких стран, имел сообщить о своих многолетних и разнообразных наблюдениях? Или готовилась новая экспедиция, и Географическому Обществу предстояло высказаться по поводу ее плана?

Именно так. Сегодня в обществе должен был обсуждаться доклад норвежца Фритьофа Нансена, несколько лет тому назад прославившегося своим смелым переходом через Гренландию. Это было рискованное и смелое предприятие. Но, по сравнению с новым планом, это было только небольшой прогулкой: ведь, теперь Нансен готовил уже не более, не менее, как экспедицию к самому полюсу, и в Норвегии уже строился для него специальный корабль.

К северному полюсу! Это казалось просто невозможным. Ведь, все последние полярные экспедиции — Де-Лонга, Нэрса, Грили — благоразумно ставили себе более скромные задачи. Этот же молодой норвежец

осмеливался выступать с сообщением под скромным заглавием: „Как пройти через северные полярные области?“, собираясь пересечь, очевидно, полярное море от края до края! И, ведь, он уже начал подготовку, даже не попытавшись привлечь к этому старых, опытных мореплавателей, видевших лед не только во время лыжных прогулок! Правда, теперь Нансен выступал с докладом, но и то было неясно, нужен ли был ему совет или просто только материальная помощь? Ведь ходил слух, что корабль, который Нансен строил, оказался более дорогим, чем предполагалось, и Нансену приходилось искать новых средств. Не надеется ли он на помощь со стороны англичан? Не рассчитывает ли он, что успех доклада в Географическом Обществе может поднять интерес к экспедиции в его собственной стране?

И вот, час открытия заседания наступил. Все с любопытством смотрели в сторону, где сидел высокий, стройный блондин, с длинным лицом, несколько долговязый и как-то по особому чужой в этой обстановке. Но старые английские моряки инстинктом чувствовали, что тут серьезная сила, и ждали, что даст доклад.

Нансен не достаточно владел английским языком, чтобы говорить прямо с кафедры, да и ораторскими талантами он не особенно отличался. Поэтому он заранее написал свой доклад и произнес его, читая по тетради. Перед чтением Нансен несколько беспокоился: ясно ли выражены его мысли, не было ли длиннот, достаточно ли отделана форма доклада — вот, например, он никак не мог придумать эффектного конца и, изложив все, что нужно было для дела, просто оборвал его, добавив несколько неуклюжих заключительных слов.

Но с первых же слов Нансен почувствовал, что если его встретит неудача, то не из-за формы доклада!

Вначале, в кратких чертах Нансен подвел итоги прежним попыткам исследовать внутренние пространства полярных морей. Он напомнил, что все экспедиции заканчивались неудачей потому, что корабли наталкивались на сплошные массы льда, и — или относились назад к югу, или же гибли, раздавленные ледяными громадами. Итти на санях по движущемуся ледяному полю было невозможно. Значит, повидимому, оставалось признать, что, при современной технике передвижений, полюса достичь нельзя. Правда, в последнее время начали поговаривать относительно воздушных шаров и подводных лодок. Но, не говоря о фантастичности этих планов, путешествие, осуществленное таким способом, едва ли могло иметь научное значение.

Но значит ли это, что надо вообще оставить попытки пройти через полярное море с кораблем? Разве нет иного пути достигнуть северного полюса?

Тут Нансен на мгновение прервал чтение своего доклада, как бы делая разбег перед решительным прыжком. В зале, напряженно слушавшей его введение, если и не дающее ничего нового, то все же мастерски и сжато изложенное, заметно было движение — всем было ясно, что Нансен приближается к решительному и основному тезису доклада.

„Я думаю, — внятно и несколько медленнее продолжал Нансен, — что если мы внимательно присмотримся к тем силам, которые сама природа дает нам в наше распоряжение, и постараемся использовать их, а не идти против них, то мы найдем, если и не самый краткий, то во всяком случае самый верный путь. Мы уже видели, что большинство полярных экспедиций было задержано непреодолимыми течениями из неизвестного севера, несущими громадные массы пловучего льда. Отсюда мы в праве сделать простейшее заключение: если имелись течения, идущие из этих областей, то должны быть также где-нибудь течения, которые текут в них, и если одни экспедиции лед относил к югу, то другие, если только они достигли бы течений в соответствующем месте, могли бы плыть к северу в эти области. Таким образом, мы уже наметили путь: вопрос заключается лишь в том, где найти соответствующее место“.

Зала опять легким движением отметила значение этого утверждения, и слышались отдельные голоса: „Слушайте!“ „Слушайте!“

„Если принять во внимание, — продолжал Нансен, — опыт китов и тюленепромышленников, которые плавают уже многие годы в арктических морях по обе стороны от полюса, то одно обстоятельство должно поразить нас. Корабли, затертые льдами по эту сторону полюса, около Гренландского моря, увлекаются к югу, и экипажи обычно не подвергаются значительному риску. Корабли же, затертые льдами по ту сторону полюса, к северу от Берингова пролива, плывут к северу и часто исчезают, иногда с многочисленным экипажем на борту; большинство из них, вероятно, погибло под высокими безвестными широтами. Вдумчивый наблюдатель должен поэтому прийти к заключению, что в полярных течениях имеются различия, которые могут быть использованы в целях полярной экспедиции.

Наиболее важным полярным течением является, без сомнения, то, которое направляется к югу, вдоль восточного берега Гренландии. Оно имеет значительную быстроту и несет громадные массы воды из полярного бассейна, заполняя собой все пространство между Гренландией и Шпицбергенем, за исключением узкого пояса вдоль берега последнего, и оно идет по наиболее глубокой области Атлантического океана. И приблизительные подсчеты показывают нам, что это течение несет к югу от 80 до 120 кубических миль воды каждые 24 часа.

Откуда берется вся эта вода? Вода, вытекающая из полярного бассейна, должна возмещаться водой, текущей в него, при чем влияние такого значительного течения не может ограничиваться небольшой областью; как колоссальный насос, должно оно влиять на весь полярный бассейн, впитывая воду даже от берегов Сибири и Берингова пролива. Это тем более несомненно, что полярный бассейн, насколько известно, весьма неглубок. Однако, известно только немного полярных течений, которые текут в полярный бассейн. Маленькая ветвь Гольфштрема, как известно, идет к северу вдоль западных берегов Шпицбергена. Но это течение слишком мало, чтобы иметь значение в данном случае. Существеннее главная масса норвежского Гольфштрема, которая к северу от Норвегии загибает к востоку и втекает в полярный бассейн к северу от Новой Земли. Это течение значительно, но и оно несет в полярный бассейн не более 60-70 кубических миль каждые 24 часа. Третье течение, идущее в полярное море, течет к северу через Берингов пролив, и на основании последних описаний его мы в праве принять, что здесь в полярный бассейн втекает от 10 до 14 куб. миль воды в сутки.

Несомненно, что именно эти течения главным образом снабжают водой полярное течение вдоль восточных берегов Гренландии. К ним присоединяется запас воды из Американских, а в особенности из Сибирских рек, которые впадают в Ледовитое море.

Это добавление имеет особое значение, так как состоит из пресной и сравнительно теплой воды, которая вливается в течение лета, и которая долгое время держится вследствие своей легкости на поверхности моря и, таким образом, образует поверхностные течения, текущие к северу от сибирского берега. Этим также объясняется, почему в течение лета вдоль этих берегов имеется так много свободного моря.

Итак, мы видим, что полярный бассейн ежедневно получает значительный приток воды. Так как испарение с покрытой льдами поверхности незначительно, то необходимо должен быть соответствующий исток, и наиболее естественным выходом является широкое и глубокое отверстие между Шпицбергом и Гренландией, и результаты подсчета воды вытекающей, повидимому, весьма близко соответствуют количеству втекающей воды.

Правда, течения к югу имеются также в проливе Смита, Джонса и Лэнкэстра, в северо-американском архипелаге, но все эти течения весьма узки и мелки, и количество воды, которое эти течения несут, весьма незначительно в сравнении с восточно-гренландским течением.

Вполне естественно, что источники втекающей воды, образуя гренландское течение, объединяются и до некоторой степени сливаются, и главную ветвь течения мы должны рассчитывать найти к северу от тех

обширных пространств, из которых он получает свои источники. Следовательно, это место должно находиться по соседству от Ново-Сибирских островов. Из этой области течение должно кратчайшим образом идти к выходу между Гренландией и Шпицбергенем, и это должно быть к северу от Земли Франца-Иосифа и приблизительно через Северный полюс. Но направление течения может до известной степени нарушаться ветрами. К сожалению, ветров в арктических областях мы не знаем. То немногое, что мы знаем, говорит, повидимому, за то, что эти ветры благоприятны такому течению.

Я пытался убедить вас, что на основании всего, что мы знаем относительно океанских течений и ветров вдоль „порога неведомых областей“, мы в праве заключить, а на самом деле мы должны заключить, что эти области пересекаются океанским течением. Но нет ли непосредственных доказательств, что такое течение существует? Я думаю, что да. Уже плавание „Жаннетты“ под командой Де-Лонга показывает, что в море к северу от Берингова пролива должно иметься течение в северо-западном направлении. Это течение, повидимому, не было сильным в первое время плавания „Жаннетты“ в льдах, но, по мере приближения к областям к северу от Ново-Сибирских островов, оно становилось все сильнее, и в последнюю неделю перед погружением судно несло с быстротой более 8 миль в сутки. Это как раз поблизости к той области, где, по моим предположениям, начинается гренландское течение.

Однако, более замечательным, чем плавание самой „Жаннетты“, является тот факт, что известное количество предметов, принадлежащих ей и ее экипажу, было найдено на пловучей льдине поблизости Юлиангоба, на юго-западном берегу Гренландии, как раз через три года после того, как корабль потонул (июнь, 1884 г.). Эти предметы, числом 58, были найдены одним эскимосом и были потом собраны директором колонии в Юлиангобе Литценом, который описал их в журнале датского Географического Общества в Копенгагене. Из этих предметов упомянем здесь: 1. Список припасов с собственноручной подписью Де-Лонга. 2. Рукописный список лодок „Жаннетты“. 3. Пара непромокаемых брюк с обозначением „Louis Noros“, что совпадает с именем одного из спасшихся матросов „Жаннетты“.

Относительно подлинности этих вещей, повидимому, возникали некоторые сомнения. Если бы предметы еще существовали — было бы нетрудно подтвердить их подлинность, но, к несчастью, они опять потерялись. Литцен послал их своему другу в Копенгаген, который послал их на Международную выставку в Амстердам. После ее закрытия вещи были возвращены в Копенгаген и были сложены на чердак. Несколько лет тому назад лицо, хранившие их, умерло, и его жена, не зная, что это

были за вещи, позволила их уничтожить; и я приехал спасать их, опоздав ровно на два месяца. Но я не вижу причин, чтобы предметы не были подлинными. Что могли знать о „Жаннетте“ и ее плачевной участи гренландские туземцы? Или разве можно предположить, что Литцен, уважаемое должностное лицо Гренландии, могло выдумать подобную историю и дать подробное описание предметов, никогда не найденных? Поэтому нам следует считать установленным факт, что льдина с лежащими на ней предметами с „Жаннетты“ была найдена неподалеку от Юлиангоба.

И тут возникает вопрос: каким путем льдина прошла от Ново-Сибирских островов до восточного берега Гренландии? Самый короткий и естественный путь, несомненно, лежит через область к северу от земли Франца-Иосифа, через область, близкую к полюсу, и мы вынуждены признать этот путь единственно возможным“.

Тут Нансен опять приостановился, словно желая убедиться, какое впечатление его слова производят на всех. Ведь его отчетливый ум чувствовал, что он доказывает свои положения с математической ясностью! Но этого мало! И одно доказательство сыплется за другим.

„Несколько лет тому назад на западном берегу Гренландии, около Готгоба, была найдена доска, дротикометатель, совершенно своеобразного вида. Учеными этнологами было с несомненностью установлено, что такие доски употребляются только эскимосами Аляски — китайские бусы, украшавшие доску, подтверждали правильность этого. Доска хранится в музее в Христиании.

Эскимосы Гренландии для выделки своих вещей, лодок, оружия и жилищ употребляют дерево; но в Гренландии лесов нет. И эскимосы не могли бы существовать, если бы не было наносного леса, которым усеяны берега Гренландии. Этот лес состоит главным образом из сибирской лиственницы. Это опять доказывает, что имеется течение, способное принести лес через Ледовитый океан из Сибири в Гренландию.

Далее, около сибирских берегов и к северу от Берингова пролива имеется не особенно толстый и почти всегда только годовалый лед, между тем как Гренландское течение несет льдины значительной толщины, которые, очевидно, существуют несколько лет“.

Наконец, опять математическое доказательство, чрезвычайно характерное и неопровержимое, хотя основанное только на комочках грязи. Но наука умеет и в этом вычитать многое.

„Совсем недавно я получил интересное и замечательное подтверждение, что этот вывод относительно толщины льда правилен. В течение моей последней экспедиции в Гренландию я собрал образцы пыли и грязи на льдинах около Исландии. Эти образцы некоторое время тому назад были посланы шведскому геологу Тернебому в Стокгольм, который

исследовал их и нашел в них около 20 различных минералов. Разнообразие минералов в нем разительно, и в письме ко мне Тернебом пишет: „Не может ли быть, что неорганическая часть пыли происходит из северной Сибири, и что это — частица грязи, несомой великими сибирскими реками? Значительное количество минералов, заключающееся в пыли, как мне кажется, свидетельствует, что она происходит из обширной земли, и, таким образом, естественно на мысль приходит северная Сибирь“. К этому замечательному выводу пришел шведский ученый только по природе грязи, ничего не зная о моих взглядах относительно полярных течений и о происхождении льда. Еще более интересно, что около половины грязи органического происхождения, главным образом гумус, который свидетельствует, что грязь происходит из почвы, содержащей много гумуса. Следовательно, это не может быть ледниковой грязью, которая приносится на льдинах рек Гренландии и других арктических областей. Она должна происходить от других берегов полярного моря, и мы опять таким образом приходим к Сибири. Еще более интересны, по моему мнению, диатомеи, найденные в некоторых образцах пыли на поверхности снега на льдинах. Они были исследованы проф. Клеве в Упсале, серьезнейшим авторитетом относительно диатомей. Он говорит о них: „Диатомеи этой пыли весьма примечательны и отличаются от многих тысяч образцов, которые я исследовал, за исключением одного образца, с которым они обнаруживают очень значительное совпадение, который был собран во время экспедиции „Веги“ на льдине около Берингова пролива. Виды и особенности обоих образцов совершенно тождественны“. Профессор Клеве мог различить 16 видов и особенностей. Все они имелись на образце мыса Ванкарема, и 12 из них были известны только оттуда и нигде более на всем свете. И проф. Клеве приходит к выводу: „Весьма замечательно, что флора диатомей на льдинах около Берингова пролива и на восточном берегу Гренландии так похожи друг на друга и так отличаются от всех остальных. Это показывает, что имеется сообщение между морями к востоку от Гренландии и севером Азии“. Я думаю, что это наиболее убедительное доказательство, что полярные льды восточных берегов Гренландии происходят из моря к северу от Сибири.

Все эти факты дают нам право сделать заключение, что через области к северу от земли Франца-Иосифа из моря к северу от Сибири и Берингова пролива, к морю между Шпицбергом и Гренландией идет постоянное течение. Но если дело обстоит так, то наиболее простой способ пересечь неизведанные области: отправиться вместе с этими льдами, т. е. войти в течение с той стороны, где оно течет к северу, и дать ему нести себя к тем широтам, достичь которых оно до сих пор так мешало!“

Этим кончались предварительные соображения Нансена: поиски сил природы, которыми можно было бы воспользоваться для достижения цели. Теперь он приступил к изложению самого плана, который состоял в том, чтобы построить корабль, войти во льды и дать им нести себя через полярное море, а может быть, даже через полюс.

Пока Нансен говорил о морских течениях и математически доказывал их наличность, сочувствие слушателей было на его стороне, но как только он сообщил, что предполагает добровольно отдать свой корабль во власть льдов, как настроение сразу изменилось, и Нансен почувствовал, как холодок пронесся по залу слушателей. Еще бы, ведь все привыкли считать, что корабль, затертый льдами, — уже погибший корабль. Но вот он начал говорить о постройке корабля, и опять слушавшие его моряки невольно отдались во власть его мыслей. И когда Нансен рассказывал о том, как он строит себе небольшой корабль „Фрам“, способный легко маневрировать среди льдов и выскальзывать из смертельных объятий напирających льдов; когда он стал излагать, как он строит остов корабля, как обеспечивает носовую и кормовую части, как приспособляет к плаванию среди льдов винт и руль, каким образом обеспечивает от холода и сырости жилые помещения, какие предосторожности приняты для того, чтобы весь материал, из которого сделан корабль, оказался безупречным, — англичане невольно заслушались его, — они-то уж знают толк в кораблях! — и чувствовали, что в плане Нансена была не только смелость и дерзость, но и расчетливая техника!

„Отправиться я намереваюсь, — говорил Нансен, — ближайшей весной. Первой целью путешествия будут Ново-Сибирские острова или устье реки Лены. Я колебался, направиться ли через Карское море, или предпочесть путь от Берингова пролива; но я думаю, что отправлюсь первым из указанных путей. Когда мы достигнем моря к северу от дельты Лены, мы станем ожидать соответствующего момента, чтобы итти на север вдоль западных берегов Ново-Сибирских островов, и попытаемся достигнуть возможно более высоких северных широт открытым морем.

Когда дальше итти станет невозможным, тогда нам не останется ничего иного, как проникнуть в льды в наиболее соответствующем месте и с этого момента довериться исключительно течению, идущему через полярную область. Лед, вероятно, вскоре начнет давить, но это только приподымет наше крепкое судно. Во время плавания мы будем иметь много времени и блестящую возможность производить научные наблюдения. Вероятно, таким путем, в течение нескольких лет, мы мимо северного полюса или даже пересекая его будем отнесены к морю между Шпицбергенем и Гренландией, где мы опять выберемся в открытое море и будем в состоянии вернуться домой. Возможно, что течение не пронесет

нас точно через полюс, но главная наша задача — исследовать неизведанные полярные области, а не достичь точно математического пункта, где ось земного шара имеет свой северный конец.

Я убежден, что единственная трудность — это попасть соответствующим образом в течение севернее Сибири. Но, раз это будет сделано, мы должны нестись куда-нибудь к северу. Не было случая, чтобы корабль, затертый льдами, не двигался в каком-либо направлении. И, окончится наше плавание успехом или нет, я убежден, что это именно тот путь, которым когда-либо будут пройдены неведомые области“. Дрифт корабля среди льдов — не новость, и Нансен напомнил ряд известных примеров: корабль „Фокс“ Мак-Клинтока неся в льдах в течение восьми месяцев и прошел 1200 миль, по направлению из Баффинова залива к Лабрадору; часть экспедиции на „Полярис“ тем же путем прошла еще больший путь. Не мало было случаев движения со льдами вдоль восточного берега Гренландии, при чем корабли иногда двигались так целыми месяцами, покрывая расстояния свыше 1000 километров. Но все эти корабли плыли к югу, и лишь „Тегетгоф“ и „Жаннетта“ плыли к северу. „Единственно новое в моем плане то, что я хочу плыть со льдами, между тем как во всех предшествующих случаях экспедиции плыли против их воли“.

При этом, конечно, возникал серьезный вопрос, сколько времени такая экспедиция могла продолжаться. Единственный опыт, который может дать некоторое представление относительно необходимого срока, — это плавание вещей „Жаннетты“. Если принять, что год нужен был для следования вдоль восточного берега Гренландии, то остается только два года для всего остального пути, и это требует скорости не более двух морских миль в сутки. Эта быстрота не чрезмерна, если мы вспомним, что „Жаннетта“ в последние полгода ее плавания неслась именно с такой быстротой. Поэтому нельзя считать невозможным, что экспедиция достигнет открытого моря в течение двух лет со времени отправления от сибирских берегов. „Однако, — признавался Нансен, — нельзя ожидать, что движение будет совершаться все время по прямой линии. Несомненно, будут периоды, в течение которых движение остановится и даже, может быть, пойдет в обратном направлении, что значительно удлинит путь. Но, если мы возьмем припасов на 5 или 6 лет, то мы можем считать, что у нас будет достаточно времени. Многим этот срок покажется очень долгим, но такой путь имеет много преимуществ, и пусть экспедиция благополучно начнется, глядеть назад не будет смысла; все наши надежды будут связаны с „Фрамом“, а это значит — „Вперед“.

В заключение Нансен сообщил некоторые детали своего снаряжения, выбора припасов, подбора инструментов и пр. Закончил же он доклад описанием приспособлений для электрического освещения корабля. Кроме

силы ветра, которая могла приводить в движение динамо, Нансен брал также и ручной привод, который мог дать экипажу здоровое физическое упражнение и хороший свет. „Всякий легко поймет, каким благодеянием будет для нас этот свет в то время, когда кругом воцарится полярный мрак. И, когда солнце начнет склоняться, чтобы в последний раз исчезнуть за горизонтом на юге, мы начнем ходить кругом по палубе нашего корабля для того, чтобы создать себе новое солнце, медленно подвигаясь со всем кораблем вперед. И я надеюсь, милостивые государыни и милостивые государи, что вы иногда вспомните добром о нас в то время, как мы будем ходить кругом нашей мельницы на далеком севере, в торжественной тиши долгой полярной ночи“.

Доклад Нансена был покрыт шумными аплодисментами. Ясность мыслей, соединенная со смелой фантазией и вместе с тем с технической отчетливостью и обстоятельностью, импонировали английскому духу. И Нансен с трепетом ожидал прений: ведь признание правильности плана и одобрение авторитетов могло значительно облегчить дальнейшие приготовления Нансена, — в Норвегии у него были не только доброжелатели, и успех в Лондоне заставил бы окончательно замолчать надоедливых критиков и скептиков.

Но вот начались прения.

Первым взял слово адмирал Сэр Леопольд Мак-Клинтон, один из ветеранов полярных плаваний, имя которого неразрывно связано с работой по отысканию северо-западного прохода и с поисками экспедиции Франклина. Но уже с первых слов почувствовалась нотка отрицания, тонко примешанная к похвалам:

„Я думаю, мы в праве сказать, что более смелого плана стены Королевского Географического Общества не слышали еще никогда. Право, перед нами подлинный викинг, потомок тех дерзких норвежцев, которые так часто непрошенные посещали нашу страну. Можно только удивляться блестящему энтузиазму доктора Нансена“... Адмирал признал, что многие из приведенных фактов говорят за правильность теории Нансена. Но все же возможность осуществления плана ему представляется весьма сомнительной. Он не сомневается, что Нансену удастся достигнуть течения, идущего к северу. Он также считает возможным построить корабль, который мог бы устоять против давления льдов летом. Но он не видит никакой возможности, чтобы судно в полярном море могло выдержать давление льда зимой, когда лед скорее напоминает собой скалы, и возможность, чтобы в случае их давления судно могло выскользнуть между напирющими льдами, крайне сомнительна. „Я желаю Нансену, — закончил адмирал, — полнейшего и быстрого успеха, и для его многочисленных друзей в Англии будет великим облегчением, когда он вернется; в

особенности для тех из них, которые имеют некоторый опыт относительно опасностей, всегда соединенных с плаванием среди льдов, даже в областях не так далеко на севере“.

Вторым говорил адмирал сэр Джон Нэрс, прославившийся своим путешествием к земле Гранта, по возвращении из которого он счел себя в праве дать лаконическую телеграмму: „Северного полюса достигнуть нельзя“. Нэрс подчеркнул трудность положения, когда приходится критиковать план, уже приводимый в исполнение, и при том план чужой нации. Но все же, поскольку Нансен предложил свой план на суд критики, никто не в праве скрывать своего мнения. И Нэрс прежде всего с горечью отметил, что Нансен решительно порывает с основной аксиомой полярных путешествий, что корабль должен держаться возможно ближе береговой линии. Он готовился отдать свой корабль — единственную надежду на успех предприятия — добровольно во власть льдов, отказываясь руководить его движением и предоставляя себя власти морских течений, между тем, как еще не было случая, чтобы корабль, находясь в объятиях льдов, мог освободиться от них. Нет, раз примерзший, он делается составной частью той глыбы, с которой связан, и форма корабля, прочность его стен не играют уже никакой роли. Но если корабль будет раздавлен, то положение экспедиции сразу делается отчаянным, так как полярные льды часто дают трещины, и вещи, сложенные на льду, легко могут быть потеряны. Относительно течений Нэрсу представлялось, что гренландское течение могло иметь влияние еще миль на 600 в глубину полярного моря, но не больше. Что же касается движения „Жаннетты“, то тут играло роль не течение, а только ветры, как определенно указывает и сам де-Лонг. Единственно, с чем согласен был Нэрс, — это, что главная задача новых экспедиций должна быть не в том, чтобы достичь математической точки полюса, а в том, чтобы исследовать неизведанные полярные области.

В сущности, уже эти два выступления наиболее авторитетных ветеранов полярных плаваний решили судьбу доклада. И дальнейшие выступления как против, так и за не могли изменить ничего. Да и выступления за Нансена были не вполне благоприятны. Так, капитан Виггинс, один из первых исследовавший путь через Карское море к сибирским рекам, в общем поддерживал план Нансена, но предлагал ему значительно уменьшить размеры судна и, вместо одного корабля, взять с собой целых три маленьких судна — совет, который, во всяком случае, был уже запоздалым. Сэр Аллен Юнг предостерегал Нансена от опасности натолкнуться на землю и застрять где-нибудь в лабиринте островов и проливов. Другие озабоченно напоминали Нансену о бедствиях цынгги и разрушительном влиянии упадка духа экипажа во время полярной ночи.

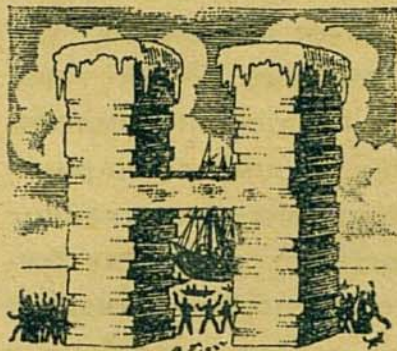
Нансен отвечал короткой речью, опровергая главнейшие возражения своих критиков; в общем имел хороший личный успех. Но для дела? Увы, дела доклад, во всяком случае, ничем не подвинул. Небольшая лепта Лондонского Географического Общества в размере 300 фунтов не компенсировала того неблагоприятного впечатления, которое на родине и повсюду произвела критика выдающихся английских авторитетов. А как только доклад появился в печати, к устной критике присоединились печатные, подчас весьма резкие, отзывы.

Так, знаменитый руководитель несчастной экспедиции Грили заявлял в одном из американских журналов, что его просто изумляет, как такой план, основанный на ложных представлениях о полярных странах, мог найти в ком-либо сочувствие и поддержку. Ведь из всех авторитетов по полярным исследованиям не найдется и двух, кто бы высказался в пользу хотя бы первого предположения плана Нансена, что можно выстроить корабль, способный противостоять давлению льдов. Точно также совершенно ложной считает Грили идею Нансена о полярном течении. В результате он писал: „Уже общепризнанные и проверенные методы полярных исследований представляют множество опасностей и требуют громадного мужества, так что здесь Нансеновские планы самоуничтожения излишни“.

В этом хоре критических отзывов совершенно тонули отдельные заявления сторонников Нансена: героя экспедиции Нэрса — Маркхэма, германского ученого Зупана и некоторых других. И Нансен мог убедиться: рутина имеет силу даже на путях к северному полюсу!

СНАРЯЖЕНИЕ И ОТПЛЫТИЕ „ФРАМА“

Сбор средств. Постройка „Фрама“. Спуск корабля на воду. Снаряжение экспедиции. Спутники Нансена. Отплытие. Первые испытания. Столкновение со льдами. В Хабаровке.

ЕУДАЧА доклада Нансена могла только затруднить, но не остановить его экспедицию. Приготовления уже были во всем разгаре и велись энергично дальше.

Подготовка экспедиции началась уже 2 года тому назад. Первой заботой было, конечно, собрать деньги. Тут речь шла уже о сумме не в несколько тысяч крон, как при подготовке Гренландской экспедиции. Снаряжение путешествия, которое должно было продлиться целые годы и для которого нужно было соорудить собственный корабль, стоить дешево не могло.

Первая смета, которую составил Нансен, оказалась равной, примерно, 300 тысячам норвежских крон. Норвежский стorting принял на государственный счет две трети этих расходов, ассигновав 200.000 крон и поставив условием, чтобы экспедиция была норвежской, т. е. чтобы к ней в качестве участников были привлечены только норвежцы. Богатый коммерсант Аксель Гейберг еще после возвращения Нансена из Гренландии предложил ему 10000 крон на любое новое путешествие, которое тот захочет предпринять. Теперь он с некоторыми другими лицами составили комитет для сбора подписки на экспедицию и в несколько дней собрали нужную сумму, даже с излишком.

Таким образом, начало было положено основательно. И Нансен мог начать приводить свой план в исполнение.

Все прежние полярные экспедиции, по мнению Нансена, собирались наспех. Иногда от составления плана до отправления экспедиции проходило всего несколько месяцев. Конечно, в такой срок нельзя ничего подготовить, и в дорогу бралось первое, что подвернется под руку. Например, ни одна из прежних экспедиций не строила для себя специального корабля, хотя условия плавания в полярном море — совершенно особые и ставят особые требования к судну. Между тем, прежние экспедиции часто распоряжались очень большими средствами, значительно превышавшими те суммы, которые были в распоряжении Нансена.

Именно на корабле сосредоточил Нансен свои главные заботы.

Известный норвежский строитель кораблей Колин Арчер взял на себя работу по сооружению корабля. Но в составлении проекта принимал самое деятельное участие и Нансен. Проект за проектом представлял Арчер, но все не удовлетворяло Нансена. Модель за моделью готовились для него, и все он отвергал, требуя все новых улучшений, как в крупном, так и в деталях.

Прежде всего, Нансену нужен был небольшой корабль, чтобы он легко скользил и пробирался среди льдов. Вначале Нансен думал, что можно будет обойтись судном в 170 тонн. Но потом оказалось, что этого было слишком мало, и водоизмещение было доведено до 400 тонн. Так как Нансен не хотел увеличивать длины, то это увеличение вместимости почти целиком было достигнуто увеличением судна в ширину, которая составила треть длины — соотношение, совершенно неслыханное на обыкновенных судах. Конечно, при этом приносилась в жертву быстрходность судна, но для экспедиции Нансена это не играло слишком большой роли. Далее, корпус судна нужно было сделать гладким и ровным со всех сторон, чтобы он представлял возможно меньше опор и зацеп для напирających льдов. Нос, корма, киль — все было пригнано под одну поверхность, закруглено, обточено, сглажено. „Корабль должен быть гладким, как угорь“, говаривал постоянно Нансен.

Форштевень на носу корабля был сделан из трех солидных дубовых балок, совместная толщина которых достигала 1,25 метра. Мощные скрепы из дубового дерева и железа скрепляли борты корабля. Кроме того, с наружной стороны носа был положен еще железный брус, удерживаемый железными полосами поперек носа, как это делается на судах для охоты на тюленей.

Труднее было с кормовой частью корабля. Здесь приходилось думать о защите таких важных и вместе с тем хрупких частей корабля, как руль и винт. Поэтому корма получила совершенно своеобразный и необычный вид. С обеих сторон мощных балок, к которым прикреплен был руль и винт, было положено по тяжелой дубовой балке, которые следовали изгибу кормы до самой верхней палубы, так что получался своего рода двойной ахтерштевень. Снаружи ахтерштевень был обшит досками, и сверху положены были железные листы.

Между упомянутыми двумя бревнами сделан был туннель для винта и руля для того, чтобы, в случае необходимости, их можно было быстро поднять наверх: в то время, как на тюленьих судах с многочисленным экипажем, достигающим 60 человек, на под'ем руля уходит несколько часов, а подчас и весь день, руль на корабле Нансена можно было поднять при помощи лебедки в течение нескольких минут. Для того,

чтобы уберечь руль, он был насажен глубоко под водой, чтобы льдины наталкивались на кормовой изгиб и не могли затронуть руля.

Все возможное было сделано также для того, чтобы придать прочность стенкам корабля. Шпангоуты были сделаны из прекрасного итальянского дуба, который предназначался для норвежского флота и пролежал целых тридцать лет в Христиании под навесом. Шпангоуты приходились друг от друга на расстоянии всего 3—4 сантиметра, и эти промежутки были наполнены смесью смолы и опилок, так что корабль оставался бы водонепроницаемым даже в том случае, если бы доски наружной обшивки несколько расшатались.

На шпангоуты была положена в три ряда дощатая обивка. Первый внутренний ряд состоял из досок в 7,5 см. толщиной, второй — в 10 см. толщиной, и, наконец, третий ряд — наружная обивка — у ватерлинии имел толщину в 15 см. Наружная обивка была прикреплена так, что могла быть вся содрана льдами, и корпус судна все же оставался бы целым и невредимым. В общем стены корабля имели толщину около 70—80 см. и состояли из прочной, водонепроницаемой деревянной массы.

Такие стены уже сами по себе были достаточно солидной защитой ото льда. Но для того, чтобы еще увеличить их сопротивляемость, они были укреплены целой системой распорок, стоек и подпор. Прежде всего значительную прочность придавали два ряда балок, составляющих верхнюю и промежуточную палубы, причем балки нижней палубы приходились как раз на ватерлинии, где давление льда могло быть особенно сильным. Эти балки, в свою очередь, были скреплены между собой шпангоутами, многочисленными распорками, упиравшимися под прямым углом к стенкам корабля, что придавало особенную прочность и способствовало правильному распределению давления снаружи. Кроме того, обе палубы и килевое бревно были скреплены между собой вертикальными столбами. Таким образом, когда весь корпус судна со всей системой распорок и стоек был готов, внутренность его представляла сложную паутину мощных балок. И судно не могло быть крепче, даже если бы оно составляло одну сплошную деревянную массу.

Киль был сделан из двух толстых балок американского вяза. Он выставлялся наружу всего только на 7 см. и был старательно закреплен. Для того, чтобы судно, поднятое наверх, не ложилось на бок, днищу была придана плоская форма, что, впоследствии, оказалось в высшей степени целесообразным. Во время сооружения корабля Нансен произвел многочисленные опыты для определения силы трения дерева о лед. Путем вычислений он пришел к выводу, что сопротивление стенок корабля более чем достаточно для того, чтобы выдержать то давление, которое необходимо для поднятия корабля льдами кверху.

Главнейшие размеры корабля были таковы: длина на палубе 39 метров, наибольшая ширина 11 метров, глубина 5,25 метра, осадка при легкой нагрузке 3,75 метра при водоизмещении в 530 тонн, а при полной нагрузке — осадка 4,75 метра при 800 тоннах водоизмещения. Корпус корабля с котлами, наполненными водой, весил 420 тонн, так что угля и прочего груза корабль мог принять 380 тонн. Это давало возможность, кроме полного снаряжения и провианта для всех людей и собак на пять лет, взять еще запас угля на 4 месяца непрерывного движения полным ходом, что для экспедиции было более, чем достаточным.

О быстроходности корабля Нансен думал значительно меньше, чем о прочности — ведь большую часть времени корабль должен был провести неподвижно среди льдов.

Поэтому была избрана легкая система оснастки, которая не представляла значительного сопротивления воздуху при движении на парах и была так устроена, что ею было легко маневрировать с палубы. Это было особенно важно в виду небольшого количества экипажа.

С большой тщательностью была также выбрана машина для корабля. Норвежские инженеры приложили все усилия, чтобы предусмотреть все случайности и приспособить механизм к назначению корабля. Как наиболее экономная в смысле траты угля, была избрана система тройного расширения. При этом машина была скомбинирована так, что, в случае порчи, можно было выключать один или даже два цилиндра, так что она могла работать тремя, двумя и даже одним любым цилиндром; и стоило только повернуть определенные краны, как машина из тройного расширения превращалась в машину компаунд, высокого или низкого напряжения. Этим приспособлением часто пользовались во время движения, хотя порчи не случилось ни разу ни с одним цилиндром. При форсировании льда особенно часто употреблялась комбинация, превращавшая машину в компаунд.

Машина имела 220 лошадиных сил. С ее помощью корабль при легкой нагрузке мог делать в час до 6-7 морских миль.

Только в начале и в конце путешествия судно должно было служить для движения. С момента же замерзания в льдах оно превращалось в жилище для экспедиции. Поэтому приложены были все усилия, чтобы сделать его теплым и уютным. В этом отношении Нансен мог похвалиться, что ни до его корабля, ни после ни одно судно в мире не было так тщательно обеспечено против полярной стужи.

Жилые помещения состояли из гостиной, четырех одиночных и двух четырехспальных кают, окружавших гостиную с трех сторон. С четвертой стороны была кухня. Из гостиной вели двери во все каюты, и, кроме того, две двери выводили наружу мимо кухни, которая приходилась

между двумя коридорами. Над кухней была комната, где находились морские карты и небольшая рабочая каюта. Зимой в этих каютах жить нельзя было.

Опыт прежних экспедиций показал, что одним из главных бедствий полярной жизни является сырость. Влага теплого воздуха жилых помещений осаждается инеем на холодных стенах помещений, превращается в лед или же ручьями струится по стенам, так что матрацы и подушки отсыревают и превращаются в ледяные комки. Во избежание этого Нансен принял чрезвычайные меры, чтобы обеспечить теплоту и воздухопроницаемость стен. Мы уже знаем, как толсты были стены корпуса корабля! Но стены корабля, окружавшие жилые помещения были еще покрыты просмоленным войлоком, слоем пробки, обшивкой из сосновых досок, опять толстым слоем войлока, затем непроницаемым для воздуха слоем линолеума, и, наконец, шла внутренняя обшивка. Точно так же потолок был защищен целым рядом друг за другом следующих слоев воздушной прослойки, войлока, соснового дерева, линолеума, оленьего волоса, деревянной обшивки, опять линолеума и воздушной прослойки и, наконец, наружной обшивки. Пол был выстлан пробкой, толстым дощатым настилом, поверх которого был постлан линолеум. Палубный иллюминатор, через который особенно легко мог проникнуть холодный воздух, имел тройные рамы.

Двери всюду были сделаны из толстых досок и войлока.

На случай пробоины и течи, корпус корабля был разделен на три части непроницаемыми перегородками. Кроме обыкновенных насосов для откачивания воды, была еще мощная центрифуга, приводимая в действие паровой машиной и соединенная со всеми тремя отделениями.

Лодок было взято всего восемь. Из них две были особенно больших размеров. Их Нансен взял на случай гибели корабля: весь экипаж с провиантом на многие месяцы мог бы разместиться в этих лодках и продолжать движение вместе со льдами.

Руководил постройкой Арчер, вдохновлял ее — Нансен, но следила за нею вся Норвегия, видя в корабле свое национальное дело. И, когда осенью 1892 года настал торжественный день спуска судна на воду, берега около верфи Арчера были покрыты толпами зрителей, с любопытством рассматривающими высокий, черный снизу и сверху остов судна. На палубе, на месте, предназначенном для мачты, видны были три флагштока. На двух развевались норвежские флаги, третий был еще пуст, и лишь в момент крещения судна на нем должен был взвиться флаг с именем корабля. Присутствующие строили догадки, какое название выберет Нансен для своего детища: „Эва“, „Норвегия“ или, быть может, „Северный Полюс“.

Кругом рабочие, матросы. На корабле строитель его Арчер. Но вот по трапу поднимаются на корабль Нансен с женой. Госпожа Нансен быстро приближается к носу корабля, сильным ударом разбивает бутылку шампанского и громко произносит:

„Имя твое „Фрам“!“

По-норвежски „фрам“ означает „вперед“.

В тот же момент на пустую мачту взвился красный флаг с белой надписью „Фрам“. Канаты обрубаются, и вот корабль вздрагивает и все быстрее начинает скользить в воду, широко раздвигая волны, которые с такой силой набегают на берег, что ближайшие зрители вынуждены со всех ног спасаться повыше.

Для всех присутствующих этот момент был лишь красивым и долго памятным зрелищем. Но для Нансена он был связан с большими заботами и трудностями. Готов был только корпус судна. Предстояло еще его оборудовать, оснастить, снабдить и нагрузить всем необходимым для экспедиции. А между тем, Нансен видел, что тех средств, которые были у него, далеко не хватит на покрытие всех расходов. Он рассчитывал, что корабль будет стоить ему 150.000 крон, но оказалось, что „Фрам“ обойдется почти в два раза дороже. Таким образом, один „Фрам“ поглощал все средства экспедиции. А платье, инструменты, пища, жалованье? И вот Нансен бьется, как рыба об лед, организует при помощи друзей лекции, открывает подписку. Но средства приплывают туго, особенно после неудачи лондонского доклада. Пришлось в конце концов обратиться за содействием к правительству. Стортинг на этот раз пошел навстречу и отпустил 80.000 крон. Но и этого оказалось мало, и последний дефицит пришлось Нансену покрыть самому из своих личных, более чем скромных, средств. В общем вся экспедиция обошлась в 450.000 крон.

После корабля важнейшим вопросом был выбор провианта. Ведь, почти все авторитеты в один голос утверждали, что бич полярных стран, цынга, почти неотвратим. И только тщательным и обдуманным выбором пищи Нансен надеялся победить этого врага.

После долгих совещаний с профессорами и специалистами, Нансен пришел к выводу, что соленые, копченые и сушеные, словом, лишь наполовину консервированные рыба и мясо, были непригодны. Все должно было быть или абсолютно высушено, или же стерилизовано, так, чтобы не могло быть ни малейшей опасности порчи. Поэтому мясо и рыба были взяты лишь в виде консервов в германских закрытых жестянках. Далее — сушеный картофель в жестянках, разнообразные консервированные и сушеные овощи; вареные и сушеные фрукты, большое количество варенья и мармелада, консервированное масло, сухие супы и

всякого рода экстракты. Хлеб состоял из норвежского корабельного ржаного и пшеничного хлеба и английских корабельных сухарей. Кроме того, было взято много муки для выпечки свежего хлеба. В качестве напитков шоколад, кофе, чай, конденсированное молоко. На первые полгода — пиво. Кроме пива, никаких других спиртных напитков на корабле не было. Зато было значительное количество лимонного сока, из которого делался прекрасный лимонад, подававшийся впоследствии часто за обедом. Всякий вид припасов был тщательно химически исследован; кроме того, особенное внимание было посвящено правильной и тщательной упаковке. Нансен не забыл, что экспедиция Франклина погибла отчасти из-за того, что рыбные консервы оказались порченными.

Одну из важнейших частей научной экспедиции составляли, конечно, инструменты для научных наблюдений и измерений. Нансен взял все инструменты, которые он имел еще со времени гренландской экспедиции. Кроме того, приобрел набор новых инструментов, не соблюдая в этом отношении ни малейшей экономии. Самые разнообразные термометры, барометры, анероиды, психрометры, гигрометры, анемометры и множество пишущих саморегистрирующих аппаратов. Для астрономических наблюдений был взят большой универсальный инструмент и два малых теодолита, множество секстантов различной величины, четыре корабельных хронометра и множество карманных хронометров. Для наблюдений за земным магнетизмом был полный набор инструментов — для определения деклинации, инклинации и интенсивности. Далее, спектроскоп для наблюдения за северным сиянием, электроскоп, чтоб определять электричество атмосферное, фотографические аппараты, фотометрический аппарат для с'емок, маятник для наблюдений за силой притяжения на дальнем севере. Наконец, для наблюдений за морской водой и морем имелся набор глубинных термометров, реометров для определения содержания соли в воде. Много было приобретено готовым у лучших фирм, многое было сделано по специальному заказу Нансена.

Экспедиция собиралась в безвестное, если не безнадежное, то, во всяком случае, очень рискованное и необычно продолжительное плавание. Можно было опасаться, что найдется мало охотников принять в ней участие и подвергнуть свою жизнь стольким опасностям, отделяясь на много лет от родины и семьи. Но с первых же дней, как только план Нансена стал известен обществу, со всех концов света посыпались предложения и просьбы лиц, желавших отправиться в путешествие. Поэтому Нансен имел выбор. Согласно условию, поставленному правительством, он приглашал только норвежцев, причем особенное внимание обращалось на состояние здоровья и выносливость участников, и никто

не был зачислен в состав экспедиции без самого тщательного осмотра профессорами-врачами.

В конечном счете экспедиция составила из следующих лиц:

1. Отто Свердруп, уже знакомый нам по гренландскому путешествию, капитан „Фрама“. Оставлял дома жену и ребенка.

2. Зигурд Скотт Гансен, лейтенант норвежского флота, родился в 1868 году. На „Фраме“ заведывал метеорологическими, астрономическими и магнитными наблюдениями.

3. Кандидат медицины Генрих Гreve Блессинг, родился в 1866 году, врач и ботаник экспедиции.

4. Теодор Клавдий Якобсен, штурман „Фрама“, родился в 1855 году, с 15 лет плавал в полярных морях, оставлял жену и ребенка.

5. Антон Амундсен, первый машинист „Фрама“, родившийся в 1853 году. Служил обер-машинистом в норвежском флоте. Женат, имел 7 детей.

6. Адольф Юэль, заведующий провиантской частью и повар „Фрама“, родился в 1860 году. Штурман, много лет водил корабли. Принял место повара, чтобы иметь возможность сопровождать экспедицию. Оставлял жену и четверых детей.

7. Ларс Петерсен, второй машинист „Фрама“, родился в 1860 году. Специалист по кузнечной части. Оставлял жену и четверых детей.

8. Фридрих Хьяльмар Иогансен, лейтенант резерва, родился в 1867 году. Посещал университет и военную школу. Чтобы сопровождать экспедицию, принял должность кочегара.

9. Педер Леонард Гендриксен, гарпунщик, родился в 1859 году. С 14 лет плавал на судах в качестве гарпунщика. Оставлял жену и четверых детей.

10. Бернард Нордаль, родился в 1862 году. Служил во флоте, потом работал по электрическому освещению. На „Фраме“ наблюдал за динамо и электрическим освещением. Оставлял жену и пятерых детей.

11. Ивар Отто Могстад, родился в 1856 году, лесовод. Единственный участник экспедиции, мало имевший раньше дела с морем. На „Фраме“ исполнял разнообразные работы, от часовщика до надсмотрщика над собаками.

12. Бернт Бентсен, родился в 1860 году, много лет плавал по морю. Он не входил первоначально в список участников экспедиции. Вместо него должен был ехать участник гренландской экспедиции Христиансен. Но последний как-то не поладил с Нансеном и в Тромзе должен был оставить корабль. Там же Нансен пригласил Бентсена,

который в 9 часов утра зашел на корабль поговорить с Нансеном, а в 10 часов утра уже плыл в далекий путь.

В Иванов день 1893 года было назначено отплытие. Серый, печальный день...

„Дверь закрылась за мной. Одинокó шел я в последний раз из дому через сад к берегу, где в бухте бессердечно ожидал меня маленький моторный ботик „Фрама“. Позади оставалось все, что было дорого в жизни. Что ожидало впереди? И сколько лет пройдет, пока я опять увижу все это?

Как стрела, мчался маленький ботик через бухту в путь, ставкой которого была жизнь, и, может быть, не одна.

Наконец, все готово. Наступил час, к которому неуклонно была направлена напряженная работа многих лет. Он наступил, а с ним явилось чувство, что все необходимое сделано и закончено, так что можно не думать об ответственности и дать покой мозгу.

Нетерпеливо лежит „Фрам“ в бухте, дыша паром, и ожидает сигнала, в то время как баркас, гудя, проходит мимо маяка и причаливает.

Палуба полна людей, которые хотят проститься в последний раз. Теперь они должны оставить палубу корабля. Вот „Фрам“ поднимает якорь; тяжело-нагруженный и глубоко сидя в воде, он приходит в движение и описывает дугу в бухте. Набережные полны народа, все машут шляпами и платками. Но молчаливо и тихо поворачивается нос корабля к фьорду и, окруженный поворотливыми лодками, яхтами и пароходиками, уверенно направляется в неизвестное. Там на берегу мирно и тихо стоят домики, такие же, как всегда. Да, много времени уйдет, пока мы снова будем бороздить знакомые воды!

И вот последний привет родному дому, который лежит там, на конце косы. Впереди сияющий фьорд, кругом сосны и ели, а позади смеющиеся луга и покрытые лесом горные вершины. В подзорную трубу я увидел бледные очертания белой фигуры над скамейкой под сосной.

Это был самый тяжелый момент всего путешествия“.

Начало плавания не было очень удачным. 27 июля вечером Нансен со Скотт Гансеном сидели в верхней каюте и беседовали на разные темы, отдыхая от забот последних дней, как вдруг волна хлестнула в дверь, раскрыла ее и влилась в каюту. Корабль уже сильно качало.

„Мы поспешили на палубу. Корабль прыгал, как бревно, волны с обеих сторон переливались через борты. Мало-по-малу все показались на палубе. Более всего я опасался, что сдадут баканцы под большими лодками, и те свалятся в море, увлекая за собой часть оснастки. На палубе стояло 25 привязанных пустых бочек из-под парафина. От волнения бочки эти развязались и, наполняясь мало-по-малу водой,

перекатывались от одного борта к другому. К довершению всех бед груза запасного дерева, которая находилась связанной на палубе, тоже начала такое же странствие по палубе, грозя снести баканцы до основания. Момент был критический. Страдая морской болезнью я стоял на капитанском мостике, то принося жертвы богу моря, то тревожась за судьбу лодок и экипажа, который пытался на палубе спасти все, что еще можно было спасти. Минутами я не видел ничего, кроме крутящихся волн, плывущих досок, рук, ног, пустых бочек. Здесь зеленые волны сбивают кого-то с ног, так что только брызгами летит вода; там наши молодцы прыгают через балки и бочки, чтобы те не придавили ног... На всех не было ни единой сухой ниточки.

Перед этим Юэль лежал и спал в „Гранд-Отеле“, как была прозвана одна из больших лодок. Он проснулся, слыша под собой рев моря, как водопада. Я встретил его в дверях каюты, когда он мчался бегом, крича: „Там наверху уже не безопасно, лучше спасти свое тряпье“ — он имел сверток в руках. Затем он поспешил к носу корабля — спасти свой карабельный ящик, который плавал в соленой воде. Он тащил его в то время, как волны одна за другой обдавали его.

Но вот „Фрам“ всем своим носом погрузился в море так, что волны залили переднюю палубу, и кто-то повис над белой бездной, уцепившись за якорный баканец. Это был тот же Юэль.

С большим трудом удалось привести вещи в порядок. Все прекрасные бочки из-под парафина пришлось выбросить вон; бревна тоже одно за другим вылетали тем же путем. Я стоял и глядел, как они уплывали вдаль; остаток палубного груза был перенесен на верхнюю палубу. Я опасаясь, что в этот момент акции всей экспедиции стояли очень низко“.

Лишь на другой день погода улучшилась, и плавание продолжалось благополучно.

Мимо берегов Норвегии плыли медленно. Все время приходилось заходить то в один, то в другой порт для того, чтобы принять на борт последние партии груза, или прочесть обещанный доклад, или отправить телеграммы и письма. И всюду, где только показывался „Фрам“, его встречали толпы народа, приветствуя и напутствуя. Иногда Нансену казалось это только назойливым любопытством. Но потом он почувствовал в этом всенародном интересе нечто более серьезное. Ведь все это был тот народ, на средства которого снаряжена экспедиция. О Норвегии часто говорят, что это чисто крестьянская страна, и ее народ имеет такой же узкий кругозор, как и каждый крестьянин в своей деревне. Но вот теперь этот народ все же снарядил с большими затратами экспедицию, которая не имеет никакой прямой практической цели,

которая не может дать никакой выгоды. И под покровом мужских городских костюмов, под летними дамскими шляпами, в угрюмых лицах моряков, рыбаков и крестьян, с каким-то особым пристальным вниманием следящих за уходящим судном, Нансену чудятся сердца древних викингов, приветствующие смельчака и искателя приключений, отправляющегося в неизвестную даль.

Так, однажды, плывя мимо берегов, Нансен заметил, что на высоком скалистом выступе стоит пожилая женщина и усиленно машет им.

— Хотел бы я знать, машет ли она именно нам, — сказал Нансен лоцману, ведущему судно.

— Ну, конечно, — ответил тот.

— Но откуда же она может иметь понятие о нас?

— О, здесь все знают „Фрам“ и его путешествие, и вы можете быть уверенными, тут будут ожидать вашего возвращения.

И Нансен почувствовал, какую ответственность он взял на себя, увлекая за собой весь народ. А что если все окажется лишь заблуждением?

Наиболее пышный прием был устроен Нансену в Варде, последнем Норвежском городе, куда завернул „Фрам“. Музыка на набережной, масса народа со всех окрестностей, торжественный праздник, где рекой лилось шампанское... Тут корпус „Фрама“ при помощи водолазов был очищен от ракушек, а все участники экспедиции хорошенько выпарились в бане.

Последнюю ночь перед отплытием напролет писались письма и телеграммы. Секретарь Нансена, который сопровождал его до Хабаровки, отвез письма с корабля на берег, и в три часа утра 21 июля Нансен разбудил Свердрупа и нескольких товарищей. Якорь был поднят, и „Фрам“ покинул гостеприимную гавань Варде, направляя свой курс прямо к Новой Земле.

Уже 27 июля „Фрам“ натолкнулся на пловучий лед там, где его в эту пору года никоим образом нельзя было ожидать. Первая полоса льда была не широкая, и ее легко прошли. Но в ту же ночь „Фрам“ врезался в еще более широкую полосу льда, и, когда Нансен, быстро одевшись, выбежал на палубу, он повсюду кругом увидел лед. Делать было нечего, приходилось пробивать дорогу между льдин. Сперва шло хорошо, но льдины сгущались, и прокладывать путь становилось все труднее, тем более, что опять сгустился туман. Наконец, пришлось остановиться и выжидать.

Такое начало не предвещало ничего хорошего. Как же будет в Карском море, этом „ледниковом погребе“, если уж здесь, где обычно корабли не встречают ни единой льдины, приходится останавливаться

среди льдов! Одно утешало. Уже первое столкновение со льдами показало, каким превосходным судном был их „Фрам“. Было просто наслаждением маневрировать на нем среди льдин — достаточно было самого извилистого и узкого прохода, чтобы корабль уверенно пробирался между льдин, увертываясь и скользя. Но не всегда „Фрам“ считал нужным церемониться со льдами, и не раз он полным ходом насккивал на слишком упрямую глыбу и, не вздрогнув, без треска и стука, с силой отодвигал ее в сторону или же разламывал на куски.

Поздно вечером 29 июля „Фрам“ подошел к Хабаровке, небольшому селению у пролива Югорский Шар. Здесь было условлено встретиться с яхтой „Уранией“, которая должна была привести для Нансена уголь, чтобы „Фрам“ мог войти в Карское море с полным запасом топлива. „Урания“ должна была притти значительно раньше „Фрама“, но ее еще не было — очевидно, она была тоже задержана льдом. Зато, как было условлено, в Хабаровке встретил экспедицию А. И. Тронтейм, русский, происходивший из норвежцев. Он привез собак, которые были обещаны Нансену знаменитым русским полярным исследователем бароном Толлем, о трагической судьбе которого будет рассказано ниже. Собак этих Нансен решил взять с собой на случай необходимости совершить экспедицию на санях, например, если бы пришлось таким образом добираться до берега. Приобретены они были в Сибири, и Тронтейм, с большими трудностями совершив большое путешествие на оленях по тундре, доставил их к сроку.

Участие России не ограничивалось этим подарком. Считаясь с возможностью гибели судна во льдах, неподалеку от Ново-Сибирских островов, барон Толль обещал Нансену устроить там склады с естных припасов. Расходы по устройству этих складов, или „депо“, принял на себя Сибиряков, известный своим деятельным участием в организации экспедиции Норденшельда. Он хотел, чтобы русское гостеприимство встретило путешественников еще на самом далеком и пустынном севере. Так как оказалось трудным найти лиц, способных выполнить эту задачу, то барон Толль сам отправился в путь, имея в виду заодно произвести и научные наблюдения. Депо были положены с таким расчетом, чтобы на самом северном пункте острова Котельного, куда экспедиция могла бы попасть раньше всего, она нашла запас на 8 дней, на 100 верст южнее на том же острове — запасы на 1 месяц, а на острове Ляхове — двухмесячный запас, уже совершенно достаточный для того, чтобы экспедиция могла добраться до материка и первых селений.

Первое, о чем Нансен расспрашивал в Хабаровке, было состояние льда в Карском море. Сведения, в общем, были утешительные, и недавно вернувшиеся самоеды утверждали, что море совершенно свободно.

Так как Нансен все еще не терял надежды дождаться „Урании“, то пользуясь невольной стоянкой, он со Свердрупом и несколькими товарищами отправился на моторной лодке на остров Вайгач, чтобы там с холма посмотреть на Карское море. В дороге не раз натыкались на рифы и мели, сломали одну лопасть винта и вообще имели много приключений, главным образом из-за моторной лодки, которая то и дело останавливалась, заставляя тратить довольно долгое время на починку. Но зато, добравшись до острова и поднявшись на холм, убедились, что хотя на море было много льда, но все же имелся открытый проход. После этого путешественники разложили на берегу костер из наносного дерева, заварили котелок ароматного кофе, и тут развязался язык у Свердрупа, который стал выкладывать один анекдот за другим. И неудивительно — ведь, наконец-то он был в своей собственной стихии: на пустынном берегу, на голой земле под открытым небом сидеть и глядеть на пылающий костер!

На обратном пути проезжали мимо самоедов, охотившихся на тюленей. Лодки их были примитивного устройства, и, поджидая добычу, охотники вытаскивали их на льдины. Спутники Нансена были уверены, что для самоедов казалось чудом, что мотор несея без парусов, без весел и даже без дыма, который обычно выпускают трубы пароходов. Но не успели похвастаться своей „культурой“, как вдруг треск, шум, грохот, и с мотором случилось что-то невообразимое. Оказалось, что трос лота приблизился к маховому колесу, намотался на него и при этом произвел такие повреждения в моторе, что привести его в порядок было невозможно. Пришлось волей-неволей забыть свою „европейскую культуру“ и взяться за весла. С трудом двигая свое тяжелое судно, добрались до корабля, и потом целый день пришлось Нансену с Амундсеном возиться над мотором, разбирая его и приводя в порядок.

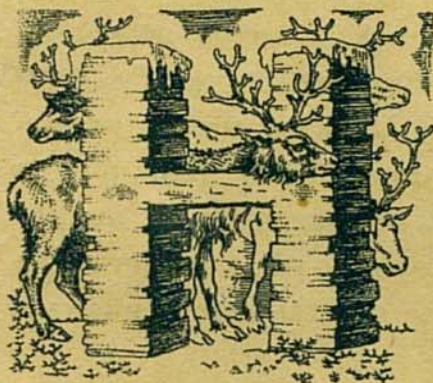
На беду Нансена, как раз в это время пароход посетила группа самоедов. Вернувшись на землю, те сообщили Тронтгейму, что они ни за что не поверят, чтобы Нансен был важным барином — ведь они видели своими собственными глазами, как он в рабочей блузе, весь выпачканный в масле, возился, как простой чернорабочий. Увы, Тронтгейм не мог тоже привести ничего в оправдание Нансена: он сам тоже видел, как Нансен при перегрузке угля, таскал на спине тяжелые мешки.

Наконец, перегрузка, починка, чистка — все закончилось. Собаки были переселены на корабль, и „Фрам“ был готов к отплытию. Ждать „Урании“ было бессмысленно, и так уже время очень затянулось: надо было торопиться итти вперед, ведь, оставалось немного благоприятных для плавания дней, а надо было преодолеть еще столько препятствий!

Накануне от'езда, за торжественным ужином, Тронтгейм попросил Нансена выдать ему удостоверение, что он выполнил данное ему поручение. Но каково было его удивление, когда в ответ на это Нансен вручил ему не только удостоверение, но и золотую медаль от короля с надписью: „В награду за высокополезную деятельность А. И. Тронтгейму“.

ВДОЛЬ СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ СИБИРИ

Карское море. По следам Норденшельда. Охота на оленей. Нет пути! Во власти „мертвой воды“. Проход найден! Мимо мыса Челюскина.

НОЧЬЮ с 4 на 5 августа „Фрам“ отправился в дальнейший путь. Теперь для него начинались настоящие опасности и неизвестность: ведь мимо мыса Челюскина проплыл до сих пор только один корабль — „Вега“, и недавно еще этот путь считался совсем непроходимым. Но кто мог ручаться, что и на этот раз проход окажется свободным, что корабль не будет затерт льдом, не достигнув того места, откуда течение, по расчетам Нансена, могло нести экспедицию в нужном направлении!

Уже пролив Югорский Шар представлял много опасностей. Он очень мелок и не изучен точно, так что все время приходилось быть на чеку и вымеривать глубину фарватера. Из предосторожности Нансен со Скотт Гансеном отправились на моторной лодке вперед, измеряя перед „Фрамом“ глубину пролива. Глубина все время была незначительна — 9 или 10 метров. Но вот, лот стал показывать еще меньшую глубину: 7—8 метров. Кораблю был дан знак остановиться, пока не будет найден более глубокий путь.

Тут опять закапризничал мотор лодки. Пришлось подливать нефти, нефть разлилась, вспыхнула, и в одно мгновение вся передняя палуба лодки оказалась охваченной пламенем. На беду загорелось также платье Нансена, и ему пришлось прежде всего тушить самого себя. А тут огонь добрался до ведра, наполненного нефтью, которая тоже вспыхнула. Едва успев затушить огонь на себе, Нансен бросился назад, схватил ведро и вылил горящую нефть в море, причем сильно обжег себе пальцы. Но это помогло мало, пылающее масло широко разлилось по воде моря, и горящая лодка оказалась плывущей среди пламени. Все это произошло так быстро, что товарищи с „Фрама“ могли только видеть, но не имели ни малейшей возможности оказать какую-либо помощь: они только приготовили канаты, чтоб бросить своим товарищам, если бы тем пришлось спасаться вплавь. Но те мужественно боролись с опасностью, и им, наконец, удалось залить водой пожар.

К 4 часам утра Югорский пролив был пройден благополучно, и экспедиция увидела перед собой таинственное и страшное Карское море. Его Нансен боялся больше всего, говаривая еще дома, что самая трудная часть пути — это переход через Карское море. Начало плавания было обнадеживающим; хотя море впереди было покрыто льдом, но с бочки на мачте было видно, что вдоль берега шел открытый путь на восток; кроме того, небо было темным в северо-восточном направлении, что должно было свидетельствовать о том, что за льдами находится открытое море. Однако, пробиваться через льды было невозможно, и курс был взят вдоль ледяного поля к Карскому заливу, в который вошли утром на следующий день. Здесь экспедиция отправилась к берегам Ямальского полуострова, около которого пришлось остановиться, вследствие густого тумана, поднявшегося после полудня. Весь день и всю ночь туман не расходилсЯ, и на следующий день он все той же непроницаемой пеленой закрывал море, так что о плавании по неизвестным водам не могло быть и речи. Поэтому решено было использовать невольную стоянку для посещения берега.

Берег оказался настолько мелким, что лодка остановилась далеко от суши, и пришлось итти вброд, таща лодку волоком за собой. Кругом на суше все было плоско и голо. Ни деревьев, ни кустов, ни птиц, ни насекомых — только несколько северных куликов оживляли пустыню. Но на берегу были видны следы ручных оленей — очевидно, и сюда заходили олени стада самоедов, единственных жителей этого края. Но тем приятнее было смотреть на зеленый покров травы, устлавшей всю землю и только местами разорванной ветром и засыпанной песком. Что трава! Даже цветы робко гляделись в туманное небо, как бы удивляясь, как они попали в такое неприютное и неподходящее для них место.

Побродив по берегу, путники сделали импровизированную палатку из весел и брезента, нашли немного наносного дерева, разложили костер и сварили кофе. Несмотря на досаду на непредвиденную задержку в пути, несмотря на суровость окружающей природы и даже не взирая на промокшие сапоги и платья, настроение у всех было отличное, что и было продемонстрировано Иогансеном, когда он, к всеобщему удивлению и восторгу, несколько раз прошелся по берегу колесом.

На следующий день экспедицию удостоили своим посещением местные аборигены — два чинных самоеда под'ехали к кораблю на лодке. Они были любезно приняты и получили ряд подарков. Они рассказали, что юрты находятся неподалеку к северу, на берегу. Это были последние люди, которых экспедиция встретила на своем пути. Так как стоянка, вынужденная льдом и непогодой, продолжалась и в ближайший день, то некоторыми членами экспедиции была сделана попытка достигнуть стана

самоедов, — но неудачно: лишь в отдалении показались на мгновение три человеческие фигуры, которые, завидя путешественников, тотчас скрылись.

По Карскому морю.

Вечером 9 августа, после четырех суток вынужденного, досадного бездействия, Нансен мог продолжать путь: лед теснился не так густо, и корабль мог пробиваться через него. Три дня пришлось прокладывать себе путь среди льдов, пока, наконец, „Фрам“ не вышел в открытое море. Но тут опять встретилось препятствие в виде сильного восточного ветра. Своеобразная конструкция корабля и, главным образом, отсутствие килы делали очень трудным маневрирование против ветра. Видя, что море кругом свободно, Нансен попробовал взять курс на север, но вскоре натолкнулся на сплошную гряду пловучих льдов: опять пришлось повернуть к юго-востоку, держа курс вдоль льдов, по возможности даже пробираясь промеж льдов, так как в открытом море было очень сильное волнение.

18 августа показались опять берега Сибири неподалеку от устья Енисея.

В своем маршруте Нансен предполагал завернуть к берегу и оставить депо с письмами на родину, которые должен был забрать капитан Виггинс, совершавший в это время экспедицию по Енисею. Но так как

каждая минута после потерянного долгого времени была дорога, то Нансен передумал и продолжал путь без остановки, входя в совершенно неизведанную область моря — до „Фрама“ здесь проходила только одна „Вега“.

Уже раньше экспедиции пришлось отметить на своем пути остров, не обозначенный на географических картах. Так как остров был замечен впервые дальнотзорким капитаном „Фрама“, то и был назван „островом Свердруп“. Но теперь экспедиция вступила в целую плеяду островов, местоположение которых нельзя было согласовать с существующими картами. Каждый день, чуть ли не каждый час то с той, то с другой стороны среди волн поднимались отдельные островки или их группы, почти всегда с ровной, округлой поверхностью, отшлифованной еще доисторическими ледниками. Островки были обычно небольшого размера. Один из них, несколько более крупный, остался довольно памятен всей экспедиции, в особенности же Нансену, охотой на оленей, почему и был назван „Оленьим островом“.

Проходя мимо острова, „Фрам“ вынужден был остановиться, так как котлы нуждались в наполнении их пресной водой. Пользуясь остановкой, часть экспедиции решила съездить на берег поохотиться. Запас свежего мяса на кухне был бы очень кстати. Стоило только охотникам высадиться на берег, как они тотчас натолкнулись на следы оленей. А с первого холма увидели целое стадо оленей, мирно пасущееся к югу от охотников.

Так как ветер был с севера, то Нансен решил обойти кругом, чтоб приблизиться к стаду с подветренной стороны.

Однако, сделав большой обход, охотники убедились, что олени пасутся на совершенно открытом и ровном месте, и подойти к ним не было никакой возможности. Правда, небольшая лошинка вела к оленям. Поэтому Нансен посоветовал своим товарищам выстроиться в длинную линию стрелков, а сам стал пробираться вдоль лошинки. Вначале можно было идти прямо, потом пришлось согнуться, наконец, прикрытие стало так незначительно, что Нансен стал пробираться на четвереньках... А тут он еще заметил, что оставшиеся с противоположной стороны Якобсен и Скотт Гансен перестали соблюдать осторожность и показались на виду у оленей. Нансен заторопился, чтобы добраться на расстояние выстрела, пока олени не спугнулись. Но прикрытие становилось все ниже: Нансен видел, как олени иногда тревожно поднимали головы — тогда он, затаив дыхание, пригибался неподвижно к земле. Но олени начинали щипать мох снова — и снова полз неутомимый охотник. Наконец, стало невозможно ползти и на четвереньках; пришлось лечь на болотистую илистую почву и, с трудом оберегая винтовку, чтоб в ее дуло не попала грязь, ползти, как змея. А тут начало быстро смеркаться. И, когда

Нансен наконец достиг расстояния ружейного выстрела, он убедился, что в наступившей темноте не может различить прицел винтовки.

Ожидать рассвета было бы бессмыслицей, тем более, что олени за это время могли бы опять отдалиться. Потому Нансен прицелился, как мог, и выстрелил несколько раз. Он был уверен, что сможет ранить хоть одного из оленей, но те испуганно шарахнулись и понеслись в сторону. Напряжение, усталость, голод, промоченное до костей тело, испачканное и испорченное платье — все оказалось напрасным.

Быть может, хоть кто-нибудь из товарищей выстрелит, если олени набегут на него! Но раздался один только выстрел — безрезультатный: это выстрелил тоже почти наугад Свердруп. Остальные же охотники давно потеряли терпение и ушли со своих постов.

Но Нансен не сдавался. По его расчетам, испуганные олени должны были, оббежав остров, возвращаться назад по ложине в узком месте острова: значит, следовало их там подкараулить. Нансен с Свердрупом выбрали место поуютнее, защищенное от ветра, и, преодолевая сон, стали поджидать оленей. Так прошло несколько томительных часов. Наконец, терпение оказалось исчерпанным, и охотники пошли искать своих спутников. Но только они поднялись на ближайший холм, как увидели перед собой великолепные рога двух оленей. На этот раз, путем сложных маневров, Нансену удалось приблизиться к стаду на расстояние выстрела и ранить двух оленей. Но раны были не смертельны, олени быстро побежали, и Нансену стоило больших трудов нагнать их и пристрелить обоих у самого берега моря.

Когда охотники собрались, то оказалось, что не один Нансен мог похвалиться трофеями: Иогансен и Гендриксен во время скитаний по острову натолкнулись сперва на одного медведя и застрелили его, а когда пришли за ним, то заметили другого медведя, мирно спящего неподалеку, и застрелили тоже.

Теперь оставалось доставить добычу на корабль. Но это было труднее самой охоты. Начали с медведей, которые находились поблизости от места, куда причалила лодка. Оказалось, что тащить целиком медведей было не под силу. Пришлось снять пышные шкуры, разрезать медведей на куски и нести их таким образом. Нельзя сказать, чтобы такая работа была особенно приятной — тащиться с медвежьими тяжелыми окороками за спиной после всех трудов и напряжений. Но когда охотники добрались до берега, где они рассчитывали отдохнуть и поесть, то там их ожидало новое разочарование: прибоем и усилившимся волнением затопило их лодку. Все вещи находились или под водой или плавали на волнах. Хлеб, на который они так рассчитывали, намок соленой водой и пропитался мелким песком. Особенно огорчительно было то, что Нансен

потерял при этом свою записную книжку с многочисленными геологическими рисунками.

С превеликими трудностями удалось вытащить наполненную водой лодку на сухое место, выкачать воду, собрать все пожитки и нагрузить шкурами и мясом медведей. Закусив промокшим хлебом, хотя при этом песок хрустел на зубах, направились на лодке вдоль берега к тому месту, где лежали олени. Но оказалось, что берег был таким мелким, что лодка стала на очень большом расстоянии, и оттуда надо было идти вброд по воде. Такая перспектива мало кому улыбалась, и, как ни досадно было бросить добычу, доставшуюся с таким трудом, Нансен дал приказ держать курс прямо на корабль.

Но и тут приключения и испытания злосчастных охотников еще не кончились. Волнение, встречное течение и ветер были так сильны, что большая, довольно основательно нагруженная лодка продвигалась едва заметно. Как ни понукал Нансен гребцов — кровь почти брызгала из пальцев, но расстояние к кораблю не уменьшалось. Тогда решили маневрировать, держа курс не прямо к кораблю, против ветра, а поперек, и, лишь отъехав таким образом на приличное расстояние от берега, направили курс прямо на корабль. Но сила ветра и течения была так велика, что лодку отнесло далеко в сторону, и она не могла дойти до выброшенных с „Фрама“ буйков. Маневр повторили еще раз — и все с тем же успехом. Уже совершенно изнемогая и теряя надежды на возможность достигнуть корабля — ухитрились все же схватиться за буюк и пристать к кораблю. И что за отдых, что за наслаждение было сменить промокшее платье, закусить и растянуться на сухой койке!

Охота эта была долго памятной путешественникам: о ней им напоминало платье Нансена, которое висело на палубе „для сушки“ чуть ли не в течение всей экспедиции: оно было так выпачкано и изорвано, что носить его было уже невозможно.

Чем дальше на восток — тем больше неизвестных островов попадалось на пути „Фраму“. Их было так много, что Нансен стал подумывать, не составляют ли они лишь извивы берега какой-то неизвестной земли. Но Нансен не имел возможности точно заносить их на карту, так как погода не благоприятствовала астрономическим наблюдениям, а об остановке нечего было и думать; так много времени было упущено, а тут уже явственно приближалась зима — 23 августа выпал первый снег. Между тем, самая трудная часть путешествия — проход мимо наиболее северной конечности Азии, мимо мыса Челюскина — была еще впереди.

Особенно опасным следовало считать проход мимо Таймырского острова. Норденшельд прошел это место без труда. Но льды так

капризны; год на год не всегда похож, и кто знает, не окажется ли перед Нансеном, вместо прохода, сплошная стена непроходимых льдов!

Уже первое приближение к этой области не предвещало ничего хорошего. В лабиринте островов, в тумане, „Фрам“ несколько отклонился от пути и принял за Таймырский остров группу небольших островов, лежащих севернее Таймырского острова и названных впоследствии Нансеном „островами Норденшельда“. Желая их обогнуть, „Фрам“ держал курс на север. Но часы уходили за часами, и прохода не было видно. Наконец, Нансен понял ошибку и решил повернуть к югу. Правда, еще дальше к северу, открывался как будто проход, но Нансен боялся, что, войдя в него, „Фрам“ может быть затерт льдами. Поэтому повернули к югу. Там, наконец, нашли Таймырский остров и с трепетом направили путь по следам „Веги“. Но плавание продолжалось не долго: громадное сплошное ледяное поле перегородило им путь. Опасения и тревоги были не напрасны. И Нансен писал в дневнике:

„О дальнейшем движении покамест нечего было и думать. Правда, от, повидимому, открытого Таймырского залива нас отделяло всего только несколько миль твердого льда, но пробиться через этот лед было невозможно: он был слишком крепок для этого, а прохода в нем мы не находили нигде.

Неужели здесь, где Норденшельд во время своего славного путешествия прошел, не натолкнувшись ни на малейшее препятствие, суждено погибнуть нашим надеждам, по крайней мере, на целый год. Рассчитывать на то, что лед растает до наступления зимы — не приходилось. Единственное, что нас могло спасти, это сильная буря с юга. Оставалась еще ничтожная надежда, что Таймырский пролив к югу от острова окажется свободным, и мы проберемся через него. Но, ведь, Норденшельд писал о нем вполне отчетливо: „Пролив слишком мелкий для прохода больших кораблей“.

„Фрам“ опять повернул и на полных парах понесся к югу. Но заметили, что, хотя машина работала полным ходом, корабль почти не двигался с места, но зато за ним и вместе с ним двигалась вся поверхность моря. Оказалось, что „Фрам“ попал в так называемую „мертвую воду“. Это тонкий слой пресной воды, лежащий на поверхности соленой воды, но не смешивающийся с нею, а плывущий на ней, как постороннее тело. Поэтому, если глубоко сидящий корабль попадал в такую воду, то она „прицеплялась“ к нему и шла за ним, до чрезвычайности замедляя ход.

Это явление — само по себе очень интересное и довольно редкое. В другое время Нансен был бы рад наблюдать над ним. Но тут, когда над судьбой экспедиции нависла темная неизвестность, когда дорог был

не только день, но даже час и минута, когда надвигалась зима, а надежды пробиться таяли, нельзя было придумать что-либо менее кстати, чем это вынужденное продвижение „на всех парах черепашью шаг“. Норденшельд прошел этот путь 18 августа. Нансен приблизился к проходу только 29 августа и нашел его уже закрытым льдами. А тут — эта неподвижность. Смешно даже: корабль полным ходом направлялся на край льдины — но толчок получался такой слабый, что никто даже не замечал его.

С 29 августа по 3 сентября находился „Фрам“ в об'ятиях этой „мертвой воды“. Время использовали для чистки котлов и всей машины, ездили на охоту на тюленей, которых, в противоположность наблюдениям Норденшельда, оказалось великое множество. Но, ведь, нужно было „вперед“, „вперед“!

Наконец, утром 3 сентября, „Фрам“ натолкнулся на слой тонкого льда, который освободил его из-под власти мертвой воды. Переход был очень чувствителен: корабль, как только врезался в тонкий лед, весь вздрогнул и стремительно понесся вперед.

Несколько раз пытался „Фрам“ войти в проходы между льдами, но всякий раз оказывалось, что путь прегражден льдинами, и приходилось поворачивать назад.

Наконец, уже теряя надежду, Нансен увидел тонкий пролив между Таймырским островом и ледяным полем. Рискую каждую минуту оказаться затертым льдами, корабль вошел в этот пролив. Надежда все время сменялась отчаянием. Вот ровная, открытая гладь воды... Вот опять ледяное сплошное поле... Нет, это обман зрения, это только отражение белых облаков, путь все еще свободен. Все дальше и дальше забирался корабль, все более и более рискованным становился путь: если дорога окажется закрытой спереди, то закрыта она будет и позади, и тогда — экспедиция обречена на зимовку. И вот льдины начинают сгущаться все более, путь становится невозможным. Приходится остановиться в ближайшей бухте, которую в честь строителя корабля называли „Гаванью Колин Арчера“.

А на следующий день — поднимается снежная буря, так что о дальнейшем плавании нельзя и думать. Шансы миновать мыс Челюскин все бледнеют. Нансен начал уже приучать себя к мысли о зимовке. Ведь, несомненно, пребывание экспедиции в этих местностях в течение долгой зимы дало бы ценнейший материал для науки. Можно было бы организовать маленькие экспедиции во все стороны и хорошенько изучить этот до сих пор почти неизвестный науке край. Но зато надежды выполнить основную задачу были бы крайне ничтожны. Потеря целого года — слишком дорогая цена в путешествии, которое и так уже обречено на долгое

плавание по Ледовитому океану. А, кроме того, если в этом году нет прохода, кто может поручиться, что проход окажется открытым на следующий год, кто знает, не была ли удача Норденшельда простой случайностью?

Так пришло 6 сентября — день женитьбы Нансена. С утра уже он почувствовал уверенность, что этот день должен принести ему счастье. Действительно, погода раз'яснилась, льды разошлись, и перед кораблем открывалась свободная дорога. К вечеру уже была полная надежда, что удастся пробиться через льды, а на другое утро Свердруп сообщил, что „Фрам“ миновал Таймырский остров и вошел в Таймырский залив.

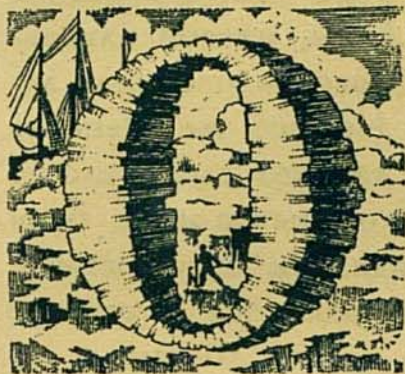
Хотя самый опасный участок пути удалось миновать, но все еще могли быть большие осложнения, так как между берегом материка и сплошным ледяным полем открыт был только небольшой, очень неглубокий проход. Не перегородит ли дорогу подводная мель или гряда камней? Не надвинутся ли льды на берег? Но плавание совершалось благополучно и без преград. С правой стороны лежала самая северная оконечность Азии, совершенно пустынная, очень редко и не охотно посещаемая даже самоедами, местность, считающаяся самой холодной на всем земном шаре и называемая потому „полюсом холода“. С другой стороны — сплошное ледяное поле. Между ними — свободная полоса воды, по которой легко скользил „Фрам“. Только раз пришлось остановиться, так как льдины нагромодились на самый берег. Но на следующий день путь

открылся, и при попутном ветре, на парусах и под парами, „Фрам“ помчался с непривычной для него скоростью приблизительно 8 морских миль в час. В тот же день в виду показался мыс Челюскин, а утром 10 августа „Фрам“ благополучно обогнул его, приветствовав самую северную оконечность Азии пушечным салютом. Пудовая тяжесть свалилась с души Нансена и всех участников экспедиции. За завтраком были поданы сигары и фруктовый морс. Как подобает в торжественных случаях, Нансен с чашей в руках произнес речь, которая гласила:

— „Ваше здоровье, ребята, и да здравствует Челюскин!“

„ФРАМ“ ОТДАЕТСЯ ВО ВЛАСТЬ ЛЬДОВ

Свободное море. Разочарование. Уборка на „Фраме“. Распределение ролей. Посещение медведя. Натиск льдов. Найдено ли течение? Первые праздники.

БОГНУВ мыс Челюскин, „Фрам“ еще целых пять дней продолжал путь вдоль берегов Азии. Впервые после Норвегии путешественники увидели горы вместо ровного, плоского берега. Крутые обрывы, однако, не спускались к морю и не были изрезаны фьордами, а были отделены от моря низкой прибрежной полосой такого же устройства, как берега Азии до мыса Челюскина.

12 сентября Нансен был разбужен известием, что около корабля на льдах лежит целая стая моржей. Мигом вскочил он с постели, и, спустя короткое время, лодка с охотниками отчалила от корабля. У руля сидел повар Юэль, который особенно радовался возможности обновить запасы на кухне, спереди с гарпуном в руке стоял Генриксен, а за ним с винтовкой наготове поместился лучший стрелок экспедиции — Нансен.

Моржи лежали на льдине, беззаботно греясь. Один из них, как сторож, от времени до времени поднимал голову; но в это время гребцы замирали на месте, и животное опять успокаивалось. Моржи то обмахивались хвостами, то опять лежали совершенно неподвижно на спине или на боку. — „Сколько мяса, сколько мяса!“ восклицал все время очарованный этим зрелищем повар. Все осторожнее приближалась лодка, наконец, под'ехали к льдине, и в то же самое время гарпун, брошенный сильной рукой Генриксена, сверкнул в воздухе. Но удар пришелся мимо, и гарпун только скользнул по спинам моржей. Среди них начался шум, суматоха, и, вместо того, чтобы броситься в воду, двенадцать громадных туш ворча, хрюкая, оскалив клыки с поднятыми головами, стали надвигаться в ту сторону, куда пристала лодка. Тут пришла очередь Нансена. Подбросив винтовку, он выстрелил в двух наибольших моржей. Все стадо испуганно бросилось в воду, так что только брызги полетели в сторону. Но моржи не попрятались, а, высунув головы, со злым рычанием окружили лодку, производя сильное волнение. То и дело казалось, что могучие клыки какого-нибудь из моржей вопьются в лодку. Среди

поднятых голов моржей Нансен без труда различил раненых моржей и послал им еще по пуле. Генриксен всадил в них гарпуны, и совместными усилиями удалось их вытащить на лед. Тут подошел и корабль и принял добычу на борт.

Приближались к устью Лены. По первоначальному плану Нансен предполагал пристать к берегу около устья реки Оленек с намерением пополнить количество собак. Но, в виду позднего времени и неизвестности берегов, он не решился на это, и „Фрам“ безостановочно продолжал плавание, держа курс прямо к Ново-Сибирским островам.

Путь становился все свободнее, и граница льдов все далее отходила от берегов. Это было влияние теплой воды реки Лены, массой вливавшейся в Северный океан. Поэтому „Фрам“, продвигаясь вдоль края ледяного поля, уже давно потерял землю из виду. Но все же Нансена беспокоило, что лед был не так далеко от берега, как это следовало по его расчетам: он надеялся найти здесь совершенно открытое море. Кроме того, заставлял задумываться и внешний вид льда. Он был крепкий, толстый, мощный, каким бывает только лед, образовавшийся в течение ряда лет. Согласно плану Нансена, льды должны нести „Фрам“ к полюсу, а не держаться около сибирских берегов в течение многих лет. Неужели весь план построен на неверных предположениях!

Но 17 сентября край ледяного поля резко и круто загнул к северу, и „Фрам“ очутился среди совершенно открытого моря. Сперва Нансен хотел придерживаться основного плана и зайти с востока от Ново-Сибирских островов, для того, чтобы дать льдам сковать „Фрам“ в том самом месте, где затерло льдами „Жаннетту“. Во всяком случае, он намеревался посетить Ново-Сибирские острова для того, чтобы осмотреть склады припасов, которые там должны были быть положены заботливой рукой барона Толля. Но открытое море было так заманчиво, что Нансен решил не терять времени и плыть прямо к северу. В своем дневнике 18 сентября он пишет:

„Теперь наступает решительный момент. В 12 часов 15 минут мы взяли курс прямо по компасу на север. Теперь мы увидим, правильна ли моя теория, на которой основана вся экспедиция: найдем ли мы несколько севернее отсюда течение, направляющееся к северу“.

Часы шли за часами, „Фрам“ свободно разрезал волны перед собою, и впереди было только открытое море. Все были веселы и посмеивались над оставшимися дома, которые, вероятно, думают, что путешественники ведут отчаянную борьбу со льдами, в то время как они на всех парусах и на всех парах неслись прямо к северному полюсу. Да, именно, к „северному полюсу“, ибо Свердруп, несмотря на насмешки Нансена, все время возвращался к мысли, что старая вера в открытое, незамер-

зающее полярное море может оказаться правдой. 19 сентября плавание все продолжалось, и „Фрам“ достиг 77° северной широты. Как далеко удастся еще проплыть? Нансен склонен был удовлетвориться 78° . Свердруп настаивал минимум на 85°

Но мечтам суждено было скоро рассеяться. Утром, на следующий день, в то время, как Нансен сидел над картой и с удовлетворением отмечал, что экспедиция уже достигла почти 78-й параллели, „Фрам“ вдруг резко вздрогнул так, что Нансен упал. Перед „Фрамом“ оказалось ледяное поле, которое как бы вынырнуло из-под воды и ровной, белой, гладкой, компактной массой преградило путь. Край льда шел косо к северо-западу, и, плывя вдоль ледяного поля, удалось достигнуть $78^{\circ} 30'$. Дальше ледяное поле резко заворачивало к югу.

На север, на запад и на восток путь был прегражден льдами. По цвету неба было видно, что ледяное поле простирается очень далеко. Можно было попытаться еще раз возвратиться назад и искать пути к земле Санникова или к острову Беннета. Но время было позднее. Наступала зима, и море могло быстро замерзнуть. То обстоятельство, что экспедиция очутилась на сравнительно далеком расстоянии от какой-либо земли, испугало бы прежние экспедиции, которые заботились о „пути к отступлению“. Но Нансен не думал об отступлении. Поэтому, чем дальше земля, чем дальше в глубь неизвестного арктического моря — тем лучше. И после недолгих колебаний Нансен решил — остаться, где был, в тайной надежде, что лед может еще расступиться и открыть путь на север.

Корабль был прикреплен к громадной ледяной глыбе. Путешественники же, попав в неизведанные полярные области, занялись первым делом систематичной охотой на вшей. Несмотря на все предосторожности, не удалось уберечь судно от этих насекомых. Поэтому решено было принять все возможные меры дезинфекции. Горячим паром были обданы все постели, матрацы и диванные подушки. Все носильное платье было собрано в бочку, и туда же пустили пар. Но борьба не обходится без жертв: бочка не выдержала напряжения пара, стала раздаваться и, наконец, лопнула, разлетевшись во все стороны.

Обычно, чистка следует после грязной работы; здесь же было наоборот. На следующий же день после чистки всем пришлось здорово вымараться, перегружая уголь. Из трюма, где находился уголь, приходилось перегружать его в ведра, поднимать наверх, перетаскивать и пересыпать в отделение топки. Но, так как уголь, как это все скоро заметили, к несчастью черен и пылен, то вся палуба покрылась черным налетом, и все платья стали, как у трубочистов. Угольная пыль осела на бровях и волосах, черные полосы, как татуировка, избороздили все лица, и только белые зубы и зрачки неприятно белели на черном фоне. Даже

собаки, и те оказались покрытыми черной угольной пылью. И весь корабль с его пассажирами составлял как бы нарочно придуманный контраст яркой, беспорочной белизне льда кругом.

А лед и не думал расступаться. Наоборот, становился все гуще. Кроме того, начались морозы — ночью на 24 сентября было уже 7⁰ мороза, и „Фрам“ все более и более примерзал к льдам. В ту же ночь видели белого медведя: это был, очевидно, „визит“ местного жителя новым пришельцам.

Так началась зимовка, для которой корабль, впервые за всю историю полярных плаваний, добровольно отдавался во власть полярных льдов.

Первые заботы были, конечно, посвящены „Фраму“, к которому все привыкли во время плавания и начали питать почти нежные чувства. Руль был снят и поднят на борт, машина разобрана, вычищена и смазана маслом. Особенной заботливостью отличался при этом Амундсен. Он возился около каждой части механизма с такой любовью и нежностью, как только мать может заботиться о ребенке, и этим вызывал даже шутки товарищей. Но он гордо принимал вызов и говаривал:

„Говорите, что хотите, но другой такой машины не найти в целом мире, и было бы грешно и стыдно не позаботиться о ней, как следует“.

Возникал вопрос, как быть с винтом корабля. В конце концов решили оставить винт на месте. Корма судна была наиболее слабой частью, ахиллесовой пятой судна, и поэтому стальной крепкий винт мог явиться значительным прикрытием и защитой от льдов с этой стороны. Вероятность же, чтобы льды могли сломать винт, была очень ничтожна, а, кроме того, имелись два запасных винта.

Внутри судна и на палубе тоже была проделана значительная работа по приспособлению к зимовке. В трюме была устроена столярная мастерская, в которой возились все поочередно: механические станки поместились в машинном отделении, и там беспрестанно возился Амундсен; кузнец и слесарь Ларс Петерсен работал то на палубе, то на льду, а с более мелкой слесарной работой устраивался в комнате с картами. Швейные, сапожные и другие „чистые“ работы производились прямо в салоне. И, когда все станки, инструменты и приспособления были расставлены и прилажены, Хансен с гордостью заявлял, что на его „Фраме“ может быть изготовлено все, от точнейших научных инструментов до деревянных сапог и рукояток для топоров.

Окончив с этими работами, поспешно стали возводить на борту ветряную мельницу для электрического освещения. Для этой цели имелся также и ручной привод. Но, насколько ветряная мельница оказалась благодетельным приспособлением, настолько ручной привод оказался

ненужным. При разнообразии занятий на „Фраме“, многочисленности и систематичности научных наблюдений — бездействия, которое надо было бы заполнять грубой физической работой, не было, и ручной привод не был ни разу применен за все время экспедиции.

Значительную долю времени занимали научные наблюдения. Высшее руководство над ними принял на себя Скотт Гансен, имея себе помощником Иогансена. Температура воздуха, направление и сила ветра, температура льда и воды, изменение барометрических давлений, колебания магнитной стрелки, количество электричества в воздухе — все это систематически наблюдалось, регистрировалось и записывалось. Кроме того, Гансен производил астрономические наблюдения, ловя каждую минуту, когда небо прояснялось, и можно было поймать в наблюдательный инструмент солнце или ту или иную звезду. Эти наблюдения пользовались особенной популярностью, так как ими определялась кривая пути „Фрама“, доставлявшая столько разнообразнейших ощущений — от отчаяния до восторга.

Менее всего работы по специальности имел врач экспедиции доктор Блессинг. Несмотря на суровые предсказания критиков о неизбежности скорбута, цынги и пр., никто не думал заболеть. Поэтому Блессинг придумал для своих пациентов, упрямо не желавших доставить ему практики, своего рода повинность, а именно, он от времени до времени брал у всех пробы крови и определял число кровяных шариков, а также подвергал всех пациентов точному взвешиванию. Но число кровяных шариков у всех было нормально, а вес неуклонно увеличивался. С отчаяния Блессинг принялся за лечение собак, где мог ожидать лучшего применения своих талантов.

Как на беду, и собаки чувствовали теперь себя весьма недурно. Во все время морского перехода им доставалось тяжело. Привязанные на борту, страдая от морской болезни, обрызгиваемые и обливаемые перекачивающимися морскими волнами, они были лишены движения и могли бегать взад и вперед, лишь поскольку позволяла привязь. Теперь же их выпустили на волю, на лед. И надо было видеть дикий восторг, лай, визг, суматоху, которая поднялась вокруг судна в этот час освобождения! Унылых, тоскующих пассажиров узнать нельзя было. Они катались по снегу, прыгали, как сумасшедшие, визжали, носились во все стороны. С этих пор решено было держать их на льду.

В один из первых дней стоянки была открыта серия блестящих празднеств на „Фраме“, которые от времени до времени разнообразили будничную трудовую жизнь экспедиции. Это были день рождения доктора Блессинга. Наблюдения Скотт Гансена, которые показали, что „Фрам“ к этому дню находился уже на $79^{\circ} 5'$ северной широты, т. е. еще

на один градус дальше к северу, не могли не способствовать праздничному настроению всех. Как водится, праздник был отмечен особенно изысканным обедом.

Во время обеда орган исполнил целый ряд любимых музыкальных вещей. После обеда был сервирован кофе, и поданы сладости, и, наконец, к довершению всего появилось мороженое и грог. Были провозглашены тосты за виновника торжества и за 79-ую параллель, как за ступень на пути ожидаемых дальнейших успехов.

При ближайшем осмотре расположения „Фрама“ среди льдов Гансен и Свердруп пришли к заключению, что место выбрано недостаточно удачно. Руководителей экспедиции особенно смущала гигантская ледяная глыба со стороны бакборта. В случае давления льдов эта глыба могла повредить корабль и даже раздавить его. Поэтому решено было, пока не поздно, передвинуть „Фрам“ подальше от опасного соседства. Но это было легче сказать, чем сделать. Трещина, которой „Фрам“ вошел в лед, давно уже замерзла и покрылась довольно толстым льдом. Теперь пришлось этот лед вырубать топорами и баграми и при помощи ворота вести корабль шаг за шагом. Два дня все члены экспедиции работали над этим, пока, наконец, 2 октября поставили корабль в такое положение, которое казалось вполне удовлетворительным.

В этот день „Фрам“ опять посетил обитатель льдов, медведь. Дело происходило так. После обеда Скотт Гансен отправился на лед делать свои обычные наблюдения, причем он взял с собой Блессинга и Иогансена. Только принялись они за расстановку инструментов, как вдруг увидели медведя, который неожиданно появился неподалеку от корабля.

„Тише, тише, не испугайте его“, прошептал Гансен. А доктор Блессинг вызвался отправиться на корабль сообщить товарищам. На ципочках он направился в сторону корабля.

Но медведь тоже заметил их и, не долго думая, пошел прямо на них. Тут все заботы о „нервах“ медведя, который мог „испугаться“, вылетели совершенно, особенно у Блессинга, который увидел, что медведь выбрал его предметом своего особого любопытства. Постояв с мгновение в нерешительности и видя, что до корабля далеко, Блессинг со всех ног пустился назад к товарищам, правильно сообразив, что при такой встрече лучше всего не быть одному.

Блессинг успел добежать до своих товарищей, но медведь отставал немногим и несясь вслед за ним. Гансен припомнил, что где-то он читал о следующей уловке против медведей: встать во весь рост и начать кричать со всех сил. Он проделал это, но, повидимому, у медведя нервы были очень крепкие, так как это не произвело на него никакого впечатления, и он продолжал приближаться к ним.

Положение стало критическим. Каждый схватился за оружие, какое попало под руки. Гансен схватил ледяной лом, Йогансен — топор, Блессинг остался с голыми руками, и все они, крича изо всех сил, понеслись прямо к кораблю.

Неизвестно, чем кончилась бы эта история, если бы медведь не проявил некоторого научного интереса, оставшись обнюхивать научные инструменты и приборы. Но, убедившись, что даже на самый голодный медвежий желудок толку от этих вещей не будет, медведь бросился вдогонку за беглецами, которые уже успели добежать до корабля и крикнуть находящемуся на палубе Генриксену. Тот, как буря, ворвался в салон, где Нансен, Свердруп и Юэль сидели над приготовлением каната. Нансен схватил ружье, прыгнул на лед с такой поспешностью, что перекувырнулся, поднялся и встал между беглецами и медведем, который важной поступью нагонял их. Медведь, увидев нового незнакомца, остановился в недоумении и стал спокойно и пристально вглядываться в Нансена. Потом медленно повернул голову — в эту минуту Нансен выстрелил. Медведь, не вздрогнув, тихо свалился на лед.

4 октября было произведено измерение морской глубины. Над этим возился с помощником сам Нансен в течение целого дня. Результат был поразителен: 1460 метров глубины. А, между тем, в науке и среди полярных путешественников царила непоколебимая уверенность, что Ледовитый океан в этой своей части очень мелок и весь покрыт островками и подводными скалами. Измерения температуры моря тоже показали, что все рассказы о чрезвычайно низкой температуре воды — принадлежат к области сказок: около дна температура была несколько выше нуля.

5 октября была устроена еще раз основательная охота на вшей. К страшному огорчению Нансена и доктора Блессинга, оказалось, что прежняя дезинфекция не достигла своей цели, и неприятные животные все еще имелись на корабле. Тогда решено было принять героические меры. Все платье всех пассажиров было снято до последнего лоскутка. Все тщательнейшим образом вымылись и с головы до ног одели новое белье и новое платье; старое же платье было сложено кучей на палубе, где и оставалось в течение всей зимы: если не помогла паровая ванна, то пусть поможет арктическая зима с ее морозами. И, действительно, этого испытания маленькие, но опасные враги не выдержали; с тех пор их на борту более не видели.

9 октября оказалось полным незадач. В этот день Нансен почувствовал первые приступы сильной лихорадки. Но это не приостанавливало его работ. И в тот же день он присутствовал при исследовании воды моря. Он был страшно поражен, когда аппарат, которым зачерпывается вода, вдруг остановился, достигнув дна, на 145 метрах. Это

служило признаком, что „Фрам“ двигался в обратную сторону от цели, т. е. к югу.

В этот же злосчастный день начались атаки льдов на „крепость“ экспедиции, на „Фрам“. После обеда, когда все, мирно беседуя, сидели в салоне, раздался оглушительный грохот, и все судно затрещало и задрожало. Все со всех ног бросились на палубу. Оказалось, что лед давил на корабль и кучами громоздился вокруг. Но „Фрам“, как и следовало ожидать, держался превосходно. Он медленно стал подниматься кверху, позволяя льду, сколько угодно, давить, трещать и громоздиться над ним. Штурм льдов на чужеродных пришельцев продолжался в течение всего полудня, иногда с такой силой, что корабль приподнимался на несколько футов в высоту. К вечеру, однако, атака закончилась, лед „отступил“, под кораблем образовалась трещина, в которой он всплыл на свободной от льда воде, так что его пришлось пришвартовать к прежней ледяной глыбе.

На следующий день давление льдов повторилось. Началось оно с потрескивания и вздохов, которые, раздаваясь на разные голоса, становились все сильнее и громче. Слышались то высокие, плачущие, жалобные звуки, то поваркивание, то ропот, потом вдруг одновременно раздавались все звуки мощного органа, и вот, корабль начинал дрожать, встряхиваться и подниматься, то постепенно, то как бы прыжками или судорогами.

По мнению Нансена, ни одно судно в мире, кроме „Фрама“, не могло выдержать такого испытания и было бы неминуемо раздавлено. Но тем приятнее было ощущение полной безопасности, которое явилось у всех уже после первых приступов льда. И теперь, сколько бы ни давил лед, какими бы голосами ни шумела грозная чуждая стихия полярных гигантских сил — члены экспедиции не прерывали своих занятий, уверенные, что в борьбе победителем выйдет их милейший „Фрам“, а лед раздробится у его бортов в мелкие кусочки. И, действительно, второй приступ льдов окончился тем же: „Фрам“ оказался плывущим в широком пруду совершенно свободной воды.

Единственное, что озабочивало Нансена, — это направление движения льдов. Последние дни корабль неуклонно несло к югу, и наблюдение, сделанное 7 октября, показало $78^{\circ} 47'$ северной широты, т. е. 16 минут южнее, чем был корабль в день рождения Блессинга. И по направлению воды, по все убывающей глубине моря видно было, что с этого времени движение все продолжалось в том же юго-восточном направлении, вместо северо-западного, на которое рассчитывал Нансен, составляя план экспедиции. Где же влияние того течения, которое должно было нести экспедицию к полюсу? Быть может, оно начиналось севернее!

Поэтому, как только „Фрам“, после натиска льдов, оказался в свободном пространстве, возник вопрос, нельзя ли воспользоваться этим и продвинуться глубже на север. Однако, машина была уже разобрана, руль снят, и на приведение „Фрама“ в готовность к плаванию ушло несколько дней. Лишь 14 октября корабль был готов отправиться снова в путь. Но, как нарочно, к этому времени лед оказался нагроможденным вокруг сплошными массами и закрыл дорогу на север. Несколько позже он как будто стал раздаваться, и Нансен приказал развести пары. Но лед не расступался, и корабль остался скованным по прежнему.

А льды, между тем, неустанно несли к югу. И Нансену припомнилось, что во время пути вдоль сибирских берегов чувствовалось встречное течение, направлявшееся к западу. Того только не доставало, чтобы корабль, затертый льдами, наперекор всем планам и предположениям, занесло вместо северного полюса назад, в Европу. Но нет. Нансен проверял все свои соображения, повторял все доводы, сопоставлял все данные — вывод все время получался один и тот же: если только имеется здесь течение, то оно должно вести не к югу, а на север. Но почему же корабль движется на юг? Почему он уже находится южнее, чем был вначале, когда впервые встретился со льдами?

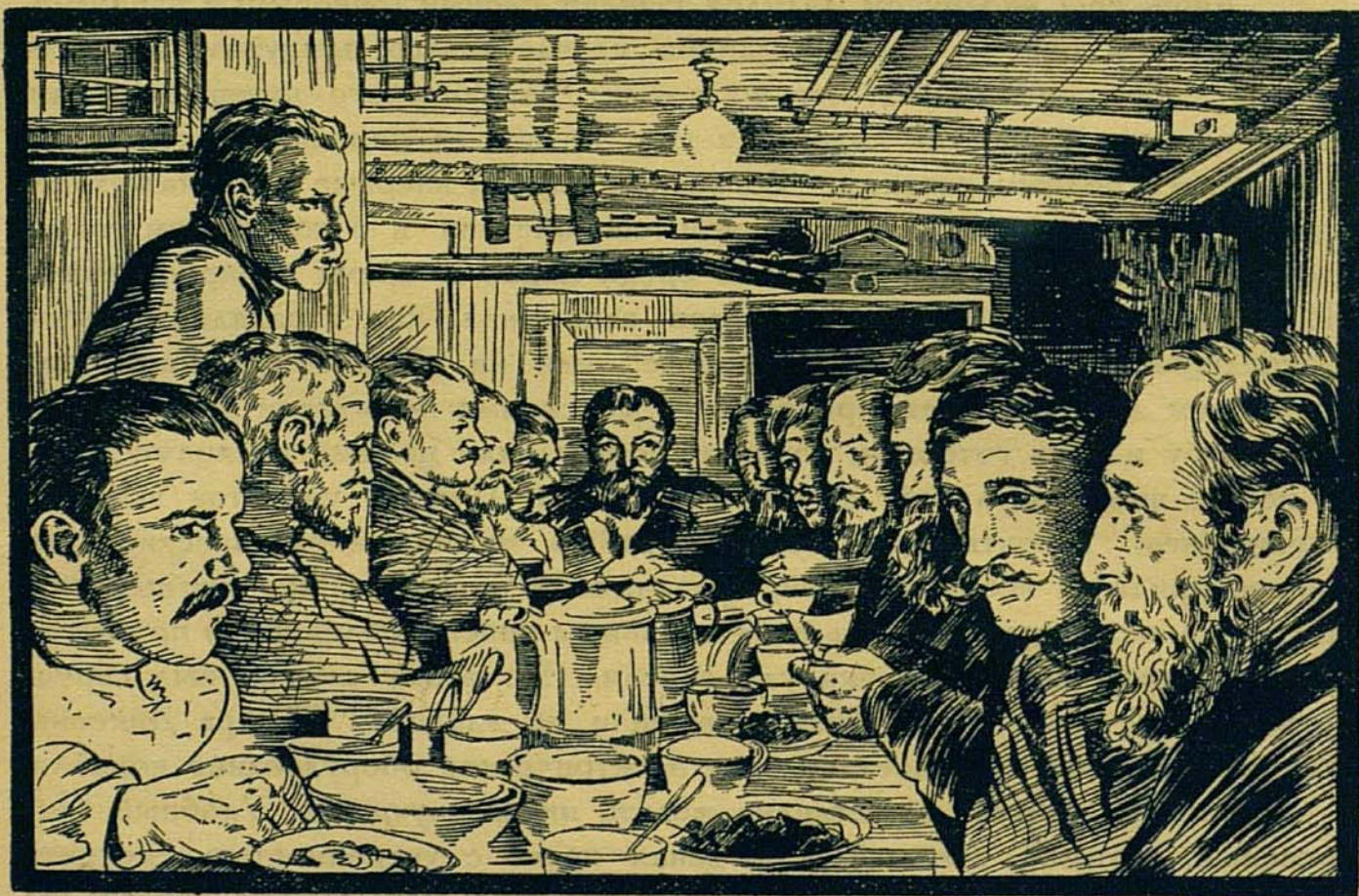
Лишь со Свердрупом делился Нансен своими тревогами и заботами. Но и вдвоем они не могли в данном случае ничего придумать и в утешение себе припоминали, что во время гренландского путешествия их тоже понесло сперва на льдинах к югу, но это не помешало, экспедиция окончилась полным успехом. Во всяком случае, впервые полярная экспедиция может производить в полном спокойствии и с комфортом такие точные и планомерные наблюдения среди льдов во время полярной зимы. И гордый своим „Фрамом“ Нансен вспоминал, как страдали прежние экспедиции, например, на „Тегетгофе“ или на „Жаннетте“, когда при малейшем давлении всем приходилось со своими пожитками выскакивать на палубу и быть готовыми покинуть корабль или целыми месяцами дено и ночью выкачивать воду из корабля. А на „Фраме“ удобства все увеличивались. 25 октября по всему кораблю засияли электрические лампочки, придавая всему веселый, праздничный и необычайно уютный вид. Ветряная мельница оказалась замечательным приспособлением, и при ветре даже средней силы лампочки уже горели. По этому случаю был сервирован грег, и все с энтузиазмом выпили за здоровье Оскара Диксона, который на свой счет поставил все электрическое оборудование корабля.

Вообще „Фрам“ не оставлял желать ничего лучшего. Удобный, безопасный, уютный, светлый — он давал право с уверенностью смотреть на приход зимы и любых испытаний в будущем. Все теплые чувства по

отношению к кораблю нашли торжественное выражение 26 октября, когда праздновался день рождения „Фрама“. Торжество началось со стрельбы в цель на призы. Обед состоял из таких четырех блюд, что, несмотря на здоровенный аппетит, с ним с трудом справились. В конце обеда, при буре аплодисментов и шумных кликах, был провозглашен тост за здоровье „Фрама“. Нансен при этом произнес подобающую случаю речь, и его слова, что едва ли можно придумать судно, более отвечающее цели, и пожелания судну долгой жизни вызвали шумную бурю одобрений.

Вечером — земляничный и лимонный пунш, причем, в отступление от всегдашних правил, разрешено было курить в гостиной. Доктор при всеобщих шутках раздал всем стрелкам награды, и за картами и музыкой незаметно пролетел конец праздничного дня.

Уже на следующий день пришлось, в виду безнадежности попыток пробиваться на север водой, снять опять руль с „Фрама“. Таким образом, до самого Атлантического океана главная активная роль легла на корабль. Все его обитатели, от главы экспедиции и капитана до повара, вынуждены были превратиться в пассивных пассажиров. Движение вперед или назад, успех или неуспех и даже само существование экспедиции зависели исключительно от соотношений сил корабля и льдов. Роль людей кончилась. Но тем важнее была роль стихий и „Фрама“.

Праздничный обед.

СРЕДИ ПЛОВУЧИХ ЛЬДОВ

В полярной тьме. Борьба стихий. Жизнь на „Фраме“. Заботы доктора Блессинга. Глубина полярного моря. Животный мир. Охота на медведя. Северные сияния. Четвероногие друзья. Праздники и развлечения.

ТОТ же день, когда была торжественно отпразднована годовщина рождения „Фрама“, произошло и другое важное событие: солнце скрылось за горизонтом, и наступила полярная ночь. Около полудня на юге, над краем льда, показалась в последний раз половина диска, сплющенное тело с тусклым красным светом и без тепла, и тотчас же скрылось. „Заход“ солнца от его „восхода“ в этих широтах отделяет не несколько часов, а полных четыре месяца. Лишь в середине января путешественники снова увидели первые лучи солнца. Несколько дней после захода в полдень на юге замечен был легкий отсвет солнца. Но вскоре и он исчез, и кругом воцарилась тьма. Нансена удивило то, что долгое время совершенно не было снега. Вплоть до самого Рождества снег выпал только один раз.

Но если не было снега, то на отсутствие морозов жаловаться не приходилось. И в декабре Нансен отмечает в своем дневнике: „Сегодня погода мягкая — 23° мороза“. В обычное же время, начиная с декабря, температура стояла ниже 30° мороза, доходя часто до 40° и еще ниже.

А переход из каюты, где температура стояла выше 20° тепла, на палубу, где свирепствовал мороз ниже 40°, равен был 70°. Но это мало кого смущало. И вскоре создалась такая привычка к низкой температуре, что такие резкие переходы почти не замечались. Очень часто Бентсен, Гансен и другие, при 30-градусном морозе, в одной рубашке и штанах выбегали на палубу делать наблюдения, не накинув даже теплого верхнего платья, а при 40° накидывали лишь легкое платье, ничем не покрывая головы. Если можно говорить о „страданиях“ от мороза, то его испытывали только во время научных наблюдений, когда приходилось голыми руками вращать винты инструментов и направлять их. Особенно Скотт Гансен и Иогансен часто, чтобы согреться, вынуждены были выкидывать на палубе во время наблюдений самые замысловатые па. Остальные товарищи, спокойно и уютно сидящие внизу, слыша топот „негритянского

танца“ наверху, как ни в чем не бывало спрашивали возвращающихся: „Что, наверху холодно?“ — „Ничуть“, отвечали обычно те, „стоит прекрасная мягкая погода“.

Но этой погоде нельзя было доверяться. Малейшая неосторожность, малейшее невнимание — и то та, то другая конечность оказывалась бесчувственной. Так, у Иогансена, одетого самым теплым образом, отморозился нос в то время, как Нансен снимал его фотографию.

Прекрасно справлялся с морозами и „Фрам“. Строитель его не даром положил столько забот для того, чтобы сделать стены корабля устойчивыми не только от давления льдов, но и против мороза, а главное — против сырости. В каютах было настолько тепло, что печь, поставленная в гостиной, оказалась излишней, и за всю первую зиму ее ни разу не зажигали. Только иногда чуть показывалась на стенах легкая сырость, но обычно было достаточно поддержать в каюте зажженную керосиновую лампу, как и эти следы исчезали.

Лед не оставлял „Фрама“ в покое. Но тот мужественно выдерживал все атаки. Удалось даже установить известную закономерность в движении льдов и их натисков на корабль. Уже прежние путешественники высказывали предположения, что давление льдов и их смещение происходит в значительной степени под влиянием морских приливов и отливов. И, действительно, все наблюдения подтверждали это. Как раз во время новолуния и полнолуния, когда отливы и приливы особенно сильны, — сильны бывают и движения льдов, делавшиеся совершенно незаметными в промежуточное время. При этом в сутки аккуратно два раза происходили напоры льдов, а в промежутках льды расступались, и корабль оказывался лежащим на воде. Но эти правильные периодические давления льда, производимые приливами и отливами, были заметны, пока корабль находился среди льдов, неподалеку от открытого моря. Но чем дальше уносило корабль в глубь ледяной равнины, и чем больше замерзало море, тем незаметнее были такие периодические движения льдов, но зато тем отчетливее сказывались иные силы.

Большие давления среди ледяного поля можно представить себе легко и помимо приливов и отливов. Сила ветров и морских течений гонит громадные ледяные пространства до тех пор, пока встречный ветер, встречное течение, или земля не останавливали их. Такая остановка или перемена направления вызывают, конечно, колоссальные сдвиги и давления. Льдины давят друг на друга, ломаются и нагромождаются горами, образуя колоссальные ледяные валы или „торосы“. Нансен так изображает эту картину:

„Подобная борьба ледяных громад между собою составляет, бесспорно, грандиозное зрелище. Человек чувствует себя перед лицом

титанических сил, и легко понять, что более робкие по природе натуры настолько бывают подавлены, что им кажется, что ничто не может противостоять этим силам. Ибо, когда лед начинает тесниться по настоящему, то кажется, что нет клочка на земле, который мог бы оставаться непоколебленным.

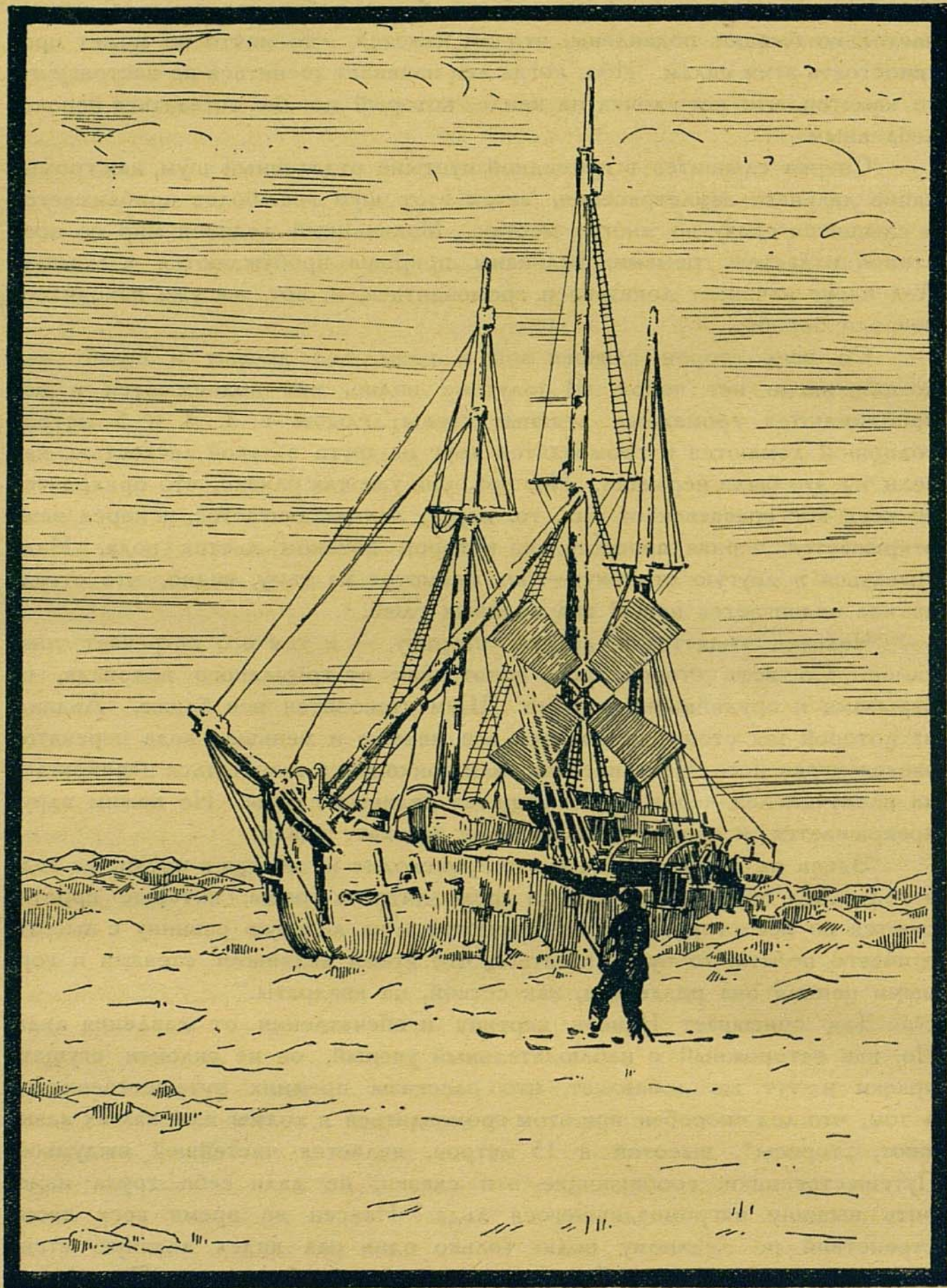
Сперва слышится в громадной пустыне отдаленный шум, как громахание дальнего землетрясения, затем этот шум все более приближается и слышится сразу во многих местах. Молчаливый ледяной мир со всех сторон отдается громами, великаны природы пробуждаются к схватке. Лед вдруг начинает лопаться и громоздиться, и, вот, вы уже находитесь посреди борьбы.

Со всех сторон слышен вой и гром, лед дрожит и шумит под ногами, нигде нет покоя. В полутьме видно, как поднимаются и все приближаются громадные ледяные стены; глыбы в 3, 4 и 5 метров толщиной ломаются и громоздятся друг на друга с такой легкостью, как если бы это были перышки. Но, вот, они уже так близко, что приходится со всех ног спасаться от них, то, вдруг, лед раздвигается, и перед вами открывается черная пропасть, из которой потоком льется вода. Надо спасаться в другую сторону — но, несмотря на тьму, видно, что оттуда на нас надвигается новый вал ледяных глыб.

Человек кидается в другую сторону — и там его встречает тоже самое. Со всех сторон гром, рокот, как от громадного водопада, со взрывами и орудийными залпами. Шум становится все ближе. Лыдина, на которой мы стоим, становится все меньше и меньше, вода перекачивается через нее. Нет спасения, или приходится попытаться перебраться на пловучий лед через надвигающиеся ледяные глыбы. Но нажим вдруг прекращается, и грохот мало по малу затихает вдали.

Здесь на далеком севере это происходит из месяца в месяц, из года в год. Лед образует складки и громоздится в гряды, которые простираются во все стороны. Если посмотреть на ледяную равнину с высоты птичьего полета, то будет казаться, что этими ледяными стенами и горными цепями она разделена, как сеткой, на квадраты."

Так описывает Нансен картину и впечатления от давления льда. Но, как осторожный и наблюдательный ученый, он не склонен сгущать краски и тут же добавляет, что рассказы прежних путешественников о том, что лед способен при этом громоздиться в холмы или, как их называют, „торосы“, высотой в 15 метров, является чистой выдумкой. Путешественники, сообщающие эти сказки, не дали себе труда измерить вышину нагромоздившегося льда. Нансен во время всех своих странствий по ледяному полю только один раз видел ледяную стену выше, чем в 7 метров. Обычная же высота — 5 метров. По мнению

„Фрам“ среди льдов.

Нансена, высота ледяного тороса в 8 метров — явление исключительно редкое.

До середины декабря давление льдов было очень сильно; 8 декабря вечером грохот и шум лопающихся и теснящихся льдин был так оглушителен, что обитателям „Фрама“, разговаривая, приходилось кричать друг другу. Но, несмотря на яростный напор льдов, все были так спокойны, что даже не потрудились выйти на палубу и только жаловались на беспокойство от шума. Нордаль при этом ворчливо заметил, что, в сущности, лед мог бы возиться себе около носа корабля и не беспокоить обитателей „Фрама“ около их кают. Двадцать минут продолжался шум и грохот, пока лед стих.

Но с середины декабря до весны движение среди ледяного поля значительно уменьшилось, и экспедиция в праве была считать, что самое серьезное испытание корабля на выносливость уже миновало. И путешественники гордо заявляли, что, сколько бы льды ни теснились, худа от этого они могли ожидать только для самих себя.

Таким образом, пророчеству о неизбежности разрушения корабля льдами не суждено было сбыться. Теплу, уюту и запасам экспедиции ничто не грозило. Значит, по крайней мере, существование ее было обеспечено.

Прежде всего не было никакой опасности голода. Запасы „Фрама“ были обильны и разнообразны. Меню обедов, завтраков и ужинов были не только сытны, но даже подчас изысканны. Вот меню одного из обыкновенных обедов: 1. Суп из бобов. 2. Ростбиф в „спальном мешке“, специальное блюдо, нечто в роде мясного пирога, с картофелем. 3. Рис, молоко и варенье. К тому же почти каждый день подавался свежий пшеничный или ржаной хлеб. В праздники, в особо торжественные дни, меню бывали значительно разнообразнее, и обед готовили из четырех блюд и десерта, не считая пунша и грога, и целых груд всяческих печений и пирогов. И не было никаких опасений, что такое изобилие должно скоро кончиться. Даже свежее мясо почти всегда имелось в запасе. Климат северных широт, благодаря морозу и отсутствию микробов, был очень благоприятен для хранения мяса, и всякая удачная охота надолго пополняла и освежала стол экспедиции.

Во всех других отношениях экспедиция была тоже вполне обеспечена. Уголь лежал почти нетронутым. Платья имелось более, чем достаточно. Собаки тоже не нуждались в пище. Лишь в одном отношении чувствовался пробел, беспокоивший Нансена: он не был уверен, хватит ли керосина. Расход керосина был очень велик вследствие того, что в безветренные дни приходилось зажигать лампы, а, кроме того, на керосине готовилась еда в кухне. Поэтому Нансен часто с беспокойством проверял

запасы, сопоставлял расходы керосина за прежнее время, вычислял, на сколько времени может хватить, настаивал на возможной экономии и, наконец, стал придумывать, нельзя ли как помочь беде. На корабле был большой запас, около 20 тонн, машинного масла. Теперь, когда судно было осуждено на неподвижность, это масло было совершенно бесполезным. И Нансен стал конструировать аппарат, чтобы использовать масло для топки на кухне. После некоторых опытов и неудач ему удалось устроить так, что масло из резервуара вытекало каплями на железную чашечку и пропитывало собой асбест. Аппарат был особой трубкой соединен с вентилятором на палубе, и, при достаточном притоке воздуха, масло прекрасно горело и развивало достаточно тепла для варки пищи.

Устройство этого аппарата сняло с Нансена заботу о керосине. Теперь керосин употреблялся лишь для освещения, и даже при неэкономной трате его могло хватить на целых 10 лет. Это было значительным облегчением для всех. До тех пор приходилось страшно экономить со светом, и, когда не было электричества, все теснились при общей лампе в гостиной, ибо никто не решался удалиться в каюту и зажечь еще одну лампу. Теперь же каждый мог свободно пользоваться светом ламп, сколько угодно, не заботясь о керосине. Что это значило — могут понять только те, кому приходилось провести несколько зим под ряд в областях, где долгие месяцы и днем и ночью стоит беспросветная, непрерывная тьма.

Все прежние полярные путешественники почти в один голос утверждали, что, несмотря ни на какие меры, влияние полярной ночи на человека губительно, что нет способов избавиться от бича северных стран — цынги, что нет возможности не поддаться разрушительному влиянию вечного мрака, и щеки невольно делаются впалыми, лица бледнеют, силы слабеют, и весь организм вянет. На „Фраме“ тоже в отношении здоровья было, пожалуй, не все благополучно. Каждое взвешивание, производимое доктором, заставляло невольно тревожиться за судьбу некоторых из участников экспедиции, в виду явной опасности ожирения. Люди, пишет Нансен, становились похожими на животных, откармливаемых на убой. Некоторые, как, например, Свердруп, Юэль и сам доктор Блессинг, умудрялись прибавляться в весе по два килограмма в месяц. — „Никогда я не весил столько“, — жаловался бедный врач, не имеющий пациентов. И такое же прибавление жира было заметно у всех. Лишь впоследствии, когда перестали употреблять пиво и заменили его лимонадом, стремительное ожирение всей экспедиции приостановилось.

Другое свойство полярной ночи, на которое жаловались прежние путешественники — это бессонница. Но эта бессонница, вероятно, происходила от общего тяжкого состояния духа, от неуверенности, тревог,

плохого питания, недостаточно теплого, и неуютного помещения. Правда, и на „Фраме“ кое-кто жаловался на то, что ночью плохо спится. Но Нансен объясняет это тем, что как раз эти лица любили „всхрапнуть“ после обеда. Поэтому, на их жалобы на бессонницу им обычно отвечали сентенцией, впервые высказанной Свердрупом: „Часть суток должен бодрствовать каждый человек.“

В остальном же здоровье всех было цветущее. Только Нансен несколько раз жаловался на лихорадку и на ревматические боли, Свердруп иногда страдал желудком, что происходило, во всяком случае, не от недоедания или плохого качества пищи. Даже, когда с наступлением весны ослепительный снег и лед стал грозить опасностью для зрения, единственно кто сравнительно сильно пострадал от этого — был сам доктор Блессинг.

В общем, в жизни экспедиции наладился определенный распорядок, и дни проходили за днями, похожие один на другой. В 8 часов утра все подымались со своих коек и дружной гурьбой садились за утренний завтрак. Завтрак обычно состоял из хлеба ржаного или пшеничного, масла, сыра, мясных консервов, ветчины, консервированных языков, копченого сала, анчоусов, овсяных или английских морских сухарей, апельсинового мармелада или других сортов фруктовых желе. Три раза в неделю подавался свежий хлеб и разного рода печенье. В начале путешествия утром давался по желанию кофе или шоколад. Впоследствии два раза в неделю пили кофе, два раза чай и три раза шоколад.

После завтрака несколько человек отправлялось кормить собак. Каждая собака получала пол сушеной рыбы и несколько специальных „собачьих“ сухарей.

После этого собаки на день освобождались от привязи.

Каждый из членов экспедиции по очереди должен был в течение одной недели помогать повару мыть посуду, накрывать на стол, подавать кушанья и прислуживать за столом. Сам повар тотчас после завтрака составлял меню обеда и начинал приготовления к нему. Остальные же отправлялись на прогулку на льдины, чтобы подышать свежим воздухом и исследовать состояние льда, давление и пр.

В час все собирались к обеду, который обычно состоял из трех блюд: суп, мясо, десерт, или — суп, рыба, мясо, или — рыба, мясо, десерт, и лишь изредка — только рыба и мясное блюдо. К мясному блюду обычно подавался картофель или свежие овощи. Все единодушно признавали, что пища была хорошая; дома ели не лучше, кое-кто даже хуже, не даром у многих стал образовываться двойной подбородок и округляться талия. За обедом в начале плавания подавалось пиво, впоследствии — лимонад, при чем, конечно, все время раздавались шутки и смех.

После сытного обеда курильщики отправлялись в кухню, которая служила также комнатой для курения, в других каютах курение было запрещено, кроме особо торжественных случаев. После отдыха все опять принимались за свою работу. В 6 часов вечера дневные труды считались законченными, и все собирались к ужину.

Ужин состоял почти из тех же кушаний, как и утренний завтрак, только в качестве напитка подавался всегда чай. После ужина опять собирались покурить в кухне, салон же превращался в тихий, уютный зал для чтения. Библиотека „Фрама“ состояла из довольно значительного количества самых разнообразных книг, пожертвованных разными друзьями, знакомыми и издателями. — „Если бы, друзья-жертвователи, — писал Нансен, — могли увидеть нас здесь, на далеком севере, склонившихся над столом, погружившихся в книги и в иллюстрированные издания, если бы они могли знать, как неоценимы были для нас эти спутники, то они были бы вознаграждены сознанием, что, действительно, сделали нам подарок и в значительной доле способствовали тому, что „Фрам“ явился плодородным оазисом среди этой страшной ледяной пустыни.“

Около 8 часов появлялись карты и другие игры, над которыми засиживались подчас до позднего часа. То тот, то иной подходил к органу и играл любимые вещицы из репертуара; или же Иогансен доставал свою гармошку и играл красивые вещицы. Наибольшего эффекта он достигал, исполняя романс: „О, Сусанна!“ или: „Марш Наполеона на лодке через Альпы“.

Около полуночи все отправлялись по своим койкам, предварительно определив очередь ночной вахты. Ночью каждый должен был нести вахту в течение часа. Во время вахты самой тяжелой обязанностью было ведение корабельного журнала и вылезание наверх, если собаки подымали шум, зачуяв приближение медведя. Кроме того, стоящие на вахте должны были каждые два или четыре часа подниматься на бочку на мачте и спускаться на лед, чтобы посмотреть термометр и произвести другие метеорологические наблюдения.

Эта размеренная и однообразная жизнь не была бесплодной. Она сама по себе представляла громадное значение для науки. Впервые была создана возможность в течение целой полярной зимы среди арктического океана вести систематические научные наблюдения. И если бы экспедиция Нансена не совершила ничего больше, все же тот материал, который она собрала за время своего пребывания в этой части далекого севера, имел неоценимое значение для географов, метеорологов и геологов.

Уже первые месяцы плавания „Фрама“ привели к важному открытию: полярное море оказалось неожиданно глубоким, и уже 21 декабря при измерении глубины стальной трос в 2100 метров не достигал дна. Большого

троса Нансен не имел в своем распоряжении: при сборах экспедиции никто не мог и подозревать, что в северном океане можно было найти хотя бы приблизительно такие глубины.

После этого Нансен неоднократно пытался измерить глубину, но все было безрезультатно — его измерительные приборы не могли достигнуть дна. Только весной он решил сделать новый трос. Для этого пришлось пожертвовать стальным канатом. Отдельные стальные нити его были расплетены и потом ссучены в две нити. Таким образом, получилась возможность производить измерения до 5000 метров. И при первом же измерении оказалось, что глубина моря была свыше 3000 метров; в дальнейшем она колебалась между 3300 и 3900 метрами.

Такая глубина показывала, что полярное море никоим образом нельзя считать образовавшимся в новейшие геологические периоды. Очевидно, оно являлось прямым продолжением Атлантического океана, и его геологический возраст был такой же продолжительности, как и этого океана.

Метеорологические наблюдения.

Попутно с измерениями глубины морей производились наблюдения над температурой морской воды. Вообще эти работы не были слишком

приятным занятием. В сосуды, зачерпывающие воду, набирался лед, так что их приходилось утомительно долго держать в воде, пока они оттаивали, или они не хотели закрываться, или зачерпнутая на глубине вода, попадая на поверхность, замерзала, и ее нельзя было вылить в специальные сосуды, так что каждый раз приходилось нести весь аппарат на кухню и ожидать, пока он там оттает. А таких измерений приходилось делать десятки для изучения свойства разных слоев моря. Также трудны были измерения температуры морских глубин. Но зато результаты были значительны. Нансен нашел, что под холодной поверхностью воды находился более теплый слой, за которым опять следовал слой холодный. Это являлось признаком, по которому можно было судить о направлении морских течений, и естественно, что экспедиция делала все возможное, чтобы получить самые точные и подробные данные.

Ледяное поле, на котором находилась экспедиция, не было вполне лишено обитателей, визитами которых „Фрам“ был польщен не раз.

Уже вскоре после охоты на первого медведя Нансен заметил, что около корабля попадаются следы песца, который, вероятно, приходил для того, чтобы полакомиться выброшенными внутренностями медведя. 26 октября Педеру удалось застрелить его. После этого показался было еще один песец, но, очевидно, хитрый зверь сообразил, какая судьба постигла его товарища, быстро скрылся и не показывался более.

Было крайне удивительно, что песцы попадались так далеко в глубине ледяной пустыни, на большом расстоянии от берега. Но путешественников ожидали и большие сюрпризы. Уже в разгаре зимы, 23 января, поднявшись на палубу утром, Нансен обратил внимание на сердитый лай собаки „Квика“, которая все время, упорно глядя на восток, ожесточенно лаяла на какого-то невидимого врага. Очевидно, там был какой-то незнакомец. Захватив с собой револьверы, Нансен и Свердруп, в предшествовании собаки, которая все время, насторожив уши, лаяла и ворчала, отправились в этом направлении. Собака привела их к недавно образовавшейся расщелине во льду, и сама вскоре остановилась, как вкопанная, устремив глаза в одну сторону, насторожившись и тихо ворча. Ясно было, что собака видела врага в воде; и, действительно, по воде плыло что-то черное.

„Это — черная собака,“ воскликнул Нансен.

Но Свердруп был ближе и видел, что плывущее существо значительно больше.

„Это не собака, а медведь,“ закричал он.

И Нансен, сам подойдя ближе, тоже заметил, что это была голова большого зверя, хотя его окраска казалась слишком темной для медведя. Выхватив револьверы, охотники готовились уже стрелять. Но как раз в тот момент зверь поднял голову.

„Это морж“, воскликнули чуть ли не в один голос оба охотника. Животное метнулось несколько в сторону в воде, и все сомнения исчезли: это был не медведь, а морж.

Стрелять в моржа из револьвера, конечно, не имело смысла. Его кожа даже не почувствовала бы такого пустяка, как револьверная пуля. Поэтому оба охотника со всех ног пустились на корабль за гарпуном и винтовкой.

Но собрать охотничьи принадлежности было не так легко, и гарпуны с веревками были запрятаны так, что их с трудом разыскали, — ведь никто не мог думать, что они понадобятся в таком отдалении от открытого моря. Когда они были найдены, оказалось, что их еще надо наточить. Словом, когда все было готово, и охотники побежали на лед, то моржа давно и след простыл.

Из всех охотничьих приключений экспедиции наиболее памятной осталась охота на медведя 12 декабря. Был уже вечер, когда собаки на палубе вдруг подняли отчаянный лай. Нансен сидел без сапог и поэтому попросил, чтобы кто-нибудь иной поднялся наверх. Вызвался пойти Могстад. Пока он ходил, лай собак делался все ожесточеннее. Могстад вернулся и сообщил, что собаки лают с остервенением в темноту по направлению на север. Должно быть, там показался какой-либо зверь, вероятнее всего, песец, так как с севера ему слышался его лай.

„Ну, и чертовский песец, чтобы привести в такой раж всю стаю собак“, подумал Нансен и отправился сам наверх в сопровождении Иогансена. Собаки лаяли, заливаясь от ярости. Было очевидно, что это не песец, а медведь. Но, сколько ни всматривались в темноту во все стороны, оба они не могли ничего разглядеть.

Нансен вернулся в каюту и скоро лег. Дежурил Нордаль и несколько раз выходил на палубу, однако, ничего не мог заметить. Но, лежа и читая книгу, Нансен слышал странный шорох, как если бы кто передвигал ящики на палубе и царапался, словно собака, которая просится в дверь. Нансен крикнул Нордалю, чтобы тот пошел посмотреть еще раз, что там делается наверху, но тот вернулся и сообщил, что попрежнему ничего не видать.

Уснул Нансен под неустанный лай собак, и под тот же лай он проснулся на другой же день утром, — очевидно, собаки лаяли всю ночь. Теперь же они лаяли, не уставая, и в продолжение всего завтрака. После завтрака Педер пошел кормить „негодных“ собак и выпустить их на лед. После этого он пришел за фонарем, так как заметил, что трех собак не доставало, и он хотел посмотреть, не увидит ли он на льду их следы.

— „Возьмите винтовку,“ крикнул ему вдогонку Якобсен.

— „Не к чему“, — беззаботно ответил Педер.

Нансен занялся было своим туалетом, как вдруг услышал в коридоре крик:

— „Скорей сюда с винтовкой!“

В одно мгновение Нансен был в салоне. Туда, как буря, влетел Педер с криком:

— „Винтовку. Винтовку!“...

Оказалось, его укусил медведь... К счастью, очевидно, неопасно, так как в его голосе было более испуга, чем боли.

Нансен схватил свою винтовку, Педер вторую, и со всех ног бросились на палубу. Следом за ними выбежал штурман, тоже вооруженный ружьем.

Но сразу было трудно определить, в какой стороне надо было искать медведя, так как сверху, с верхней палубы, кричали люди, а снизу, со льда, кругом корабля неистово заливались собаки. Но вот, увидели медведя, пожиравшего собаку, недалеко от „Фрама“.

„Я вырываю пробку из дула винтовки, — описывает Нансен это происшествие, — поднимаю затвор у замка и всовываю второпях патроны: приходится, ведь, спешить. Но, черт возьми, в нижнем конце тоже сидит пробка. Я вытаскиваю ее, тяну, но не могу вытащить.“

Педер кричит: „Стреляйте! мое ружье не стреляет“.

И, в самом деле, его курок только пощелкивает, так как замок, по обыкновению, оказался полон замерзшего вазелина. А, между тем, медведь лежит себе спокойно тут же внизу около корабля и уплетает одну из собак. Около меня стоит штурман, бесплодно пытающийся вытащить из дула пробку, которую он засунул туда. С досадой кидает он ружье и ищет на палубе гарпун, чтобы запустить им в медведя.

Четвертый стрелок, Могстад, расстрелял свои патроны, машет неразряженным ружьем и кричит, чтобы кто-нибудь, наконец, стрелял в медведя.

Четверо охотников, и среди них никого, кто мог бы стрелять, хотя медведь был так близко, что мы могли концом дула винтовок щекотать его спину. Скотт Гансен был пятым и находился у входа в верхнюю каюту, где он тщетно пытался через щель в двери достать свои патроны — открыть дверь он не мог, так как там находился ящик с собакой „Квик“.

Наконец, явился Иогансен и всадил в шкуру медведя пулю, которая осталась не без известного влияния. Чудовище отпустило собаку и заворчал. Второй выстрел угодил в то же самое место, затем еще один, после чего мы увидели, что белая собака, которую медведь держал в своих когтях, вскочила и понеслась прочь, в то время, как вся остальная стая собак сгрудилась кругом и отчаянно лаяла. Так как животное все еще шевелилось, то опять раздался выстрел.

В это мгновение выскочила пробка из моей винтовки, и вслед за этим я всадил медведю в голову последнюю пулю. Пока он еще шевелился, собаки с лаем налезали на него. Теперь же, когда он тихо лежал мертвый, они боязливо стали пятиться от него назад. Вероятно, они подозревали, что это лишь новая хитрость врага. Животное, произведшее весь этот шум, оказалось маленьким однолетком“.

При осмотре льда вокруг корабля найдены были трупы трех об'единенных собак, которых медведь утащил с борта корабля.

Вот, каким образом Педер Гендриксен натолкнулся на медведя.

Взяв фонарь, он отправился вниз на лед и уже около лесенки заметил сперва капли крови, а затем следы медведя. Вместе с Могстадом пошел он по этим следам, и вся стая собак бросилась вперед. Не успели они удалиться от судна, как увидели медведя, который, окруженный со всех сторон наседающими собаками, бросился прямо на людей.

Могстад был обут в обыкновенные легкие сапоги и мог поэтому быстро убежать на корабль. Педер же имел на ногах тяжелые парусиновые сапоги с деревянной подошвой („патент Свердруп“) и поэтому замешкался, к тому же попал на кучу льда около корабля. Он оглянулся назад, зверя не было видно, но не успел он сделать нескольких шагов, как поскользнулся и растянулся во весь рост.

Поспешно вскочив, он понесся во весь дух по открытому льду к судну, но уже около борта корабля увидел справа от себя медведя, который бежал прямо к нему. Сперва Педер думал, что это собака. Но зверь вскочил на него и укусил в бок. Кусая, медведь ворчал и шипел.

Тут Педер решил, что ему пришел конец. В руках не было ни ружья, ни даже ножика. Инстинктивно он поднял фонарь и со всей силы опустил на голову медведя так, что осколки разлетелись во все стороны.

От неожиданности медведь выпустил Педера, уселся на лед и с изумлением смотрел на него. Этим моментом воспользовался Педер, чтобы добежать до борта судна. К тому же на медведя со всех сторон напали собаки.

— Вы кричали, Педер? — спрашивали его товарищи.

— Кричал. Ну, конечно, изо всех сил.

Действительно, он был весь охрипший.

— Куда же девался во все это время Могстад?

— Видите ли, он взобрался на судно гораздо раньше меня, но он и не подумал поднять шума, но взял свою винтовку со стены и решил, что он сам справится с этим делом. Но его ружье не выстрелило, и медведь имел бы время с'есть меня у него под носом несколько раз.

Эта история служила долго предметом шуток на борту „Фрама“ и нашла отражение даже в иллюстрированном приложении к газете,

издававшейся на „Фраме“. Но Нансен был очень огорчен: в самом деле, допустить, чтобы медведь мог взобраться на палубу, утащить трех собак, укусить человека. Не доставало того, чтобы медведь перетаскал всех собак и направился на кухню постучать в дверь за провизией к повару Юэлю.

Так как охотиться на медведей в темноте было трудно, то решено было устроить на них западню. Свердруп и кузнец Петерсен вдвоем смастерили громадную западню для медведей и поставили на лед. Так как боялись, чтоб, вместо медведя, в западню не попали собаки, то западня была помещена на высокой перекладине, которой собаки не могли достать. В качестве приманки положен был кусок китового сала. На собак ловушка произвела громадное впечатление: по целым часам, особенно вечером, лаяли они с палубы на эту штуковину, виднеющуюся при лунном свете на льду.

Через несколько дней ловушка приманила и медведя. Ночью на 22 декабря во время дежурства Якобсен заметил медведя и выстрелил в него, но не попал, и медведь скрылся. Якобсен вернулся в каюту и сообщил об этом Могстаду и Педеру, которые поспешили с ним на палубу.

Вскоре они заметили медведя, приближающегося опять к кораблю. Но по пути медведь заметил ловушку и направил свой путь к ней. Он внимательно осмотрел аппарат, поднялся осторожно на задние лапы, положил передние лапы на перекладины как раз около западни, посмотрел на заманчивый кусок, но, повидимому, остался крайне удручен видом отвратительных железных зубьев.

В это время поднялся на палубу Свердруп и с бьющимся сердцем смотрел на испытание своего изобретения, ожидая каждый момент, что западня захлопнется. Но медведь покачал подозрительно головой, опустился опять на четвереньки, обнюхал кругом проволоку, которой укреплена была западня, и пошел вдоль проволоки к ледяной глыбе, к которой проволока была привязана. Он обошел и глыбу, словно удивляясь, как все хитро и ловко устроено, потом тем же путем вернулся назад к западне, поднялся опять, положив лапы на перекладину, долго глядел на западню и опять качал головой, словно говоря: — „Эти хитрые парни ловко придумали все это для меня“.

После этого он опять направился к судну. Когда он находился на расстоянии 60 шагов, Педер выстрелил в него. Медведь свалился, но потом опять поднялся и побежал. Тогда выстрелили в него Якобсен, Свердруп и Могстад, после чего медведь окончательно свалился между торчащих льдин.

К удивлению, обнаружилось, что в медведя попала всего только одна пуля. Педер, Якобсен и Могстад — каждый приписывал эту пулю себе.

Лишь Свердруп согласился, что он стрелял издалека, и мало вероятности, что он мог попасть. Каждый из стрелков находил доводы в защиту своей правоты. Могстад видел, что тотчас после его выстрела медведь свалился. Якобсен клялся всеми святыми, что это он попал в цель, а Бентсен, бывший свидетелем охоты, стоял горой за Педера, утверждая с достоверностью, что именно его пуля достигла результата. Этот значительный спор продолжался безрезультатно до самого конца экспедиции.

Одним из интереснейших моментов в путешествии было наблюдение северных сияний, которые были очень часты. Несмотря на мороз, путешественники выскакивали в легком платье и часто подолгу не могли оторваться от великолепного зрелища, о котором никакие фейерверки, никакая искусственная игра света, никакие краски на небе в более южных странах не могут дать даже приблизительного понятия. Север тоже имеет свои красоты, невиданные в других краях.

Вот как, например, описывает Нансен северное сияние, виденное 8 декабря.

„Вечером в каюту спустился Скотт Гансен и сообщил о действительно замечательном северном сиянии.

Отблеск сияния был виден всюду на льду, и палуба корабля была ярко освещена. Все небо пылало светом, ярче всего, однако, в южной стороне, где колеблющиеся массы огня поднимались далеко в высь. Потом Скотт Гансен спустился опять и сообщил, что северное сияние сделалось исключительно прекрасным.

Так было на самом деле. Яркие огненные массы разделились на блестящие разноцветные полосы, которые блуждали, как в южной, так и в северной части небосклона, поглощая и сливаясь друг с другом. Лучи искрились чистейшими кристально-ясными цветами радуги, преимущественно красно-фиолетового, карминного и ярко-зеленого цвета. Очень часто дугообразные лучи были красны с одного конца, а выше превращались в сверкающую зелень, а еще выше становились темными и переходили в синеву или в фиолетовый цвет, сливаясь, наконец, дальше с темным фоном неба. Или лучи одной и той же дуги менялись в цвете от ярко-красного до ярко-зеленого, развеваясь во все стороны, как бы колеблемые бурей. Это было бесконечной фантазмагорией искрящихся красок, превосходящей все, что только можно вообразить.

Игра красок подчас достигала такого напряжения, что дыхание замирало. Казалось, должно наступить нечто сверхъестественное, по меньшей мере, должно обрушиться небо. Но, пока наблюдатель еще смотрит, затаив в ожидании дыхания, все явление вдруг бледнеет и, быстрыми, ровными и легкими скачками по всей лестнице тонов красок, превращается в пустоту, в ничто.

В таком конце было — нечто в высшей степени недраматическое, но все воспроизводилось с такой уверенностью, что нельзя было остаться недовольным. Словно чувствовалось присутствие великого мастера и виртуоза, который в совершенстве владеет своим инструментом. Одним движением смычка он легко и элегантно опускается с вершин страстности в жизнь повседневности с тем, чтобы тотчас опять погрузить слушателей в море страстей.

Часто кажется, что он дразнит и дурачит нас. Только мы, гонимые 35-градусной стужей, соберемся спуститься вниз, все струны опять трепещут такими тонами, что мы невольно остаемся, пока не отмораживаем носы и уши.

В виде финала рассыпается бурный фейерверк всех тонов в виде таких масс отовсюду несущегося огня, что, кажется, каждую минуту все это свалится на лед, так как на небе нет более места.

Но я не могу выдержать более. Легко одетый, без соответствующей шапки, без перчаток, я весь ооченел и забираюсь назад к себе вниз“.

Не мало развлечения доставило изготовление газеты, издававшейся на „Фраме“ под главной редакцией доктора Блессинга. Называлась газета *Обозрение „Фрама“*, и появление ее обычно было приурочено к торжественным дням. Содержание составляли стихи, сочиненные участниками экспедиции, и их шутки друг над другом в виде маленьких рассказов, анекдотов и объявлений. Например, в первом номере за подписью Юэля появилось такое „Предостережение“:

„Считаю своим долгом предостеречь публику от странствующего часовщика, который в последнее время бродит неподалеку, принимает часы в починку и не возвращает их собственникам. Интересно знать, как долго такое безобразие будет твориться на глазах властей предержащих. Приметы часовщика: рост — средний, волосы — светлые, глаза — серые, растительность — темная борода, круглые плечи и вообще страждущий вид“.

Это предостережение, намекающее на жалобы Юэля на долгую починку его часов, отданных лейб-часовщику „Фрама“ Могстаду, вызвало длиннейшие споры и дало повод к дальнейшим шуткам, так как Юэль объявил, что он такого предостережения не давал, и его подпись подложна. Поэтому сразу возникло дело: о клевете, о подлоге и о нарушении правил печати. Так, на досуге по вечерам, за столом или в курительной комнате, коротались свободные часы.

Зимой была сделана первая проба приучить собак к поездкам, что давалось не всегда дешево. Вот, как рассказывает Нансен о своей первой поездке на собаках (19 октября).

„Сегодня утром я пытался совершить на собаках поездку на сани. После того, как мне удалось запретить самоедские сани, я уселся и крикнул собакам: „П-р-р-р, П-р-р-р“, и они тотчас понеслись с бешеной скоростью по льду. Но вскоре мы достигли высокого тороса, и нужно было повернуть. Едва только успели мы это сделать, как собаки с молниеносной быстротой понеслись назад к кораблю, от которого их нельзя было никоим образом отогнать. Они все носились вокруг корабля от одной кучи отбросов к другой.

Проносясь мимо трапа с одной стороны, я старался ударами бича направить собак на лед, но они неслись кругом носа корабля к трапу с другой стороны. Я дергал вожжи, проклинал, делал все, что только мог и что приходило в голову. Все было напрасно.

Тогда я выскочил, пытаюсь задержать сани, но собаки увлекли меня и весело поволокли по льду, при чем я катился на своих меховых штанах, на спине, на животе, на боку, как пришлось. Только удавалось мне остановить их перед глыбой льда или перед кучей отбросов, как они опять летели вокруг корабля к трапу на противоположной стороне, в то время, как меня, словно мешок, бросало во все стороны, и я в ярости клялся переломать собакам все кости, как только они попадутся мне в руки.

Так продолжалась игра до тех пор, пока она им, повидимому, не надоела, и они решили, для разнообразия, попробовать прокатиться и в том направлении, в каком я хотел. Они неслись с такой быстротой по гладкому льду, что я их задержал на мгновение, чтобы дать им немножко вздохнуть. Но при первом движении, которое я сделал в санях, они опять дико понеслись назад.

Судорожно держался я за сани, тянул вожжи, бесновался, стегал кнутом, но, чем сильнее я стегал, тем быстрее неслись они своей собственной дорогой. Наконец, мне удалось их остановить тем, что я уперся обеими ногами о снег, а, кроме того, всунул в лед свою окованную железом крепкую палку.

Но чуть я зазевался, собаки потянули опять, и вот я лежу своей обратной стороной на том месте, где были мои ноги, и мы несемся с молниеносной быстротой, при чем известная тяжелая часть моего тела оставляет в снегу глубокую борозду. Это происходит один раз за другим. Я теряю доску для сидения, бич, рукавицы, шапку, и все эти потери мало способствуют улучшению моего настроения.

Несколько раз я пытался забежать вперед перед собаками и, махая кнутом, силой повернуть их в нужную сторону. Но они мигом раздавались в обе стороны и еще быстрее неслись дальше. Тут вожжи и постромки запутались вокруг моих лодыжек, так что я во всю длину

растянулся на санях, что побудило собак броситься бежать, словно они обезумели“.

Так окончилась первая попытка об'езжать собак. В дальнейшем, однако, поездки совершались вполне благополучно, и с каждым днем становилось яснее, какое громадное значение могли бы иметь собаки в случае, если бы экспедиции пришлось совершать переходы по льду.

Поэтому естественно, что к собакам относились с большим вниманием и, насколько это было возможно, заботились о их питании и удобствах. К сожалению, число собак таяло. Несколько собак погибли, растерзанные медведем. Несколько собак исчезли сами, убежав на лед и скрывшись, — вероятно, они были вдалеке схвачены медведем.

Но зато появилось молодое поколение собак, пополнившее убывающие ряды. На следующий день после приключения с кровожадным медведем, собака „Квик“ принесла приплод из 13 щенков (по одному на каждого участника экспедиции, шутили обыватели „Фрама“). Из этих тринадцати были оставлены только восемь, наиболее крепких и здоровых. Щенки были окружены всеми мыслимыми заботами и удобствами. Однако, несколько из них околели от неизвестной причины — от припадка каких-то загадочных судорог.

Жизнь собак протекала так же регулярно и однообразно, как и жизнь их хозяев. Утром их отпускали на волю на лед, и каждая получала свой завтрак, состоящий из половины копченой рыбы и трех специальных сухарей. Остальную часть дня собаки проводили, бродя по льду, осматривая все мусорные кучи и отбросы вокруг корабля и в сотый раз облизывая каждую банку и коробку из-под консервов. Часто случалось, что жадный пес засовывал слишком глубоко свою морду в узкое отверстие коробки, голова застревала, и собака, при смехе всех зрителей, уморительно прыгая и тряся головою, неслась по льду, ища способа избавиться от неожиданного украшения. Остальное время собаки проводили в драке и возне друг с другом, при чем это не раз кончалось жестокими ранами слабейшего. Вечером же собаки опять привязывались — зимой на палубе, весной же и летом — на льду.

Так проходили дни за днями. Для разнообразия установился обычай устраивать по поводу всякого подходящего случая возможно более торжественные праздники. Вслед за рождением доктора Блессинга и „Фрама“, праздновалось рождение Свердрупа и всех других участников экспедиции при чем, каждый раз праздник отмечен был соответственным улучшением стола. Торжественно было встречено первое Рождество среди льдов, Новый Год, и отпраздновано первое появление солнца после зимней тьмы. Но особенно горячо принималось к сердцу продвижение корабля на север, при чем переход каждого градуса давал новый

день празднества. Но особенно торжественно и своеобразно справили весною, 17 мая, национальный праздник Норвегии.

Как проводились эти праздники, мы можем судить по описанию первого Рождества.

„На корабле царило своеобразное приподнятое настроение, какое обычно на нем не бывало. Каждый втайне был на родине, но товарищи не должны были замечать этого, и поэтому все старались особенно не-принужденно и громко шутить и смеяться.

Все лампы и огни, какие только имелись на борту корабля, были зажжены, каждый угол каюты и салона был ярко освещен.

Конечно, стол в этот день превзошел обилием все прежние дни, так как еда была единственным средством отметить праздники. Обед был, действительно, превосходным, точно так же, как и ужин, после которого была подана целая гора рождественских печений, которые повар Юэль старательно заготавливал в течение многих недель. После этого выпили еще по стакану грога и выкурили по сигаре, так как на этот раз, само собой разумеется, курение было разрешено и в гостиную.

Высшего своего разгара праздник достиг, когда были принесены две коробки с рождественскими подарками, одна — от матери Скотт Гансена, а другая — от его невесты. Трогательно было видеть ту радость, с которой каждый принимал предназначенный ему подарок, хотя бы это была простая трубка, ножик или иной пустячок; все чувствовали, что это как бы весть с родины“.

После этого были произнесены речи, и принесен свежий номер *Обозрения „Фрама“* с иллюстрированным приложением. Особенно понравилось последнее своими рисунками, изображающими эпизоды из жизни „Фрама“, между прочим, знаменитый и памятный случай с охотой медведя за Педером.

После просмотра и прочтения газеты вслух, началось музыкальное отделение, и только глубокой ночью отправились все по своим койкам.

На другой день Нансен опять пишет:

„Дома родные много думают о нас и выпускают массу вздохов сожаления по поводу всех лишений, которые мы должны претерпевать в этих холодных, безрадостных пределах. Но я боюсь, что сострадание быстро охладело бы, если бы они видели нас, слышали наше веселье и были свидетелями нашего комфорта и хорошего настроения. Едва ли им лучше там, дома. Что касается меня лично, то никогда еще я не вел такого сибаритского образа жизни, как теперь. Взгляните только на меню сегодняшнего обеда:

1. Суп из бычачьих хвостов.
2. Пирог с рыбой и картофелем и топленым маслом.

3. Оленье жаркое с горошком, французские бобы, картофель и брусничное варенье.
4. Компот со сливками.
5. Печенье и марципаны (приятный подарок повара экспедиции, за который мы благословляем его).

А после всего этого знаменитое пиво. Соответствует ли такой обед людям, которые хотят себя закалить против ужасов полярной ночи?

Мы ели так много, что ужин остался совсем нетронутым. В течение вечера было подано кофе, ананасные конфеты, медовые пряники, ванильное печенье, кокосовые пирожные и различные иные печения, все изделия нашего несравненного повара Юэля. В заключение финики, миндаль и изюм.

Для того, чтобы закончить описание дня, приведу еще данные относительно завтрака: кофе, свежее испеченный хлеб, прекрасное датское масло, рождественское печенье, сыр голландский и чеддер, консервированное мясо, апельсиновый мармелад. Но ошибется, кто подумает, что такой завтрак был особенно изысканным, по случаю Рождества; он был такой же, как обычно, за исключением печений, которые не входили в нашу обычную пищу.

Если к этому прибавить наше крепко построенное и надежное жилище, наш уютный салон, который был освещен электричеством или одной большой и многими меньшими лампами, большое количество книг, с рисунками и без рисунков, которые давали хорошее, занимательное чтение, а затем еще хороший, здоровый сон, — то чего большего можно было желать?

Эти комментарии Хансен мог смело отнести к каждому дню экспедиции. И действительно, очень часто пассажиры „Фрама“ говаривали, что им никогда не жилось так счастливо и беззаботно, как теперь, когда всего имеется вдоволь, когда не приходится заботиться и дрожать за хлеб насущный, когда жизнь текла размеренно, без тревог, без излишних напряжений, но и без изнурительного безделья.

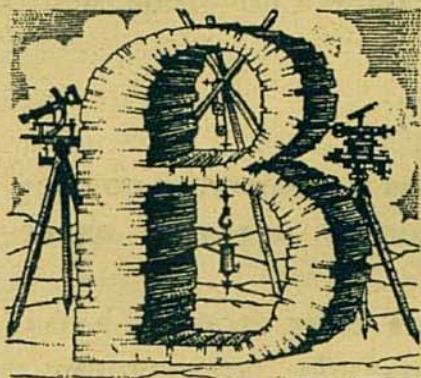
И, однажды, у Амундсена в минуту откровенности вырвалось:

— „Разве не правду я говорю? Мы — счастливейшие люди на земле, благодаря тому, что можем жить здесь, где нет никаких забот, где мы получаем все готовым, совершенно не трудясь для этого, и во всех отношениях обставлены превосходнейшим образом“.

Хансен был того же мнения. В том же духе высказывались и все остальные. Юэлю же особенно нравилось то, что здесь нет никаких повесток на суд, никаких кредиторов и никаких счетов. —

СОМНЕНИЯ И НАДЕЖДЫ

Все правильно, кроме самого главного! На ложном пути? Зигзаги и петли. По воле ветров. Перспектива восьмилетнего плавания! Весна. Состояние льдов. Жизнь полярного моря.

СЕОБЩЕМУ хорошему расположению духа не мало способствовала замечательная особенность экспедиции Нансена: его экипаж не делился на „офицеров“ и „матросов“, как это неизменно бывало во всех экспедициях и на всех кораблях. На „Фраме“ все жили одной общей семьей, имея общий стол, одинаковые развлечения и почти одинаковые обязанности, поскольку занятия не требовали специальных знаний. Поэтому какие-либо случаи нарушения дисциплины, без чего не обходилась ни одна прежняя экспедиция, на борту „Фрама“ были просто немыслимы. Однако, дух товарищества не мешал тому, что к руководителям экспедиции все питали непоколебимое уважение и доверие. И неудивительно. Достаточно было взглянуть на сумрачную, но спокойную, серьезную и уверенную фигуру Свердрупа, чтобы чувствовать, что с людьми, среди которых он находится, справиться не легко. Но еще более воодушевлял своим присутствием Нансен. Абсолютная простота и бесхитростность в обхождении установили дух полнейшего товарищества. Он сам бросался во всякое, самое грязное, неприятное и трудное дело, возился с измерениями глубины моря, таскал, когда приходилось, уголь, шил, мастерил. Но вместе с тем он все время оставался главой и вождем, в которого слепо верили. И как не верить, когда его предусмотрительностью, его расчетливостью и энергией жили все, имея корабль, с которым не могли справиться натиски бешеных льдин, имея громадные запасы, которых с излишком хватало на всех, имея уют, тепло! Ему не приходилось приказывать, потому что его слушались с первого слова, и отпечаток его личности чувствовался на всем быте экспедиции.

Но был ли доволен и спокоен сам Нансен? Увы, нет; он почти все время был полон тревоги за успех своего предприятия.

Правда, его расчеты оказались правильными. Сколько мрачных предсказаний оказались посрамленными. Ему удалось с „Фрамом“ пробраться среди теснин льдов около сибирских берегов и благополучно

обогнуть мыс Челюскина. Он, как и ожидал, нашел открытое море около Ново-Сибирских островов, ему удалось проникнуть далеко на север, прежде чем корабль был скован льдами. Его расчеты, что кораблю можно придать такую форму, чтобы он не был раздавлен льдами и мог выдержать их напор, оправдались. Ему удалось правильно обдумать и организовать всю экспедицию и собрать запасы, так что люди, вверившие ему свою судьбу, оказались в положении лучше, чем они имели право ожидать. Научные результаты не заставили себя ждать, и уже первые дни пребывания во льдах дали целую массу интересных наблюдений и открытий первоклассной важности, обеспечивающих за экспедицией почетное место среди исследователей полярных морей.

Все было рассчитано, повидимому, правильно...

Кроме самого главного.

То течение, которое должно было нести Нансена к северному полюсу, и на существовании которого были построены главные надежды экспедиции, Нансену, повидимому, не удалось найти.

Корабль двигался вместе со льдами. Но не в одну сторону, а взад и вперед, скорей послушный ветрам, чем какому-либо постоянному и правильному течению. И „Фрам“ то несколько продвигался к северу, то опять отплывал далеко к югу, и никак нельзя было предсказать, куда его отнесет в ближайшее время.

22 сентября „Фрам“ пристал к ледяному полю. Первую неделю он двигался прямо по направлению к северу. Но, начиная с 29 сентября, путь его резко отклонился к юго-востоку, и вплоть до 7 ноября он плыл все время в этом направлении с маленьким лишь отклонением то в сторону, то назад.

„Тот способ, каким мы слоняемся здесь взад и вперед, — пишет Нансен 27 октября, — ужасен. Мы, должно быть, попали в какую-то дыру, в которой лед вертится вокруг да около, и мы не можем сдвинуться ни на шаг. Время проходит бесплодно, и Господь знает, как долго это будет продолжаться. Если бы поднялся здоровый ветер с юга, он вырвал бы нас из этой беды.“

Но ветер не поднимался, а течение несло корабль все дальше на юг.

В ноябре наблюдения показали, что „Фрам“ отнесло так далеко к югу, как он ни разу еще не был — $77^{\circ} 43'$ северной широты. — „С этим ничего не поделаешь, — замечает Нансен, — но все же это печальная история.“ И в голову приходят малодушные, унылые мысли:

„Из всех моих планов не вышло ничего. Дворец, созданный из теорий, который я возвел гордо и самоуверенно наперекор всем возражениям, разлетелся при первом дыхании ветра. Сооружаешь остроумнейшие теории, и можешь быть уверенным, что факты превратят их все в ничто.“

Был ли я совершенно уверен? Да, иногда. Но это был самообман, ослепление. Где-то за всеми доводами рассудка таилось скрытое сомнение. И мне казалось, что, чем дольше я защищал свою теорию, тем больше я начинал сомневаться в ней. Однако, нет, против доказательства пловучего леса из Сибири нельзя ничего возразить.

Но, если мы все же находимся на ложном пути... Что тогда? Людские надежды лишний раз окажутся обманутыми, больше ничего. Даже если мы все погибнем, что до этого круговороту вечности!"

27 ноября Скотт Гансен вычислил наблюдения, сделанные несколько дней тому назад, и нашел, что „Фрам“ должен находиться на $79^{\circ} 11'$ северной широты. И дневник Нансена тотчас отмечает под'ем настроения.

„Это хорошо, так должно итти и впредь. Это наиболее северный пункт, какого мы когда-либо достигали, а сегодня мы, вероятно, еще севернее. В течение последних дней мы сделали хорошие успехи, и увеличивающаяся глубина моря, очевидно, указывает на благоприятную перемену в направлении нашего плавания.

Не нашли ли мы, наконец, настоящий путь? Мы проходим ежедневно примерно 5 дуговых минут. Самое приятное в этом то, что в последнее время, в особенности в последние 2 дня, мы имели мало ветра. Вчера ветер был только 1 метр в секунду, сегодня же совершенный штиль, и, тем не менее, глубина увеличилась за это время на 40 метров. Мне кажется, что, несмотря на все, имеется северное течение. Однако, без сомнения, нас еще ожидает не мало разочарований.“

Разочарования наступили раньше, чем их можно было ожидать. В тот же день вечером Скотт Гансен произвел наблюдения высоты Юпитера над горизонтом, а на другой день вычислили результаты, и оказалось, что корабль находится на $78^{\circ} 36'$. Нансен сперва думал, что, быть может, в вычислениях или в наблюдении вкралась ошибка. Но и положение льда свидетельствовало, что ледяное поле направлялось на юго-запад. А наблюдения после обеда 28 ноября показали, что корабль находится на $78^{\circ} 38'$, т. е. почти не двинулся с места.

Дневник Нансена в это время весь полон заметок по поводу движения „Фрама“. И ему начинало казаться, что обстоятельства складывались за неудачу. Иногда Нансен философски утешал себя.

„Мне очень легко убедить себя в том, что теперь дело идет лишь о том, чтобы вернуть экспедицию благополучно домой, все равно, оказалась она удачной или неудачной. Я не мог поступать иначе, как предпринять ее, так как мой план был таков, что я чувствовал, что он должен удасться, и что поэтому было моим долгом сделать попытку. Но, если план не удался, должен ли я отвечать за это?

Я исполнил мой долг, я сделал все возможное и могу со спокойной совестью возвратиться к мирному счастью, которое оставил дома. Что мне до того, даст ли случай удачу и сделает меня бессмертным или нет. Ценность плана останется прежней, все равно, улыбнется счастье или отвернется. А бессмертие? Но, ведь, мы стремимся только к счастью, а этого слава не дает.

Все это я могу повторять по многу раз; мне не удастся даже искренно уверить себя, что все это безразлично. Тем не менее, настроение во мне меняется, как тучи на небе, смотря по тому, в какую сторону дует ветер, что показывают измерения глубины, и куда совершается движение — к северу или к югу. Когда я подумаю о множестве людей, которые верят в нас, о Норвегии, о всех наших друзьях, которые тратили на нас свое время и деньги, тогда во мне подымается желание, чтобы они не были разочарованы; я буду огорчен, если наш успех будет не таков, каким мы его ожидали. И она, принеся мне величайшую жертву, она имеет право, чтобы ее жертва не пропала напрасно. Нет, мы должны, мы будем иметь успех“.

3 декабря наблюдения показали, что хотя с черепашьей быстротой, но все же „Фрам“ двигался к северу и достиг $78^{\circ} 44'$ северной широты. 5 декабря корабль находился уже под $78^{\circ} 50'$ северной широты, что уже давало скорость в среднем около 2-х дугowych секунд в сутки. 10 декабря экспедиция пересекла 79-ую параллель, т. е. достигла такого северного положения, в каком она находилась в конце сентября. Нансен начинает успокаиваться, и ему кажется, что течение к северу становится постоянным и идет со скоростью 10 дугowych минут в 4 суток. 15 декабря новое подтверждение успехов — наблюдения показали, что корабль должен находиться неподалеку от $79^{\circ} 8'$ северной широты, т. е. за последние 3 дня прошел 8 дугowych минут. 17 декабря Нансен считал, что уже достиг $79^{\circ} 13'$. Но наблюдения накануне Рождества показали, что экспедиция находится только под $79^{\circ} 11'$ северной широты, и в 6 дней корабль отнесло на 2 минуты назад к югу.

Под Новый Год, подводя итоги плаванию, Нансен опять приходит к тому же результату: все прекрасно, кроме главного. Никто не мог ожидать, что течение будет нести такими бесконечными и прихотливыми зигзагами, где каждые два шага вперед окупаются, по крайней мере, шагом назад.

Но он начинает понемногу осваиваться с положением и привыкать к мысли, что течения, которое он искал, нет, по крайней мере, нет такого сильного и заметного, как он предполагал. И Нансен все же надеялся, что, кружась и делая зигзаги, корабль достигнет цели.

„Что с того, — думает он, — достигнем мы северного полюса, или нет. Завоевания и открытия для науки останутся и так значительными,

а стремление достигнуть именно северного полюса — это только результат честолюбия“.

И он утешает себя мыслями, что, ведь, теперь он уже имеет точное представление, как выглядит северный полюс. Глубокое море, по которому плыл „Фрам“, очевидно, связано с глубинами Атлантического океана, и, значит, картина на самом северном полюсе абсолютно похожа на то, что „Фрам“ видел ежедневно вокруг себя. Конечно, наивность утешений чувствовал сам Нансен. И он постоянно возвращался к вопросу, имеются ли силы, которые еще могли бы обеспечить ему успех.

На течение он бросил уже все надежды. Первое и важнейшее научно-географическое открытие, которое ему самому суждено было сделать, показало, что его теория основана на ложных предпосылках. Он, в соответствии с данными всех полярных исследователей, предполагал, что море вокруг полюса мелко, и поэтому в нем должно было иметься сильное течение. Но предположение это оказалось ошибочным: море было очень глубоким, а значит, и течение, если оно только существовало, оказалось слишком маловлиятельным.

Но все же корабль двигался и к северу. Все же льды были не неподвижны. Кто же двигал их? Очевидно, ветры. Их влияние становилось яснее с каждым днем, и по силе и направлению ветра можно было предсказать движение корабля: ветер с севера неуклонно относил к югу, а ветер с юга относил к северу. Значит, нужно только, чтобы побольше было попутных ветров. От них зависит успех или неуспех экспедиции. Эта не та верная основа, на которой покоились планы экспедиции, но все же и она может обеспечить успех. Ведь Колумб открыл Америку только благодаря неверным представлениям о величине земного шара. Но ветры, господствующее направление которых никому не было известно, не могли считаться надежным и верным союзником, и могли занести экспедицию Бог весть куда.

„Я смеюсь над цынгой; нет лучшей санатории, чем наша.

Я смеюсь над могуществом льдов; мы живем, как в неприступном замке.

Я смеюсь над холодом; это — пустяки.

Но над ветрами я не смеюсь; они — для нас все; они не склоняются перед волей человека...”

Мучимый сомнениями, колеблясь между надеждой и полным разочарованием, Нансен становился даже суеверным. 3 января, день рождения его маленькой дочки Лив, которой в этот день исполнился всего только один год, он отмечает в дневнике:

„Дома — праздник. Что бы я дал, чтобы повидать тебя сегодня. Я думаю, ты хлопаешь рученками, болтаешь и ползаешь кругом, а может

быть, уже делаешь первые шаги. Меня ты, конечно, уже давно забыла и даже не подозреваешь, что это за штука — твой папа. Увидишь ли ты его когда?”

В тот же день, когда Нансен лежал после обеда на койке, в дверь каюты просунулась осторожно голова Педера, который сообщил, что на небе появилась какая-то необыкновенная звезда, выглядящая, как фонарь на баке корабля.

Когда Нансен вышел на палубу, он даже испугался. Как раз на юге, над горизонтом, виднелся красный огонь, сверкающий меняющимися красками. Казалось, что кто-то ходит по льду с фонарем. На минуту даже явилась мысль, не идет ли кто в самом деле с юга по направлению к „Фраму“. Но это была планета Венера, которая в этот день в первый раз показалась над горизонтом.

Нансена поразило, что как раз в этот день эта звезда показалась, и притом в таком диковинном виде. Не является ли это предвестником изменения в судьбе экспедиции и наступления более успешных дней? Когда на другой день вечером Нансен вышел пройтись на лед, он увидел эту звезду с северной стороны, как раз над мачтами корабля, словно манящую и зовущую на север.

С тем большим нетерпением он ожидал результатов наблюдений над положением корабля. Оказалось, что 14 января „Фрам“ находился под $79^{\circ} 19'$ северной широты. Это был приличный кусок к северу, и настроение соответственно поднялось.

Звезда „Лив“, действительно, оказалась счастливой. В ближайшие дни, не устывая, дул сильный ветер с юга, и 21 января наблюдения показали $79^{\circ} 35'$ северной широты.

Это только еще раз подтвердило, что движение льдов находится в полной зависимости от ветра. 28 января достигли $79^{\circ} 50'$. Но тут остановился ветер, и уж 30 января опять было отмечено движение на одну минуту к югу. Это озадачило Нансена. Почему двигало корабль, если ветра вовсе не было? Значит ли это, что к югу несло течение? Однако, Нансен нашел иное объяснение этому явлению. Когда долгое время дуют ветры в одном направлении и гонят лед, то он при движении теснит перед собою все препятствия, нагромождает горы льдин, сжимает их. Но стоит только ветру утихнуть, сила, толкающая льды, исчезает, и, под влиянием напряжения сжатия, они подаются немного назад, пока не установится новое равновесие. И, действительно, очень скоро движение „Фрама“ назад приостановилось, и при штиле льды находились в полной неподвижности. Того же 30 января начался снова ветер с юго-востока, и на следующий день он усилился на столько, что у всех повеселели лица, так как было очевидно, что „Фрам“ при попутном ветре вскоре

достигнет 80-ой параллели. Уверенность в этом была такая полная, что 2 февраля, даже не ожидая наблюдений, устроили праздник в честь 80-ой параллели. Свежий хлеб к завтраку, изысканный обед в виде супа из бычачьих хвостов, пирог с рыбой, мясной паштет с зеленым горошком, компот и по бутылке пива на каждого. После обеда — кофе и папиросы. Вечером — сласти, груши, бананы, персики, медовые пряники, сушеные бананы, финики, изюм, миндаль — и полный праздник весь день.

Вечерний концерт.

В качестве добавочного развлечения вслух читались отзывы печати о готовящейся экспедиции, полные самых мрачных предсказаний. Громкими взрывами смеха покрывали предсказания о неизбежности, что корабль будет раздавлен льдами, что все должны будут переболеть цынгой, и о прочих „неустрашимых“ бедствиях. И только мысль, что эти предсказания перечитываются, быть может, и родными дома, и что там, вероятно, над ними не смеются так беззаботно, — останавливала веселье.

В следующие дни опять попутный ветер продолжался, и Нансен уже предвкушал удовольствие, что корабль скоро перешагнет и 81-ую параллель. Но наблюдения 10 февраля показали, что эти надежды были

несколько преждевременными. К всеобщему изумлению, оказалось, что „Фрам“ находится на $79^{\circ} 57'$ северной широты, т. е. на 13 минут южнее, чем несколько дней тому назад.

Все надежды сразу потускнели, и настроение стало мрачным, беспокойным. Не только Нансен, но и все члены экспедиции чрезвычайно внимательно следили за наблюдениями. Скотт Гансен во время наблюдений и вычислений был всегда окружен толпой нетерпеливых зрителей, которым хотелось возможно скорее узнать, в каком положении находится корабль, и движется ли он на север или на юг. И результаты наблюдений всегда можно было узнать даже издали по выражению лиц зрителей.

А тут начались ветры с севера и должны были нести к югу. 16 февраля со стесненным сердцем ожидали вычислений Скотт Гансена. Но — ура! оказалось, что корабль не только не отнесло ветрами к югу, но что он почему-то опять несколько продвинулся к северу и опять находился за 80-ой параллелью, на $80^{\circ} 1'$ северной широты.

В чем дело? И Нансен опять гадает, является ли это движение к северу признаком, что льды наконец вошли в область полярного течения или, что более вероятно, ветер с севера имел лишь местный характер, в то время как общее направление ветров в этой области было с юга, и поэтому, вся масса ледяного поля все же двигалась на север?

Но, сидя в своей каюте, подсчитывая время и сопоставляя пройденный путь с тем путем, который надо еще пройти, Нансен все же пришел к крайне грустным результатам.

„Мы находимся теперь на 80-ой параллели, а в сентябре находились на 79-ой; это значит — скажи и запиши — один градус в течение пяти месяцев. Если мы будем продвигаться дальше с такой же быстротой, то мы достигнем полюса через 45-50 месяцев, и лишь по истечении 90-100 месяцев достигнем 80-ой параллели по другую сторону полюса, где у нас уже будет надежда в течение одного или двух месяцев выбраться из льдов и достигнуть родины.

Таким образом, если дела пойдут тем же порядком, домой мы можем добраться в лучшем случае через 8 лет“.

Тут Нансен припомнил, что перед отправлением в путешествие, когда он сажал в садике своего дома деревцо, один из его друзей заметил, что никто не знает, какой длины будет тень, отбрасываемая этими насаждениями в то время, когда Нансен вернется домой. Теперь деревья под снегом, но наступит весна, они пустят снова ростки — и сколько раз повторится это до возвращения!

При таком настроении бездеятельность была истинным бедствием. Иногда Нансену начинало казаться, что такое состояние не может про-

должаться вечно, что это оцепенение и неподвижность должны кончиться и дать место напряжению жизненных сил.

„Разве не может что-нибудь случиться? Разве не может ураган налететь на этот лед и привести его в движение? Пусть наступит даже беда, лишь бы двигаться вперед!

Но быть вынужденным играть роль бездеятельного свидетеля, не иметь возможности пошевелить пальцем для того, чтобы подвинуть себя вперед, — это ужасно, и тому, кто имеет пару крепких рук, во много раз труднее сидеть спокойно, доверившись своим собственным теориям и предоставив работу природе, чем бороться, полагаясь на свои собственные силы.

А тут приходится сидеть, как бабе.“

Между тем корабль все носило взад и вперед. 22 февраля Нансен отмечает, что „Фрам“ находится не севернее $80^{\circ} 11'$, несмотря на то, что в течение последних четырех дней неустанно дул сильный ветер с юга. И он в недоумении спрашивает себя, не находятся ли они опять в „мертвой воде“, которая не пускает их ни вперед, ни назад. Но вот всего лишь один день подул ветер с севера, и „Фрам“ оказался сразу отброшенным далеко к югу до $79^{\circ} 54'$.

На следующий день, 26 февраля, поднялась настоящая снежная буря с юго-запада, погнавшая ледяное поле прямо на северо-восток. Но через день опять перемена — ветер с северо-запада, и льды понесло на юго-восток. И в результате наблюдения 4 марта показали, что „Фрам“ не сдвинулся с места и находится на $79^{\circ} 54'$.

„Улитка движется не быстрее, но все же вернее нас,“ — в отчаянии восклицал Нансен.

Деятельной, жаждущей борьбы и осуществлений натуре Нансена была совершенно не под силу такая пассивная жизнь, без борьбы, без напряжения, в то время, когда была поставлена на карту вся судьба экспедиции, т. е. дело всей жизни, уже в то время в голове его стал мало-по-малу складываться новый план.

Часто, бродя вокруг корабля, изучая строение льда, делая поездки на собаках, он начинал подумывать, что по льду при достаточном приготвлении можно уйти далеко. В некоторых направлениях лед был так хорош, что по нему в течение суток можно было сделать многие мили. Разве нельзя попытаться добраться до северного полюса и с санями, на собаках?

Но как ни заманчива была эта мысль, Нансен понимал, что время ее осуществления еще не наступило. Всем отправиться было невозможно в виду отсутствия достаточного количества собак. Отправиться вдвоем и потом, не возвращаясь к кораблю, идти на родину? Но что скажут

дома, если Нансен со своим спутником вернется и не сумеет сказать ничего о судьбе „Фрама“ и оставшихся товарищах?

С такими настроениями встретили обитатели „Фрама“ весну.

Начиная с конца января дни заметно становились светлее, и в полдень уже можно было на борту читать газету корабля. Одним из признаков приближения весны явилось движение и давления льдин. Снова по временам весь корабль дрожал и сотрясаясь от напора ледяных масс, но сомнение, выдержит ли судно, ни на одно мгновение не закралось в путешественников. И Нансен признавался, что он даже с известным снисхождением думал о природе, которая без толку устраивает такой кавардак кругом и, несмотря на весь этот шум и грохот, не может ничего поделать даже с такой скорлупкой, как затерявшийся среди льдов корабль.

Первые лучи солнца путешественники увидели 16 февраля, и в тот же день „Фрам“ впервые перешагнул 81-ую параллель.

В этот день около полудня над горизонтом на самом юге показался край огненного светила. Обычно экспедиции с чрезвычайным энтузиазмом приветствовали появление солнца, посылающего свои лучи в царство мрака и смерти. Но на „Фраме“ в тот день это не вызвало никакого удовольствия, наоборот, принесло разочарование. Все ожидали, что солнце покажется несколькими днями позже, и его раннее появление свидетельствовало о том, что „Фрам“ находился несколько южнее, чем предполагали его обитатели. Оказалось, однако, что это было не солнце, а только его отражение. Первый сноп пламени скоро растянулся в яркую линию над горизонтом. Потом эта линия поднялась выше, а под ней показалась другая, затем третья, а с мачты видно было четыре или даже пять таких линий, которые все вместе образовали полосатый четырехугольник. Астрономические наблюдения показали, что в это время само солнце находилось еще на два градуса ниже горизонта. Лишь 20 февраля наступил настоящий восход солнца. По этому случаю, как водится, был устроен праздник, хотя небо было весь день покрыто тучами, и солнце не показалось ни на минуту. Праздник начался стрельбой в цель, затем был подан обед из четырех блюд, с обильным и разнообразным десертом. Хорошему настроению способствовало то, что весь день дул сильнейший ветер с юга, по временам переходящий в бурю. Ветер был так силен, что мельница, заряжающая электрические аккумуляторы, наполнила их до предела емкости, и ее пришлось остановить, крепко привязав крылья.

Вскоре дневной свет проник и в гостиную. На зиму иллюминатор в потолке гостиной был заложен, покрыт снегом и, кроме того, заставлен еще ящиками, в которых жили собаки. Теперь же ящики были отодвинуты, снег и лед отметены и выброшены, окно вымыто, и накануне Пасхи дневной свет снова проник во внутренность судна.

И через несколько дней Нансен отмечает:

„Поразительно, какое изменение влечет за собой то, что мы опять имеем дневной свет в каюте. Лишь теперь, вставая утром к завтраку и видя, как свет струится в помещение, чувствуешь, что действительно настало утро“.

С возвращением света оживилась и работа. Все стали как-то по особому прилежными. Делались паруса для лодок и саней, мастерились новые крылья для ветряной мельницы, так, чтобы сделать ее способной к работе при всякой погоде, чинились сани, лыжи, лампы, выделывались ножи, готовились рогадины на медведей, которые ни разу негодились, придумывались новые системы западни, на которые ни разу ни один медведь не попался, — лишь бы мастерить и работать. Свердруп и кузнец Ларс основали „завод для выделки гвоздей“, который был все время обеспечен широким сбытом. Словом, кругом стоял стук топоров, удары молотка, визжанье пил и напильников.

Доктор, попрежнему не имеющий надежды дождаться пациентов, устроил переплетную. Это было тем более своевременно, что многие книги, в особенности иллюстрированные издания, от постоянного употребления растрепались и находились в очень плохом состоянии. Кроме того, была парусная и шорная мастерская и, наконец, фотографическое ателье.

Много огорчений причинило путешественникам молчание их органа. Но от частого употребления и от сырости бумажные ноты органа отсырели и растрепались, и с того времени орган перестал правильно функционировать. Обитатели „Фрама“ очень чувствовали недостаток музыки. Образцовые механические станки „Фрама“ выручили и здесь. И к весне вопросом о нотах серьезно занялся сам Нансен и смастерил первую ноту из цинковой жести. Оказалось, что самодельная пластинка функционировала в совершенстве. Тогда нотная фабрика „Нансен-Амундсен“ расширила дело и поставила производство на солидную ногу, так что скоро репертуар „Фрама“ пополнился как светскими, так и церковными мелодиями.

„Словом, — говорит Нансен, — не было вещи, которой они не занимались бы, и которую не могли бы сделать, кроме только — хорошего попутного ветра“.

6 апреля был замечательный день: в этот день должно было случиться затмение солнца, наступление которого вся экспедиция ожидала с величайшим интересом.

Скотт Гансен вычислил, что в том пункте, где стоял „Фрам“, затмение должно было наступить в 12 часов 56 минут. Для экспедиции было очень важно уловить начальный момент затмения, так как это дало

бы возможность проверить хронометры. Поэтому, уже за несколько часов до предполагаемого начала, наблюдательные инструменты были направлены на солнце.

Нансен, Гансен и Иогансен каждый поочередно по пяти минут смотрели в трубу, наблюдая западный край солнечного диска, так как с этой стороны должно было наступить затмение. В это время кто-нибудь другой стоял с хронометром в руках, стараясь самым точным образом уловить момент, когда тень коснется края солнца. Так караулили в течение целых двух часов.

Наконец наступил момент, когда, согласно вычислениям, должно было начаться затмение. Внимание наблюдателей удвоилось. Гансен смотрел в окуляр большой трубы, а Нансен стоял подле него с хронометром. И вот стало заметно как бы дрожание у солнечного края, и Гансен крикнул: „Уже!“ Часы показывали ровно 12 часов 56 минут и $7\frac{1}{2}$ секунд. Таким образом, черная тень надвинулась на солнце всего на $7\frac{1}{2}$ секунд позднее, чем было вычислено. Это было большим удовлетворением для экспедиции, в особенности же для Гансена, так как показывало, что хронометры на „Фраме“ находились в великолепном порядке.

Затмение было частичное, но довольно значительное, так как убыль дневного света была заметна даже в каюте во время обеда.

В течение весны Нансен неоднократно устраивал рекогносцировки по льду. В апреле лед был превосходен для поездки на собаках. Поверхность льда была и так ровная, а тепло солнца еще сгладило выступы и углы и сравняло борозды расщелин.

Но такое состояние льда продолжалось не долго. Уже в мае месяце во всех направлениях стали образовываться трещины, так что поездки на собаках наталкивались на громадные трудности. Вначале трещины быстро замерзали, и через них было легко проходить. Но к концу мая температура так поднялась, что вода уже больше не замерзала достаточно, и кора льда была такой тонкой, что не выдерживала тяжести человека. Кроме того, вследствие постоянных ветров лед местами был разломан и нагроможден беспорядочной массой.

Поверхность льда стала обманчивой. Даже ровный лед, на котором не было видно ни следа трещин, вдруг поддавался палке, и она уходила в глубь, как в рыхлый снег. Во время поездок на лыжах Нансен не раз наталкивался на такие места, и часто ему лишь с трудом удавалось выбраться на твердый лед.

При виде такого льда, со всех сторон окружающего корабль, Нансену невольно становилось жутко. И он удивлялся, что все его товарищи попрежнему с полной верой смотрят на будущее и не испытывают ни малейших тревог, несмотря на то, что корабль все более удалялся от

земли, добраться до которой в это время не было никакой возможности.

Между тем, лед становился все хуже. На его поверхности стали образовываться большие лужи пресной воды. Некоторые из этих луж соединились вместе и образовали пруд, настолько глубокий, что на нем оказалось возможным кататься на лодке. И вот на него был спущен баркас с парусом, и кататься по этому пруду в часы досуга стало для многих любимым занятием.

В это время остальные, оставшиеся на берегу, обычно забавлялись тем, что бомбардировали мореходов снежками.

В один прекрасный день решено было испытать, может ли баркас поднять сразу всех 13 человек. Когда собаки увидели, что все члены экспедиции в одно время вдруг покинули корабль и направились к лодке, то, с великим недоумением, отправились все за ними. Когда же все уселись в лодку, тогда недоумение превратилось в полное отчаяние, и собаки подняли дикий вой, очевидно, полагая, что людям надоела жизнь во льдах, и они отправляются в иные страны. Большинство собак бросились в воду и поплыли за лодкой. Только две из них были более догадливы и просто бежали лужу для того, чтобы на противоположном берегу встретить уехавших двуногих товарищей. К сожалению, это развлечение с лодкой было непродолжительным, так как вода просочилась через лед, и в одно прекрасное утро пруд оказался совершенно „сухим“.

Тем временем Нансен усиленно вел наблюдения за изменением толщины льда и при этом открыл поразительное явление. В течение всей зимы и весны лед, образовавшийся осенью, увеличивался в толщине. Но чем толще становился лед, тем медленнее шло увеличение. Толщина льда была 10 апреля 2, 31 метра, 9 июня—2, 59, а 20 июня толщина льда оставалась уже без перемены, но 10 июля Нансен был изумлен совершенно неожиданным открытием: несмотря на то, что температура становилась все теплее, и сверху лед сильно таял, толщина его оказалась значительно большей и достигла 2, 76 метров.

Вначале Нансен решительно не мог понять, что тут происходит. Но где он ни пробовал мерить, везде лед был той же самой толщины. Объяснение этому явлению он нашел в том, что от таяния льда и снега образовалось много пресной воды, которая замерзает при более высокой температуре, чем вода соленая. Эта пресная вода стекала под лед и приходила в соприкосновение с поверхностным слоем соленой воды, с температурой 1, 5° ниже нуля, быстро охлаждалась и замерзала, образуя довольно толстый новый нижний слой льда. Впоследствии, однако, лед стал делаться тоньше, и к октябрю, когда начались первые морозы, толщина льда была только около 2 метров. Но этот лед в течение всей

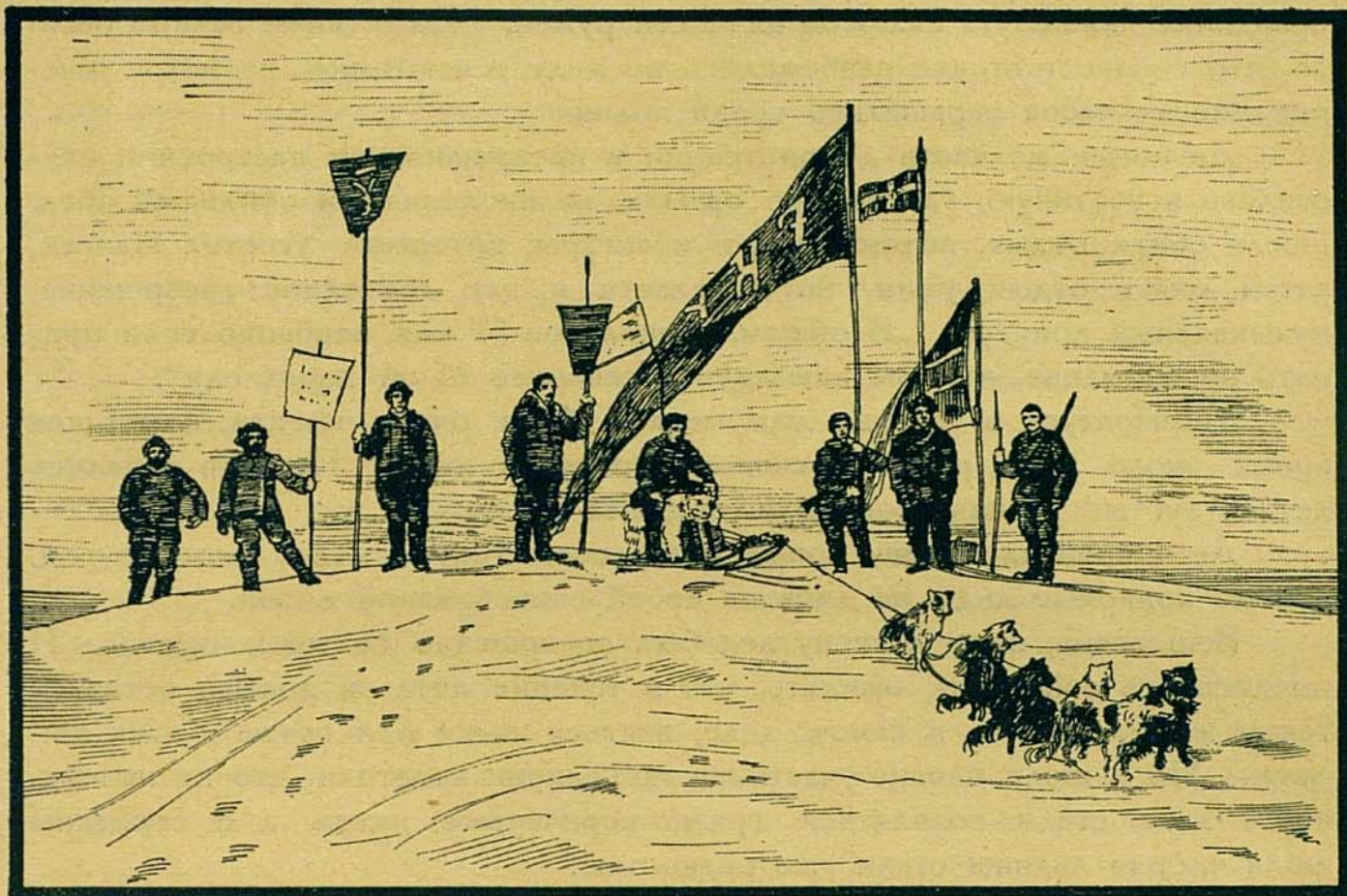
зимы увеличивался только до той же толщины, какую имел в конце первой зимы.

Таким образом, оказалось, что Нансен, утверждавший, что сам по себе лед под воздействием морозов не может достигнуть слишком большой толщины, был прав. Толстые же льдины и ледяные горы образовались или в виде ледников, спускавшихся с гор в море, или же от надвигания льдин друг на друга. Место, на котором покоился „Фрам“ показывало, какой мощности может достигнуть нагромодившийся лед.

Участники экспедиции уже не раз примерно оценивали толщину этого льда и при этом значительно расходились. Особенно спорили Педер и Юэль. В то время, как Педер утверждал, что толщина ледяной подстилки под „Фрамом“ не меньше 6 метров, Юэль решительно не допускал этого и ставил против этого пари в 20 крон.

19 апреля спор возгорелся заново. Юэль вызвался сам произвести бурение, но, к сожалению, бурав, имевшийся на корабле, достигал только 5 метров. Тогда Педер вызвался вырубить недостающий метр во льду топором. Это было обещано не раз в течение всей зимы, но спорящие никак не могли согласиться относительно порядка работ. Педер настаивал, чтобы Юэль произвел сперва бурение, а потом, если окажется, что лед толще, он произведет вырубку льда. Юэль же настаивал наоборот, чтоб сперва Педер вырубил лед, а там он уже будет бурить. Но теперь Юэль имел неосторожность пообещать свои десять крон тому, кто согласится произвести за него бурение. Бентсен поймал его на слове, считая этот заработок достаточно легким. Ему вызвался помогать Амундсен. На глубине 4 метров бурав подался вверх, но тотчас опять наткнулся на лед. Достигли конца бурава — 5 метров, и все еще был лед. Тогда позвали Педера вырубить обещанный метр. Этой работой особенно увлекся Амундсен, который клялся и божился что, будь лед хоть десятки метров толщиной, он все же его пробуравит. В поте лица рубили они лед вплоть до поздней ночи. Потом позвали Бентсена, чтобы тот добуравил последний метр. Когда до полных шести метров не хватало всего нескольких сантиметров, бурав ушел в глубину. Но оказалось, что и это только водяная прослойка в полости льда. Опущенный лот на глубине 10 метров наткнулся на новый слой льда. Пробуравить такие громадные толщи нечего было и думать.

17 мая праздновался национальный праздник Норвегии. С утра раздались звуки органа, игравшего национальную песенку и созывавшего всех к обильному праздничному завтраку. Подумать только: копченая лососина, бычачьи языки и пр. Экипаж разукрасился петличками национальных цветов, даже некоторые собаки оказались с цветными ленточками на шее.

„Манифестация“ 17-го мая.

Несмотря на сильный пронизывающий ветер, было организовано „народное“ шествие со всеми подобающими сему случаю атрибутами: знаменами, плакатами, выступлениями народных трибунов и пр. Впереди шел Нансен с норвежским национальным флагом, за ним шествовал Свердруп со знаменем „Фрама“, дальше сани, запряженные собаками, везущие оркестр, т. е. Иогансена с гармоникой в руках и Могстада, который правил саними, за ними шел штурман с ружьем и Гендриксен с длинным гарпуном, изображавшие вооруженные силы страны, далее следовали Амундсен и Нордгаль с красным флагом, доктор, представлявший „рабочее движение“, с плакатом, сделанным из куртки и с надписью, требующей 8-ми часового рабочего дня, повар Юэль с кастрюлей за плечами, и шествие завершалось метеорологами, тащившими какой-то диковинный аппарат, с надписью, требующей „всеобщего голосования“.

Процессия, сопровождаемая всеми собаками, которые выступали с особенной важностью и торжественностью, обошла два раза корабль и направилась к ледяным холмам, где была снята Нансеном. С холмов было провозглашено громовое „ура!“ „Фраму“. Потом шествие вернулось к „Фраму“, и Нансен произнес перед народной толпой речь в честь

праздника, покрытую салютом из шести ружей. Следствием салюта было то, что собаки в страхе разбежались по льду, и некоторые из них в течение многих часов скрывались среди льдин.

Двуногая же часть демонстрации в прекраснейшем настроении спустилась в гостиную, где ее уже ожидал великолепный и обильный обед. После обеда отдых, потом десерт и сигары, которыми угостил Нансен, затем опять отдых, ужин, потом сласти и, как достойное завершение, музыкальный концерт. „В общем, прекрасное 17 мая, особенно если принять во внимание, что мы находились севернее 81-ой параллели“.

Температура в течение мая месяца была очень мягкая, почти все время около нуля, редко несколько градусов ниже. Но зато начались летние густые туманы, сопровождающиеся инеем.

Лето принесло массу новых интересов. Как ни серо было кругом, все же полярные льды не лишены своей своеобразной жизни.

Всю осень, зиму и весну лед был совершенно белый и чистый. И имелись все основания ожидать, что в течение лета он должен остаться таким же, — откуда, в самом деле, взяться пыли или грязи в этих широтах. Но в июле месяце участники экспедиции заметили, что на поверхности льда стали появляться грязно-коричневые пятна, а с середины июля чистые льдины стали уже редкостью.

Сперва Нансен думал, что эти пятна органического происхождения. Но ближайшее исследование показало, что они лишь наполовину происходили от органических причин, наполовину же состояли из тончайшей минеральной пыли. Доктор Блессинг вначале собрал много таких проб, и все они давали те же самые результаты.

В трещинах между льдинами тоже начала появляться жизнь. Края льдин покрылись коричневым поясом, который начинался от самой поверхности льда и кончался довольно глубоко под водой. Это были водоросли, растущие на поверхности льда.

Точно так же и в самой воде плавали целые колонии диатомей в виде небольших комочков желто-красного цвета. Обычно в воде эти диатомей держались на известной глубине — около одного метра. Нансен вскоре определил причину, почему эти микроорганизмы держатся всегда на одинаковой глубине. Дело в том, что они были тяжелее пресной воды и легче воды соленой; так как поверхность воды была совершенно пресной, то в ней они всплывали на нижнем слое обычной соленой морской воды.

Нансен и в особенности доктор Бентсен всецело увлеклись исследованием этого нового мира микроорганизмов, в таком обилии рассеяном в этих краях холода и смерти. Бентсен по целым дням бродил по окрестностям, вылавливая сачками и особыми приспособлениями все

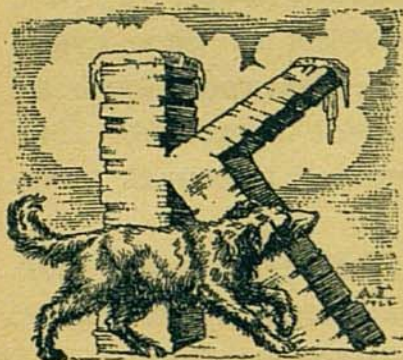
новые образцы разнообразных микроорганизмов и водорослей для того, чтобы представить возможно более полную картину их расселения, роста колоний и образа жизни. Нансен же по целым дням сидел над микроскопом, наблюдая грязные комочки, которые при увеличении оказались сложнейшими и красивейшими существами. Кроме видов, уже известных науке, Нансеном было открыто не мало совершенно новых видов. Увлеченный занятиями над микроскопом, он на время почти совершенно ушел от действительности.

„С утра до вечера, даже до глубокой ночи сижу я, всецело поглощенный микроскопом, и не вижу ничего, что происходит вокруг. Я живу с этими тонкими, красивыми созданиями в их собственном мире, где они, поколение за поколением, возникают и умирают, борются за свое существование и устраивают свои любовные дела с тем же чувством, теми же страданиями и той же радостью, как всякое иное живое существо. Начиная от организмов, различных только под микроскопом, и кончая человеком — самосохранение и размножение“.

И Нансен полон удивления и восторга перед Матерью-природой, которая обладает такой удивительной способностью повсюду создавать жизнь: даже лед, и тот оказывается достаточно плодородным для нее.

НОВЫЙ ПЛАН

Медленно, но неуклонно вперед. К полюсу на санях. Выбор спутника. Приготовление „Фрам“ на 83-ей параллели. Новый натиск льдов. „Все на палубу“. Северный рекорд. Инструкция Свердрупу. Нансен и Иогансен оставляют „Фрам“.

ОНЕЦ весны и начало лета отмечены были значительным продвижением к северу. Почти каждое новое наблюдение свидетельствовало, что корабль движется вперед с быстротой и постоянством, которые раньше не наблюдались. 1 мая было $80^{\circ} 46'$ северной широты, 8 мая — $80^{\circ} 55'$, 21 мая — пройдена была 81-ая параллель, и судно находилось на $81^{\circ} 20'$, а 18 июня — на $81^{\circ} 52'$, т. е. почти касаясь 82-ой параллели. Но со второй половины опять началось блуждание взад и вперед, и в течение всего июля и августа месяцев корабль проделывал зигзаги и петли между 81-ой и 82-ой параллелями, при чем 26 августа он опять находился на $81^{\circ} 1'$ северной широты. Дальше — хуже, и 26 августа „Фрам“ опять перешагнул 81-ую параллель, уже пятясь назад, и оказался на $80^{\circ} 53'$ северной широты. Но тут началась перемена к лучшему, и 6 сентября „Фрам“ опять отмечен на $81^{\circ} 13'$. Зигзаги эти теперь Нансена мало смущали, он уже знал, что хотя медленно, но верно корабль плывет нужным путем. Правда, северного полюса „Фрам“, очевидно, не достигнет. Значит, нужно самому добираться до него. И Нансен решил: наступит новая весна, и можно будет со спокойной совестью и сознанием полной необходимости приняться за выполнение нового плана — путешествия к северному полюсу через лед. „Еще только четыре или пять месяцев, и тогда наступит пора действия. Что за радость!“

План путешествия через лед пешком, очевидно, был в голове не только у Нансена. В начале сентября к нему как-то вошел Петерсен, который в течение этой недели исполнял обязанности повара и должен был, как водится, посоветоваться с Нансеном относительно меню. Уладив кулинарные вопросы, Петерсен не ушел и стал рассказывать, что в последнюю ночь он видел странный сон, будто он хотел провожать новую экспедицию в качестве повара, но Нансен отказал ему в этом.

„Почему же?“ спросил Нансен.

„Да мне снилось, что доктор Нансен с экипажем отправился на полюс по льду, и я просился вместе. Но вы сказали, что вам для этой экспедиции повар не нужен. Я нашел это очень странным, так как ведь и для этой экспедиции вам нужна была бы пища. Мне чудилось, что вы приказали, чтобы корабль встретился с вами в ином месте, но, во всяком случае, вы хотели возвращаться не сюда, а к другой земле. Прямо-таки поразительно, что только не приснится человеку.“

Нансен ответил, что этот сон может быть не так и нелеп, что, действительно, может оказаться необходимым предпринять экспедицию, которая не возвратится к „Фраму“.

„Ну вот, если что-либо подобное случится, то я уж очень просил бы вас взять меня с собой. Я не особенно важный лыжебежец, но я все же выдержу.“

Напрасно Нансен отговаривал, указывая, что такая экспедиция может быть сопряжена с громадными опасностями для жизни, что ее риск чрезвычайно велик, и самые тяжкие испытания неизбежны для всех ее участников. Но Петерсен повторял, что он очень хотел бы идти вместе, и что двум смертям не бывать, а одной не миновать, но что, имея во главе такого предводителя, который заранее все умеет предвидеть и обдумать, не страшно отправиться, куда угодно.

За движением корабля, конечно, следил внимательно не только Нансен, но и все его товарищи, и это всегда было главной темой разговоров и обмена мнениями. Политик Амундсен склонен был всякому вопросу придавать политическую окраску, и смену южного ветра, ведущего корабль вперед, на северный, ведущий корабль назад, он сравнивал со сменой у власти прогрессивных и консервативных партий. И вот, в течение всего сентября „политическая ситуация“ полярных льдов была все время неустойчивой. И власть от прогрессивных партий переходила к ретроградным, и обратно. „Сегодня у кормила власти крайние правые“, говорил Амундсен, и это означало, что льды плывут к югу. Но все же прогрессивные элементы среди арктических льдов видимо торжествовали. К годовщине сидения в льдах Скотт Гансен составил карту движения „Фрама“ за год, и эта карта выглядела совсем не дурно. Правда, движение шло медленно, зигзагами и петлями, но все же оно было вполне отчетливым и именно того направления, которое предвидел Нансен.

Рассматривая эту карту, Нансен пришел к весьма радужным выводам. Как ни как, за год пройдено около трех с половиной градусов к северу, при чем направление движения судна было даже севернее, чем „Жаннетты“. Вычисляя, во сколько времени может экспедиция пройти весь путь, оставшийся перед нею, Нансен нашел, что если принять самую меньшую

скорость и предположить, что все время корабль будет идти такими же зигзагами, как до сих пор, то экспедиции понадобится всего около четырех с половиной лет. Если же взять расстояние от самого южного пункта, на котором корабль находился в течение года, до самого северного, и считать это расстояние годовой скоростью, то тогда можно было рассчитывать, что экспедиции понадобится не более двух лет и восьми месяцев. Но можно было надеяться, что скорость в дальнейшем увеличится. До сих пор корабль легче относилось назад, чем вперед, так как впереди были сплошные льды, а позади — открытое море. Но теперь, когда сплошные льды с всех сторон, силы, толкающие назад, не имеют преимущества, и движение вперед должно совершаться быстрее. Летние наблюдения показали, что льды гораздо охотнее плывут к северу, чем к югу, и это подтверждало обоснованность оптимистических расчетов Нансена. И он приходил к убеждению, что через два года „Фрам“ благополучно вернется на родину.

Открытым оставался вопрос: как далеко на север удастся проникнуть экспедиции? Но и тут можно было видеть, что путь „Фрама“, в общем, шел параллельно тому пути, по которому должны были плыть остатки экспедиции „Жаннетты“. Поэтому, продолжая направление пути „Фрама“, Нансен приходил к выводу, что экспедиция может рассчитывать достигнуть 85° северной широты. Конечно, это не северный полюс, но ведь Нансен, разрабатывая план экспедиции, и не настаивал, что он непременно доберется до математической точки полюса, и своей задачей ставил, главным образом, обширное исследование северных морей. А, кроме того, если до марта следующего года „Фрам“ достигнет 84° широты, то задуманная им экспедиция через лед на санях будет иметь все шансы на успех.

При таких расчетах наступающая зима с долгим мраком полярной ночи не была страшной, и Нансен отмечает, что он ее встретил спокойнее и бодрее, чем зиму год тому назад.

С октября месяца блуждания „Фрама“ прекратились, и он шел прямо на север. 19 октября Нансен отмечает, что при попутном ветре, который дул все время, можно рассчитывать в ближайшее время перешагнуть 82-ую параллель, и перед „Фрамом“ открывалась надежда побить мировой рекорд, достигнув наиболее далекого северного пункта: для этого ему нужно было дойти до $82^{\circ} 27'$ северной широты. 21 октября наблюдения показали $82^{\circ} 2'$ северной широты.

Конечно, это событие было отпраздновано должным образом. Была испечена груда первоклассных медовых пряников; с утра в гостиной было вывешено трогательное и прочувствованное стихотворение, призывающее всех приглашенных на обед явиться пунктуально к назначенному

времени, так как в противном случае даже самые лучшие блюда будут казаться недостаточно сочными и вкусными.

И, действительно, ровно в 1 час дня все явились в гостиную, кроме главы экспедиции, который немножко замешкался, так как должен был воспользоваться коротким днем для некоторых снимков.

Вдохновение поэта было истрачено не в пустую: меню обеда оправдало его. А именно.

Суп из бычачьих хвостов.

Рыбный пирог с топленным маслом и картофелем.

Черепаша с сахарным горошком.

Рис с вареньем и кремом.

Ячменное пиво.

После обеда — кофе с медовыми пряниками.

Ужин был не менее великолепен. После ужина сервированы были сласти, и затребовали музыку. Приводил орган в движение Бентсен, который, как шутили его товарищи, имел довольно большую практику, вращая ручку барабана, наматывающего стальной трос.

Сперва дело двигалось медленно, как при опускании на глубину до 2000 или 3000 метров, но потом музыка стала живее и быстрее, как если бы лот возвращался к поверхности моря. Наконец, темп становился таким быстрым, что Нансен и Петерсен не выдержали и пустились в пляс, и ко всеобщему удовольствию исполнили несколько вальсов и полек.

Чем дальше подвигался корабль, тем настойчивее возвращался Нансен к мысли об экспедиции к северу по льду. Если правильно, что надо попытаться счастья, если корабль достигнет 85-ой параллели, то почему же не стоит попытаться, если он будет находиться на 83-ей или даже 82-ой? Ведь наблюдения, которые будут собраны во время такой экспедиции по льду, в десятки раз ценнее, чем те наблюдения, которые Нансен мог бы добавить, находясь на корабле.

Спорным могло быть только, когда именно надо покинуть корабль. Относительно времени года было ясно: наиболее благоприятным было время около февраля-марта, не позднее. Но спрашивается: в каком году?

Сопоставляя все шансы и делая расчеты, где мог бы находиться корабль весной 1895 г. и весной следующего года, Нансен приходил к заключению, что, как бы медленно „Фрам“ ни двигался, все же через год он будет находиться в таком месте, что предпринимать экспедицию будет уже несвоевременно. Нет, ближайшая весна — вот единственно подходящее время для экспедиции.

И, пользуясь осенними досугами, Нансен разрабатывал подробный план.

Северная экспедиция должна состоять из двух участников на санях, с собаками, с 1050 килограммами провианта для людей и собак. Если экспедиция отправится с 83 параллели, то до полюса ей нужно будет пройти всего 780 километров. На каждую собаку пришлось бы всего около 37 килограммов груза. Поэтому можно было рассчитывать покрывать 15 километров в день. При такой скорости для достижения полюса понадобится 50 дней. Считая на каждую из 28 собак по $\frac{1}{2}$ килограмма пищи в день и на каждого человека по 1 килограмму, за это время будет уничтожено 800 килограммов. Так как за это время будет сожжена и часть горючего материала, то в последние дни вес всего багажа должен быть меньше 250 килограммов, что для 28 собак совсем незначительный груз. Поэтому можно рассчитывать, что в последние дни собаки понесутся значительно быстрее и будут делать в день более 15 километров.

По достижении полюса найти корабль, блуждающий во льдах, будет невозможно, и надо будет возвращаться к земле Франца-Иосифа, что составляет приблизительно 1000 километров. На дорогу останется всего 100 килограммов пищи. Это хватит на 50 дней для людей, но не останется ни крошки для собак. Тогда придется постепенно убивать собак и давать их в пищу остающимся собакам и людям, которые могли бы тогда часть своего запаса отдавать собакам. При уменьшении груза можно думать, что скорость в среднем будет достигать 22 километров в сутки, так что через 41 день экспедиция окажется недалеко от северной конечности земли Франца-Иосифа, мыса Флигели, имея еще пять собак и провианта на 9 дней. Кроме того, возможно, что экспедиция еще раньше натолкнется на землю, и, кроме того, трудно допустить, чтобы, имея ружья, она за все время путешествия не увеличила провианта дичью.

Обдумывая детально план и взвешивая все за и против нее, Нансен приходил все к более твердому выводу, что, как ни трудно путешествие, оно все же имеет серьезные шансы на успех, а значит, должно быть предпринято.

Оставался более серьезный вопрос: имеет ли он право покинуть корабль и взять с собой всех собак, т. е. лишать экспедицию средства спасения на случай, если бы судно постигла катастрофа? Но ведь на корабле оставались прекрасные сани, семь молодых собак, достаточное количество провианта. А расстояние от земли, если даже считать, что судно при катастрофе находилось бы на 85-ой параллели, было бы около 400 километров. Трудно предположить, чтобы экспедиция не смогла благополучно достигнуть земли. А, кроме того, какие имел Нансен основания считать, что кораблю грозит откуда-нибудь опасность?

Итак, весной — в путь. Но вставал вопрос:

— Кто?

— Кто из членов экспедиции должен рискнуть на это путешествие?

Выбор возникал прежде всего между двумя руководителями экспедиции, между Свердрупом и Нансеном. Но Нансен даже не колебался. Несомненно, задуманная экспедиция была чрезвычайно опасной. Она могла окончиться успешно лишь при условии, что путешественники за все время странствий по неизвестным льдам будут находиться в цветущем здравьи, не поддаваясь ни цынге, ни иной болезни, не говоря уже о целом ряде других опасностей, на каждом шагу грозивших ей. Несомненно, что такое путешествие было бесконечно более опасно, чем пребывание на „Фраме“. Кроме того, Свердруп был на девять лет старше Нансена.

С точки же зрения безопасности корабля и интересов всех остающихся членов экспедиции Нансен считал, что и он и Свердруп одинаково сумели бы благополучно довести корабль до дому, так что интересы членов экспедиции не могут пострадать от того, что глава экспедиции покинет борт корабля.

Итак: Нансен сам должен идти во главе экспедиции по льду на санях. Но кто же должен сопровождать его?

Нансен знал, что Свердруп охотно пошел бы с ним, да и сам он, пожалуй, ни с кем так охотно не отправился бы, как с ним. Но это было совершенно невозможно. Если и было безразлично, кто из них покинет „Фрам“, то все же было ясно, что один из них, во всяком случае, должен остаться, так как на борту корабля не было других лиц, обладающих достаточной опытностью, познаниями и авторитетом, чтобы принять на себя управление кораблем.

Поэтому выбор Нансена остановился на Иогансене.

Первым и основным мотивом в пользу Иогансена было то, что он был прекрасным лыжебежцем, не знающим себе равных среди членов экспедиции. Он отличался громадной выносливостью, прекрасным здоровьем, хорошим расположением духа, веселым, спокойным и ровным нравом. Оставалось только спросить его, согласится ли он делить с Нансеном опасности и испытания этого пути.

В разговоре с Иогансеном Нансен отнюдь не пытался представить дело в розовом свете, но совершенно объективно нарисовал как шансы на удачу, так и возможность гибели. Поэтому Нансен просил Иогансена не отвечать сразу, а сперва хорошенько обдумать и ответить лишь спустя несколько дней.

Но оказалось, что Иогансен имел готовый ответ. Идея экспедиции к полюсу на санях, с легкой руки Свердрупа, была уже всеобщим достоянием. Она неоднократно обсуждалась в курилке и во время работ. Иогансен успел уже поставить перед собой вопрос, что ответить, если

ему будет предложено сопровождать экспедицию. И он решил, что, если выбор остановится на нем, он будет рассматривать это как счастье для себя.

„Я не знаю, удовлетворит ли Вас этот мой ответ, быть может, вы хотите, чтобы я обдумал дело еще. Но я, несомненно, не изменю своего решения.“

Нансен удовлетворился этим ответом. Выбор спутника был сделан, оставалось официально сообщить о решении всему экипажу.

20 ноября Нансен собрал всех спутников и развил перед ними свой план.

Товарищи Нансена выслушали его с живейшим интересом и все единодушно признали, что путешествие на санях должно быть осуществлено. Более того, каждый хотел принять участие в нем. Но Нансен без труда убедил, что заслуга провести „Фрам“ невинно через полярное море так велика, что она должна быть тоже выполнена и покроет славой тех, кто сделает это.

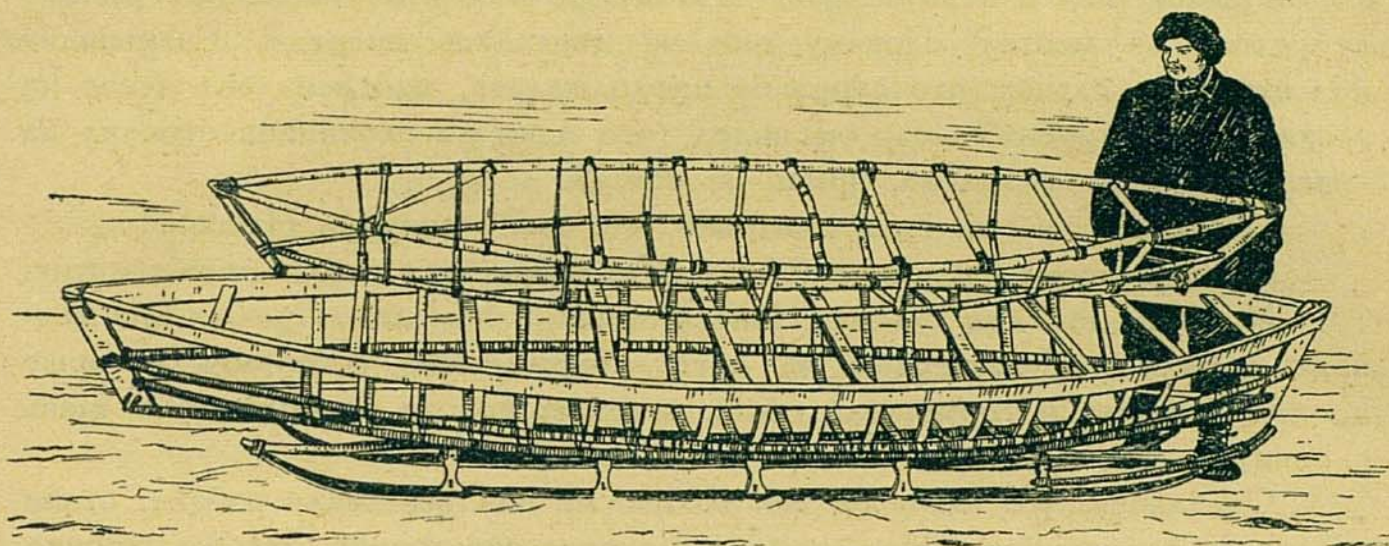
До этого дня, пока план был лишь в голове у Нансена, он сам не вполне верил своим доводам. Подчас ему самому начинало казаться, что план слишком безумен, и тогда все яркие надежды гасли — как внезапно исчезает северное сияние. Но теперь, когда жребий был брошен, и через три месяца экспедиции предстояло отправиться в путь, началась долгая, упорная разработка всех деталей и подготовка.

Уже в конце лета Нансен стал строить себе каяк. Но уметь плавать на каяке — не значит уметь его построить! После долгих опытов, проб и упорной работы ему удалось из бамбуковых палок приготовить остов каяка, который удовлетворил его. Обтянутый парусиной каяк весил всего 15 килограммов.

Оставалось построить второй такой каяк для Иогансена. Эта задача была поручена Могстаду. Сам же Нансен с Иогансеном занялись снаряжением каяков и приспособлением их в путь.

Когда каяки были готовы и обтянуты парусиной, нужно было сделать парусину водонепроницаемой. Лучшее средство для этого было пропитать ее клеем и покрасить масляной краской. Но Нансен боялся, что это значительно увеличит вес, а, кроме того, он не был уверен, удастся ли при таком морозе покрасить масляной краской — ведь работы с наступлением зимнего времени приходилось производить в трюме корабля, где температура опускалась до 22° ниже нуля. Поэтому он остановился на другом способе и пропитал покров каяков смесью парафина с салом. Это тоже несколько увеличило вес каяков, так что, в конечном счете, они весили по 18 килограммов. Применение каяков для перехода по льдам было новой идеей, впервые осуществленной Нансеном.

Не менее важным вопросом было, в каком платье идти в путь. Нансен произвел многочисленные опыты и испытания. Раньше ему казалось, что нельзя было обойтись без платьев из волчьего меха. Но каждый раз при испытании оказывалось, что для ходьбы и движения это платье было слишком теплым. При 37-градусном морозе Нансен во время ходьбы потел, как „лошадь“, хотя шел медленно. Какие же морозы были нужны, чтобы такое платье оказалось подходящим? Он попробовал прогуляться в этом платье при 41° мороза. Но все-таки было слишком тепло!...

Остовы каяков.

Далее, возникали заботы о переносной кухне и палатке. Кухонный аппарат, построенный Нансеном, оказался превосходным. При варке пищи из льда, имеющего температуру 35° ниже нуля, при затрате одной десятой литра керосина, получалось в полтора часа несколько литров кипящей воды и, кроме того, около 5 литров воды, растопленной из льда.

В это же время Могстад строил сани для экспедиции, Свердруп шил спальные мешки, Юэль готовил собачью сбрую, Блессинг комбинировал маленькую легкую аптечку с медикаментами и с перевязочным материалом. Один из членов экспедиции все время занимался тем, что переписывал журналы на тонкой бумаге для того, чтобы экспедиция могла взять с собой копию их, а Гансен составлял таблицы для метеорологических наблюдений и вычислений долгот и широт.

Осенью около судна опять появились медведи. Однажды, Нансен отправился на прогулку с несколькими собаками. Отойдя на приличное расстояние, он услышал, что оставшиеся на судне собаки подняли отчаянный лай. Собаки, сопровождающие Нансена, тоже насторожились, и некоторые из них стремглав бросились назад, в то время как остальные

глядели вопросительно на Нансена, словно спрашивая его совета, как им приличнее поступить. Нансен повернул назад в предположении, что, может быть, около судна появился медведь. Уже приближаясь к кораблю, он увидел нескольких товарищей, несущихся с ружьями в руках в том направлении, в которое лаяли собаки. Нансен побежал в каюту за ружьем, и когда выбежал снова на лед, то услышал залп из нескольких ружей сразу. Это стреляли Свердруп, Иогансен, Могстад и Гендриксен. Залп повторился еще раз, а затем стала раздаваться беспорядочная стрельба отдельными выстрелами.

Нансен был в недоумении. Что могли означать эти залпы, почему все стоят на месте? Почему они не двигались вперед? Размышляя над этим, он, слыша, что стрельба продолжалась, изо всех сил неся на лыжах. Уже приближаясь, он видел, что один из охотников стрелял на север, а другой, с колена, прямо на восток.

„Пробуют ли они свои винтовки, что ли?“ подумал Нансен.

Но ведь время было не слишком подходящее для такого рода занятия.

И, лишь добежав близко, Нансен понял, в чем дело: целых три медведя лежали распростерты на снегу, окруженные собаками, которые яростно терзали и тормозили своих мертвых врагов, вцепляясь в шею, в спину, в лапы, в хвост.

Оказалось, что медведи, как только на них выбежали собаки, стали удаляться от корабля. Но, отойдя некоторое расстояние, как бы нарочно отдалив собак от корабля, медведица вдруг повернулась и бросилась на собак. Тут она было встречена выстрелами.

Добыча была очень кстати. Как раз в этот же день были доедены остатки мяса последнего медведя. Теперь же повар опять имел материал для рождественского жаркого. Мясо молодых медвежат было особенно нежным и вкусным.

30 ноября корабль снова удостоился посещения медведя. Но на этот раз медведь что-то испугался и скрылся из виду. Путешественники были очень удивлены, что медведь может появляться под такими широтами и такое время года. Ведь в этих областях совершенно невозможно получить пищу. И Нансен шутил, что с таким желудком смело можно пройтись по полюсу и обратно, ни разу не пообедав.

А „Фрам“ неустанно двигался вперед, и, несмотря на то, что в общем ноябрь был не особенно неудачным, все же к середине этого месяца „Фрам“ находился на $82^{\circ} 30'$ северной широты и таким образом зашел дальше к северу, чем какое-либо иное судно до него. „Alert“ капитана Нэрса достиг всего $82^{\circ} 27'$. Это великое событие было, конечно, соответственно отпраздновано торжественным обедом и ужином, концертом, пуншем с речами и тостами.

В своей речи по этому случаю Нансен напомнил про те страдания, которыми прежним экспедициям приходилось расплачиваться за каждый свой шаг вперед. Ему было просто стыдно того комфорта и изобилия всех благ земли, окружавших его экспедицию, в то время как она уже начинала ставить мировые рекорды наиболее далекого севера и открыла больше, чем какая-либо предыдущая экспедиция. А дело заключалось лишь в том, чтобы идти не против сил природы, а воспользоваться этими силами для своих целей! — Речь его, разумеется, была покрыта громовым „ура!“ в честь „Фрама“.

В заключение, после музыкального отделения, ко всеобщему восторгу, явился доктор Блессинг с сигарами для всех. Это было встречено с особенным энтузиазмом в виду того, что как раз в отношении сигар и табаку на борту „Фрама“ становилось уже очень туго.

В общем мало было периодов в жизни „Фрама“, когда настроение было так приподнято и весело. Единственным темным пятном в этом торжестве было то, что Свердруп был не вполне здоров. В виду его застарелой болезни желудка, ему приходилось подчиняться строгой диете, предписанной доктором, довольным, что он, наконец, имеет пациента. И бедному Свердрупу приходилось довольствоваться белым хлебом, кашей и молоком и только облизываться на печенье, фрукты и варенье.

Празднование 83-ьей параллели, которой вскоре достиг „Фрам“, приятным образом совпало с Рождеством. Сочельник, конечно, был отпразднован роскошным угощением. Все были просто подавлены грандиозным выбором разнообразнейших рождественских печений и конфет. Кроме того, Блессинг и Нансен в течение дня „в поте лица своего“ смастерили самодельное „шампанское“, которое было окрещено „шампанским 83-ьей широты“. Оба фабриканта очень гордились этим продуктом своего производства, так как материалами для него служил полярный виноград, т. е. по просту морошка! Но шампанское было всем по вкусу, и не мало бокалов было осушено за этот вечер.

Героем сочельника оказался Петерсен. Когда заиграла музыка, он пустился в пляс и увлек также других. Нансен и Гансен танцевали за дам, остальные за кавалеров. Петерсен же кружился до седьмого пота и при этом клялся и божился, что, пусть только хоть пара башмаков останется на ногах, вернувшись домой, он задаст такой пляс, что только подошвы затрещат. Он был, поистине, разносторонним человеком: машинист, кузнец, слесарь, повар, церемониймейстер, придворный комик и танцор, а впоследствии он оказался еще первоклассным парикмахером.

Торжественно был проведен также второй день Рождества. В течение последних дней, не устая, дул ветер с востока и юго-востока, так что можно было предполагать, что „Фрам“ порядочно продвинулся к северу.

Но небо было покрыто тучами, и нельзя было сделать наблюдений. Наконец, в полдень Гансен крикнул, что показались звезды. Все были в напряженном ожидании результатов его наблюдения. Поймать на инструмент удалось всего лишь одну звезду, но она была близко около меридиана, и Гансен мог только приблизительно определить, что „Фрам“ находился, во всяком случае, севернее $83^{\circ} 20'$ северной широты. Еще шаг — и будет пройден рекорд — от $83^{\circ} 24'$ северной широты, достигнутый Локвудом и Бренаром. Так как в тот же день повар Юэль праздновал день своего рождения, то понятно, вся эта совокупность торжественных обстоятельств была надлежащим образом оттенена подобающим меню: суп из бычачьих хвостов, свиные котлеты с брусникой, цветная капуста, фрикадельки, картофель, варенье, торт, марципанное пирожное и пиво! Можно ли было, находясь на пути к северному полюсу, жаловаться на скудное питание!

Но жизнь изменчива, и обитатели „Фрама“ скоро могли убедиться в этом.

В тот же день, около 4 часов дня, корабль весь вздрогнул от сильного удара льдин. Но не было ни шума, ни шороху. Лишь около $5\frac{1}{2}$ часов послышался треск льдин в расщелине, образовавшейся неподалеку от корабля.

На следующий день, около 9 часов, судно опять получило ужасный удар. Нансен вышел наверх. Но опять не было слышно ни шума, ни треска, и не было заметно, чтобы льдина двигалась. Впрочем, яростно выл ветер и мог заглушать даже треск льдин. Через час удар повторился, около 11 часов удары раздавались опять. Стало очевидным, что неподалеку происходит нагромождение льдин. Нансен уже одевался, чтобы выйти посмотреть, как Могстад сообщил ему, что недалеко от „Фрама“ образовался высокий холм из нагромодившихся льдин. Взяв фонари, Нансен и Могстад отправились на лед. Действительно, шагах в 50 от корабля высилась громадная груда новообразовавшихся льдин, между которыми виднелись также гигантские глыбы старого льда. Холм этот образовался около трещины и медленно, но верно двигался по направлению к „Фраму“ и грозил ему серьезной опасностью, тем более, что лед около корабля начал покрываться трещинами, и даже громадная ледяная глыба, на которой покоился „Фрам“, стала разваливаться в куски.

В ближайшие дни угрожающее движение груды льдов приостановилось, и хотя „Фрам“ время от времени получал новые сильные удары, тем не менее, его обитатели уютно и спокойно встретили Новый Год, вспоминая события уходящего года, подводя ему итоги и высказывая надежды на будущий год, не забывая при этом приличествующей случаю груды явств, сладостей и напитков.

Но первые дни Нового Года сложились бурно и беспокойно. И третьего января Нансен отмечает в своем дневнике, что вчера все сидели в теплом углу, полные уверенности, а сегодня им грозит опасность остаться на льдинах без крыши над головой.

Уже рано утром 3 января началось с разных сторон давление льдов на корабль. Когда около 8 часов Нансен вышел наверх, он услышал, что лед трещит, как перед сильным движением, и он был испуган видом громадного ледяного вала, нагромоздившегося не далее, как в 30 шагах от „Фрама“, между тем как трещины совсем уже приблизились к кораблю. Так как на льдинах лежало довольно много различных предметов, то все они с этой угрожаемой стороны были снесены наверх. Даже отдельные доски и куски дерева были сложены в порядке и отнесены в сторону, так как не хотелось ничего терять.

Между тем, ледяной вал продолжал придвигаться. Не успевал Нансен сойти вниз, как к нему бежал кто-нибудь из оставшихся наверху сообщить, что льдины приблизились еще. И все понимали, что если ледяные глыбы надвинутся на корабль, последнему придется плохо, так как он уже сильно покачнулся на бок.

Средств для предотвращения опасности не было. Оставалось только приготовиться на случай гибели корабля. Сани были поставлены на палубу, и лодки приготовлены к спуску. 25 ящиков с сухарями для собак спустили на лед там, где он казался надежнее. Из трюма на палубу были вынесены ящики с хлебом, жестяные резервуары с 200 литрами керосина и много других припасов. Все это, в случае необходимости, можно было в одно мгновение снести на лед и дать возможность экспедиции существовать на льдинах и предпринять на санях путешествие к ближайшей земле.

Весь вечер прошел в тревоге. Только было уселись за ужин, как под кораблем раздался такой треск, что Нансен выбежал наверх посмотреть, в чем дело. Оказалось, что это давил лед в новообразовавшейся трещине. Когда Нансен спустился вниз кончать ужин, к нему прибежал Педер и сообщил, что на льду, как раз около сложенных ящиков с сухарями для собак, образовалась трещина. Отправившись туда, Нансен убедился, что, действительно, во льду как раз около ящиков зияла черная пропасть. Поэтому пришлось ящики перетаскивать в другое, более безопасное, место.

Не успели закончить это дело и спуститься в каюту, как появился Нордаль и сообщил, что давление льда сделалось таким сильным, что нужно быть наготове наверху. Нансен вышел на палубу. Спустившись вниз на лед, он заметил, что весь лед кругом залит водой, стремительно лившейся из новообразовавшейся трещины в то время, как вся льдина, на которой находился корабль, под давлением льда, опускалась вниз.

При этом вода уже заливала помещения для собак. По колено в брод Педер отправился освобождать четвероногих товарищей из заключения, где они могли бы погибнуть. Собаки весело вырвались наверх, бегая по воде и брызгая кругом. Их отправили в безопасное место.

При исследовании окружающего льда оказалось, что новообразовавшаяся трещина шла как раз по направлению к походной кузнице, устроенной на льду. Чтобы спасти от опасности провалиться сквозь лед, кузницу нагроутили на сани и отвезли к ближайшим ледяным холмам, где ей, повидимому, не могла грозить опасность. На то же место сложили также 11 ящиков с пемиканом, ящики с сухарями для собак и 19 ящиков с хлебом. Таким образом, там находилось целое депо запасов, которое было в полнейшей безопасности, так как находилось на чрезвычайно толстой ледяной глыбе.

Работы по переноске и укладке вещей шли оживленно. Сложив депо на льду, стали вытаскивать дальнейшие запасы на палубу: керосин, ящики с хлебом, запасы пемикана, муку, шоколад, масло, всего в общем запасов дней на 200. Кроме того, вынесли походную кухню, палатки и проч. После этого, усталые, все разбрелись по каютам.

Ночь и день 4 января прошли сравнительно спокойно. Лед только потрескивал и кое-где громоздился друг на друга. Но к вечеру положение опять стало критическим. Громадный ледяной вал снова пришел в движение и был уже не далее десяти шагов от борта „Фрама“. Кругом корабля повсюду виднелись трещины, и глыба, на которой он покоился, все подавалась под тяжестью надвигающихся ледяных громад, и бедный „Фрам“ грустно и покорно все более наклонялся в ту сторону, откуда на него ползли ледяные чудовища. Казалось, наступала агония умирающего корабля.

Ночью Нансен долго сидел около ледяных громад. Но что можно было сделать? Если бы „Фрам“ освободился от ледяных оков и всплыл, тогда возможна была бы борьба. Теперь же можно было только готовиться покинуть корабль со всеми пожитками. Но эти приготовления были уже сделаны, запасы стояли на льду или на палубе, платье каждого было связано узлом и тоже могло быть вынесено в каждый момент. К счастью, ночь была лунная, и за движением льда можно было следить.

Около пяти часов утра Свердруп разбудил Нансена сообщением, что льдины уже соприкоснулись с кораблем. Убеждать в этом Нансена Свердрупу не приходилось, так как кругом стоял такой грохот и шум, что, казалось, наступил день страшного суда. Весь экипаж был поднят на ноги. Ящики с провиантом были спущены на лед, а на палубу были принесены меховая одежда и платье, так что в каждый момент все это могло быть сброшено вниз. Даже моторная лодка была снята с баканцев и перенесена к ледяному холму, где лежали другие запасы.

К вечеру массы льда и снега вплотную надвинулись на корабль и, свесившись над ним, стали обрушиваться на брезент, натянутый над палубой. Педер бросился было с лопатой расчищать снег и лед, ему хотел было помогать Нансен, но, видя, что бороться с таким врагом лопатой бесплодно, Нансен побежал вниз.

Все на палубу!

Все в сборе сидели в салоне и мирно беседовали, как в дверях показалась фигура Нансена, и раздалась команда:

„Все на палубу!“

Поторапливать ему не пришлось, так как все поняли, что времени терять нельзя. Нансен распорядился, чтобы выходили не в ту дверь, как обычно, которая выходила как раз к той стороне, откуда напирал лед, а в противоположную. Он боялся, что если дверь будет открыта со стороны напирających льдов, то они, обрушившись через навес, могут завалить выход внутри и обрушить лестницу, ведущую вниз, так что экипаж „Фрама“ оказался бы как в мышеловке. Правда, был еще ход через машинное отделение. Но он был узок, и через него было трудно пробираться с узлами и тюками в руках.

Сам Нансен поспешил вперед для того, чтобы освободить молодых собак, находившихся на палубе под навесом. Они жалобно визжали и выли, чувствуя, что с судном творится что-то неладное, и видя, как на навес сверху что-то навалилось, прижимая его к палубе. Нансен разрезал привязи, и собаки в дикой радости понеслись на открытую часть палубы.

Между тем, начался „великий исход“ остальных. Нельзя утверждать, что в эту ночь на „Фраме“ все совершалось в безукоризненном порядке. Нагруженные своими пожитками, с громадными узлами за спиной, люди натыкались друг на друга, застревали в дверях и, проходя впопыхах, схватывали не то, что им нужно было, и не могли разыскать нужных вещей. К довершению — погасла керосиновая лампа, в которую забыли долить керосина. А, между тем, положение становилось все грознее. Когда Нансен опять спустился вниз для того, чтобы переменить обувь, он слышал, что все балки корабля трещали так, словно каждую минуту они готовы были обрушиться.

Каюты, гостиная, а вслед за ними и палуба были очищены от сложенных там вещей. Все запасы пищи, одежды и топлива были не только сброшены на лед, но, кроме того, отнесены подальше от корабля, так как кругом образовалось слишком много новых трещин, появлявшихся во всех направлениях. Лед все время так трещал и шумел, что нельзя было расслышать ни слова, и, чтобы дать себя понять, приходилось буквально кричать каждому на ухо.

Однако, в то время, пока вещи тащили по льду к безопасному месту, лед вдруг затих.

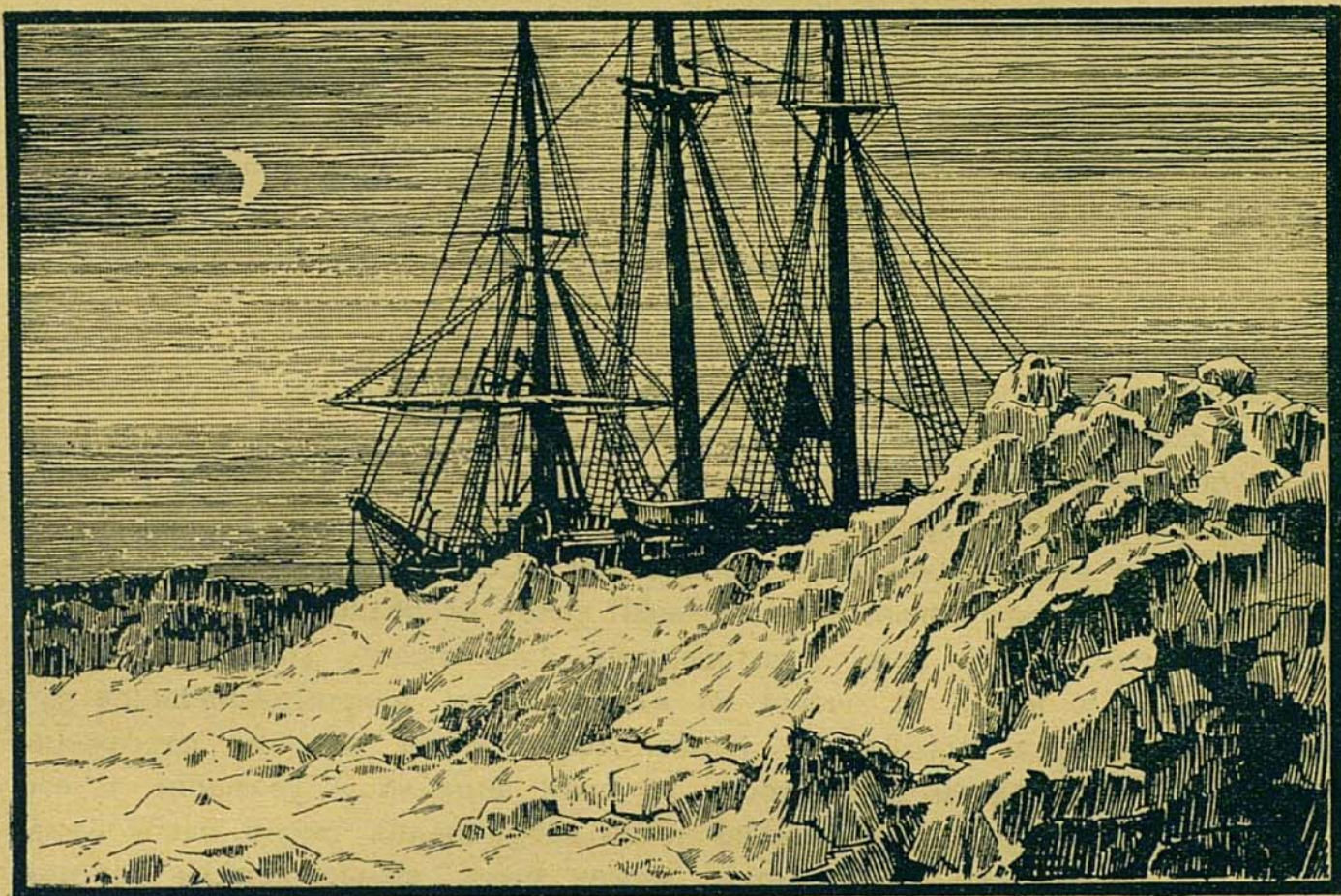
Люди вернулись к кораблю. Но что за жалкий вид представлял их верный „Фрам!“ Вся левая половина палубы была погребена под обломками льда и снега. Если бы лодки не были своевременно сняты, они, конечно, погибли бы. Даже баканцы были немилосердно согнуты и покрыты доверху напивавшим льдом.

Однако, судно было только засыпано льдинами, но не имело никаких повреждений. И, покамест лед несколько успокоился, все стали наперерыв делиться друг с другом рассказами о разных эпизодах во время оставления корабля. Оказалось, что Свердруп как раз брал ванну в тот момент, когда услышал команду Нансена выходить на палубу! Так как за все время плавания такая команда на судне ни разу не подавалась, то он понял, что произошло что-то серьезное. Поэтому он с быстротой молнии „в'ехал“ в свое платье. Амундсен, впопыхах не сообразив или забыв, что приказано уходить запасным ходом, вышел с обычной стороны. Но только он очутился на палубе, как споткнулся о что-то и свалился. Тут только он, подымаясь, увидел, к каком положении была эта сторона корабля. Навес был прижат книзу, и видно было, что на него наваливались все новые массы льда. Повсюду стоял такой треск и шум, что гибель корабля казалась несомненной. В страхе Амундсен остался некоторое время лежать на спине, боясь пошевелиться, чтобы не быть заживо погребенным наваливающимися льдами.

Штурман, несмотря на трагическое положение, вызывал всеобщую веселость. Он, не желая ничего оставлять в добычу льдам, собрал всю

свою утварь, разные чашки, щетки, ножи, ножницы, и так как ему хотелось иметь все это всегда под руками и не растерять на льду, то он, при помощи веревок и ремешков, нацепил эти вещи на себя и ходил, как ярмарочный торговец, увешанный разными предметами, так что каждый шаг его сопровождался звоном и дребезжанием.

Вечером все вернулись на пустой корабль. В полной готовности каждый момент покинуть судно, сидели в гостиной, уничтожая горстями запасы печения, конфет и пр. Никто не был уверен, скоро ли опять можно будет собраться в таком уютном помещении. Все необходимые вещи держались под рукой, чтобы сразу, если понадобится, встать и покинуть корабль. Нансен собрал в жестяной ящик все дневники и журналы и держал их тут же при себе, чтобы в минуту нового натиска льдин только нагнуться и поднять.

Натиск льдов на „Фрам“.

Из предосторожности, чтобы в случае нового обвала льдов не очутиться в мышеловке, были открыты все двери и выходы. С той же целью был очищен путь и через библиотеку, так что из гостиной можно было выйти четырьмя разными дорогами.

Но время шло, натиск льдов не повторялся, и становилось все очевиднее, что „Фрам“ и на этот раз выйдет победителем. Во время последнего натиска льдин корабль наклонился на семь градусов в сторону обрушивающейся груды льда. Но теперь он стал понемногу выпрямляться и мало-по-малу освобождался от напирających громад.

6 января прошло совершенно спокойно. После бурной и бессонной ночи все нуждались в отдыхе и поэтому спали до самого полудня, и только после позднего завтрака отправились наверх расчищать корабль от льда и снега. Навалившаяся масса была громадной, и гряда льда на 2 метра возвышалась над бортом.

Хотя каждую минуту напор льдин мог возобновиться, и все могли остаться без крова над головой посреди ледяной пустыни во время разгара полярной зимы, тем не менее, это мало влияло на настроение, и мысль у всех была попрежнему направлена к северу. После обеда Гансен мог сделать свои наблюдения, и они показали, что экспедиция находилась на $83^{\circ} 34'$ широты. Так далеко нога человеческая ни разу еще не ступала. Уже одно это делало экспедицию удачной. Поэтому сообщение Гансена было встречено громовым „ура!“ и вечером, насколько было возможно при всеобщем ералаше, сервировали хороший ужин и приготовили пунш! Варенье, фрукты, печенье и сигары подразумевались сами собой! И Нансен, видя своих товарищей, сидящих беззаботно в гостинной и весело беседующих за дымящейся чашей, невольно думал о превратностях жизни: несколько дней тому назад они так же сидели, не чуя надвигающейся беды и спокойно встречали Новый Год, уверенные в своей безопасности. Вчера они все, с пожитками на плечах, стремглав спасались с погибающего корабля на лед в полной неизвестности, какая судьба ждет экспедицию в ближайшие дни. Сегодня они опять спокойно сидят и празднуют новый значительный успех экспедиции.

На следующий день продолжалось откапывание „Фрама“ из-под груд снега и льда. И, глядя на массы льдин, нагромоздившихся тут же около борта корабля и перевалившихся на палубу, пассажиры невольно чувствовали и гордость за свой корабль и уважение к его противнику, который в несколько часов нагромоздил такую массу льда, что для ее очистки понадобятся, может быть, целые недели работы. Всякое иное судно было бы сразу раздавлено самым немилосердным образом.

Вычисления Гансена показывали, что „Фрам“ за последнее время двигался более к западу, чем к северу, несмотря на то, что ветер неустанно дул с юга. Очевидно, имелось течение, которое несло к западу, и поэтому неудивительно, что, когда ветер толкал льдины поперек их естественного направления, происходили сильные смещения льдин.

Конечно, в эти тревожные дни о санной экспедиции к северному полюсу пришлось забыть. Вместо добровольной санной экспедиции к северу грозил вынужденный переход по льду пешком к югу. Но дни проходили за днями. Лед убрали не только с палубы, но начали разбивать также груды около борта, чтобы, в случае нового натиска, льды не сразу навалились на „Фрам“. Новых давлений не было, и уверенность в судьбе корабля появилась снова.

Приближалась весна. Около полудня уже появились заметные сумерки предрассвета. Начинался день, при первом сиянии которого Нансен собирался отправиться в неизвестный путь. С середины января приготовления в дорогу возобновились.

После лодок были заготовлены для экспедиции специальные легкие, но прочные сани — вес их без полозьев был около 15 килограммов. Для подкладки под каяки, чтобы их не повредило при перевозке, Свердруп сшил особые мешки. При этом Нансену пришла в голову счастливая мысль набить подушки не бесполезным материалом, а провиантом. Иогансен с помощью нескольких товарищей усердно занялся разогреванием пемикана и ливерных паштетов, накладыванием их в мешки и формованием, чтобы полученные подушки приходились как раз под размер каяков. Подушки замерзали на воздухе, сохраняя нужную форму. Под каждой лодкой было по три таких мешка, точно прилаженных под форму саней и каяков. Каждый мешок весил около 50—60 килограммов, так что все шесть мешков заключали в себе около 320 килограммов мясной пищи. Нансен очень гордился своей выдумкой и подчеркивал, что такое приспособление в полярном путешествии применялось впервые.

Рассвет все приближался. 10 февраля на палубе „Фрама“ уже можно было читать газету. Все приготовления были закончены, спальные мешки, лодки, сани, провиант — все было собрано, взвешено, сложено. В последний момент изготовили еще из тонкой бумажной материи паруса для лодок, так что каждый парус весил менее килограмма.

С часу на час готовился Нансен покинуть корабль.

Первоначально день отъезда был назначен на 20 февраля. Потом его пришлось отложить до 26-го, так как каждый раз оказывалось, что не все еще было готово, и кое-что приходилось изменить или усовершенствовать. Нансен со всей своей энергией ушел в эти приготовления и обдумывание деталей, поражая всех своей предусмотрительностью и способностью схватывать бесконечное количество подробностей и мелочей, все предвидеть, обо всем подумать, всюду внося изобретательность и догадку.

Накануне отъезда он составил письменную инструкцию Свердрупу, с подробными распоряжениями относительно дальнейшей судьбы экспедиции.

„Капитану Отто Свердрупу“.

Командиру „Фрама“.

Так как ныне я в сопровождении Иогансена покидаю „Фрам“ для того, чтобы предпринять путешествие к северу, если возможно до полюса, а оттуда к Шпицбергену, вероятнее всего через землю Франца-Иосифа, то настоящим я передаю вам командование над остающейся частью экспедиции. С того дня, как я покину „Фрам“, вся принадлежащая мне полнота власти переходит в той же степени к вам, и остальные должны оказывать вам, или кого вы назначите начальником над ними, безусловное подчинение. Я считаю излишним давать вам распоряжения, что нужно делать при тех или иных обстоятельствах, даже хотя бы такое распоряжение можно было дать, так как уверен, что вы сами будете знать, что нужно делать в случаях опасности, и я убежден, что могу спокойно оставить „Фрам“.

Главная задача экспедиции — проникнуть от Ново-Сибирских островов через неизвестные полярные моря к области на север от земли Франца-Иосифа и дальше к Атлантическому океану до Шпицбергена или Гренландии. Важнейшая часть этой задачи нами, по моему мнению, уже совершена. Остальные задачи будут выполнены продвижением далее к западу. Для того, чтобы обогатить экспедицию результатами, я предпринимаю попытку проникнуть далее на север при помощи собак.

Вашей задачей будет доставить вверенных вам людей наиболее безопасным путем домой, не подвергая их ненужной опасности ни ради корабля, ни ради груза, ни ради результатов экспедиции. Никто не знает, как скоро „Фрам“ достигнет опять открытого моря. Вы имеете провиант на многие годы. Но если плавание будет по каким-либо причинам продолжаться слишком долго, или начнет страдать здоровье экипажа, или по каким-либо иным соображениям вы найдете наиболее правильным покинуть корабль, то вы можете сделать это без колебаний. Относительно времени года для осуществления намеченного пути лучше всего будет судить вам самому. Если окажется необходимым держать курс к земле, то я считал бы наиболее подходящей землю Франца-Иосифа или Шпицберген. Если после моего возвращения с Иогансеном будут начаты поиски экспедиции, то в первую голову эти поиски будут направлены в эти области. Где бы вы ни достигли земли, вам следует на холмах и мысах сооружать бросающиеся в глаза знаки и внутри их оставлять краткое описание того, что с вами случилось, и куда вы направили ваш дальнейший путь. Для того, чтобы эти знаки можно было безошибочно различить, вы должны на расстоянии четырех метров по направлению к магнитному полюсу сооружать маленький знак. Вопрос о наиболее соответственном снаряжении, на случай необходимости покинуть

„Фрам“, нами обсуждался так часто, что я считаю излишним останавливаться на нем. Я знаю, что вы примете все меры к заготовке и приведению в порядок необходимого количества каяков, саней и лыж, так, чтобы обратное путешествие по льду могло быть выполнено с возможной легкостью. В другом месте я даю вам указания относительно провианта, который я считаю наиболее подходящим для такого путешествия, и о том количестве, которое необходимо на каждого человека.

Я знаю также, что вы будете держать все наготове, чтобы в случае пожара или давления льдов могли быстро покинуть „Фрам“. Если состояние льда позволит, то я считал бы наиболее целесообразным держать в безопасном месте на льду депо с остальными запасами, как это мы делали в последнее время. Все необходимые предметы, которые не могут быть хранимы на льду, должны находиться на корабле так, чтобы при всех обстоятельствах их легко можно было достать.

Если, однако, вы будете вынуждены покинуть „Фрам“ и направиться к земле, то было бы наиболее правильным, как я уже указал, устанавливать знаки с данными, куда вы идете, и пр., так как возможно, что там будут искать экспедицию. Вопрос же о том, пытаться ли достичь Исландию (ближайшую к вам землю, куда вы могли бы дойти в первой половине лета, идя вдоль края льдов) или датских колоний к западу от мыса Феруэль, придется решить вам самому, принимая во внимание все обстоятельства.

Из вещей, которые вы, кроме провианта, должны взять, в случае оставления „Фрама“, упомяну оружие, заряды, снаряжение, а также все научные и другие журналы и наблюдения, все научные коллекции, поскольку они не окажутся слишком тяжелыми, или в этом случае небольшие образцы из них; далее фотографии, лучше всего негативы, или, если последние слишком тяжелы, их копии, а также ареометр Эдермана, при посредстве которого было произведено большинство определений удельного веса морской воды, а также, разумеется, все журналы и заметки, которые могут иметь интерес. Я оставляю здесь несколько дневников и писем, которые прошу хранить особливо и передать Эве, если я не вернусь, или, если, паче всех ожиданий, вы вернетесь домой раньше нас. Гансен и Блессинг будут, как вам известно, продолжать различные научные работы и собирание коллекций. Вы будете наблюдать над измерениями глубины и следить за тем, чтобы эти измерения предпринимались настолько часто, насколько это позволяет состояние аппаратов. Я считал бы крайне желательным, чтобы это производилось, по крайней мере, каждые 60 морских миль, а если возможно, то и чаще. Если бы глубина моря стала меньшей или более изменчивой, чем теперь, то мне нечего и упоминать, что измерения глубины должны производиться чаще.

Так как экипаж был мал и до сих пор, а ныне еще уменьшается, то на каждого придется, вероятно, больше работы; но я знаю, что, поскольку вы сумеете обойтись без людей, вы их назначите на помощь при научных наблюдениях для того, чтобы последние производились с возможно большей полнотой.

Я прошу также следить за тем, чтобы каждые десять дней (1, 10, 20 каждого месяца) производилось бурение льда, и измерялась его толщина тем же способом, как это делалось до сих пор. В большинстве случаев это бурение производил Гендриксен, на него в этой работе можно положиться.

В заключение желаю вам и всем, за которых вы теперь отвечаете, полнейшего успеха; пусть наша встреча состоится в Норвегии, будь это на борту корабля или без него.

Ваш преданный

Фритьоф Нансен.

На борту „Фрама“, 25 февраля 1895 г.“

Рано утром 26 февраля все было готово к отправлению. Решено было, что уходящих некоторое расстояние будут провожать Свердруп, Гансен, Блессинг, Гендриксен и Могстад, со своими санями и палаткой.

После раннего крепкого завтрака с бутылкой пива на каждого, после трогательного и сердечного прощания Нансен взялся за упряжь первых саней и повел собак вперед. За ним двинулись остальные сани при громких криках „ура“ и пушечных салютах. На ровном месте сани двигались со страшной быстротой, так что лыжебежцам трудно было за ними поспеть. Но чуть начинались неровности и подъемы — сани двигались с трудом или даже вовсе останавливались, так что всем сопровождающим приходилось совместными усилиями помогать собакам. Но, в общем, движение шло прекрасно. Вдруг Нансен, бежавший изо всех сил за санями, увидел, что один из товарищей машет палкой. Это Могстад давал знать о первой аварии. Сани, которые он сопровождал, с размаху наехали на торчащий острый кусок льда, и в них сразу сломались все три поперечные перекладыны.

Не оставалось ничего иного, как вернуться назад к кораблю чинить сани и вообще сделать их прочнее, так как в путешествии подобные случаи не должны были повторяться.

28 февраля экспедиция выступила еще раз. Но так как оказалось, что движение шло медленно, и сани были чрезмерно нагружены, то Нансен выбросил несколько мешков с сухарями для собак с тем, чтобы провожающие на обратном пути подобрали эти мешки и доставили назад к „Фраму“. За день прошли всего около 6 километров. Вечер был проведен в палатке очень приятно: оказалось, что провожающие захватили с собой даже пунш.

На другое утро после уютного завтрака Нансен с Иогансеном двинулись в путь. Остальные спутники провожали их еще несколько часов, а потом повернули назад. На прощание Свердруп высказал последнюю просьбу: если Нансен по возвращении решит отправиться на южный полюс, то пусть он подождет „Фрама“. После этого путники разделились. Двое отправились к неизвестному северу, остальные же повернули назад к кораблю и к вечеру добрались до опустевшего „Фрама“.

Прошел день, но к обеду следующего дня кто-то с борта корабля заметил приближающегося на сани человека. Оказалось, что это был Нансен.

Оставшись с Иогансеном, они вдвоем продолжали свой путь до вечера 1 марта. Но ночью они убедились, что собакам было слишком холодно спать — некоторые из них всю ночь визжали, не засыпая ни на минуту. Оказалось также, что и самим путешественникам было слишком холодно в эту пору года: их платье превратилось за ночь в сплошной ледяной комок. Было очевидно, что экспедицию надо было еще отложить. Кроме того, было очень трудно управлять сразу шестью санями и перетаскивать их через сугробы и холмы. Так продолжать путешествие было невозможно, и Нансен решил возвратиться еще раз назад, чтобы перестроить снаряжение экспедиции. На легких санях он отправился вперед. К его удивлению, собаки крайне быстро помчали его к „Фраму“, пробежав в несколько часов дорогу, которую с таким трудом прошли в течение 3 суток.

Приближаясь к „Фраму“, Нансен был удивлен, увидя поднявшееся над горизонтом солнце. Но оказалось, что и на этот раз это был только оптический обман. Согласно наблюдениям Гансена, корабль в эти дни перешагнул 84-ую параллель, что и было соответственным образом отпраздновано на борту „Фрама“.

Но, конечно, Нансен и не думал отказаться от мысли о путешествии к северу. Он только совершенствовал методы экспедиции. Еще раз проверив расчеты и взвесив всех собак, он решил значительно сократить запасы для собак и ограничиться тем, что можно нагрузить на двое саней. При этих условиях он рассчитывал 30 дней двигаться, имея всех собак, и 50 дней, уменьшая их количество. Это давало 80 дней, и к этому времени останется еще запасов на 20 дней для двух людей. Таким образом, получился срок, в течение которого многое можно было совершить.

Точно так же изменил Нансен и свое платье. Несмотря на неудачные предыдущие опыты, он все же собирался взять платье из волчьего меха. Но опыт первых двух попыток путешествия показал, что такое платье решительно не годилось. Днем во время ходьбы в нем было

немилосердно жарко, а ночью оно превращалось в ледяной кусок, который трудно было высушить, и который к утру с трудом можно было одеть. Даже на „Фраме“, у огня, платье висело несколько дней, пока оно совсем высыхало. Поэтому Нансен решил следующий раз отправиться в шерстяном платье. Иогансен последовал его примеру.

Больших забот потребовал выбор соответствующей обуви. Чулок Нансен не захотел брать и ограничился теплыми носками, которые легче снимать во время отдыха, и которые ночью можно высушить на груди. Лучшими сапогами он считал финские сапоги из волчьей кожи, шерстью внутрь. Они были очень прочны, теплы и мягки. Но они имели тот недостаток, что нуждались в тщательном уходе. Каждый вечер их надо было тщательно сушить, по возможности выворачивая шерстью вверх. Особенно хорошо они служили, если их можно было наполнять особой травой, которая впитывает сырость.

При сокращении всех запасов пришлось наново проверить выбор провианта. Приходилось соединять почти несоединимые требования: разнообразие, питательность, хорошую усвояемость организмом и легкость! Наиболее удовлетворяли бы сушеное мясо и рыба, но эти продукты, приготовленные обычным способом, очень плохо усваиваются пищеварением. Поэтому для полярных экспедиций выработан особый способ заготовки: мясо (чаще всего оленье) быстро сушится, размалывается в тончайший порошок, пропитывается затем жиром и в таком виде консервируется. Точно так же приготовлены были запасы сушеной рыбы. Эти консервы, смешанные с горячей водой и мукой, давали превосходную похлебку. Весь взятый провиант имел такой вид, чтобы его можно было употреблять без слишком большой варки. Мука было подвергнута действию пара, так что ее достаточно было заварить, чтобы получалась хорошая пища, а, в крайнем случае, ее можно было потреблять даже в сыром виде. Кроме того, были взяты сушеный картофель, гороховый суп, шоколад и т. п. Хлеб состоял из пшеничных сухарей и особого хлеба, приготовленного из пшеничной муки, смешанной с растительным белком (алеуронат).

Масла было взято большое количество — 40 килограммов. Из него самым тщательным образом была выдавлена вода. Это уменьшало вес и делало масло мягче при морозе. Таким образом, пища была разнообразной и сытной. О вкусе ее говорить не приходилось, так как волчий аппетит путешественников должен был служить всегда достаточной приправой.

В общем, сани Нансена и Иогансена имели на себе, кроме каяка и инструментов, еще приблизительно половину всех с'естных припасов и весили в общем по 260 килограммов. Третьи сани были нагружены

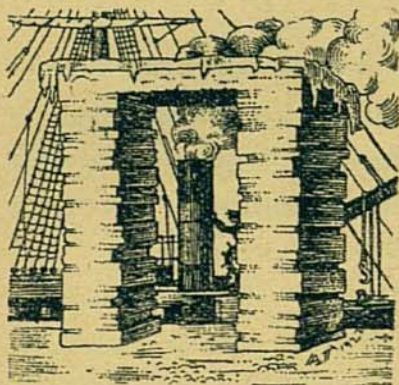
исключительно с'естными припасами и весили всего 240 килограммов. Упряжка саней состояла из 28 собак.

Наконец, 14 марта Нансен и Иогансен окончательно покинули корабль. Свердруп вскоре простился с ними и вернулся на корабль. Скотт, Гансен, Гендриксен и Петерсен провожали их до самого вечера. Оказалось, что в первый день было пройдено всего 11 километров, что для начала было не малым расстоянием. Вечер провели весело и беззаботно. Только Педер как-то с недоверием посматривал на Нансена и сумрачно качал головой. Но и он успокоился, когда перед ним очутилась чашка шоколаду и кусок хлеба с маслом.

На другое утро провожатые еще несколько часов шли вместе, потом простились и, постояв на холме, пока смелые путники не скрылись за ледяными горами, печально побрели назад к „Фраму“, думая о тех бесконечных испытаниях, трудностях, опасностях и лишениях, которым подвергаются их товарищи!

НА ОПУСТЕВШЕМ „ФРАМЕ“

На запад! Болезнь „моды“. Лето. Охотничьи неудачи. Опять зима. Весенние надежды. Машина пущена в ход. „Фрам“ борется со льдами. Море! Грустная весть.

ПОСЛЕ ухода Нансена и Иогансена настроение экипажа „Фрама“ резко изменилось. Раньше всех занимал вопрос, как далеко продвинулся „Фрам“ на север: только с этой точки зрения оценивались данные, сообщаемые Нансеном, и только этим определялось отношение экипажа к ветрам и погоде, к власти „либералов“ и „консерваторов“. Но теперь Нансен своим путешествием к северу взял на себя задачу исследования северных областей около полюса, которые ему предстояло пройти два раза — туда и обратно. „Фраму“ же Нансен поставил одну задачу — возможно скорее и возможно благополучнее вернуться домой. Уже приблизительно вырисовывался даже срок, когда это могло и должно было случиться — осень следующего 1896 года. Поэтому уже было безразлично, как далеко на север дойдет корабль. Более того, слишком далекое движение на север было даже нежелательно, так как отделяло от земли и уменьшало шансы выбраться из льдов в свободное море. Движение на запад — вот что стало основным желанием обитателей „Фрама“. И если раньше все думали только о широте, под которой находится корабль, и жаждали южного ветра, то теперь на первый план выдвинулись долготы и особенно радостно приветствовался ветер с востока.

Нансен покинул „Фрам“ под 104° восточной долготы. А из льдов корабль мог выбиться, только перешагнув меридиан Шпицбергена, т. е. перейдя 20° восточной долготы! Это представлялось возможным, но лишь при условии, если еще до ближайшей осени „Фрам“ перешагнет 60° восточной долготы. И к этому, естественно, были направлены все надежды и ожидания оставшихся.

Но, конечно, стремление поскорее возвратиться домой не приостанавливало общей трудовой, деятельной жизни.

Первой заботой Свердрупом было очистить корабль от груд льдин вокруг. 19 марта он распределил всех людей партиями по двое. Каждая

партия имела санки с большим ящиком, и каждой был отведен участок в ледяной гряде, которая еще недавно напирала на корабль.

Сам Свердруп работал с доктором Блессингом. И вначале им обоим казалось, что они друг на друга дуются. Происходило это оттого, что всегда сумрачный Свердруп не любил тратить лишних слов и был несколько молчалив, доктор же был по природе чрезвычайно разговорчив. Но так как первые попытки заговаривать натолкнулись на очень односложные ответы, то Блессинг замолчал, думая, что Свердруп находится в плохом настроении. То же думал Свердруп, видя, что разговорчивый доктор стал вдруг молчалив. Но недоразумение быстро объяснилось, и с тех пор Свердруп попрежнему отделялся короткими фразами, что не мешало доктору усердно работать не только руками и ногами, но и языком.

Работы по очистке льда продолжались до 27 марта. После этого все принялись усердно готовиться к возможному путешествию на санях, на случай оставления „Фрама“.

Несмотря на страшное давление льда и громадную опасность, которую „Фрам“ пережил в первые дни нового года, а отчасти именно потому, что он выдержал даже такое суровое испытание, обитатели „Фрама“ отнюдь не потеряли уверенности в своем корабле. Возможность, что придется корабль покинуть, всем казалась совершенно невероятной. О добровольном же оставлении корабля для того, чтобы кратчайшим путем идти домой, никто и не думал, да и всякий понимал, что такое путешествие было связано с чрезвычайным риском и, во всяком случае, с такими лишениями, которые им никогда не будут грозить на корабле. Уже сборы Нансена, его два неудачных выступления и общая картина движения по льду крайне расхолаживала всех по отношению к путешествию на санях. Кроме того, северная экспедиция взяла всех собак, и для изготовления ее саней был использован весь лучший материал.

Тем не менее, обстоятельства могли вынудить покинуть „Фрам“, и приготовления к санному путешествию делались все время. Особенно большую заботу проявлял Свердруп по отношению к лыжам. Ему казалось, что имевшийся запас лыж был слишком мал, и он хотел его увеличить. Но для этого не было подходящего дерева. Правда, на борту находился толстый кусок дуба, который мог очень пригодиться для лыж, но не было пилы, чтобы распилить его на тонкие доски. Беде помог Амундсен. Особой точкой и правкой он сумел переделать пилу, назначенную для выпиливания льда, и сделал ее способной пилить дубовое дерево. Бентсен приделал к пиле ручки, а Могстад и Гендриксен принялись за пилку. Дело шло очень медленно, большая часть времени уходила на точку пилы, но потом втянулись в работу, и материал для лыж

вскоре был готов. Кроме обычных норвежских лыж, Свердруп наладил изготовление индейских лыж, состоящих из рамы, на которую натянута кожа или парусина.

После этого Свердруп сделал распоряжение, чтобы все члены экспедиции каждый день два часа упражнялись в беге на лыжах. Это было не только прекрасным моционом и развлечением в монотонной жизни, но, кроме того, хорошей тренировкой на случай отступления по льду.

С каждым днем сильнее чувствовалось действие солнца. В последних днях апреля перед носом корабля образовалась громадная полынья, шириною в иных местах более километра. Если бы корабль был свободен, Свердруп не поколебался бы попробовать продвинуться по этой расщелине вперед. Но вскоре он перестал жалеть о том, что корабль не плыл по расщелине. 2 мая поднялся сильный юго-восточный ветер, ледяное поле пришло в движение, и оба берега полыньи стали стремительно сближаться. Штурман, Нордгаль и Амундсен находились в это время на прогулке на лыжах и видели, как два ледяных выступа противоположных берегов надвинулись друг на друга. Сперва раздался треск, как при ударе грома, и в одно мгновение глыбы льда были надвинуты друг на друга на высоту до 7 метров, при чем они то громоздились кверху, то вдруг с такой же быстротой проваливались и исчезали под льдом.

Лед шумел, гремел, распадался на мелкие кусочки, подползавшие друг под друга, поднимался кверху, давя под себя гигантские глыбы. Попадись корабль в такую переделку, трудно было бы себе представить, что делали бы люди, которым пришлось бы спастись на лед, т. е. на живой волнующийся ледяной вулкан, где не было ни клочка спокойного места.

В общем жизнь на „Фраме“ текла монотонно и однообразно. Ровная летняя погода невольно навевала тоску и уныние в этом царстве вечных льдов и снегов. Развлечений не было никаких. Животный мир был до чрезвычайности убог. Медведи давно уже не показывались около корабля — да и что им было делать среди пловучих льдов на таком расстоянии от земли. Но зато иногда в расщелинах между льдинами попадались тюлени. Одного удалось убить, но он был такой маленький, что его хватило всего только на один обед! После этого на воду около „Фрама“ была спущена лодка, приспособленная для охоты на тюленей. И хотя тюлени показывались часто, но они были так боязливы, что не удалось убить ни одного.

Несколько оживленнее, чем лед и вода, был воздух. Птицы летом довольно часто показывались над кораблем и кружились над ним.

Довольно значительным огорчением было то, что пришлось снять электрическую мельницу. Уже давно отдельные части ее были настолько изношены, что пришлось их чинить и заменять новыми. Наконец,

сломался вал верхнего колеса. Правда, Петерсену удалось на время починить его, но после починки вал стирался с такой быстротой, что мельницу пришлось снять и разобрать, довольствуясь впредь керосиновым освещением.

Здоровье всех попрежнему было превосходно. Одна только заразительная и опасная болезнь появилась на борту „Фрама“, и тем более неожиданно, что „Фрам“ находился, казалось, так далеко от очагов заразы: болезнь моды! Законодателем моды оказался Юэль. Ему пришло в голову, что для того, чтобы иметь пышную растительность на голове, необходимо волосы сбривать. Только Свердруп долго был старовером и ограничивался тем, что ежедневно мыл голову и натирал какой-то мазью. Но, наконец, не вытерпел и он и дал сбрить свою густую шевелюру. В остальном же все были вполне здоровы, хотя увеличение веса приостановилось, и, наоборот, началось даже некоторое уменьшение в весе: весь экипаж „Фрама“, в нарушение всех традиций, вдруг за один месяц уменьшился в весе на 3¹/₂ килограмма!

Праздники попрежнему справлялись с изысканной роскошью. Особенно торжественно отпразднован был национальный праздник 17 мая, когда опять по знакомым „улицам“, как были названы пространства между кучами льдов, снега и отбросов около корабля, мимо „университета“ (понимай „Фрама“) шло грандиозное шествие народных масс, когда ораторы произносили на „переполненной“ народом площади трогательные и патриотические речи, и настроение масс достигало энтузиазма, а вечером был устроен веселый и пышный „народный бал“. Конечно, отсутствующая часть „народа“, в виде двух товарищей, вспоминалась особенно часто, и в честь их был произведен салют из пушек „Фрама“.

К Троице была устроена грандиозная чистка всех помещений „Фрама“. В течение зимы все предметы оказались покрытыми толстым слоем пыли, копоти и сажи. Теперь все это старательно счищалось, отскребывалось, стиралось, отмывалось. Даже картины, которые приняли такой вид, что трудно было разобрать, что на них изображено, и те были вытерты и вычищены так, что красовались в полном своем великолепии.

Главное внимание всех, конечно, сосредоточивалось на движение корабля на запад. И как прояснились лица, стоило только повеять попутному ветру! Еще вчера унылые, неразговорчивые люди, неохотно исполнявшие свои несложные обязанности, вдруг оживлялись, становились веселыми, бодрыми. Вчера ни от кого нельзя было добиться большего, чем лаконического „да“ или „нет“, а теперь сыпались шутки, остроты, слышался заразительный смех. Особенно много потешал всех „придворный комик“ Петерсен. Он выдавал себя за предсказателя погоды. Правда, свои предсказания он благоразумно окутывал

в пифическую форму, но все же бывали периоды, когда его предсказания оправдывались одно за другим. Тогда он зазнавался и делал неосторожные шаги, которые развенчивали его авторитет. Так он предсказал, что до конца октября появится земля, и что до 27 июня корабль минует 80° восточной долготы. Ни то, ни иное не сбылось. Землю увидели, только окончив путешествие. А 80° миновали ровно месяц спустя!

Летом животный мир несколько увеличился. 22 июня вахтенный разбудил Свердрупа сообщением, что в полынье около „Фрама“ появились киты. Все поспешили на палубу и увидели семь или восемь нарвалов, играющих неподалеку в воде. По ним было дано несколько безрезультатных выстрелов. Свердруп попробовал приблизиться к нарвалам на лодке, но животные были очень пугливы и тотчас скрылись. На всякий случай решено было приготовить снаряжение для охоты, если бы нарвалы появились еще раз. Для этого к гарпунам приделали специальные пузыри и деревянные якоря на случай, если бы нарвал оказался слишком сильным, и веревку нельзя было удержать с лодки.

Конечно, у всех было страстное желание испытать действие охотничьего приспособления. Но нарвалы показывались редко и были очень осторожны, так что за все лето никому не удалось приблизиться к ним на такое расстояние, чтобы можно было бросить гарпун.

Один раз нарвалы вынырнули как раз около того места, где хранились приборы для охоты на них, и там в это время находился Свердруп. Но веревка, привязанная к гарпуну, оказалась слишком короткой, а пока Свердруп привязывал другую — животные были таковы!

Более успешной оказалась охота на птиц. Но и то не всегда. И первые охотничьи шаги Петерсена доставили много развлечения его товарищам. До экспедиции ему не приходилось никогда держать ружья в руках. Но теперь явилось странное желание прослыть за хорошего охотника. Однажды, когда он был на борту с ружьем в руках, около корабля опустилось несколько чаек. Петерсен при всеобщем внимании выстрелил раз, выстрелил два: птицы посмотрели с удивлением в сторону корабля, как бы подумали и, наконец, сочли за благо спокойно улететь от охотника, сопровождаемые теплыми пожеланиями неудачливого охотника и смехом остальных, видевших такой блестящий результат его „бомбардировки“. Но Петерсен вскоре поразил многих очень удачным выстрелом, снявши чайку на лету. С этих пор охотник очень возгордился. В дальнейшем неудача стала преследовать его за неудачей, пока, наконец, случайно он не обнаружил, что рукой какого-то злоумышленника или друга птиц дробь его патронов была высыпана и заменена солью! Всем пришлось согласиться с Петерсеном, что это все же несколько об'ясняло его охотничьи неудачи.

Подозревали, что в море водится северная или так называемая гренландская акула. Как-то Гендриксен опустил в воду несколько шкурок для того, чтобы их вымочить. Через неделю, придя за ними, он нашел только клочки и обрывки — вся кожа была с'едена каким-то неизвестным морским гурманом. По убеждению всех, это могла быть только акула. Поэтому решено было приготовить ей соответствующую закуску, и большой кусок приманки повесили на крюк. Но хищник не поддался на эту хитрость, и приманка осталась не тронутой.

С наступлением лета доктор Блессинг возобновил свою охоту на водоросли и микроорганизмы. Но на этот раз он тоже был не особенно удачлив. Неизвестно от чего это зависело: от местности, где находился „Фрам“, от особенностей погоды или от иных причин, но число микроорганизмов было чрезвычайно ничтожно. Иногда целые дни проходили в поисках за водорослью, но напрасно — доктор со своей охоты приходил так же с пустыми руками, как и неудачливые китоловы „Фрама“.

Летом „Фрам“ освободился от льда. Событие это совершилось спокойно, незаметно. Громадная ледяная глыба, на которой он покоился почти два года, стала давать во всех направлениях трещины, так что целой оставалась сравнительно небольшая часть, на которой как раз держался „Фрам“. Свердруп решился помочь „Фраму“ освободиться от ледяного основания. Около носа корабля на расстоянии трех метров в льдине была пробуровлена скважина, и был заложен динамитный заряд в три килограмма. Взрыв был довольно сильный, но результат незначительный — только несколько глыб льда откололось от основной массы. Тут знатоки подрывного дела стали совещаться, что делать дальше. Одни говорили, что надо заложить новую мину, покрепче, фунтов, по крайней мере, 12, другие советовали предоставить дело естественному течению вещей, как вдруг корабль покачнулся и тихо стал опускаться вниз, как со штальпеля при постройке, и плавно, тихо с'ехал на воду.

Все, находившиеся на борту, почти не почувствовали перемены. Не так было с теми, кто производил взрыв. Скот, Гансен и Петерсен еще находились на воде поблизости „Фрама“, в маленькой лодочке. От движения массы льда и корабля на воде образовались очень сильное волнение и водовороты, которые подхватили легкую лодочку и вот-вот грозили перевернуть и втянуть в глубину. Надо было видеть испуганные лица обоих мореплавателей! Но, к счастью, дело обошлось одним страхом.

Несмотря на двухлетнее пребывание в льдах, корабль попрежнему прекрасно держался на воде. Заметна была лишь маленькая течь, так что время от времени приходилось откачивать воду насосом.

Попрежнему во время бесед, за столом или вечером в гостиной, речи постоянно возвращались к судьбе Нансена и Иогансена. За них

почти не беспокоились и были уверены, что им удастся еще этой осенью вернуться домой. Всем было приятно сознавать, что домашние получают весть, в каких условиях находился „Фрам“, и о том, что все здоровы, бодры и надеются скоро вернуться домой. Но вместе с тем всем хотелось вернуться не позже самого раннего срока, будущей осенью.

Конечно, если бы пришлось провести зиму или даже две лишних зимы, то припасов и топлива хватило бы с излишком. Но все понимали, что задача экспедиции уже выполнена, и плавание экспедиции для дальнейших открытий уже значения не имело: свою задачу „Фрам“ уже выполнил, и оставалось одно — возможно скорее и прямее вернуться домой.

Первая половина лета шла очень хорошо. 22 июня „Фрам“ находился на $80^{\circ} 58'$ восточной долготы, а 22 июля — под $72^{\circ} 56'$. Но с этого времени начался период блужданий. Весь конец июля, август и сентябрь „Фрам“ слонялся то взад, то вперед, пока, наконец, 2 сентября, не очутился дальше от цели, чем три месяца тому назад, а именно под $82^{\circ} 5'$ восточной долготы. Зато он был севернее, чем когда-либо, и уже перешагнул 85-ю параллель.

Между тем, кораблю, плывущему среди льда, не раз грозили опасности. Особенно критическим стало его положение, когда к нему подплыла громадная ледяная глыба и застряла между бортом корабля, с одной стороны, и противоположным берегом полыньи. Такое соседство ледяной громады, на много превышавшей борты корабля, не сулило ничего доброго, и решено было так или иначе избавиться от непрошеного попутчика. Подрывники Скотт, Гансен и Нордаль принялись за работу, но не успели они достигнуть заметных результатов, как наступило давление льдов. Но и на этот раз „Фрам“ оказался верен себе. Насколько легко он скатился с льдин при освобождении от них, настолько теперь он легко дал себя поднять, когда они надавили на него, при чем задняя часть корабля поднялась на 60 сантиметров, а передняя на 40. Но это не было еще окончательным закреплением корабля в льдах. Через несколько дней он опять освободился и поплыл по воде. Но положение его между громадными льдинами было очень неблагоприятно, и решено было так или иначе отвести его подальше от опасного соседства. Однако, в течение нескольких дней все усилия были напрасны, и „Фрам“ не поддавался соединенным усилиям одиннадцати человек.

А, между тем, неподалеку была превосходнейшая стоянка для корабля. Окруженная с трех сторон ровным, толстым, крепким льдом, она образовала среди пловучих глыб как бы тихую и безопасную пристань. Но как дотащить туда корабль? Почти две недели трудились над этим. Иногда казалось, что цель недостижима, и все усилия протащить корабль или прорубить канал не приведут ни к чему.

Но что не под силу было людям, сделали ветры. 2 сентября, когда надежды сдвинуть корабль были потеряны, и вследствие наступающих морозов стал образовываться крепкий новый лед, поднялась с юго-востока буря с дождем и разбила лед. Воспользовавшись этим, приналегли на канаты и к полудню втащили судно в тихую гавань, где „Фраму“ было суждено провести свою последнюю зиму среди льдов.

Когда Нансен и Иогансен ушли с корабля, там оставалось всего семь собак: „Сусси“ и 6 молодых. Но уже в начале апреля четвероногое население значительно увеличилось, так как Сусси принесла сразу 12 щенят! Пока щенят держали в каюте, они прекрасно росли. Некоторые были очень красивы, чистой белой шерсти. Щенки были, конечно, всеобщими любимцами, и всякий балсвал их, как мог. Но через месяц их перевели на палубу в общее помещение с другими собаками, и щенки как-то сразу захирели, несмотря на отборную пищу, которую они получали — сырое медвежье мясо, молоко, остатки мяса от обеда. А в августе двое из них околели в судорогах в припадке той же неизвестной болезни, как и в прежних случаях. Через некоторое время такой же припадок случился и с третьим щенком, но его доктору удалось спасти при помощи горячей ванны.

Летом щенки были выпущены на лед. Это доставляло им такую радость, что они носились и возились, как бешеные. Приходилось все время наблюдать за ними, так как то тот, то иной в припадке сумасшедшего восторга вдруг оступался и скатывался в воду, откуда его приходилось вылавливать.

Нравом молодые собаки были добрее, благовоспитаннее и не дрались так ожесточенно между собою, как это делали старые собаки.

В октябре собачья колония получила еще прирост в виде щенков от собаки „Сквинт“. Но так как наступали холодные времена, а собака была молодая, то ей был оставлен в виде опыта всего только один щенок. Все молодые щенки и их матери жили в одном помещении. Но вскоре это оказалось невозможным. Довольно было одной из матерей на минуту отлучиться, как оставшаяся брала в свое обладание всех щенков, и возвратившейся матери приходилось зубами и когтями отстаивать свои материнские права, восстанавливать свое право собственности. Однажды утром, при осмотре собак, нашли на льду у входа в конуру собаку „Сквинт“. С трудом удалось поднять ее; она оказалась примерзшей к льду, на котором лежала, а хвост ее примерз к ноге. Ее отогрели и потом некоторое время держали в каюте. Собак же для предотвращения таких эпизодов пришлось разделить, и „Сквинт“ со своим детенышем получила отдельную „дачу“, где могла жить мирно и тихо.

С первой половины сентября стало заметно приближение зимы. По ночам стали довольно заметны морозы, и лед кругом корабля так окреп,

что по нему можно было ходить. Лишь за кормой, куда выбрасывались отбросы, лед оставался слабым. Между тем, как раз там висел лот, и поэтому то тот, то иной участник экспедиции подходил туда, чтобы посмотреть, в каком направлении движется „Фрам“. И случилось так, что в один день последовательно провалилось трое. Началось с Петерсена — едва только он приблизился, чтобы посмотреть, что хорошего сулит лот, как лед провалился под ним, и он с трудом выбрался на крепкое место. Недолго спустя то же самое приключилось с Нордалем, и полчаса затем за кормой раздался крик Бентсена, который провалился с головой в воду и с трудом выкарабкивался на лед.

22 сентября была отпразднована вторая годовщина пребывания „Фрама“ среди льдов. Сопоставляя все данные за этот год, приходилось признать его благоприятным. Льды довольно далеко продвинули „Фрам“ в нужном направлении. Огорчало лишь то, что как раз последний осенний период не принес ничего хорошего: „Фрам“ находился теперь восточнее, чем три месяца тому назад, и, в сущности говоря, надежды к осени будущего года попасть домой были очень и очень слабы.

Но как раз 22 сентября кончилось блуждание ледяных полей. Началось то, что Свердруп называл „зимним дрейфом“, и „Фрам“ стал двигаться на запад с постоянной средней скоростью $3\frac{1}{2}$ километров в сутки.

В начале сентября Свердруп с беспокойством убедился, что „Фрам“ имеет довольно сильную течь. Пришлось каждый день довольно усиленно работать насосами для того, чтобы откачивать набирающуюся воду. Но с 23 сентября течь стала уменьшаться и, наконец, прекратилась вовсе.

На зиму почти все работы прекратились и велись только научные наблюдения. Специально для магнитных наблюдений Гансен выстроил просторную ледяную обсерваторию. При помощи собак он с помощниками доставил нужный запас ледяных глыб и из них сложил просторное помещение для наблюдателей и инструментов. По случаю окончания постройки он устроил праздник — „новоселье“. Помещение было меблировано несколькими стульями и диванчиком, а столом служила громадная глыба льда. На столе стояла лампа с красным абажуром, а на стенах висело множество бумажных фонарей, так что все помещение имело фантастически-красивый вид. Хозяин обратился к присутствовавшим с шутивным приветствием, в котором несколько слов было посвящено каждому из присутствующих.

После Гансена выступил с речью Петерсен, который выразил чувства всех присутствующих, заявив, что он надеется, что этот прекрасный ледяной дворец является последним ледяным сооружением обитателей „Фрама“, и желает, чтобы на будущий год в это время все находились на родине в Норвегии и там чувствовали себя не хуже, чем здесь.

Около того времени произошло довольно важное для обитателей „Фрама“ событие: Петерсен вступил в отправление новой должности, приняв на себя все обязанности повара, кроме одной: за Юэлем осталась обязанность и право готовить рождественские печенья, в каковом искусстве он не имел себе равных.

Зима надвигалась быстро. Весь животный мир исчез, нарвалы более не показывались, чайки не кружились более над кораблем. Солнце начало склоняться к горизонту, и прежде, чем обитатели „Фрама“ успели оглядеться, — оно уже скрылось надолго, оставив корабль в объятиях полярной ночи, наиболее северной, какую когда-либо переживали человеческие существа: ведь, „Фрам“ в это время находился севернее 85-ой параллели.

Свердруп отмечает, как поразительно быстро совершается в полярных странах переход от ночи к дню и обратно. Весной кажется — вот еще непросветная ночь. Но чуть начинает светать, заря все более разгорается, и вдруг выкатывается солнце, и раз за разом оно подымается все выше и, наконец, не заходит совсем. Но еще быстрее закат. Только солнце начнет заходить, по ночам, как дни становятся все короче, и вот — солнце лишь чуть выглядывает в полдень, а там уже скрылось надолго, и вслед за ним быстро гаснет последний отблеск зари.

Так как необходимых занятий было мало, то Свердруп сделал распоряжение, чтобы и зимой, по крайней мере по два часа, все проводили в движении на открытом воздухе. Сам он с удовольствием проделывал это, иногда бродя по много часов по льдам.

В общем зима прошла монотонно. Сильных давлений льда не было. Правда, во многих местах появились трещины, но это не отражалось на жизни корабля. Один раз при этом чуть не погиб запас угля, который хранился на льду. Новообразовавшаяся трещина открылась как раз в таком направлении, что она должна была пройти через груды угля. Но, странным образом, как раз перед кучей угля она разделилась на два канала и с обеих сторон обогнула кучу с углем, так что уголь оказался плывущим на небольшом ледяном острове.

Конечно, были приняты все меры к спасению угля. Плавающий ледяной остров причалили к берегу, и весь уголь был перенесен на новое безопасное место. Только один мешок с углем по неосторожности скатился в воду и потонул. Убыток — 50 килограммов.

Однажды, очень большая ледяная глыба, вынырнувшая из глубины вследствие сдвигов ледяных масс, оказалась в близком соседстве с „Фрамом“ и стала напирать на его корму. Но „Фраму“ это было не впервые, и, как всегда от соприкосновения с кораблем, пострадал опять только лед: глыба развалилась на небольшие куски, которые долго грудой лежали с обеих сторон корабля.

В конце зимы, в феврале месяце, в морозный, как обычно, день — температура утром была 20¹ мороза — Свердруп к вечеру вышел на палубу. Но лишь он высунул голову из-под навеса, как вскочил перепуганный: на него повеяло таким теплым воздухом, что первой мыслью его было: на „Фраме“ пожар! Но это была только игра северной погоды. С 25⁰ мороза температура за несколько часов поднялась до 6⁰. Конечно, в закрытых помещениях, где воздух неподвижен, таких изменений не могло быть, и в то время, как на открытом воздухе было 6⁰, под навесом корабля было 19⁰ мороза.

Такая резкая перемена температуры обычно была предвестницей бури. И, действительно, в течение ближайших нескольких дней свирепствовала невиданная снежная буря, так что с корабля нельзя было высунуть носа. Даже научные наблюдения, производимые на льду, пришлось приостановить: все помещения были так занесены снегом, врывавшимся со всех сторон, что нельзя было и думать о чтении показаний инструментов. Но такая погода не влияла плохо на настроение обитателей „Фрама“, которым нужно было одно — не стоять на месте. И часто в плохую погоду у всех настроение было значительно лучше, чем в тихую и ясную.

С конца февраля начался период удачных охот. Сезон был начат появлением двух медведей.

Утром 28 февраля Свердруп был разбужен Петерсеном, который сообщил, что вблизи корабля появились медведи. Свердруп захватил ружье и побегал на палубу. Было так темно, что трудно было что-либо различить. Но вот Свердруп увидел двух медведей, приближающихся к кораблю. Подойдя на расстояние около 300 шагов, медведи остановились, как бы посоветовались, что делать, и повернули назад. Свердруп хотел было стрелять но было слишком далеко и слишком темно.

„Нет ли чего, что сильно пахнет; чтобы приманить их?“ — спросил Свердруп. Петерсен не заставил просить два раза и прибежал с сковородкой с жженым маслом и луком, которую положили на борту.

Свердруп пошел вниз, чтобы одеться потеплее, но не успел он накинуть на себя меховое пальто, как вбежал Петерсен и стал торопить, говоря, что медведи идут уже обратно.

Со всех ног кинулся Свердруп назад — действительно, медведи стояли на расстоянии 150 шагов. Свердруп прицелился хорошенько с упора и выстрелил — но винтовка дала осечку. Медведи, между тем, топтались нерешительно на одном месте, подумывая, вероятно, об отступлении. Но вот, наконец, выстрел раздался, и самый большой медведь свалился с ужасным ревом. Второй выстрел — свалился и второй, сделав удивительный прыжок в воздухе. Медведи, однако, поднялись и пробовали

бежать, но свалились опять. Свердруп выстрелил еще два раза, но все же медведи были только ранены. Петерсен так увлекся охотой, что сбежал на лед и без оружия бросился к раненым медведям. Однако, на полдороге он образумился и стал звать Бентсена с собой. Но тот наотрез отказался делать знакомство с ранеными зверями. Тут прибежал на лед и Свердруп и двумя выстрелами покончил с медведями.

Эта охота была большой удачей для „Фрама“, так как 16 месяцев прошло с тех пор, как они видели последнего медведя и 14 месяцев с момента, когда ели медвежье мясо. Появление медвежьего жаркого, конечно, было всеми радостно приветствовано, и все высказывали пожелания, чтобы такие посещения были почаще.

Первым посланцем весны была птичка, снежный звук, появившаяся около корабля в конце апреля. Она спустилась на одну из лодок и несколько дней находилась поблизости от корабля. Ей оставлялись крошки, крупа, и она сделалась очень ручной. Спустя некоторое время она исчезла, но 3 мая появилась уже пара таких же птичек, и жители „Фрама“ были уверены, что это та же птичка, но только со своей подругой, которую она привела, чтобы поблагодарить за гостеприимство. Собаки, однако, не были воспитаны в достаточно светском духе и при виде птичек подняли такой скандал, что те поспешили улететь во-свояси.

С тех пор и птицы и звери появлялись довольно часто, и в течение лета „Фрам“ мог похвалиться многочисленнейшими трофеями победы: было убито 16 больших медведей и один медвежонок, не мало тюленей и много десятков птиц. Это очень благотворно отражалось на судьбе экспедиции. С одной стороны, свежий стол был очень кстати. В последнее время все понемногу стали убывать в весе, но с появлением свежего мяса — здоровье восстановилось, и каждое взвешивание снова давало показание об увеличении веса по всей линии экипажа „Фрама“. Кроме того, охота давала прекрасное развлечение для всех. Это было тем более необходимо, что настроение подчас падало очень низко, так как шансы вернуться домой ближайшей осенью казались очень незначительными.

Из охотничьих эпизодов следует отметить только один, когда удалось поймать живого медвежонка. Однажды, в виду корабля появилась медведица с детенышем. Опять в ход был пущен обычный прием приманивания — сожгли на палубе кусочек сала. Но медведица была очень осторожной и не приближалась ближе 300 шагов. Тут штурман не выдержал и выстрелил. За ним последовали и другие. Медведица сделала несколько шагов и свалилась мертвой.

Когда охотники приблизились, медвежонок оставался сидеть на теле матери и не показывал никаких признаков испуга. Ему одели петлю на шею и повели с собой. Пока рядом везли тело матери, медвежонок

шел спокойно. Но когда на борту корабля его отделили от матери, он впал в такую ярость и стал производить такой шум и рев, что весь корабль был полон им. Только в те минуты, когда он был занят проглатыванием бросаемой ему пищи, он был тих, но только успевал проглотить, как опять начинал бесноваться. На другое утро после ночи, в течение которой медвежонок умудрился не дать никому спокойно соснуть, Свердруп решил избавиться от беспокойного пассажира, и медвежонок, ко всеобщему огорчению, пришлось убить.

Как уже упоминалось, „Фрам“ в течение всей зимы двигался хорошо, в соответствии с желаниями его обитателей. Держась все время 85-й параллели, он неизменно двигался к западу, при чем с сентября к началу января прошел расстояние от $82^{\circ} 5'$ до $41^{\circ} 41'$ восточной долготы.

Дневник Свердрупа описывает целый ряд праздников, которыми отмечались достижение того или другого западного предела. Так, 26 ноября корабль наконец миновал 60° долготы и находился на одном уровне с Хабаровкой. Так как два с лишним года тому назад именно в Хабаровке экспедиция соприкоснулась с последними следами цивилизации, то теперь всем казалось, что возвращение на запад до долготы Хабаровки свидетельствовало о приближении к человеческой культуре и жизни.

Во время упомянутой снежной бури, последовавшей за чрезвычайными колебаниями температуры, „Фрам“ покрыл рекордное расстояние и в течение января месяца прошел с 48° по 25° восточной долготы. 1 февраля корабль находился на одном уровне с Вардэ, что было отпраздновано маленьким пиром. Потом течение стало значительно медленнее к западу, но зато сильнее к югу, что опять вполне соответствовало горячим пожеланиям всех. И 17 мая, когда в третий раз праздновали норвежский национальный праздник, корабль находился на $83^{\circ} 45'$ северной широты и $12^{\circ} 50'$ восточной долготы.

После 17 мая начали уже готовиться к плаванию. Прежде всего предстояло приготовить машину. Котел был наполнен водой, при чем воду пришлось носить в ведрах и особым рукавом вливать в котел. одновременно шла трудная работа по расчистке от льда кормовой части судна, чтобы дать место рулю и освободить винт. 19 мая впервые после осени 1893 года под котлом был разведен огонь. Когда пар был готов, его при помощи особого рукава направили в канал, через который проходил вал винта. Действие пара было прекрасно, и лед в канале быстро таял. После обеда все спустились в машинное отделение, чтобы всеобщими усилиями сдвинуть винтовой вал. Это было очень трудно, так как остатки льда и ржавчины от двухлетней бездеятельности не давали вращаться. Наконец, все же удалось повернуть его на $\frac{3}{4}$ оборота, что было достаточно значительным успехом.

На следующий день рукав с паром был направлен на кормовую часть корабля, чтобы растопить имевшиеся там глыбы льда.

И вот после обеда Амундсен пустил машину в ход, в то время как все остальные смотрели, радуясь при виде работавшей машины и вращающегося винта.

„Это было целым событием, — пишет Свердруп, — это наполняло нас новым мужеством и надеждой, что мы быстро будем освобождены из нашего заключения, как бы ни был еще труден и долог путь. „Фрам“ не был более беспомощным мячиком, который прихоть пловучих льдов забрасывала то туда, то сюда. Наш мужественный корабль после долголетней спячки пробудился к новой жизни, и мы радовались, чувствуя первые удары его сильно трепещущего сердца. Казалось, что „Фрам“ понимает нас и хочет сказать: „Вперед! На юг! Домой!“

Однако, от приведения в действие машины до движения корабля было еще далеко. Кругом был крепкий лед. Правда, что в метрах двухстах начиналась полынья, которая, насколько хватало глаз, шла к югу. Но форсировать ледяной пояс не было никакой возможности, и приходилось ожидать действия солнца и ветров. Кроме того, корабль все еще находился около 84-ой параллели, а свободное море можно было встретить не раньше 79-78-ой. Поэтому оставалось терпеливо ждать.

Но вот, в самом конце мая, на юге образовалось очень большое пространство свободного моря с темным небом над ним. Поэтому Свердруп решил уступить настояниям своих товарищей и попробовать насильно выбраться из льдин.

С раннего утра все до единого с неописуемым энтузиазмом и рвением принялись за работу.

Первым делом предстояло освободить „Фрам“ от ледяного ложа, на котором он покоился. Около часу дня, на приличном расстоянии от „Фрама“ была заложена большая мина в 50 килограммов черного пороха. Действие взрыва было великолепно: громадные глыбы откололись от льдины на которой покоился „Фрам“, и поплыли в канал. Теперь оставалось подорвать лед поблизости от корабля. Но, конечно, это приходилось делать, соблюдая большие осторожности, чтобы не повредить корпуса корабля.

Взрыв мины произошел с ужасающей силой. Поднявшийся громадный столб воды обрушился на корму корабля. Куски льда, иные весом около 50 килограммов, посыпались градом на навес над палубой. В критическом положении оказались опять подрывники, которые находились на льду и не успели отбежать достаточно далеко — обломки и осколки льда посыпались им вслед в спину. И все же глыба оставалась еще целой и цепко держала корабль.

Опять началось бурение, пиление и сверление, опять были заложены две большие мины и несколько поменьше. Но и они не имели достаточного действия. Тогда решено было заложить две пироксилиновых мины. Но во время бурения сломался бурав, и пришлось приостановить работу, пока не был наточен другой бурав. А тут подошла ночь, и в 12 часов пришлось пойти отдохнуть после неустанной работы с самого утра. На другой день работы возобновились уже с 6 часов утра, но, несмотря на новые мины, глыба не раскалывалась, и после многих напрасных усилий работы пришлось прекратить.

Но 2 июня лед сам раскололся недалеко от корабля. Тогда опять начали закладывать мины, и, наконец, после нескольких неудачных опытов, рискнули заложить очень сильную мину, недалеко от судна — всего в пяти метрах от его корпуса.

Толчок был ужасен — все картины попадали в гостиную со стен, в каюте Свердрупа свалились со стены часы, в машинном отделении разбилась бутылка и стекло лампы. Но и лед достаточно пострадал от взрыва. Одним ударом „Фрам“ оказался почти совершенно свободным, и лишь кормовая часть его еще еле держалась на льдине. На этот раз, не желая поздно ночью возиться с закреплением судна канатами, решили оставить его так, как есть, и все, страшно довольные результатами работы, отправились в гостиную, чтобы сытным и вкусным ужином вознаградить себя за труды последних дней.

На следующий день действительно без особого труда удалось освободить „Фрам“ от последних остатков льда. Подрывники отправились на лед перед носом корабля для того, чтобы освободить пред ним место, а Свердруп пошел к кормовой части откалывать лед с другой стороны. Не прошло, однако, и пяти минут, как корабль вдруг вздрогнул, подался вперед, и кормовая часть понизилась, опустилась. И вот „Фрам“ опять плывет на воде, готовый прокладывать себе путь среди льдов.

В первые дни после освобождения, лед был еще спокоен. Но потом начались опять давления, и одно время „Фрам“ опять был поднят льдинами на высоту около метра. Лишь 12 июня лед раздался в стороны, и корабль окончательно оказался на воде.

Но тут встала новая задача. Надо было протащить „Фрам“ через узкий канал, за которым было свободное водное пространство, и откуда можно было начать уже по-настоящему пробиваться между льдов. Но тащить корабль было немыслимо, в виду громадного количества мелких льдин, плавающих кругом. Поэтому Свердруп дал приказ развести пары. Но, прежде чем пары были готовы, канал так расширился, что оказалось возможным протащить судно через самое узкое место на канатах. Когда пары были готовы, „Фрам“ переплыл через свободное пространство

воды, которое, к сожалению, оказалось лишь небольшим прудом. Тут „Фраму“ пришлось выжидать до 14 июня, когда лед стал более хрупким, и в льдинах образовался новый канал, соединяющий полынью, в которой находился корабль, с другой, по виду гораздо большей. Но канал был очень узок. И как ни пытался „Фрам“ форсировать проход, ему пришлось остаться на прежнем месте. Лишь 27 июня Свердруп сделал опять попытку пробивать путь, на этот раз удалось пройти к югу приблизительно 4 километра. Потом опять пришлось стоять неподвижно до третьего июля, когда прошли целых шесть километров. В течение последующих дней делались постоянные попытки пробиваться вперед, но в лучшем случае это давало всего лишь несколько километров в день, при очень тяжелой и упорной работе для всех.

Как на беду начались восточные ветры. И если 6 июля „Фрам“ находился на $83^{\circ} 2'$ северной широты, то 13 июля он был на $83^{\circ} 12'$ т.е. течение отнесло корабль значительно дальше к северу, чем он за все это время продвинулся, пробивая себе путь к югу. Поэтому борьбу со льдами прекратили, и стали выжидать помощи от природы.

17 июля лед оказался опять таким разрозненным, разбитым, что нельзя было не попытать счастья. И, действительно, этот день принес прекрасный результат: удалось пройти к югу 40 километров, так что утром корабль находился на $83^{\circ} 14'$, в полдень на $82^{\circ} 52'$, а вечером — $82^{\circ} 39'$. И последующие дни до 27 июля дело подвигалось хорошо. Каждый день удавалось проходить довольно большие расстояния, так что собственное движение „Фрама“ имело уже большее влияние, чем движение ледяного поля, и 27 июля корабль находился под $81^{\circ} 32'$ северной широты.

Но в следующие дни лед опять сделался хуже, и корабль двигался утомительно медленно. А с 3 августа по 8-ое пришлось стоять на месте из-за невозможности продвинуться хотя бы на шаг.

8 августа опять пошли вперед. Такое движение среди льдов было не только медленным и утомительным, но оно было также полно опасностей. Иногда небольшие по виду льдины оказывались громадными подводными плавающими горами. Малейшее движение и толчок выводил их из равновесия, они обрушивались, меняя свое положение, и при этом не раз наносили очень сильные удары. Так, однажды, Свердруп с мостка увидел, что над краем ледяного поля показываются выступы ледяной глыбы, находящейся под водой. Он дал тотчас приказ обогнуть эту глыбу, но как раз в тот момент, когда Свердруп рассчитывал, что он уже вне досягаемости глыбы, она вдруг вынырнула из-под воды с такой силой, что только пена рассыпалась кругом. При этом одним краем глыба нанесла такой удар „Фраму“, что он был далеко отброшен в сторону. Свердруп полагает, что никакой иной корабль не выдержал бы такого удара.

То же бывало и в тех случаях, когда корабль наталкивался на ледяные горы, уже значительно подточенные водой. Достаточно малейшего толчка, чтобы гора переворачивалась вверх дном, производя при своем падении страшный грохот и неся смерть и разрушение.

9, 10 и 11 августа продолжалась эта неустанная, изнуряющая борьба с ледяными оковами, и „Фрам“ достиг $81^{\circ} 48'$ северной широты. Ночью на 11 августа путь расчистился, и движение стало несколько быстрее. Но утром 12-го дорогу преградила громадная льдина. Решено было попытаться ее взорвать. В это время подплыла льдина и с другой стороны, и корабль казался сжатым с боков. Однако, не прошло и нескольких часов, как льдина раскололась, и перед кораблем открылся свободный проход.

В полдень опять новая льдина встала поперек пути, и опять пришлось томительно ожидать, пока освободится дорога. Лишь к пяти часам вечера двинулись вперед и до полуночи прошли приличное расстояние в 30 километров. После полуночи лед становился все мельче и реже. В три часа впереди показалась темная морская поверхность, и через четверть часа, мимо последних льдин, „Фрам“ вышел в открытое море.

Сперва были опасения, не является ли это только новой полыньей, за которой следует опять пояс льдов. Ведь, на этой широте обычно еще стоят льды. Но нет, сомнения напрасны, это было, действительно, открытое свободное море.

В знак уважения к побежденному противнику, дан был громовый салют из орудий, и „Фрам“, преодолев столько испытаний и опасностей, свободно и гордо понесся домой.

Около 7 часов утра с „Фрама“ увидели рыбацье парусное судно. „Фрам“ тотчас направил свой курс на него в намерении узнать вернулись ли Нансен и Иогансен. Подойдя ближе, „Фрам“ дал салют в честь первых людей, встреченных после долгого плавания, затем проманивировал перед изумленными рыбаками с другой стороны и опять дал салют, и наконец, подплыв ближе, с „Фрама“ задали вопрос:

— Вернулся ли Нансен и Иогансен?

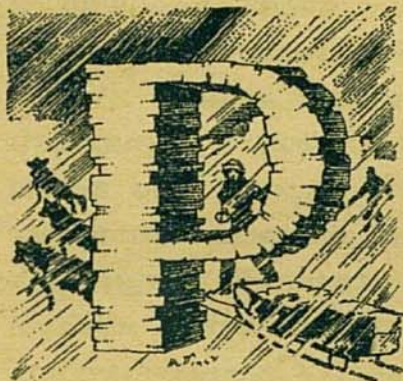
Весь экипаж „Фрама“ был уверен, что услышит „да“ и был готов покрыть это известие громовым „ура!“

Но, вместо этого, раздалось печальное:

— Нет.

К СЕВЕРУ НА САНЯХ

Трудный путь. Жизнь среди льдов. Лютые морозы. Трещины и ледяные горы. Северного полюса не достичь! 86° 14'.

АССТАВШИСЬ с провожавшими товарищами, Нансен со своим спутником Иогансеном бодро пошли вперед. Взбираясь на гряды льдов, они не раз еще оглянулись назад, не увидят ли над краем горизонта высокой оснастки „Фрама“. Но нет, кругом — только снега и льды.

Лед был неровный, и маленький караван часто наталкивался на гряды холмов и кучи нагромодившихся льдин. В этих местах приходилось помогать собакам перетаскивать сани и переносить их чуть ли не на руках. Иногда сани опрокидывались, и с большим трудом приходилось их подымать. К 6 часам вечера силы обоих путешественников были исчерпаны, и они вынуждены были остановиться на ночлег. Между тем, прошли не более 9 километров, что совершенно не соответствовало предположениям и расчетам Нансена. Но он утешал себя, что дальше и лед станет лучше, и сани, по мере уничтожения провианта, сделаются легче.

Ближайшие дни оправдали эти надежды, и, чем дальше шли к северу, тем лед становился ровнее. Но 16 марта натолкнулись на длинную трещину. Путешественники имели каяки, но они не считали благоразумным переправляться на них через открытое пространство. Прежде всего, вода была покрыта тонким слоем новообразовавшегося льда, который не мог выдержать тяжести человека, но сильно мешал бы движению каяка и даже мог порвать его обшивку. Кроме того, каждая перегрузка и нагрузка при морозе ниже 40 градусов была очень хлопотливым делом. И, наконец, каяки, впитав в себя воду, стали бы очень тяжелыми, так как вода сразу замерзла бы, и не было бы сил ее удалить. Поэтому решено было, пока возможно, обходить трещины. Но уже первая трещина оказалась очень длинной, и пришлось сделать большой обход, пока миновали ее, — и за день опять удалось пройти к северу не более 9 километров.

Но в следующие дни лед становился все ровнее, дорога делалась легче, кроме того, создавалась привычка, усваивались нужные приемы, и в день удавалось пройти до 15 километров пути.

Двигаться можно было бы и скорее, если бы не маленькие случайности и приключения, которые очень задерживали движение. Так, однажды, заметили, что торчащий из саней мешок с рыбной мукой наткнулся на острый край льдины и разорвался, и драгоценное содержимое его высыпалось по дороге. Пришлось остановиться, и прошло не менее часа, пока вся мука была тщательно собрана, и мешок зачинен. В другой раз испортился „одометр“, измеритель пути, и пришлось его чинить, потратив на это несколько часов, хотя через несколько дней одометр все же был потерян. Несмотря на то, что лед в общем был очень хороший и ровный, местами все же приходилось преодолевать полосы взломанного ледяного поля, покрытого холмами, грядами и обломками льдин.

Но более всего страданий причиняла лютая стужа, и термометр упорно показывал температуру ниже 40°, иногда 44° мороза. Во время движения такой мороз был еще терпим, но он очень досаждал во время отдыха. Одежда в течение дня превращалась в ледяной панцырь, а ночью, когда путники забирались в мешки, она превращалась в мокрый бандаж, который утром опять моментально обледеневал. Спальный мешок все более пропитывался сыростью от испарений и с каждым днем становился тяжелее. Но труднее всего было, из-за морозов, производить какие-либо работы голыми руками. Особенно мучило шитье, а иглой приходилось орудовать постоянно, штопая и зашивая платье, мешки и упряжь собак. Руки от мороза покрылись язвами и ранами и не хотели слушаться. Глаза смыкались от утомления. Нос при неподвижном сидении понемножку окоченевал, но портные не могли бросить иглы, а иногда по целым часам, особенно по утрам, возились с этой неприятнейшей работой.

Несмотря на все, мужества они, однако, не теряли и бодро шли вперед. 21 марта удалось пройти рекордное расстояние 22 километра. Нансен надеялся, что теперь он уже достиг 85-ой параллели. И, действительно, произведенные им наблюдения показали 85°9'.

На следующий день — ряд неприятностей. Во-первых, утром оказалось так много необходимой мелкой работы по штопанью, починке, перевязыванию и перекладке, что это заняло всю первую половину дня. Только в 3 часа удалось двинуться в дальнейший путь. Затем резко изменилось качество пути, и лед стал очень неровным. Но все же, остановившись на привал около 9 часов, Нансен полагал, что и в этот день прошли не менее 15 километров.

23-го опять трудный лед, так что удалось пройти не более 11 километров. От постоянного поднимания и перетаскивания тяжело нагруженных саней даже ломило спину. В этот день убили первую собаку „Ливьегерен“. Шкуру ее сняли и мясо отдали другим собакам. Но многие из них

предпочли всю ночь сидеть голодными, чем притронуться к мясу своего товарища. Скоро, однако, собаки привыкли есть собачье мясо и даже ели вскоре со шкурой. Убивание собак и снятие с них шкур на морозе было и трудным и чрезвычайно неприятным делом, и Нансен всю жизнь с отвращением вспоминал эти моменты, когда приходилось так жестоко расправляться со своими верными четвероногими друзьями.

В следующие дни лед за небольшими исключениями был очень неровный и тяжелый, и путь — все более утомительный. Силы как людей, так и собак исчерпывались и, казалось, близились к концу.

Утро начинал Нансен. Во все время путешествия он исполнял обязанности повара. Поэтому он вставал первым и готовил завтрак, что отнимало около часу времени. Завтрак обычно состоял из шоколаду с бутербродами с пемиканом или из особой похлебки, составлявшей мешанку из муки, масла и воды. К этому присоединялся еще разведенный в горячей воде молочный порошок. Как только завтрак был готов, Нансен будил своего товарища. Вдвоем, не вылезая из спального мешка, они расстилали перед собой шерстяное одеяло, которое служило им вместо скатерти, и наслаждались едой. После еды некоторое время оставались в мешке, занося записи в дневники, и, наконец, приходилось расставаться с теплым мешком и думать о продолжении путешествия, несмотря на то, что во всех членах чувствовалась смертельная усталость, и казалось величайшим блаженством остаться в мешке еще хоть целых 24 часа.

Натянув на себя свое сырое, не успевшее просохнуть, верхнее платье, они убирали палатки, распутывали сбившуюся упряжь собак, запрягали их в сани и, как можно скорее, отправлялись снова в путь. В пути, по крайней мере, можно было несколько согреться.

Нансен с одними санями шел впереди, отыскивая путь, за ним следовал с парой саней Иогансен. Собаки послушно следовали за своими жоками. Но перед каждой неровностью или возвышением они беспомощно останавливались и ожидали содействия. Приходилось возвращаться и пособлять делу — поощряя кнутом или впрягаясь самому в сани, смотря по обстоятельствам дела. Обращение с собаками было жестоким и бесчеловечным. Бедные, всегда голодные, животные работали в течение дня, выбиваясь из сил, и получали за это только удары кнута, палок и ругань. Ночью же, после скудного ужина, им приходилось спать при лютой стуже, прямо на снегу. А в будущем их ожидало одно — быть убитыми и отданными на с'едение другим товарищам. Но делать было нечего: перспективы перед людьми были немногим более приятные.

Дневной переход продолжался, пока хватало сил, в общем около 9—10 часов. Остановка для отдыха полагалась всего одна, в середине дня. Но не огни для варки разводились, закусывали холодными

припасами: хлеб, мясо, пемикан и ливерный паштет. Сидеть усталым под открытым небом, глотая обледелую пищу, было малым удовольствием. И путешественники по возможности сокращали эти остановки и как можно скорей отправлялись в дальнейший путь. Обычно при этом каждый брал себе на дорогу по плитке шоколада.

К северу!

С удивлением Нансен заметил, что на этот раз ни он, ни Йогансен совершенно не испытывали жажды — этого страшного бича полярных экспедиций. Сам Нансен помнил, каким это было мучением во время его путешествия через Гренландию. Правда, собираясь в дорогу, он принял все меры против жажды, и оба они имели резиновую бутылку, которая утром наполнялась теплой водой и хранилась на груди. Но так как в течение нескольких дней бутылка оставалась неиспользованной, то Нансен перестал запасаться водой. В крайнем случае, он брал в рот кусочек пресного льда, который всюду можно было найти. Отсутствие жажды Нансен приписывал прекрасной походной кухне „Примус“. Эта кухня давала им столько жидкой хорошей пищи, что потребность организма в жидкости вполне удовлетворялась едой утром и вечером. В общем,

путешественники не только не испытывали недостатка в воде, но почти каждый день при уборке кухонного аппарата лишняя вода выливалась.

Вечером для привала выбирали такое место, где имелась хоть какая-нибудь защита от ветров. Иогансен устраивал собак и раздавал им пищу. Нансен разбивал палатку, отыскивал пресный лед, набивал им кастрюлю и разводил походную кухню, стараясь возможно скорее приготовить ужин. Ужин состоял попеременно или из похлебки из пемикана и сушеного картофеля, или из особого блюда, состоящего из рыбной муки, пшеничной муки и масла; на третий день обычно готовился гороховый, бобовый или чечевичный суп с хлебом и пемиканом. Вполне соглашаясь, что все блюда прекрасны, путники много спорили, какое из этих блюд лучше, пока, наконец, не восторжествовало мнение Нансена, что нет блюда лучше и вкуснее похлебки из рыбной муки.

Ужин еще не был готов, когда приходил Иогансен. Из саней доставались два мешка с частными вещами каждого (платье, дневники, очки и пр.), которые служили вместо подушек, заранее приготавливалось все нужное к утреннему завтраку, тщательно закрывался вход в палатку, и оба путешественника забирались в спальный мешок для того, чтобы согреться и высушить свое заледенелое платье.

Это было тяжелой задачей. Платье из ледяного панцыря мало-помалу превращалось в мокрый компресс, который не мог высохнуть в течение всей ночи и очень охлаждал тело, так что зубы начинали стучать друг о друга. Так сонные, холодные и голодные лежали они, ожидая ужина. Часто сам повар невольно засыпал и просыпался, когда похлебка бывала не только сварена, но и переварена. Он будил Иогансена и разливал горячий ужин. Но в этот момент величайшего благополучия часто сон оказывался таким непреодолимым, что заглушал все другие чувства, и Иогансен не раз засыпал, поднося ложку ко рту: рука опускалась, и драгоценная похлебка разливалась на одеяло, на мешок и на пол.

Иногда, когда путешественники чувствовали себя бодрее, они позволяли себе роскошь развести молочный порошок в горячей воде и запивали им ужин.

Но, вот, ужин кончен, теперь скорее — спать. Залезали, как можно глубже в мешок, закутывались, заворачивались, как могли, и засыпали сном праведным. Но и во сне им казалось, что они все идут по снегу, среди льдов, и каждый раз, просыпаясь, Нансен слышал, как Иогансен во сне понукает собак:

— „Стой“... — „Пошел“... — „Пойдешь ты, чорт возьми, у меня, или нет“... — „Чорт бы побрал вас вместе со всеми санями“.

Но и в мешке температура была лишь относительно теплой. Однажды Нансен проснулся с отмороженными кончиками пальцев на руке.

И когда утром путешественники пускались в дальнейший путь, они бывали так утомлены и сонны, что, шагая по снегу, буквально засыпали, пока, кувыркнувшись в снегу, не соприкасались с холодной и жесткой реальной действительностью.

От такой жизни силы таяли, воля слабела. А путь становился все хуже и хуже.

29 марта Нансен пишет:

„Мы все мучимся, но дело подвигается очень медленно. Лед посредственный, не такой, как я ожидал вначале. Часто мы натываемся на ледяные гребни, ужасного вида, встреча с которыми стоит очень много времени. Приходится идти вперед и искать путь, делая каждый раз более или менее значительные обходы. К тому же собаки сделались медленными и вялыми, так что идти с ними дальше почти невозможно. А тут это бесконечное распутывание обледеневшей упряжи с адскими узлами и петлями, развязывать которые становится все труднее. Собаки непрерывно перескакивают друг через друга: едва успеешь привести упряжь в порядок, они опять спутывают ее. Но вот сани останавливаются перед ледяной громадой. Собаки воют от нетерпения, так как они не могут следовать за своими товарищами, ушедшими вперед. Одна, а то и несколько из них перегрызают свою упряжь и бегут, куда им нравится. Приходится их ловить и связывать постромки, что на таком морозе не является работой слишком приятной. Если лед неровный, то это продолжается непрерывно, и, по меньшей мере, каждые полтора часа приходится останавливаться и распутывать постромки“.

Наблюдение 28 марта показало, что путешественники находились на 85° 30' северной широты. Нансен никак не мог постичь, в чем дело, так как по его расчетам они должны были находиться значительно севернее. Приходилось допустить, что или лед двигался слишком быстро к югу, или же в наблюдения вкралась ошибка.

Следующий день отмечен Нансеном, как день неудач. Несмотря на очень долгий дневной переход, далеко пройти не удалось, так как все время приходилось искать обходных путей и идти зигзагами. Наконец, лед сделался ровнее, и движение пошло скорее, но тут путь перегородила такая гряда ледяных глыб, какой они ни разу не встречали на своем пути. В довершение всего перед грядой тянулась длинная расщелина в толстом льде, глубиной в несколько раз больше человеческого роста. При переправке первых саней все собаки ввалились в эту расщелину, так что их с трудом вытащили на поверхность. Следующие сани ввалились в ледяной овраг целиком. Счастье, что они не разбились вдребезги... Их пришлось выгружать, отдельно вытаскивать все вещи, опять нагружать. При этой суматохе одна собака отвязалась и долгое время пропадала,

а остальные так перепутались, что привести их в порядок стоило большого труда.

Наконец, разбили палатку и после всех неудач и усилий готовились отдохнуть, забравшись в мешок перед пылающим „примусом“. Но, к довершению всех неудач, даже верная походная кухня на этот раз отказалась служить и не хотела гореть. Пришлось много возиться над ней, доставать инструменты, развинчивать и опять свинчивать, пока, наконец, Нансен не обнаружил, что вся беда происходила из-за маленького кусочка льда, попавшего под крышку и мешавшего закрыть резервуар со сжатым воздухом, который должен подавать керосин в горелку. Лишь к 5 часам утра был готов, наконец, ужин, который, конечно, не мог не показаться замечательно вкусным.

На следующий день Нансен проснулся около 3 часов пополудни. Конечно, при полярном непрерывном дне не имело большого значения, в какую пору суток идти, а в какую спать. С этого дня изменилась погода: ветер подул с юга, и сделалось так тепло, что путешественники сразу почувствовали лето — было „всего только“ 30° мороза.

В тот же день Иогансен живо почувствовал все прелести подобного „лета“. По ровному, хорошему льду путешественники с попутным ветром быстро двигались вперед. Вдруг, как раз перед первыми санями, лед дал трещину, и только сани переправились через нее, как за ними появилась широкая щель. Иогансен пытался переправиться, но лед подался под ним, и он обеими ногами очутился в воде. И вот на одном берегу стоит Нансен с санями, с палаткой и кухней, а на другом — Иогансен с мокрыми ногами, которые, конечно, моментально стали превращаться в сплошную глыбу льда. Использовать каяки нельзя было, так как они от путешествия по неровному льду во многих местах были продырявлены. Пришлось проделать большой окольный путь, пока обе части экспедиции не соединились. И, конечно, тотчас пришлось остановиться на ночлег, чтоб согреть Иогансена и дать ему возможность зачинить свое платье, которое разорвалось при этом приключении.

После морозов и неровной поверхности льда — мучительнее всего была бесконечная масса мелких забот и трудностей, которые приходилось помнить и улаживать. Так, например, 1 апреля Нансен встал в 7 часов вечера и тотчас принялся за варку утреннего завтрака. А, между тем, выступить в путь удалось лишь около 2 часов утра. Целых 7 часов ушло на сборку и прилаживание багажа. Началось с того, что надо было перегрузить санки, так как содержимое одного мешка с провиантом было уже уничтожено, и надо было достать другой мешок, сделав соответственную перегрузку всего багажа так, чтобы тяжесть была опять равномерной. При переупаковке обнаружилось, что один мешок с пемиканом, служивший

подушкой для каяка, разорвался. Пришлось приняться за зашивание мешка. Тут же открылось, что разорвался тоже мешок с рыбой. Зачинили и его. Но при кладке увидели, что еще один большой мешок зияет дырой. Затем занялись починкой и распутыванием упряжи собак, которая была сплетена в один общий обледенелый узел. Иогансен же должен был еще заштопать свои штаны.

Наконец, в 2 часа утра выступили в путь и шли довольно успешно, пока не наткнулись на гряды ледяных глыб, из которых одна была хуже другой. Около 9 часов утра сделали продолжительный дневной привал, разостлав свой спальный мешок под защитой высокой ледяной стены.

Не успел Нансен забраться в мешок, чтобы уничтожить свой холодный обед, как он впал в забытие. И ему причудился сон. Он в Норвегии. Первый день Рождества, и он в гостях у людей, которых видел всего один раз в своей жизни. Хозяева радушны, любезны, странно лишь, что просторная комната так холодна. На столе расставлены яства и между прочим — о восторг! — громадный рождественский гусь. Как радовался бедняга при виде такого яства. Тут начали собираться гости, непринужденно входя прямо через окна. Нансен идет навстречу гостям, но спотыкается о груды снега, каким-то образом оказавшегося в комнате, и — просыпается, дрожа от холода в мокром платье на пустынных пловучих льдах. Но долго душа не хотела примириться с суровой действительностью, с тем, что она не дома, в Норвегии, а здесь, в бесконечной дали от земли, в такой неуютной обстановке. И долго не исчезало невольное чувство разочарования.

Но опять „вперед“, „вперед“... На лыжах итти совсем нельзя. Лед неровен, но покрыт тонким слоем мягкого снега, который прикрывает эти неровности, так что на каждом шагу как бы западни и волчьи ямы; счастье, что дело обошлось без перелома ноги. Все время приходится делать обходы, с трудом отыскивать хоть мало-мальски сносную дорогу. И когда вечером остановились на ночной привал — Нансен чувствовал себя совершенно изнемогшим. К довершению всех бед, их дневной переход продолжался так долго, что они опоздали завести свои хронометры. Часы Иогансена стали, но часы Нансена еще тикали, хотя он не был уверен, не стояли ли они также.

2 апреля выступили в путь около 2 часов пополудни. Вначале поверхность льда была хорошей, но после нескольких широких, ровных ледяных полей опять начались обломки, холмы, щели и трещины. После полуночи натолкнулись на широкую полынью, покрытую слабым льдом. Так как пришлось бы делать очень большой обход, то решено было тут раскинуть палатку. На этом привале убили вторую собаку. Но опять восемь собак не захотели есть мясо товарища, и им пришлось дать пемикану.

Проснулся Нансен около полудня. Измерение высоты солнца показало, что лагерь находится всего только на 86^0 северной широты. Столько мучений и испытаний, и так мало результатов. И Нансен невольно начинает сомневаться, имеет ли смысл при таких условиях продолжать дальнейший путь.

Что северного полюса не достигнуть — это ясно уже давно. Если бы было больше собак. Тогда путешествие шло бы иначе. Чего бы не дал Нансен за то, чтобы иметь собак, которых ему должны были доставить в Оленек. Но собак не было. И вставал вопрос, имело ли смысл продолжать бесцельное скитание среди пловучих льдин. Не лучше ли скорее повернуть к земле Франца-Иосифа. Там, по крайней мере, возможны географические открытия.

Но покамест шли все еще вперед. Во время перехода Нансен все время высчитывал, какой путь прошли за все время, и, как он ни прикидывал, было очевидно, что им давно пора миновать 86 -ую параллель. Очевидно, их относил к югу лед. Ветры и течения — вот сильнейшие враги путешественников.

Движение становилось все труднее. Вот страничка из путевого дневника Нансена:

„Пятница, 5 апреля; в путь отправились вчера в 3 часа утра. Лед был плохой, с трещинами и грядками, так что подвигались мало. Эти трещины, с нагроможденными с обеих сторон глыбами льда, приводят нас в отчаяние, и постоянно приходится останавливаться. У каждой гряды я теряю массу времени, сперва на поиски дороги, а потом на переход; при этом, в виде разнообразия, иногда проваливаешься в воду, что вчера, например, со мной случилось два раза. Если мне трудно разыскивать дорогу и перетаскивать мои сани, то Иогансену с его двумя санями тоже приходится не лучше. Но он молодчина и справляется каждый раз. Вчера при переправе через трещину он опять ввалился по колено в воду; только что перед тем я на лыжах прошел это место и не заметил, что лед слабый. Он же шел следом за мной, рядом с санями, как вдруг лед стал подаваться, и он провалился, но, к счастью, ему удалось зацепиться за сани, и собаки, которые не остановились, вытащили его. Такая ванна, при невозможности высушить платье или переменить его, не является беспримерным удовольствием, и после нее на себе приходится нести ледяной панцырь, пока платье не высохнет на теле, что при такой температуре делается не так быстро“.

В то же утро опять Нансен сделал астрономические наблюдения и после отдыха, лежа в мешке, произвел вычисления. Оказалось, что широта равна была $86^0 2'$. Это было очень мало, но что же делать при таком состоянии льда? Главная беда была в том, что стали сдавать собаки. Их было слишком мало для такого путешествия...

Не только с каждым днем, но с каждым часом становилось яснее, что так итти дальше не имело смысла. Надо было поворачивать. Нансену хотелось бы продолжать движение вперед те тридцать дней, которые он по плану предназначил для движения, к северному полюсу. Но о северном полюсе речи быть не могло. В лучшем случае можно было надеяться достигнуть 87-ой параллели. Но и эта надежда таяла с каждым днем. Да и что давал бы для науки такой результат!

5 апреля Нансен записывает:

„Лед становится все хуже. Вчера он привел меня в отчаяние, и, когда мы сегодня утром остановились, я почти было решил повернуть назад. Но я хочу еще один день итти вперед для того, чтобы посмотреть, действительно ли лед к северу так плох, как он выглядит с ледяной глыбы в 10 метров высотой, у подножья которой мы остановились. Вчера мы прошли всего несколько километров. Трещины, гребни, неровный лед — это походит на сплошную морену, усеянную ледяными глыбами; и при этом неустанное поднимание саней при каждой неровности; богатыри — и те выбьются из сил...

Бесцельность нашего пребывания в этих местах становится все яснее. Пройти дальше к северу мы не в состоянии, а вернуться к земле Франца-Иосифа становится очень трудным. С другой стороны, если бы оказалось свободное время, то его мы сможем гораздо лучше использовать там“.

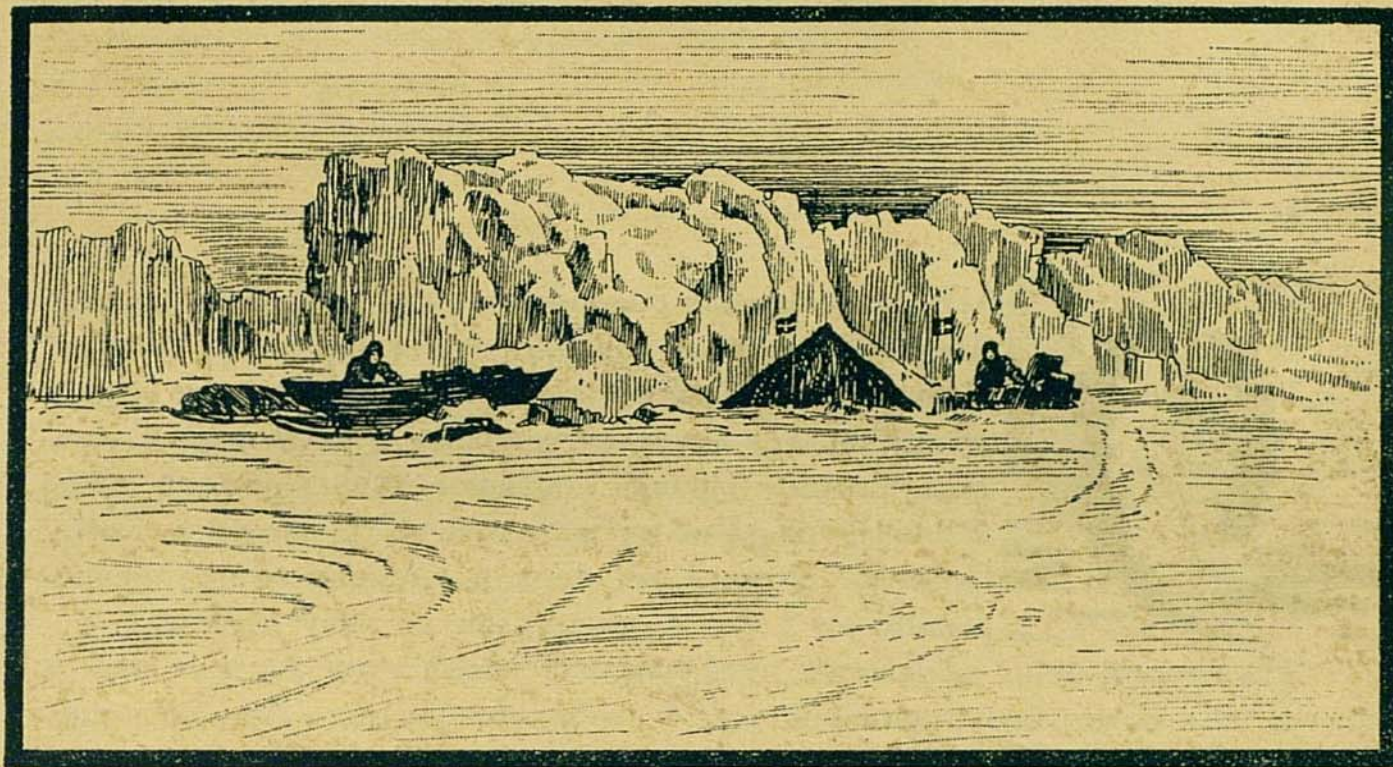
И, наконец, 8 апреля, за 6 дней до назначенного срока, решение было принято.

„Понедельник, 8 апреля. Нет, лед становится все хуже, и мы не продвигаемся вперед; одна гряда следует за другой, и нет ничего, кроме ледяных глыб, через которые нам приходится переправляться. Сегодня утром мы двинулись в путь около 2 часов и шли, пока было возможно, причем почти все время нам приходилось нести сани на руках; наконец это стало нестерпимым. Я отправился довольно далеко вперед на лыжах. Но разведка не дала надежды на продвижение вперед; даже у самых высоких холмов я видел такой же лед повсюду до самого горизонта. Терпеть дальше не имело смысла, так как достичь многого мы не могли. Если между нами и землей Франца-Иосифа лежит такой же лед, то нам придется потратить не мало времени. Поэтому я решил повернуть назад и итти в направлении к мысу Флигели.

На этой самой северной стоянке мы устроили себе великолепный пир, состоящий из хлебной похлебки, хлеба, мяса, сухого шоколада, сушеных ягод с горячим молочным напитком. Наевшись вдоволь, залезли мы в наш милый мешок, который был нашим лучшим другом“.

Нансен сделал наблюдение высоты меридиана и нашел, что они находились примерно на $86^{\circ}10'$ северной широты. Впоследствии, при

более точном вычислении, оказалось, что наиболее северный пункт, которого Нансен достиг, был $86^{\circ}13'$ северной широты и 95° восточной долготы.

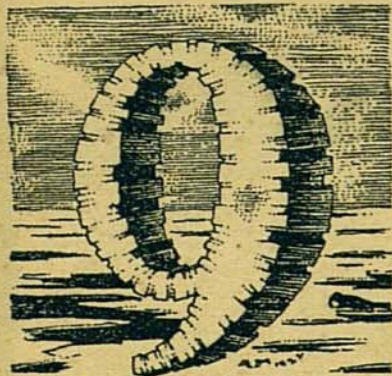

Лагерь у $86^{\circ}13'$ северной широты.

Таким образом, Нансен прошел пол дороги к полюсу от наиболее северного пункта, достигнутого до сих пор, проникнув к северу почти на целых три градуса дальше своих наиболее удачных предшественников. А между тем, в истории полярных открытий каждая новая параллель была великим событием, стоившим многих жертв и долгих усилий. После Гудзона, достигшего 81-ой параллели, прошло целых 200 лет, пока Пирри удалось перешагнуть 82-ую параллель. И затем, несмотря на чрезвычайное оживление полярных исследований, несмотря на громадные потраченные средства и бесчисленные жертвы, нужно было целых пол века, чтобы нога человеческая поднялась на следующую ступень, когда Маркхем перешагнул 83-ью параллель. Дальнейший северный рекорд Локвуда превосходил Маркхема только на несколько минут, и можно было ожидать, что опять понадобятся десятилетия, пока будет достигнута следующая ступень. Но 84-ую параллель Нансен перешагнул, еще не сходя с борта своего корабля, а теперь сразу оказался на три ступени выше своих предшественников. Несомненно, он имел право с чувством полного удовлетворения возвращаться на родину. Но от дома отделял его еще бесконечный, утомительный и полный безвестных опасностей путь.

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Часы остановились. Вычисления и предположения. Весна. Мучения собак. Первые тревоги. Число собак тает. Трещины и полыньи.

АПРЕЛЯ караван повернул к югу, держа путь к мысу Флигели, северной конечности земли Франца-Иосифа. Первый день обратного пути принес отрадную неожиданность: лед оказался хорошим и улучшался с каждым шагом. Правда, путники наталкивались и на ледяные гряды, но их оказалось не трудно преодолеть. Поэтому путники не теряли времени и шли непрерывно от 2 часов пополудни до часу ночи.

На второй день обратного пути уже в 5 часов утра караван был в пути и шел почти безостановочно до 6 часов пополудни. Лед был прекрасный, хотя попадались ледяные гряды и трещины, покрытые тонким льдом. Но трещины тянулись не поперек, а вдоль пути, так что редко приходилось переправляться через них. Лишь переправа через последнюю трещину прошла с приключениями. Нансен переправился первый, и, хотя лед подозрительно гнулся, он успел благополучно переправить на другую сторону первые сани и вернуться за вторыми. Но лишь первая собака упряжи достигла тонкого льда, покрытого слоем проступившей воды, она стала подозрительно тыкать мордой в воду, и лед под ней проломился. Фыркая и брызгая, собака старалась выбраться из воды, но тут в воду стали погружаться сани и остальные собаки — весь багаж грозил затонуть. Нансен успел, однако, повернуть собак и вытащить сани на твердый лед. Попробовали переправу в другом месте — но с тем же результатом: „Сугген“, шедший впереди других собак, провалился, и пришлось опять остаться на том берегу. Лишь путем длинного и утомительного обхода удалось переправить весь караван на другую сторону. Но все же за этот день пройдено было рекордное расстояние. Наградой явилась удобная стоянка для лагеря и теплая весенняя ночь — было всего 27° мороза. Поэтому и утро, проведенное за шитьем, было приятнее, чем когда-либо за все время путешествия.

В течение дальнейших трех дней дорога оставалась попрежнему хорошей, и каждый день удавалось проходить большие расстояния. Нансен

ломал голову в догадках, что означало такое внезапное изменение льда. Очевидно, они шли вдоль складок, и гряд, и трещин льда, между тем как на пути к северу они шли поперек.

12 апреля случилась большая и непоправимая беда: часы обоих путешественников оказались незаведенными и остановились. Стараясь использовать хорошее состояние льда, они шли так долго, что время между одним влезанием в мешок, когда они обычно заводили часы, и другим было слишком долгим.

Это несчастье могло оказаться роковым. Не зная точного времени, путники не могли определять своего местопребывания, и у обоих часы стояли. Однако, путем особых астрономических приемов — а именно, определения расстояния луны до солнца, Нансен рассчитывал точно установить время. У него на этот случай даже составлены были соответствующие таблицы. Однако, оказалось, что таблицы они позабыли на „Фраме“. Поэтому пришлось поставить часы „на глаз“, определив приблизительно то место, где они находились, и, в соответствии с этим поставив часы, Нансен надеялся, что ошибка не могла быть слишком значительной.

13 апреля — Страстная суббота. На каждом шагу попадались трещины, отклонявшие караван с его пути. Наконец, широкая полынья окончательно перегородила им дорогу. Попробовали обойти ее, но безрезультатно — трещина, очевидно, тянулась очень далеко. Поэтому Нансен счел наиболее благоразумным остановиться и спокойно провести ночь. Тем более, что ему хотелось проверить свои вычисления и наблюдения.

Конечно, на морозе в 30° орудовать логарифмическими таблицами и пальцами, окоченевшими от холода и покрытыми язвами, водить карандашом было не слишком приятно. Работа шла медленно и за вечер не поспела, тем более, что математик был и поваром, который должен был подумать о Пасхальном столе. И, конечно, в грязь лицом не ударил: подумать только — разбавленный водой молочный порошок, похлебка из рыбной муки, варенье, лимонный грог — последний был ни чем иным, как водой с разбавленным в ней кусочком плиточного лимонного сока с небольшим количеством сахара. Но оба путника нашли, что ужин был великолепен и после пиршества, около 2 часов ночи, улеглись спать.

С утра Нансен продолжал свои вычисления и провел над ними целый день, так что двинуться в путь могли только к вечеру. Возиться с вычислениями приходилось так долго потому, что Нансен никак не мог понять, почему они так мало продвинулись к югу. По наблюдениям выходило, что они были все еще за 86-ой параллелью, между тем как по расчетам Нансена, считавшего, что они должны были от места

последнего наблюдения пройти около 67 километров, они были примерно под $85^{\circ} 50'$. Но сомнению места не было; наблюдения были сделаны верно и вычисления правильны. Оставалось опять допустить, что мешает движение льдов. Как раз в последнее время ветер дул с юга. На „Фраме“ такой ветер приводил всех в хорошее расположение духа. Но теперь он только мешал путешественникам. Сопоставляя все данные, Нансен пришел к результату, что он находится на 86° восточной долготы и, в соответствии с этим, поставил свои часы. Могло быть, что они находились еще далее на запад, но Нансен предпочитал зайти к земле Франца-Иосифа с востока, чтобы идти потом к западу, если земля не будет найдена на той широте, где она должна находиться. Пока Нансен занимался вычислениями, Иогансен тоже не сидел без дела: он штопал, чинил, перевязывал, укладывал. Погода была прекрасная; только днем небо затянулось на время тучами, но вечером солнце опять заглянуло в палатку. Температура была высокой — только 25° мороза.

15 апреля в час ночи отправились в дальнейший путь. Выступление было отмечено маленьким инцидентом, который Нансен описывает так:

„Вторник, 16 апреля. Когда мы вчера утром, в час, собирались в путь, собака „Баро“ выскользнула прежде, чем мы запрягли ее. Она видела, что мы уже запрягли нескольких других собак, и знала, что следует за этим. Так как мне не хотелось потерять лучшую собаку из моей упряжки, то мы задержались. Я звал, кричал, искал за всеми ледяными холмами, но видел только гряды льдов за грядами, до самого горизонта, освещенные полуночным солнцем далекого севера. Ледяное царство мечтательно спало при ясном, холодном утреннем сиянии. Нам пришлось двинуться без собаки; когда я уже был уверен, что мне больше не увидеть ее красивенькой мордочки, я заметил, что она вдали шла следом за нами. Она явно стыдилась, и, когда я ее схватил и запрег, она с немой мольбой взглянула на меня. Я хотел отстегать собаку, но был обезоружен ее взглядом“.

Путь был не плохой, и караван подвигался быстро. Самая продолжительная задержка произошла из-за того, что Нансен потерял свой компас. Ему пришлось возвращаться назад и порядком пройти, пока компас, наконец, был найден. На обратном пути к каравану солнце пекло немилосердно, и Нансен впервые за время пути ощутил, что страдает от жары. Нагнав караван, он даже почувствовал себя дурно. Иогансена же он нашел сидящим на каяке и спящим на солнышке. Тепло и яркий свет делали обоих сонливыми, и это очень затрудняло путь. В 10 часов утра остановились на ночлег. К своему удивлению они увидели, что температура воздуха была 26° мороза. Поэтому искать „тени“ не приходилось, и палатку разбили прямо на самом „солнцепеке“, где и получили

приятный уют и тепло. Нансен приготовил великолепный праздничный ужин, который должен был возместить яства за первый и второй день Пасхи.

На следующий день было пройдено около 30 километров, так что всего от начала обратного пути получалось 126. Лед не был хорош по настоящему, но он был покрыт снегом, так что собаки легко сами тащили сани. В общем, путешественники не видели никаких оснований жаловаться.

„Погода прекрасна и не так холодна, чтобы было неприятно. В здешней атмосфере господствует замечательная уравновешенность и спокойствие. Свыше месяца идем мы по льду и ни разу не были задержаны плохой погодой: все время непрерывно светит солнце, за исключением нескольких дней, когда солнце показывалось только изредка. Жизнь становится все прекраснее, отвратительное время морозов миновало, и мы идем все ближе навстречу земле и лету. Теперь не представляет никакого страдания вставать утром и, в ожидании хорошего дневного марша, варить и затем лежать в мешке, в тепле и уюте, дремля и мечтая о будущем, когда мы вернемся домой.

Сегодня был занят обширными портняжными работами, так как мои штаны сильно поизносились. По сравнению с температурой в 40° , как было раньше, сидеть и шить при 28° мороза кажется очень легко“.

Единственной темной стороной существования путешественников была необходимость систематически убивать собак. Назначенную жертву обычно отводили в сторону, чтобы другие собаки не видели, что случится с их товарищем, и там убивали. Первых собак убивали ножом. Но это было очень неприятно и мучительно. Поэтому попробовали давить веревкой. Но руки обоих путешественников от мороза и работ стали такими бесчувственными, что этот способ пришлось оставить. Лучше же всего, конечно, было бы прибегнуть к ружью. Но приходилось экономить небольшое количество зарядов, имевшихся в распоряжении: кто знает, что может ожидать экспедицию впереди. Поэтому пришлось снова убивать собак ножом.

19 апреля дошли до $85^{\circ} 37'$ северной широты и $79^{\circ} 26'$ восточной долготы. По сравнению с тем, где они были 13 апреля, это означало, что они продвинулись на 82 километра — как раз такое расстояние, которое должно было получиться по предположениям Нансена. Было счастьем, что температура стояла все время между 20 и 30 градусами ниже нуля. Итти при такой температуре было легко, а вместе с тем, пока стояла такая температура, нечего было бояться, что вскрыется слишком много трещин во льду. Лишь бы только поскорее достигнуть земли!

Что означали трещины и полыньи во льду, в этом могли путники убедиться 20 апреля. Выступив накануне в 4 часа пополудни в путь,

они бодро и быстро шли вперед по ровному льду. Около полуночи устроили небольшой привал и слегка, но с превеликим наслаждением, вздремнули в своем мешке и пустились снова в путь. Но тут путь перегородила громадная трещина, какой им еще не приходилось встречать. Нансен, как всегда, отправился на разведку искать прохода. Но сколько он ни шел, как ни присматривался, всюду трещина была широкой и покрытой таким тонким льдом, что о переходе нечего было и думать. Между тем, на той стороне виден был такой ровный, гладкий и удобный для путешествия лед. Тут же приходилось беспомощно бродить по берегу, не видя никакой возможности переправиться. Видя полную бесцельность своих поисков, Нансен возвращался уже назад, как на обратном пути, неподалеку от места, где оставался караван, он, наконец, нашел место для переправы. Правда, при переходе свежий лед гнулся под ногами и грозил проломиться, но все же благополучно достигли противоположного берега. Тем временем, было уже 6 часов утра. Попробовали продолжать путь, но собаки, не кормленные уже в течение 48 часов, были слишком устали, и пришлось остановиться.

Около этой остановки путешественники сделали редкую находку: в течение всего времени скитаний на санях они кругом не видели ничего, кроме льда, снега и воды. Тут же они, к своему изумлению, заметили целый ствол, толстое бревно, торчащее над льдом. Это была, повидимому, сибирская лиственница. Силой давления льда она была одним концом приподнята над поверхностью льда. Конечно, если бы можно было взять бревно с собою, то оно могло бы послужить путешественникам в виде топлива. Но тащить такую тяжесть было невыносимо, и ограничились тем, что вырезали на стволе свои инициалы: F. N. H. J. 85° 30'. Нансен был очень доволен своей встречей с этим неммым пассажиром полярных льдов: это подтверждало его теорию о происхождении наносного дерева на восточном берегу Гренландии. Вероятно, таких бревен не мало было и в других местах, но они не были видны под покровом льда и снега.

21 апреля оказался рекордным днем. И в предыдущие дни были покрыты вполне приличные расстояния. Но в этот день прошли не менее 37 километров, так что за два последних дня не менее 60 километров. Но зато собаки выбились совершенно из сил, и пришлось дать им отдых подольше. Как жадные волки, бросались они теперь на пищу, поглощая без раздумья мясо своих товарищей, хотя оно бросалось им со шкурой и шерстью. Только две собаки, „Квик“ и „Барнет“, отказывались есть, пока мясо было теплое, но и они с жадностью уничтожали его, когда оно замерзло.

Земля становилась все ближе, а с землей надежды, что немного усилий, немного труда — и еще той же осенью они увидят Норвегию.

Как бы в подтверждение этих надежд, они 25 апреля увидели на снегу след незнакомого животного, вероятнее всего песца. Что мог делать песец в этих областях? Чем он питался тут? Оставалось предположить, что неподалеку была неизвестная земля... Невольно путники глядели по всем сторонам, не увидят ли признаков земли. Но погода, как нарочно, затуманилась, и можно было пройти неподалеку от земли, не заметив ее... Однако это была не та земля, к которой Нансен направлялся. Земля Петермана должна была находиться еще не ближе 223 километров, т. е. на расстоянии многих дней пути.

Но вот к вечеру того же дня в отдалении на белой поверхности льда и снега показались темные массы камней. Сомнения быть не могло: в виду была земля. Но тем больнее было разочарование: это были глыбы льда с примерзшей землей, песком и глиной. Очевидно, эти льдины оторвались от берегов и были течениями и ветрами занесены сюда. Лед был из пресной воды, что показывало, что он мог бы образоваться только в области больших рек, т. е. в Сибири.

27 апреля сделан был опять хороший переход километров в 30. И, по мере движения вперед, все росло страстное желание скорей увидеть землю, и Нансен думал, что уже настала пора всматриваться в горизонт и искать признаков земли. Но это приносило только разочарования. Так, 28 апреля на горизонте показалась темная полоса — не земля ли! Повидимому, да. Но вот, „берег земли“ начал подниматься кверху, и оказалось темное облако — предвестник сильного ветра.

А время шло, и лед уже начинал портиться. 28 апреля натолкнулись на широкую полынью, которую пришлось обходить. Но не успели отойти значительного расстояния, как берега полыни стали быстро сближаться, и вот в самом узком месте льдины уже столкнулись, лезут друг на друга, ломаются, трещат. Раздумывать было нечего. И путешественники со всем своим добром двинулись по этому живому мосту, трещащему, ломающемуся и катящемуся под их ногами. Приходилось торопиться и все время напрягать все силы, чтобы не зазеваться, не быть сбитым с ног катящимися глыбами или засыпанным ими: стоило Иогансену, перетаскивавшему сани, оставить на льду свои лыжи на минуту, как они оказывались почти целиком засыпанными обломками льда. Нечего и говорить, что, совершив такой необычайный переход, путешественники сочли в праве вознаградить себя добавочной порцией мясного шоколада.

29 апреля было еще хуже. Трещины шли одна за другой. Первая была быстро пройдена. Вторая была хуже, но и ее удалось миновать. За ней, неподалеку, оказалась и третья — миновали благополучно и ее, все время втайне надеясь, что вот-вот откроется земля.

Но вместо земли — путь преградила новая, еще более широкая, трещина. Попробовали совершить обход; однако, чем дальше шли вдоль берега, тем яснее становилось, что это — бесцельный труд. Вместо того, чтобы бродить по берегу, благоразумнее было остановиться и сварить суп из пемикана „а ля Жюльен“, хорошенько поест и вволю выпаться.

Печальнее всего было то, что собаки все более слабели. Молодая собака „Гулен“ свалилась среди пути, и ее пришлось вести на санях до лагеря, где она была убита. Бедный пес был одним из родившихся на „Фраме“. Он за всю свою жизнь не видал ничего, кроме льда и снега, и о земле не имел никакого понятия. Но и другие, даже лучшие, наиболее сильные и выносливые собаки стали проявлять признаки полного изнурения. Работа, которую они должны были выполнять, была так тяжела, а пища скудна, что собаки просто зверели от голода. И как ни сильна была среди них дисциплина, но, однажды, они прогрызли мешок с пемиканом и принялись жадно уничтожать его, — к счастью, этот „грабеж среди большой дороги“ был своевременно замечен и остановлен властями предержащими.

Вот бы встретить медведя или тюленя, тогда можно было бы подкормить собак! Но как ни высматривал Нансен поверхность воды в каждой трещине и полынье, или следы медведя на снегу, в воде не было ни малейших признаков животной жизни, а на снегу, кроме отпечатка ног песцов, не удавалось заметить ни одного иного следа.

День проходил за днем, а земли все не было видно. Дорога же становилась все отвратительнее и непреодолимее. Вот, например, описание их дневного пути 2 мая:

„Пятница, 3 мая. Вчера нам не удалось сделать за день так много, как мы надеялись, хотя все же мы достигли кое-каких успехов. Лед был ровный, и некоторое время можно было идти вперед, так что мы продолжали наш путь 4 часа без перерыва. Но затем стали попадаться многочисленные участки с трещинами и ледяными валами, через которые нам удалось все же перебраться, хотя часто лед двигался под нашими ногами. Мало-по-малу усиливался юго-восточный ветер. Во время нашего обеда он повернул на восток и сделался довольно сильным. Кроме того, лед становился все хуже из-за трещин и ледяных валов. Когда ветер достиг 9-10 метров в секунду, и поднялась сильная выюга, закутавшая все вокруг, идти вперед стало отвратительно трудно. После того, как мы не раз были остановлены новообразовавшимися ледяными валами, я понял, что наиболее разумное, что мы могли сделать, это разбить палатку, если только найдем защищенное место. Но это было легче сказать, чем сделать.“

Вьюга была так сильна, что кругом было трудно что-либо различить, и приходилось бродить ощупью, выискивая подходящее место. Кроме того, лед находился в сильном движении, и как раз около ледяных возвышений, где можно было найти защиту от ветра и вьюги, движение и давление льда было наиболее сильным. Но выбора не было, и палатку пришлось разбить почти вплотную около новообразовавшейся ледяной горы, ожидая с минуты на минуту, что движение льда начнется снова. Это не помешало с полным аппетитом уничтожить очередную порцию горячей рыбной похлебки и с наслаждением растянуться в мешке, хотя, уже засыпая, Нансен слышал, что лед под палаткой начал трещать, а в ледяной громаде начались судорожные, хорошо знакомые, давления. Нансен уже подумывал, не следует ли встать и покинуть это место прежде, чем ледяные глыбы обрушатся на них. Но усталость была так сильна, что превозмогла все опасения. Он уснул и во сне видел землетрясение. Когда проснулся — все кругом было уже тихо.

Земли все не было, а число собак все уменьшалось. 2 мая пришлось убить „Путифара“. За „Путифаром“ последовала „Уленка“, и осталось всего 16 собак. На долго ли хватит собак при таком скармливании? Как далеко удастся пройти, пока не будет убита последняя собака? Так как собак становилось все меньше, то одной собаки стало хватать на два дня, так что с этих пор Нансен решил убивать собаку раз в два дня. 8 мая Нансен имел перед своими санями всего только 4 собаки. Но из этих 4 „Флинт“ вырвался из упряжи и сыскался только к вечеру, в наказание за это был убит, на корм другим. Как ни устали и ни голодны были собаки, убегали они только в редких случаях, и так же редко пытались раздобыть себе сами пищу из багажа. Только раз вечером Нансен услышал подозрительную возню около каяка Иогансена. Он бросился туда и увидел собаку, торопливо глотавшую собачье мясо, — она добралась до части собаки, оставленной на порцию следующего дня. Собака была примерно наказана, а отверстие каяка заложено лыжами и другими предметами.

Но все же тащить трое саней по сырому снегу собакам становилось не под силу. И путники решили совершить перегрузку всех вещей на двое саней. Этим они выгадывали то, что не приходилось тащить тяжести лишних саней. Кроме того, для Нансена и Иогансена было большим облегчением, что каждому нужно было иметь дело только с одними санями.

Бросать оставляемые сани было жалко — такая масса драгоценного горючего материала, и решено было развести костер. Для придания жилищу уюта, костер разложили у самого входа в палатку. Но вследствие сильного ветра вся палатка до такой степени наполнилась дымом,

что нечем стало дышать. Кроме того, явилась опасность, что палатка может загореться, так что пришлось костер отодвинуть дальше на лед, хотя при этом терялся уют и вся прелесть пылающего, веселого огня. Из пустого сосуда из-под керосина удалось смастерить подобие котла. Его повесили над костром и стали варить ужин. Однако, результат такой варки был мало обнадеживающим. Сани пришлось сжечь почти целиком, прежде чем удалось закипятить один горшок, но зато огонь почти насквозь растопил глыбу льда, на которой он был разложен. Очевидно было, что „примус“ заменить нечем: он действовал не только быстро и верно, но и удобно — в нем можно было варить пищу, не вылезая из спального мешка.

Сани от перегрузки сделались, конечно, тяжелее. Но итти было бы удобнее, если бы не слабость собак. Их число уже стало убывать не только потому, что их убивали, но они выходили из строя просто, вследствие изнурения. 15 мая собака „Баро“, передовая в упряжи Нансена, оказалась бессильной тащить сани. С трудом и пошатываясь, она плелась сзади, и вечером ее пришлось убить.

Но и остальные собаки двигались с каждым днем хуже. Еще по безупречно гладкому льду они кое-как могли продвигаться, но уныло останавливались перед малейшей неровностью или препятствием. Поэтому путешественникам приходилось каждый конец совершать три раза: сперва вперед для того, чтобы найти путь и выбрать дорогу, потом назад — к остановившимся собакам и, наконец, вместе с собаками, помогая им тащить сани. Нансен попробовал было сам запречься в сани и тащить их все время наравне с собаками. На ровном пути дело продвигалось недурно. И чуть начались неровности, Нансен выпрягался для того, чтобы поискать дорогу, а потом запрягался опять. Ровный лед попадался все реже. Зато все чаще бороздили дорогу трещины, становясь все больше и многочисленнее. 16 мая натолкнулись на 4 больших трещины или „полыньи“, как их называет сам Нансен за отсутствием соответствующего слова на других иностранных языках. Первые две удалось обойти благополучно, с затратой сравнительно не слишком большого времени. Но третья оказалась далеко не такой безобидной. Путники пошли вдоль ее берега в юго-западном направлении, рассчитывая рано или поздно найти место, где можно переправиться. Но чем дальше они шли, тем шире становилась полынья, и, наконец, стало казаться, что она впадает в открытое море.

Путешественники невольно задумались, что им делать. На переправу надежд было мало. Хотя полынья была затянута льдом, но лед был такой слабый, что перейти по нему с санями и собаками казалось невыполнимым. Итти назад — это значило двигаться к северо-востоку, притом

неизвестно, как далеко. Решено было поэтому итти дальше на юго-запад, вдоль берега полыньи, — это направление хотя и отклоняло от пути, но все же вело к югу. В уверенности, что обход вдоль берегов полыньи может потребовать очень много времени, быть, может даже несколько дней пути, пустились в путь. Но сравнительно на близком расстоянии путь перегородила новая трещина, впадающая в первую под прямым углом. Нансен попробовал, выдержит ли новообразовавшийся лед, — оказалось, выдерживает. Тогда он стал пробовать этот лед и на большой полынье, — оказалось, что и там лед выдерживал тяжесть саней. Со всеми предосторожностями, ощупывая каждый шаг, начали переправу и благополучно перебрались на противоположный берег.

Но в тот же день они подошли к новой полынье, которая также кончалась широким прудом или открытым морем, но уже с обратной стороны, т. е. на северо-востоке. Полынья также была покрыта льдом. У берегов этот лед был достаточно крепок, но посередине была полоса льда, слишком тонкого для того, чтобы можно было рисковать переправой через него. Так как уже наступал вечер, то разбили палатку и остались выжидать, не окрепнет ли за ночь, чтобы к утру переправиться через него.

Это был канун национального праздника 17 мая. На другой день был вывешен национальный флаг. Но ничем иным отметить праздник не пришлось, так как нужно было торопиться итти дальше. Лед на полынье несколько окреп, и можно было найти переправу. Во время сборов в путь, Нансен услышал странное сопенье, фыркание и бульканье в воде. Сперва он подумал, что это собаки. Но потом убедился, что звук идет из полыньи, и тут же заметил отверстие льда, откуда звуки исходили. Оказалось, что это было целое стадо нарвалов. Нансен крикнул Иогансену и бросился к саням схватить винтовку и гарпун. Но пока они собирались — нарвалы уже скрылись, и их шум и возня были слышны дальше в восточном направлении. Нансен пошел было вдоль берега полыньи, но не мог приблизиться на расстояние выстрела, хотя животные показывались не раз неподалеку в небольших отверстиях льда, вдоль берега. Конечно, если остаться и караулить около одного из этих отверстий, то, пожалуй, можно было бы рассчитывать на удачную охоту. Но это значило потерять целый день такого дорогого времени.

Наблюдения Нансена показали, что они достигли уже $83^{\circ}20'$ северной широты. Это, наконец, были широты, которые и до них посещались людьми. Нужно было ожидать, что в самом непродолжительном времени они достигнут земли, которая должна была находиться неподалеку в этих местах, о признаков земли не появлялось. Несколько дней тому назад Нансену показалось подозрительным, почему к юго-западу над горизонтом все время имеется полоска ясного синего неба, несмотря на то, что все

небо было покрыто тучами. Станным образом, даже через несколько часов, полоска оставалась все на том же месте. Не является ли это признаком земли? Но вскоре клочок синего неба с надеждами исчез. Борьба с могущественными противниками: льдом, трещинами, полыньями, встречными ветрами, относившими экспедицию в сторону от намеченного курса, со снежными бурями и вьюгами, закрывавшими все перед глазами, а главное, с утомлением собак, которое становилось все более заметным, — оказалась изнурительнее и дольше, чем Нансен предполагал.

19 мая удалось напасть на первый след медведя. Это было очень важное событие. Нансен давно всматривался в снег, не увидит ли отпечатка широких ступней северного жителя. Это свидетельствовало о близости земли и, главное, о том, что были надежды на возможность успешной охоты. 20 мая поднялась страшная снежная буря. Итти было невыносимо. Оставалось остаться в палатке и спать, сколько можно. Когда голод стал слишком сильным, Нансен сварил похлебку из печени и приготовил молочный напиток. Потом опять остались лежать в мешке.

Где они находились? Во всяком случае, около $83^{\circ}10'$, т. е. неподалеку от той широты, которой достигал мыс Флигели. Но так как течение и движение льдов относило их в сторону, то было вполне возможно, что они находились западнее этого мыса. Но это — не беда; к западу тоже имеется не мало земли, которую едва ли они могут миновать, лишь бы только продолжать путь — когда же достигнут земли, то ничто уже им не страшно. Вперед, неустанно вперед!

Но это было не легко сделать. Вот описание одного из ближайших дней.

„Пятница, 24 мая. $7,4^{\circ}$, минимальная температура — $11,4^{\circ}$. Вчера был худший день из всех, какие мы только имели. Полынья, которая была перед нами, когда мы остановились третьего дня, оказалась хуже всех предыдущих. После завтрака в 1 час утра, в то время как Иогансен занимался штопаньем палатки, побежал я на лыжах вперед, в поисках переправы, и ходил целых три часа, не найдя ничего. Поэтому не оставалось ничего иного, как итти вдоль трещин на восток — как-нибудь переправимся же в конце концов. Однако, это продолжалось дольше, чем мы предполагали. Когда мы подошли к тому месту, где полынья, повидимому, кончалась, ледяные громады оказались разбитыми, и повсюду, во всех направлениях, льдины двигались со стремительной быстротой. Нигде не было надежной переправы. В одном месте мне показалось, что можно переправиться, но едва я втащил сани, как кругом оказалась открытая вода. Но мы все же продолжали правдой и неправдой перебираться с одной льдины на другую, все далее на восток. Льдины теснились под нами и вокруг нас назад, и часто нам лишь с трудом

удавалось выбраться. Часто нам казалось, что мы уже достигли твердого льда, как перед взорами, к нашему разочарованию, открывались новые трещины и полыньи. Подчас это доводило просто до отчаяния.

Казалось, этому никогда не будет конца. Куда ни посмотришь — повсюду зияли трещины. Во всех направлениях видно было, что на облаках темно отражается открытая вода. Казалось, что лед окончательно вскрылся. И хотя мы были голодны и смертельно устали, мы все же решили сперва по возможности преодолеть трудности и лишь потом приняться за обед. Но, наконец, это стало почти безнадежным, и около часу, после девятичасовой работы, мы решили пообедать. Поразительно, что как бы ни было положение отчаянным, стоит залезть в мешок и добраться до еды, как все тревоги забываются, человек превращается в довольное животное, которое ест досыта, пока может держать глаза открытыми, и засыпает с едой во рту. Счастливое легкомыслие! В 4 часа пришлось нам, однако, снова приниматься за нашу безнадежную работу, выпутываясь из лабиринта трещин. К довершению всего — поднялся туман. Нельзя было разобрать, что находилось на пути: вваливаешься ли в трещину или налетаешь на ледяную стену. Нет, это было уже слишком. Невозможно сказать, через сколько трещин мы перебрались, сколько ледяных валов преодолели, таща за собой тяжелые сани, — знаю только, что их было очень много. Они простирались и извивались во всех направлениях, и мы повсюду наталкивались на воду или на мелкие ледяные осколки, плавающие в воде.

Но все имеет свой конец, даже это мученье. И после двух с половиной часов дальнейшей пытки мы, наконец, перебрались через последнюю трещину, и перед нами лежала пленительная равнина. Всего мы потрудились почти двенадцать часов. Кроме того, я утром шел в течение трех часов вдоль одной из трещин, так что мой рабочий день получился в 15 часов. Мы были совершенно разбиты и промокли до костей. Трудно сосчитать, сколько раз мы проваливались в воду между льдинами, прикрытую обманчивым снегом. Утром в одном месте я едва выкарабкался. Считая лед крепким, я уверенно побежал по нему на моих лыжах, как вдруг лед стал погружаться подо мною. К счастью, вблизи находилось несколько льдин, на которые я мог спастись, в то время, как вода заливала снег, на котором я только что перед тем стоял. При ином обороте вещей, мне пришлось бы сделать по воде, наполненной осколками льдин, довольно длинный конец вплавь, что представляло бы весьма посредственное удовольствие, тем более, что я находился в то время один.

Наконец, мы имели перед собой ровный лед. К сожалению, наше счастье продолжалось недолго. По темной полосе на небе мы могли

судить, что перед нами находится новая полынья, и к 8 часам вечера мы достигли ее. Я был слишком усталым, чтобы искать перехода. К тому же, за этой трещиной виднелась еще и следующая. Так как вследствие густого падающего снега было невозможно рассмотреть лед, то оставалось лишь найти место для стоянки. Но это было легче сказать, чем сделать. Дул сильный северный ветер, от которого некуда было укрыться на только что пройденной нами гладкой поверхности льда. Мы старательно обследовали всякую неровность, всякий холмик, мимо которого мы шли во время снежной бури, но все они были слишком незначительны, так что нам пришлось довольствоваться низким холмиком, у которого мы нашли место для нас. Там, однако, было слишком мало снега, так что трудно было разбить палатку. Но вот, наконец, привычно загудел „примус“; из котелка поднялся аппетитный запах, и, упрятавшись в спальном мешке, лежали два человеческие существа, радовались своей жизни и были довольны, если не дневным переходом, то хоть сознанием, что преодолели трудности.

Во время завтрака я вышел наружу и измерил высоту солнца, которая к нашей радости соответствовала $82^{\circ} 52'$ северной широты“.

В следующие дни продолжалось то же самое. Если попадалось меньше трещин, то лед был покрыт таким глубоким рыхлым снегом, что трудно было идти и на лыжах и без них; так что в конце дневного перехода оба путника шатались от усталости, как пьяные, а у Нансена вспухли даже лодыжки. Число собак все таяло. И хотя, начиная со смерти „Квика“, можно было убивать по собаке каждые три дня, тем не менее, к концу мая число собак уменьшилось до семи.

Но путь продолжался, и караван достигал все более южных широт. Нансен уже предвкушал удовольствие достигнуть вскоре открытого моря и плыть на своих каяках с веслом и винтовкой в руке.

Что открытое море было недалеко, об этом свидетельствовало и состояние льда. Лед, по которому они шли в течение последних дней, был совершенно ровный и тонкий, так что он, ясно, образовался только в течение последней зимы на пространстве моря, которое летом, очевидно, освобождалось от льда. Это заставляло Нансена предполагать, что к востоку и северо-востоку от земли графа Вильчек в этих широтах летом должно быть открытое море.

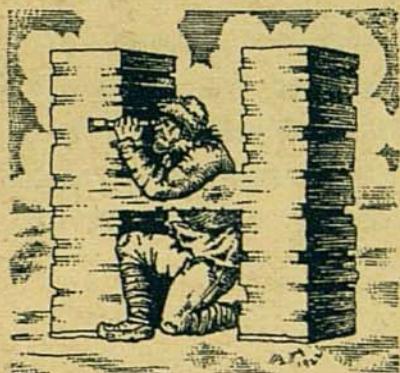
28 мая путники увидели первую птицу, северного буревестника. Но можно ли это было считать признаком земли? Иных же признаков видно не было, хотя земля должна была быть близко. Дорога становилась все невыносимее. Трещины и трещины — во всех направлениях; куда ни податься, целый бесконечный лабиринт. И как ни тяжело было идти во время лютой полярной стужи, но что бы Нансен ни дал за то, чтобы

вернуть мартовские морозы: они скрепили бы льды, перекинули бы надежные мосты между льдинами, закрыли бы трещины и полыньи и проложили бы надежный путь к земле. Быть может, месяц или два спустя путь тоже станет лучше — между льдинами образуется больше свободной воды, полыньи соединятся, и между льдами можно будет пробираться на каяке. Но теперь как раз было самое трудное время, когда поздно было идти тем способом, как шли до сих пор, и было слишком рано пустить в ход каяки. Остановиться и переждать. Но имелось ли достаточно привианта, чтобы так сидеть и ждать? Охота же, на которую так рассчитывали, покамест еще не дала ничего. Поэтому не оставалось ничего иного, как попрежнему прокладывать себе путь по льдинам меж трещин. Но так как собаки становились все слабее, то пришлось сократить дневные переходы и ограничить их восемью часами.

Таким решением закончился май месяц. Месяц этот принес не мало разочарований. Оставалось надеяться, что июнь будет благоприятнее.

ЗАБЛУДИЛИСЬ!...

Починка каяков. Пища по весу. В какую сторону идти? Заботы о провианте и собаках. Иогансен убивает тюленя. Лагерь тоски. Краска для каяков. Медведи. В поисках земли налегке.

ЕСМОТРЯ на непогоду, туман и снег, 1 июня удалось пройти довольно значительное расстояние. Длинная трещина, перед которой остановились накануне, была обойдена, за ней оказалось обширное пространство совершенно ровного, гладкого льда. С небольшим перерывом на обед шли таким образом по ровному ледяному полю до 7 часов, когда путь перегородили новые трещины. Нансен, как обычно, отправился вперед разведать дорогу но, несмотря на полуторачасовое блуждание, не мог найти перехода. Оставалось разбить лагерь и „ждать у моря погоды“.

Как на зло погода словно подшучивала над путниками. В последние дни каждый раз на время дневного перехода поднималось ненастье — ветер, снег или туман. Но стоило путешественникам остановиться на ночлег, как ветер утихал, небо прояснялось, снег переставал падать, и солнце тихо светило над ледяными полями. Что это значит? Уж не хочет ли солнце дать понять, чтобы путешественники не трудились напрасно, а сидели и ждали на месте?

Этого Нансен опасался пуще всего. Но необходимость приостановить путь наступила скорее, чем он ожидал. Утром 2 июня путники вышли из палатки посмотреть, не образовался ли переход через трещину, которая вчера перегородила им путь. Но картина, которая представилась их глазам, была совершенно иная. Трещина не уменьшилась, но, наоборот, значительно расширилась. И после точной разведки оказалось, что нет пути не только вперед, но и в стороны или назад, так как путешественники находились на большой льдине, плавающей среди открытой воды и не имеющей сухого перехода ни в одну сторону. Караван находился в плену.

Конечно, пока у них были каяки, бояться было нечего. Но каяки нуждались в серьезной починке. Нансен надеялся оттянуть с починкой до того момента, когда покажется открытое море или земля. Но делать было нечего — приходилось приняться за починку каяков тут же на месте.

Работа не была ни легкой, ни быстрой. Наиболее трудным и кропотливым было приведение в порядок деревянного остова каяков. Во время дороги многие скрепы ослабли, кое-где треснули бамбуковые палки, и эти части приходилось или заменять или укреплять. Кроме того, нужно было экономить материал, на возобновление которого под этими широтами нельзя было слишком уверенно рассчитывать. Поэтому нельзя было, например, просто удалять прежние скрепы и заменять их новыми, а надо было осторожно снимать старые, заботясь о том, чтобы их не повредить, и потом ставить их наново. И, таким образом, пришлось переделать много десятков скреп. Но и то Нансен с тревогой видел, что из трех клубков бечевки на эту работу ушло целых два, да и третий надо было порядочно начать. После возни над остовом наступил торжественный момент натягивания починенной и приведенной в порядок покрывки на остов. Все это должно было быть сделано с чрезвычайной тщательностью и вниманием, так как каяки могли понадобиться не только для плавания около льдов, но и для путешествия по открытому морю, и всякая неисправность могла грозить катастрофой.

Починка парусиновой покрывки каяков была наиболее легкой и приятной частью работы. Это можно было делать сидя в палатке, даже не вылезая из мешка. И путешественники, как ни жалко было им терять столько драгоценных дней, все же наслаждались покоем и отдыхом после неустанных напряжений последних дней. Но с починкой остова дело было уже похуже. Это надо было делать под открытым небом. А погода не всегда была благоприятной, и не раз приходилось возиться над каяками под мокрым снегом. Это было плохо и потому, что в сырости было трудно достаточно крепко затягивать веревки, и не раз приходилось сделанное в сырости переделывать при сухой погоде. Но зато, как только выглядывало солнце, работа кипела с удвоенной силой, и часто Нансен и Иогансен работали подряд по 24 часа с короткими перерывами на еду. Нансен сам удивлялся той бодрости и энергии, с которой они работали над каяками. Очевидно, что силы у них не были исчерпаны — наоборот, они оба чувствовали себя необычайно здоровыми, сильными и подвижными.

Но как раз к этому периоду их невольной стоянки относятся первые заботы относительно провианта. Нансен давно уже беспокоился, хватит ли запасов до тех пор, пока им удастся достигнуть земли. Но так как он рассчитывал достичь земли чуть ли не ежечасно, а провианта было еще на много дней, то он не считал нужным экономить, и путники ели каждый раз досыта, не отвешивая и не вымеривая порций. Теперь, когда пришлось несколько дней подряд провести на одном и том же месте, не двигаясь ни на шаг вперед, заботы о провианте проснулись с новой силой. 4 июня Нансен впервые приготовил завтрак по весу —

50 гр. масла и 200 гр. хлеба „алеуронат“ для каждого. И с тех пор еда отпускалась строго-определенными порциями. Кроме того, Нансен предпринял сложную работу по проверке всех запасов, чтобы сделать расчет, на какое время их еще может хватить. Оказалось, что масла оставалось всего 2,3 килограмма, т. е. при потреблении на каждого по 50 гр. его должно было хватить на 23 дня. Хлеба было на 35—40 дней. Таким образом до сих пор, несмотря на то, что ели, сколько хотелось при неизменном волчьем аппетите, в общем с'едали в день, как и предполагалось, ровно по 1 килограмму. Теперь же пайки пришлось значительно сократить, чтобы дотянуть до земли. Правда, и эту землю прежние путешественники считали ледяной пустыней, обителью голода и смерти. Но ведь прежние путешественники приходили к этой земле с юга! Для Нансена же после двух с половиной месяцев блужданий среди пловучих льдов эта земля казалась воистину „обетованной“.

4 июня Нансен застрелил первую дичь — чайку. Но, конечно, за чайками нельзя было слишком усердно охотиться, так как это была не достаточно крупная дичь, чтобы на нее тратить патроны.

Попрежнему плохо обстояло дело и с собаками. Хотя теперь можно было убивать по собаке лишь каждые четыре дня, все же к 4 июня оставалось всего 6 собак.

Наконец, 8 июня, после недельной работы, каяки были вполне готовы, их надо было только испытать на воде. Но оказалось, что покрывка сильно текла. Нансен, однако, надеялся, что это пройдет, как только парусина намокнет.

Конец стояния на месте был отпразднован супом из свежего мяса. Иогансен застрелил еще одну чайку, и обе чайки были сварены вместе. Конечно, суп и мясо пришлись путникам очень по вкусу, но особого восторга они не проявили. Очевидно, их привычная пища в дороге была и достаточно питательной и вкусной.

9 июня можно было уже двинуться в путь. Так как за время стоянки полыньи кругом исчезли, то отправились попережнему на санях.

Сперва поверхность льда была не слишком плохой, и движение шло успешно. Но вскоре опять натолкнулись на целую сеть больших и малых трещин, которые опять пришлось обходить, так как пользование каяками требовало бы утомительной перегрузки. Поэтому каждый раз, как путь переграждало какое-либо препятствие, Нансен шел вперед, оставляя Иогансена с санями и собаками. Для Иогансена эти моменты не были слишком приятными. Нансен часто пропадал подолгу, и Иогансен начинал уже взаправду беспокоиться, не случилось ли с его товарищем какой-либо беды. И как радовался он каждый раз, когда вдали, среди ледяных холмов и полей, появлялась черная двигающаяся точка — фигура возвращающегося

с поисков Нансена. Если видно было, что дорога найдена, то Иогансен с санями Нансена шел ему навстречу. После этого Нансен вел дальше свои сани, а Иогансен возвращался назад и догонял его уже со своими санями.

День проходил за днем. Наступило 14 июня — ровно три месяца, как покинули „Фрам“. И попрежнему все еще никаких признаков земли. Дорога все ухудшалась. Местами казалось, что без крыльев нельзя продвинуться ни шагу. А запасы исчезали с изумительной быстротой, мешки с провиантом становились все легче и меньше. К тому же, очень быстро стал приходить к концу запас керосина. Приходилось экономить и чуть ли не ежедневно сокращать порции. Дичи, кроме птиц, было мало. Несколько раз Нансен пытался стрелять в показавшихся тюленей, но, к своей досаде, всякий раз давал промахи. Уж не значит ли это, что счастье покинуло их? Нансен пробовал было ловить рыбу на удочку, но попадалась лишь такая малая рыба, что недельного улова не хватило бы и на один обед. Один раз наткнулись на следы медведя, но самого медведя не видели ни разу ни вблизи, ни издали.

А вместе с тем Нансену все яснее становилось, что они заблудились и теперь не имели даже понятия, где они находятся. Когда плохой путь и ненастье заставляли стоять целыми днями на месте, Нансен пользовался этим для того, чтобы тщательнейшим образом по несколько раз проверить свои расчеты. Но чем более он углублялся в вычисления и соображения, тем более начинал ощущать, какой непоправимой бедой была остановка часов. Они давно уже миновали мыс Флигели, но не знали, с какой стороны могла теперь находиться земля. И было почти одинаково вероятным, что земля Франца-Иосифа находилась к западу, как и то, что она могла находиться и к востоку. Но куда повернуть им свой путь? Ведь ошибиться — это значило отдалиться от земли, уйти в безвестное море, где ждала неизбежная гибель. Словом, к тому моменту, когда уже можно было достигнуть земли, они не знали, в какую сторону идти, чтобы добраться до нее.

Сам Нансен колебался и не знал, как ему поступить.

Сперва он почти был уверен, что они находятся на востоке от мыса Флигели и поэтому все время старался идти к юго-западу. Но с каждым днем начинали являться сомнения. И, наконец, он пришел к убеждению, что они находятся не к востоку от земли Франца-Иосифа, а к западу. Поэтому первой землей, которую они могли бы увидеть в том направлении, был Шпицберген. Но на каком расстоянии находился этот остров? На этот вопрос Нансен не мог ответить даже приблизительно. Поэтому оставалось одно — идти дальше почти на удачу, с ощущением людей, заблудившихся среди бесконечных ледяных пространств.

Провиант тем временем все тает, и все надежды Нансена обращены на встречу с медведем или с тюленями. Но когда им удастся убить хоть одного? Собак осталось всего только три, и перед санями Нансена имеется уже только одна собака „Кайфас“, перед Иогансеном две: „Сугген“ и „Гарен“. Правда, для оставшихся собак имелась пища на 10 дней. Но это лишь потому, что в последние дни несколько собак сами отказались идти, и их пришлось везти на санях, так как они не могли следовать даже без упряжи. Долго ли выдержат оставшиеся, не свалятся ли они от усталости?

Тащить сани приходилось самим путешественникам. Но их силы тоже падали, а порции приходилось все уменьшать. Даже кровь убитых собак кажется им лакомством, и они тщательно собирают ее и варят из нее суп, чтобы только подкрепить силы.

Одно было приятно. Нансен и Иогансен пересчитали запас патронов и к своему удовлетворению нашли, что этот запас значительно превосходит их ожидания. Было всего 343 патрона, из них 148 с дробью. Кроме того, был еще запас около $1\frac{1}{2}$ фунта пороха и несколько пуль. Таким образом, можно было совершить десятки охотничьих экспедиций, тем более, что для птиц было достаточно половинных зарядов, так что пороха и дроби 148 патронов могло хватить на двойное количество птиц. Словом, не хватало только дичи! Но при экономии Нансен рассчитывал, что им и наличным количеством провианта удастся продержаться несколько месяцев, а там, ведь, должно было наступить какое-либо изменение в их судьбе!

Наконец, 19 июня оказалось, что дальше идти прежним способом невозможно. „Земли ни признаков“, писал Нансен в дневнике, „а путь так отчаянно плох, что хуже невозможно. Настоящая оттепель, так, чтобы снег исчез, не наступает. Вчера утром перед завтраком я отправился к югу, чтобы посмотреть, что могло ожидать нас сегодня. На небольшое расстояние лед был гладкий и хороший, но вскоре начались трещины хуже, чем когда-либо. Единственное, что мы можем сделать, это взяться за радикальное средство и спустить в воду наши каяки, несмотря на их течь, с тем, чтобы плыть насколько можно дальше по трещинам. С этим решением возвращаюсь я назад. Мы не могли позволить себе настоящий завтрак и получили только по 50 граммов пемикана; после этого мы принялись за дело, за починку насосов и приспособление каяков к переправе, так, чтобы их содержимое не пострадало от проникающей воды. Между прочим, в моем каяке пришлось зачинить дыру, которой я раньше не заметил.

После умеренного ужина, 60 граммов хлеба „алеуронат“ и 30 граммов масла на каждого, мы залезли в мешок, чтобы спать как можно дольше

и таким образом убить время, не кушая. Вопрос только в том и состоит, чтобы выдержать так долго, пока снег не растает, и путь не станет лучше. В час пополудни мы встали и получили более обильный завтрак, состоящий из супа, но все же мы отныне не можем есть, сколько захочется. Нас радует, что мы двинемся с места и испытаем новую тактику: вместо того, чтобы избегать трещин, — искать их и, пользуясь ими, плыть по ним вперед. Это должно помочь делу, и чем дальше на юг мы подвинемся, тем больше будет трещин, и тем больше будет шансов, что что-нибудь попадется и на наши винтовки.

В общем же наше житье-бытье достаточно таки мрачно. Покамест нет никаких надежд двинуться вперед: со всех сторон непроходимое нагромождение льдин, провиант быстро тает, и нет ничего ни для охоты, ни для ловли. Попытка ловить рыбу сетью, которую я сегодня сделал, не удалась совершенно: один морской жучок и несколько ракушек — вот вся моя добыча. Я не сплю по ночам и ломаю себе голову, как найти выход из этих трудностей“.

Это писалось 20 июня. А 22 июня мы читаем в дневнике:

„9^{1/2} часов утра, после плотного завтрака, состоящего из тюленьего мяса, печенки и сала.

Я лежу, растянувшись, довольный и сытый, предаваясь светлым грезам; жизнь опять стала солнечной“.

Дело происходило так: 20 июня переход начался по-обычному на санях. Но дорога была, если возможно, хуже, чем в прошлые дни. На поверхности рыхлого снега за ночь образовалась тонкая твердая короста, которая не могла выдержать тяжести саней, и сани, врезавшись полозьями, безнадежно застревали. Для разнообразия такое снежное поле сменялось время от времени сетью трещин, небольших, узких, но все же заставлявших прибегать постоянно к обходам и тратить массу времени на поиски пути, на выпутывание из этой сети. С каждым часом становилось яснее, что так продолжаться не могло. Нужно было решиться освободиться от части вещей, бросить все, кроме самого необходимого, и налегке, во что бы то ни стало, достигнуть земли, пока не с'еден последний кусок провианта. Нансен и Иогансен подробно даже обсудили вопрос о том, что можно оставить, а что нужно взять с собой. Запасные доски под санями, запасные лыжи, грязные рубашки. Палатка? Да и палатку можно оставить. Спальный мешок? Выбросить и мешок — он стал мокрым и слишком тяжел: решение, которое было принято лишь с глубоким вздохом. Далее решено было приспособить сани и каяки таким образом, чтобы перегрузка саней на каяки и каяков на сани, что нужно было делать при каждой переправе, совершалась возможно легко и быстро. Все это решено было осуществить в ближайший день. Покамест же

продолжали путь, как есть, пока не добрались до широкой полыньи, через которую надо было уже переправляться на каяках. Каяки связали рядом при помощи положенных поперек лыж, так что получилось довольно устойчивое судно. Одни сани поставили спереди поперек, другие — сзади, и привязали. Вопрос возникал, как быть с собаками. Но те сами, как только увидели сани нагруженными на каяки, впрыгнули на лодки и улеглись около своих саней. „Кайфас“ торжественно восседал спереди, около саней Нансена, а обе остальные собаки — позади, около саней Иогансена.

Но вот каяки опущены в воду, и началась первая переправа. Нельзя сказать, чтобы все было вполне гладко. Торчащие концы саней и лыж очень стесняли при гребле, каяки довольно сильно текли, так что то и дело приходилось откачивать воду. Но все же, по сравнению с путешествием по льду, двигаться так было прямо наслаждением, и путешественники благополучно перебрались через полынью. Пристав к льдине к противоположному берегу Нансен вскочил на лед и тотчас рядом услышал плеск и хрюканье — это был тюлень: такие же звуки слышались с другой стороны. Но прежде, чем Нансен мог что-либо сделать, оба тюленя исчезли под поверхностью воды.

Нансен был уверен, что больше они не появятся, и стал спокойно вытаскивать сани на лед. Но не успел вытащить наполовину, как рядом послышался опять плеск, и на воде показалась громадная уродливая голова тюленя. Нансен хотел схватить винтовку, но она лежала на каяке, и было ясно, что, пока он достанет ее, тюлень скроется. Поэтому он крикнул Иогансену:

„Берите ружье, Иогансен, и стреляйте, но живо, живо!“

Иогансен не заставил повторять это два раза. В то же мгновение ружье было в его руках, он вскинул его, и как раз в тот момент, когда тюлень хотел скрыться под водой, раздался выстрел, и раненое животное осталось на поверхности воды.

Нансен оставил сани, схватился за гарпун и с быстротой молнии бросил его в спину лежащего на воде тюленя. Но тут тюлень начал шевелиться, так что у Нансена явилось опасение, что тонкая веревка может оборваться. Он выхватил нож и вонзил его в горло тюленя, который находился все время совершенно близко от края льдин. Кровь брызнула фонтаном, так что Нансен даже жалел, что столько драгоценной приправы к их пище пропадает даром. Но, ведь, нельзя было рисковать потерять добычу! Поэтому он на всякий случай воткнул еще другой гарпун.

Но этим приключение охоты не закончилось. Вот как живо описывает Нансен последовавшую затем сцену:

„Тем временем сани, которые были наполовину вытащены на лед, соскользнули, и каяки с Иогансеном и собаками отплыли. Он пытался втащить сани на каяк, но безуспешно, и сани остались висеть одним концом в воде, другим в каяке. Сани своей тяжестью накренили всю флотилию, каяк Иогансена одним краем очутился в воде. При том, он имел такую сильную течь, что, как решето, с чрезвычайной быстротой наполнялся водой. Кухня, стоявшая на палубе, свалилась со всем своим драгоценным содержимым и весело понеслась по волнам, уносимая ветром и поддерживаемая на поверхности алюминиевой крышкой. Лыжи также свалились и плавали кругом, в то время как судно все глубже и глубже погружалось в воду. Между тем я стоял и держал нашу драгоценную добычу, не смея упустить ее. Все являло картину полного замешательства. Между тем каяк Иогансена настолько накренился, что вода достигла верхнего отверстия, и все сооружение тотчас наполнилось водой. Мне не оставалось ничего иного, как выпустить тюленя и вытащить каяк, пока он не погрузился окончательно. Это удалось выполнить, хотя каяк, полный воды, был очень тяжел. Тут пришла очередь и на тюленя: это представляло еще худшую работу. С превеликими трудностями, мало-помалу вытащили мы животное на лед. В восторге мы весело плясали вокруг животного. Каяк, наполненный водой, и промоченные вещи нам казались пустяком. Здесь мы имели на долгое время пищу и топливо, и все наши заботы исчезли в один миг!“

Вытащив тюленя, принялись за осмотр и сушку вещей. Прежде всего нужно было спасти патроны и порох, которые тоже очутились в воде, наполнившей каяк. Но, к счастью, патроны были непроницаемы для воды, и даже бумажные гильзы патронов с дробью не промокли. Хуже обстояло дело с порохом — вода проникла в жестянку, в которой он хранился, и подмочила весь запас пороха.

Но неприятность, что каяк имел такую сильную течь, гасла по сравнению с радостью, с которой путники смотрели на свою прекрасную добычу. Неподалеку разыскали удобное место для стоянки, разбили палатку и принялись за приготовление пира. И Нансен уверял, что редко человеческие существа на пловучих льдах чувствовали себя так чудесно, как они с Иогансеном, сидя в своем мешке и уплетая, сколько хватало места в желудке, тюленье мясо, сало и бульон. Оба они единодушно утверждали, что лучшего обеда они и получить не могли. Затем они забрались в мешок и заснули в счастливом сознании, что относительно ближайшего будущего не надо тревожиться.

Во время пира решено было, что они останутся на том же месте, ожидая, пока не растает снег, и трещины не сделаются просторнее. Продолжая свой неверный и безрезультатный путь, им пришлось бы

бросить значительную часть своей драгоценной добычи, что при нынешних условиях было бы, конечно, полным безумием.

Два следующих дня прошли в отдыхе и от'едании. Это совпало с праздником Ивана Купалы. Для них этот день был праздником во многих отношениях: во-первых, это было третьей годовщиной оставления ими родины и начала путешествия, во-вторых, это было сотым днем (точнее 102-ым днем) со времени оставления „Фрама“. И, наконец, ведь, это был все же Иванов день.

Способ празднования был тот же, как всегда, — обильный стол. Но теперь это было бесконечно приятнее, чем когда-либо. Раньше они только несколько разнообразили свой обычно и так сытный стол, теперь же они пиршествовали и от'едались после длительной голодовки, во время которой им приходилось взвешивать каждый глоток, каждую крошку, так что они давно ни разу не чувствовали себя сытыми.

Зато теперь повар развернул свой кулинарный талант в полном блеске, и Иогансен только похваливал да изумлялся искусству, с каким Нансен превращал тюленьё мясо в жаркое, шницели и бифштексы. Венцом всего этого были пирожки из тюленьей крови, приготовленные на сале вместо масла.

Готовить все это приходилось уже не на керосине, а на ворвани. Для повара такое изменение было не слишком приятно. Если горелка не коптела, то чадило сало, которое он жарил, и приходилось закрывать глаза, чтобы их не выело окончательно. К довершению всего в первый же день, когда Нансен сидел над импровизированной сковородкой и жарил пирожки, сковородка слишком нагрелась, сало на ней вспыхнуло, и в один миг весь очаг пылал сплошным огнем. Все усилия Нансена унять огонь были бесплодны. И палатка стала наполняться удушливым чадом. Тогда Нансен схватил охапку снега и бросил в огонь. Но это произвело страшный взрыв, вся пылающая ворвань разлетелась брызгами во все стороны, а над очагом поднялся громадный столб огня, сжигающий все, что было поблизости. В ужасе, полузадохнувшиеся, бросились оба путника очертя голову к выходу, счастливые, что выбрались живьем. Но при взрыве ворвань разлетелась в стороны, и огонь погас. При исследовании оказалось, что разрушения, причиненные пожаром, были, к счастью, не так значительны. Хуже всего было то, что в одном из полотнищ палатки, как раз над очагом, была прожжена большая дыра. Для починки ее пришлось пожертвовать один из парусов.

Но если бы это маленькое приключение было способно несколько понизить праздничное настроение, то астрономические наблюдения Нансена опять приподняли дух. Несмотря на западный и даже временами юго-западный ветер, льдины двигались к югу, и путники находились уже на

82°4' северной широты, т. е. в пять дней они приблизились к югу на 14 минут, что при данных обстоятельствах было прекрасным результатом, так как теперь дул северный ветер, и можно было надеяться, что и сидя на месте они подвигались к нужной им цели.

Иванов день провели самым приятным образом. Лежа в палатке путешественники мирно беседовали о прежних временах, строили планы, мечтали о возвращении домой, рассматривали карты, перечитывали то, что можно было перечитывать, хотя вся библиотека состояла из мореплавательных морских таблиц и морского календаря. Лишь поздно вечером был устроен ужин, который состоял из кровяных пирожков с сахаром. Приготовление их на горелке из ворвани требовало довольно продолжительного времени, и поэтому, чтобы есть их горячими, они с'едали пирожки по мере изготовления, так что ужин затянулся далеко за полночь. Но паузы между порциями только возбуждали аппетит. После пирожков приготовили варенье, которое, несмотря на то, что ягоды были подмочены соляной водой во время приключения с каяком, им пришлось чрезвычайно по вкусу. Лишь около 8 часов утра пиршество закончилось, и путники улеглись на покой.

На следующий день в полдень Нансен отправился к полынье зачерпнуть морской воды. Как раз в этот момент около края льда появилась тюленья голова. Нансен побежал назад за ружьем и каяком. Но не успел он спустить каяк в воду, как оказалось, что разошедшаяся на солнце парусина протекала, как решето, и Нансену пришлось возможно скорее выскочить на берег. Но тюлень показался опять, Нансен выстрелил и на этот раз не промахнулся — тюлень, как пробка, всплыл на воде. В одну минуту каяк был опять спущен на воду. Нансен всадил гарпун в спину добычи и, торжествуя, приволок ее к берегу, несмотря на течь, которая порядком промочила часть его туловища.

Очень довольный новой добычей, Нансен потащил ее к палатке. Иогансен все время спал, как убитый, и Нансен, подходя, даже удивился, увидя голую ногу товарища, высунувшуюся из палатки и лежавшую прямо на льду, — было так тепло, что Иогансен не чувствовал холода. Удачная охота была отпразднована кусочком шоколада, который был уничтожен вместе с сырым салом.

И вот потянулись дни за днями, монотонные, однообразные и бесплодные. Даже погода была не той, какая им была нужна. Нужно было тепло, по возможности даже дождь, чтобы растаяли массы снега. Но температура стояла около нуля, снег таял очень медленно, а подчас даже падал наново. Лишь после двух недель ожидания наступила, наконец, та погода, которой они так нетерпеливо ждали, полил дождь, и снег стал, действительно, быстро исчезать.

Время тянулось уныло и медленно. Даже свою стоянку они окрестили стоянкой „тоски“, так как тоска по родине была особенно сильной при этой неподвижности и бездельи.

Единственной работой было приготовление каяков к дальнейшему плаванию. Для этого нужно было сделать их водонепроницаемыми. Но как сделать это? Краски с собой они не захватили, и приходилось искать суррогатов, которыми можно было обмазать верх каяков. Нансен пробовал разные способы. Прежде всего он собрал тюленьи кости и принялся по целым дням обжигать их. Потом наступила очередь для трудной и утомительной работы растирания обожженных костей, чтобы превратить их в тончайшую костяную пыль. Когда, наконец, пыль эта была смешана с ворванью, то получилось подобие замазки или краски, единственным недостатком которой было то, что она все же совершенно не годилась для предназначенной цели. Оказалось, что к ней надо было добавить еще более тонко размельченное вещество. Нансен решил испытать копоть. И вот разными способами он сжигал сало и ворвань, так что вся местность кругом прокоптилась насквозь, и копоть поднималась кверху таким столбом, что „была видна у самого Шпицбергена“. Но, несмотря на то, что оба путника стали похожи на трубочистов, собрать ее удавалось мало, и Нансен не раз с тоской мечтал об ведерке обычной масляной краски и даже о копоти домашних ламп! Лишь к 17 июля удалось, наконец, вымазать каяки сперва смесью ворвани и сажи, а затем сверху истолченными в мелкий порошок пастельными красками, смешанными также с ворванью. Кроме того, все швы и скрепы и заплаты были хорошенько заделаны смесью стеарина, дегтя и смолы, небольшой запас которых оказался среди вещей экспедиции.

Кроме снаряжения лодки, предстояло также серьезно подумать о запасах провианта. Решено было засушить побольше тюленьего мяса. Для этого оно нарезалось на тонкие куски и старательно коптилось и вялилось. К удовлетворению Нансена их стол вскоре получил новую прибавку в виде медвежьего мяса. Случилось это таким образом:

6 июля стояла „прекрасная“, с точки зрения путешественников, погода: все время не устая лил дождь и растопил такие значительные массы снега, что это дало повод сварить к ужину приличную порцию шоколада. Не успели путники выпить по первой чашке шоколада, заедая его сырым тюленьим салом, как Нансен неосторожным движением опрокинул горшок, и редкий драгоценный напиток разлился на полу. Нансен поставил на огонь новую порцию. В это время Кайфас залаял таким тоном, что не было сомнения, что поблизости появился какой-то зверь. И едва Нансен успел высунуть голову из палатки, как увидел перед собой медведя, бежавшего по направлению к собакам и уже готового

схватить Кайфаса. Одним прыжком Нансен очутился около ружья, которое стояло заряженным у палатки. Медведь, заметив новое существо, в изумлении остановился. Раздался выстрел, пробивший медведю плечо и грудь. Он зашатался, но не упал, а стал убегать, и прежде, чем Нансен вытащил патрон из кармана и наново зарядил ружье, медведь уже скрылся между льдин. Нансен, а вслед за ним и Йогансен, пустились в догонку. Но не сделали они и сотни шагов, как увидели еще двух медвежат. Началась „скачка с препятствиями“. Спереди бежали медвежата, все время оглядываясь на мать и как бы удивляясь, что она так отстаёт, и понукая её бежать быстрее. За ними пошатываясь бежала медведица, преследуемая Нансеном, который, натыкаясь на льдины и трещины, проваливаясь в снег и преодолевая такие препятствия, которые в обычное время были бы совершенно непреодолимыми, старался нагнать её и достигнуть расстояния ружейного выстрела. Наконец, расстояние достаточно сблизилось, но медведица не оборачивается, а Нансен выстрелить в спину не решается, так как у него с собой всего три патрона по одному на каждого медведя. Но вот, в один момент все три медведя оглянулись на Нансена. Он воспользовался этим моментом и выстрелил. Медведица упала. Медвежата остановились и подбежали к ней, словно желая узнать, в чем дело. С недоумением они ходили кругом, тыкая в упавшую медведицу носами, и в отчаянии не знали, что им с собой делать. Тем временем Нансен зарядил ещё винтовку и уложил одного медвежонка, который с ревом упал на тело матери. Оставшийся бедняжка совсем растерялся и метался между трупом матери и брата, пока третья пуля не уложила и его.

После этого охотники вернулись назад к палатке. Этот перерыв не лишил их прелести второй чашки шоколада, которую теперь они допили. Теперь все заботы о пище окончательно исчезли. Мяса у них было более, чем они могли уничтожить.

Не только мясо, но и шкуры убитых медведей были желанным прибавлением к хозяйству. В виду того, что лёд был почти всегда сырым, спальный мешок был положен на лыжи, которые своими острыми краями очень мучили бедных путников. Теперь же вниз были подстелены драгоценные пушистые ковры. И результаты не заставили себя долго ожидать. Когда на следующий день Нансен проснулся и вышел из палатки, он был уверен, что было шесть часов утра, и подивился, что так непробудно проспал целых десять часов. Но он взглянул на солнце и был поражен его необычным местоположением для этого времени дня. Долго Нансен не мог понять, в чем дело, пока, наконец, он не сообразил, что это было не утро, а уж вечер, и проспал он не 10, а целых 22 часа.

После охоты на медведей мяса было достаточно и для людей и для собак. Но, к несчастью, собак уже трудно было поправить. Одну из них пришлось уже несколько дней перед тем убить, так как, несмотря на отдых и хороший корм, ее состояние делалось все хуже, и она потеряла способность ходить. Из двух последних собак „Гулен“ тоже уже страдал хромотой и подчас даже валился с ног. Только последняя собака Нансена „Кайфас“ была крепкой, бодрой и здоровой.

Но зато двуногая часть экспедиции откормилась прекрасно. Грудинка медвежат оказалась совершенно исключительной по гастрономическим качествам. И вообще, несмотря на то, что все время жили почти мясной диетой и уничтожали в чрезвычайных количествах сало и ворвань, так что, по выражению Нансена, ворвань выступила уже из пор на тело, они не чувствовали ни малейшего расстройства от этого. И ждали только момента, чтобы пуститься дальше в дорогу.

День отбытия назначался не раз. Но всякий раз оказывалось, что еще не все готово, что еще оставалось кое-что починить или приладить. Им хотелось выступить теперь уже в таком виде, чтобы быть готовым ко всем случайностям и не нуждаться в остановках при каждом препятствии. Все предметы были просмотрены и проверены самым тщательным образом, и очень детально обдумано, что нужно взять с собой, а что можно оставить. Как ни печально, но пришлось примириться с тем, чтобы бросить спальный мешок. Даже относительно палатки сперва было решено, что и ее оставят с тем, чтобы кров над головой уже иметь только тогда, когда попадут на борт какого-нибудь рыбацкого судна у берегов Шпицбергена. Но в последний момент все же показалось слишком рискованным лишаться возможности укрыться от дурной погоды, и палатка была взята в дорогу. Все же, когда 22 июля наступил долгожданный момент, и путники снялись с лагеря, место их долговременной стоянки представляло груду самых разнообразных и ценных вещей, которые пришлось оставить на месте. Тут были запасные доски к саням, вторые пары лыж и некоторое количество запасных деревянных частей, большая половина лечебных приспособлений, гипсовые повязки, некоторые инструменты, сковородка, канат, половина алюминиевой крышки от походной кухни, геологический молоток, пол рубашки, чулки, рукавицы, а кроме того — груда драгоценного мяса, сала и три медвежьи шкуры, прикрытые сверху спальным мешком — все это в пестром беспорядке осталось лежать на льду. Но зато провиант экспедиции увеличился мешком сушеного тюленьего и медвежьего мяса и половиной алюминиевой крышки от кухонного аппарата, наполненной салом.

ЗЕМЛЯ!... ЗЕМЛЯ!...

Земля в виду. Болезнь Нансена. Разочарования. У открытого моря. „Сугген“ и „Кайфас“. На каяках. Неприветливые берега. Неизвестность. По льду и по воде. Приходится зазимовать.

АКОНЕЦ, случилось долгожданное событие: в виду показалась земля.

Уже первый день пути был необычайно легкий и удачен: шли быстро и гладко, „словно на бал“. Иогансен стал даже выкидывать фокусы и дошел до такой виртуозности, что переправлялся через трещины, не садясь в каяк, а просто усаживал своего „Суггена“ на носу каяка, сам же становился на колени на кормовой части, отталкивался в воду и греб, удерживая равновесие и добираясь таким образом до противоположного берега. Нансен хотел было последовать его примеру, но для него оказалось это трудноватым, и он предпочел более долгий, на зато верный способ — обойти трещину.

На следующий день дорога стала хуже. Но путники находились в таком приподнятом и бодром настроении после продолжительного отдыха, что все-таки довольно быстро подвигались к югу. Как-то после полудня Нансен побежал вперед высмотреть дорогу. Тем временем Иогансен вскарабкался на близлежащий холмик и стал рассматривать окружающий вид. Его внимание остановила темная полоска возле самого горизонта. Но он решил, что это — облачко. Через некоторое время Нансен тоже обратил внимание на это облачко. Ему показалось подозрительным, что черная полоска была слишком неподвижной. Взяв подзорную трубу, он тотчас убедился, что это была земля, и при том не слишком отдаленная.

Буйная радость охватила скитальцев, когда, наконец, они увидели перед собой предмет их четырехмесячных мечтаний. Всматриваясь внимательнее, они увидели, что темная полоска составляла только небольшую часть земли, выступ на белом фоне покрытых льдом и снегами скал. За этой землей виднелась белая масса более далекой земли. Замечательно, что эта земля не раз была видна с места их последней стоянки, и не раз они всматривались подозрительно в нее. Но туманы и облачка

Борьба с препятствиями.

на горизонте то открывали то закрывали очертания земли; линии, казалось, колебались и двигались, и каждый раз Нансен приходил к выводу, что это только облака.

Теперь же не могло быть сомнений — перед ними была земля. Правда, выглядела она не совсем так, как мечталось им во время пути. Они мечтали об отвесных, гордо высящихся к небу скалах, о светлых долинах между ними. Здесь же виднелись только льды, снега и небольшой клочок голой скалы. Но это не уменьшало восторга. И путники спорили только о том, как скоро они достигнут земли. Нансен думал, что они доберутся на следующий день, Иогансен же настаивал, что достичь земли можно уже в тот же день.

Действительность же показала, что оба были не правы: еще целых тринадцать дней пришлось им выбиваться из пловучих льдов.

На следующий день Нансен внимательно высматривал горизонт, увидел еще новую землю, далеко к западу от них, которая лежала, как выпуклый щит. Но расстояние до этой земли было очень велико. Та же земля, которая была перед ними, казалось, приближалась с каждым шагом. 24, 25, 26 и 27 июля прошли. Маленький караван изо всех сил боролся с нагроможденными препятствиями, ломился через все преграды, и все же земля почти не приближалась к ним.

Хуже всего приходилось по ночам. За неимением спального мешка, пришлось спать в легком мешке из одеял. Лед был мокрый, вода затекала в палатку. И путникам приходилось выбирать между спаньем в луже воды или спаньем на острых лыжах. К довершению всех бед, от вечной сырости Нансен схватил ревматизм спины. 28 июля он впервые почувствовал сильные боли и уже в конце дня должен был отказаться от разведок, предоставив эту роль Иогансену. На следующий день состояние Нансена еще более ухудшилось, и он рад был, что мог хоть кое-как тащиться. А тут начались дожди, которые не только мешали идти, но насквозь мочили путников. Иогансену приходилось принимать на себя все большую часть работы Нансена, ходить за водой, помогать варить, снимать и одевать платье и, главное, во время пути, в наиболее трудных местах, помогать тащить сани. Лишь к 1 августа припадки ревматизма стали ослабевать, и тут только Нансен вполне понял, что означала бы в этих условиях болезнь одного из них: судьба их была бы решена навсегда.

Земля все время была в виду, но она, казалось, не приближалась, а отдалялась к западу. Сильные юго-западные ветры, повидимому, отгоняли лед от земли и делали тщетными все усилия путников выбиться из ледяного поля. Лишь начиная с 1 августа движение льдов прекратилось, и земля стала по настоящему приближаться.

5 августа отмечено в дневнике Нансена двумя счастливыми событиями: во-первых, тем, что Иогансен оказался не съеденным медведем, и, во-вторых, тем, что экспедиция достигла открытой воды, за которой находилась земля.

Первое событие произошло следующим образом. Подойдя к открытой трещине, Нансен стал готовить свой каяк к спуску в воду. Делалось это обычно таким образом, что сани ставились рядом, и каяки по верху скреплялись положенными поперек лыжами. Иогансен возился над своими санями сзади. Вдруг Нансен услышал подозрительный шум и крик:

„Скорей ружье!“

Нансен оглядывается и видит, что Иогансен лежит на спине, а над ним склонился громадных размеров медведь. С быстротой молнии Нансен бросается к каяку. Но сани, на которых стоял каяк, соскальзывают с края льдины и скатываются в воду, и Нансен, стоя на коленях, тщетно пытается вытащить свои сани назад и достать ружье. В это время он за собой слышит совершенно спокойный голос Иогансена:

„Стреляй скорее, а то будет поздно!“

С чрезвычайными усилиями Нансен достал, наконец, ружье и, не вставая, стал оборачиваться, взводя в то же время курок, — дула, в котором был патрон с дробью... Но размышлять нечего, и время тратить на взвод другого курка нельзя; весь заряд дроби летит в ухо медведя, который в это время уже оставил Иогансена и собирался по-своему расправиться с „Кайфасом“. К удивлению Нансена, медведь сразу грохнулся мертвым.

Оказалось, что медведь шел по следам каравана. И в то время, как Иогансен был занят приведением своего каяка в порядок, он вдруг увидел около себя какое-то животное и вначале подумал, что это собака. Но прежде, чем он мог составить правильное представление о размерах нового пришельца, как получил такой здоровенный удар по уху, что только искры посыпались из глаз, и он грохнулся на землю. Тут только он сообразил, в каком положении он находится. Ему не оставалось ничего иного, как схватить медведя за горло, и в то время, как медведь хотел укусить его в голову, он крикнул Нансену, чтобы тот стрелял скорее. Движения Нансена обратили внимание медведя, затем его отвлекли собаки, и он направился к ним. Иогансен на четвереньках отполз в сторону и схватил ружье. Таким образом, все обошлось благополучно, если не считать того, что медвежья лапа смазнула немного грязи щеки Иогансена и оставила рубец на носу „Кайфаса“. Вскоре в отдалении показались два медвежонка. Они долго бродили кругом и шли вслед за караваном, воя и рыча. Но охотиться на них не было смысла: мяса и так было слишком много.

Закусив сырым медвежьим мясом — варить или жарить было слишком долго — и покормив собак, путешественники продолжали путь. Земля, казалось, выросла на их глазах, и было ясно, что недалек тот миг, когда они ступят на нее. Почти не разбирая препятствий, перескакивая через трещины, идя вброд через лужи, карабкаясь из последних сил на нагроможденные грядами льдины, пробивались путешественники вперед. И вот Нансен, шедший впереди, останавливается и машет шапкой. В ответ ему несется восторженное „ура!“ Иогансена. Перед ними, наконец, открылось долгожданное море. Открытое, волнующееся, свободное от льдин, словно манящее в далекий путь, на родину. Заботам, тревогам, блужданиям настал конец. И в награду за труды — с'ели по кусочку шоколада.

Но четвероногим друзьям и товарищам награды не было. Брать их с собою в морское плавание было трудно, питать их было нечем, а польза от них была бы весьма проблематичной. Поэтому, как ни тяжело, но решено было их убить. Нансен застрелил „Суггена“, а Иогансен „Кайфаса“.

Каяки были быстро приготовлены к плаванию и спущены в воду и сперва на веслах, а потом на парусах понеслись навстречу к земле.

Но земля их встретила не слишком гостеприимно: когда они под'ехали к берегу — оказалось, что к самому морю отвесно спускался мощный ледник, и нигде не было ни подобия бухты или гавани, к которой можно было бы пристать. Поэтому, как ни досадно, пришлось и на этот раз, уже под боком земли, вскарабкаться на пловучую льдину и там провести ночь. Но все же каким радостным было ощущение, что на завтра не нужно было идти по льдинам и перебираться через трещины, и можно будет свободно и просторно плыть по открытому морю. С этим ощущением провели путешественники первую ночь в непосредственной близости от земли.

На следующее утро (7 июля) путники увидели, что лед, из-под власти которого они считали себя уже освободившимися, нагнал их, и вся льдина, на которой они устроили свой ночлег, была со всех сторон окружена стеснившимися другими льдинами, загородившими открытое море. Но после некоторых усилий, протавив на небольшое расстояние свой багаж по льдинам, они достигли воды и могли снова сесть в лодки.

Прежде, чем пуститься в плавание, они сделали себе новые весла. До сих пор они гребли бамбуковыми палками, на которые были натянуты куски парусины. Теперь же они пустили в ход свои лыжные палки, к концам которых прикрепили куски сломанных лыж. Получилось очень удобное и надежное весло. Два дня плыли они таким образом на своих прикрепленных друг к другу каяках вдоль новой неведомой земли.

Сперва им приходилось держать курс почти на запад, потом берег стал заворачивать к югу. Движение шло довольно быстро, иногда на парусах, иногда только при помощи весел.

Где же они находились? Что это была за земля? Этот вопрос делался все загадочнее. Прежде всего было очевидно, что они натолкнулись на группу островов. Первый остров, который был виден еще с ледяного поля, был самый большой, за ним показался другой, поменьше, дальше — еще меньше. В отдалении же с севера виднелась еще земля. Но пристать к берегу, взобраться на ледники и сверху посмотреть на окружающую местность было совершенно невозможно. Берега всюду составлял отвесный ледник, без малейшего намека на удобное пристанище. Кроме того, погода редко прояснялась, обычно же стоял туман, в котором трудно было различить что-либо.

Лишь на третий день плавания им удалось, наконец, высадиться на маленький остров и взобраться на покрывающий его ледник. Как раз к этому времени туман несколько прояснился, и путники могли рассмотреть окружающую местность. Прежде всего они окончательно убедились, что они находятся среди сравнительно небольших островов. Первый остров, который они увидели еще с ледяного поля, Нансен окрестил именем Эвы, второй — Лив, третий, маленький, на котором они находились, — островом Аделаиды. С юга был виден четвертый остров.

Что за архипелаг составляли все эти острова? Этого вопроса Нансен не мог решить. Во всяком случае, то, что он видел, не совпадало ни с одной из известных ему карт.

Одно было приятно: голодная смерть в этих областях угрожать не могла. По пути им постоянно попадались громадные чудовища-моржи, как в одиночку, так и целыми стадами. На острове Аделаиды они натолкнулись на место, которое все было истоптано медведями — такого количества медвежьих следов в одном месте Нансен не видел никогда в своей жизни.

Но покамест путники не нуждались в провианте и обращали мало внимания на моржей и тюленей; они были бы, в сущности, рады, если бы и те не обращали внимания на них. Но местные обитатели подчас выказывали такое живейшее любопытство к пришельцам, что их утлым суденышкам грозила не малая опасность. Так, однажды, громадный морж стал преследовать каяки, забавляясь тем, что он показывался под водой то с одной, то с другой стороны каяков, ныряя под них. Такая забава существа, снабженного двумя солидными и длинными клыками, не могла особенно нравиться нашим мореплавателям, и когда развлечения моржа продолжались слишком долго, Иогансен улучил момент и пустил ему в голову пулю. Морж заревел, забился и нырнул в воду. Путники ожидали,

что вот- вот парусинный корпус их судна проткнут снизу громадные клыки. Они были поэтому страшно обрадованы, что морж вынырнул на том же месте, где его настигла пуля Йогансена.

Но не успели они от'ехать приличного расстояния, как вдруг Йогансен подскочил на своем каяке от сильнейшего удара снизу. Нансен думал, что они натолкнулись на ледяную глыбу или на подводный риф. Но вдруг он заметил, что тут же около каяка вынырнула страшная голова моржа. Не теряя времени, он схватил винтовку и пустил пулю в голову чудовища, которое тотчас всплыло мертвым. С немалым трудом удалось путешественникам проделать отверстие в толстой коже моржа и, в вознаграждение себя за беспокойство, вырезать несколько кусков мяса и сала.

Плавание на двойных каяках шло медленно. Такое широкое судно было мало поворотливым, неуклюжим. И Нансен все время мечтал о том, чтобы пуститься вплавь на одиночных каяках. Но как быть с санями? Они были такие длинные, что на одиночном каяке их никак нельзя было уложить. Поэтому Нансен решил обрезать их настолько, чтобы они помещались на половине каяка. Во время одной вынужденной остановки, когда лед со всех сторон окружил их, они проделали эту перестройку и с тех пор плыли уже каждый отдельно, что действительно, ускорило их движение. К сожалению, открытого моря становилось все меньше, и по целым часам приходилось им тащить свои каяки через льдины, что теперь, на укороченных санях, было делом не легким. Далеко впереди они видели большое пространство свободной воды. Но от него их отделяло ледяное поле, в котором лишь местами и изредка открывался свободный проход для каяков.

15 августа, наконец, случилось давно ожидаемое событие, для которого они тащили с собой последнюю порцию картофеля: впервые после двухлетнего плавания они ступили ногами на землю, не покрытую ни снегом, ни льдом. Не много было этой земли — всего несколько скал и гранитных глыб торчали из-под льдин и снегов. Но что за радость была, наконец, увидеть эти голые камни и в волю прыгать и ступать по ним! А, к довершению радости, в укромных уголках между утесами они увидели несколько северных растений — мох, большой красивый мак и несколько других трав и цветочков. Конечно, над камнями был вывешен норвежский флаг, и путешественники принялись за стряпню. К сожалению, уже несколько дней, как была истрачена последняя капля керосина, так что готовить пришлось на лампе самодельной конструкции, питаемой ворванью. Это, однако, не помешало „супу“ из пемикана и последней порции картофеля прийти замечательно по вкусу обоим путешественникам.

Но Нансен еще все не понимал, где он мог находиться.

Острова, среди которых путники шли, земля в отдалении и, наконец, открытый пролив, который они видели перед собой, не подходили ни к одной из уже известных местностей, не совпадали ни с одной из имеющих у них карт. Что это не Шпицберген, в этом не было сомнений. Шпицберген был сравнительно хорошо изучен, и карты его были достаточно точны, так что трудно было предположить, чтобы они были так непохожи на действительные очертания острова. Кроме того, Шпицберген находился южнее той местности, где они были. И, наконец, были и другие не менее важные признаки — птицы. Над маленьким караваном то и дело носились розовые чайки, эти таинственные обитатели далекого севера. Около Шпицбергена эти птицы совершенно не водятся, и они служили доказательством, что путники находятся в иных областях.

Гораздо более вероятным было бы принять, что они находятся на земле Франца-Иосифа. Но где именно? Земля показалась с запада. Но если это восточный берег земли, то где земля Вильчека, где ледник Дове, о котором упоминал Пайер, составивший карту земли Франца-Иосифа? Быть может, это — западный берег! Но как же они миновали, не заметив, землю кронпринца Рудольфа, которая находилась к северу от того места, где они теперь шли? Все это были вопросы, которых Нансен никак не мог разрешить.

Только 15 августа, после долгих усилий, достигли путешественники края льдин и находились у открытой воды, расстилавшейся перед ними далеко к западу. Нужно было выяснить, как далеко шло море к западу, и поворачивал ли берег земли к югу. От решения этого вопроса зависела возможность в эту осень вернуться домой. Но вот край ледников, спускавшихся к морю, стал немного заворачивать к югу. Гребцы удвоили свои усилия, каяки летели, как на крыльях, и, наконец, — о радость! — сомнений нет: берег круто поворачивал к югу, а на западе было только море. Как ни устали были путники, они только немного отдохнули, закусили и, пользуясь попутным ветром, продолжали путь на каяках. До самого утра плыли они на парусах и на веслах вдоль берега, радуясь возможности так быстро, легко и верно приближаться к желанной цели.

„Я радуюсь, как ребенок, — писал Нансен, — что мы, наконец, находимся на западном берегу земли Франца-Иосифа, имеем перед собой открытое море и стали независимыми от льда и течения“.

Но радость его была преждевременной. И следующая запись в дневнике полна тревоги и опасений:

„Среда, 24 августа. В нашей жизни нет конца испытаниям. Когда я писал в последний раз, я был полон надежд и бодрости. А теперь

мы здесь задержаны уже седьмой день льдом, который нагромоздился грудами к берегу и недоступен со всех сторон. Вокруг нас только нагроможденные глыбы и обломки льда. Бодрость еще живет в нас, но надежда, надежда скорее попасть домой, уже давно потеряна. Перед нами неизбежность долгой мрачной зимы в этих краях“.

Эта перемена судьбы наступила почти внезапно.

Ночью с 17 на 18 июня оба путника, полные надежд и бодрости, гребли прямо к видневшемуся перед ними в отдалении высокому мысу. Но Нансену казалось подозрительным, что впереди виднелось так много льдин. Поэтому он взобрался на близ находящийся холм и к великому своему огорчению увидел, что на уровне этого мыса находилось довольно много маленьких островков, которые загораживали проход и задерживали льды. В этом месте все море было покрыто льдом, и о том, чтобы пробраться на лодках, не могло быть и речи. Оставалось пробираться вдоль самого берега в надежде, что там найдется хоть узенький канал, которым удастся миновать эту преграду.

Из плавания каналом вдоль берега ничего не вышло. Вода почти всюду была затянута свежим льдом. Поэтому пришлось выбраться на край льдин и ожидать. Путники разбили палатку и улеглись спать в полной надежде, что, проснувшись, они найдут дорогу открывшейся.

Но этой надежде не суждено было осуществиться. Поднявшийся ветер нагнал массу льда, так что ни с какой стороны не было выхода. Оставалось сидеть и ждать. И, таким образом, все надежды достигнуть родины еще в этом году развеялись в прах.

Самое большое, на что можно было рассчитывать — это достичь южной конечности земли Франца-Иосифа. Остров Эйра казался раем по сравнению с тем, что окружало их здесь. Там можно было рассчитывать найти развалины хижин Лей Смита, там было больше открытого моря, а значит, и больше шансов на охоту. Тут же они с тревогой заметили, что их провиант, о пополнении которого до сих пор они не могли думать, стал близиться к концу, а дичи не было видно. К счастью, 22 августа Нансен из палатки увидел медведя и, просунув дуло ружья, убил его, так что на ближайшее время тревоги о пищи рассеялись.

24 августа поднялся сильный ветер, перешедший в бурю, и в ледяном поле — между берегом и лагерем Нансена — образовалась трещина. Перспектива быть унесенным ветром в открытое море не особенно улыбалась, и поэтому путники, несмотря на сильный ветер, стали пробираться к краю льдин, чтобы попытаться плыть на каяках. Но это, в виду чрезвычайно сильного волнения и ветра, оказалось невозможным. Оставалось одно: разбить палатку и выжидать лучшей погоды. И это оказалось не легким делом. Страшные порывы ветра грозили изорвать

палатку в клочья, так что пришлось ее опустить, и путники лежали прямо под навалившимися на них полотнищами. Через некоторое время Нансен проснулся и услышал, что ветер значительно стих. Он выглянул — земля находилась на расстоянии около 10 километров, отделенная от них открытым морем.

Терять времени нельзя было и, несмотря на волны, спустили связанные каяки и подняли парус. Оказалось, что плавание шло прекрасно. В течение целого дня шли вперед и, наконец, благополучно миновали тот мыс, к которому все время стремились добраться. И лишь с наступлением тумана и вечера вынуждены были остановиться на берегу одного из островов и, довольные успешным плаванием за день, хорошенько поесть.

На другое утро, только пустились в плавание, как поднялся такой встречный ветер, что, как ни гребли, почти не двигались с места. После безуспешной борьбы пришлось повернуть назад и пристать к тому же берегу, где провели ночь.

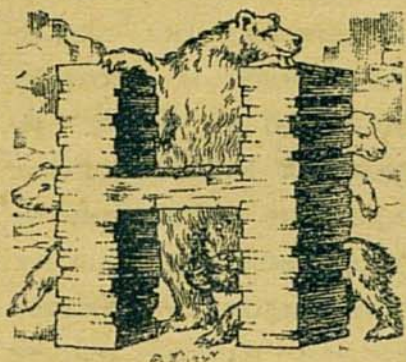
Место это оказалось очень удачным в смысле охоты. Не успели путешественники пристать к берегу и вытащить челноки, как увидели медведя, бежавшего рысью прямо по направлению к ним. Нансен с Иогансеном спрятались за каяки и ожидали медведя лежа. Но вот зверь что-то зачуял и стал обнюхивать землю. В это время Иогансен выстрелил и пробил лопатки и позвоночный столб. Медведь хотел было бежать, но его задние конечности отказывались повиноваться. Он, рыча, уселся и до крови стал грызть задние лапы, словно желая понудить их к повиновению. Новая пуля покончила с его страданиями.

Тем временем в море появились моржи. Сперва Нансен увидел одного, потом появилось больше, и, наконец, они с Иогансеном могли любоваться целым стадом. Очевидно, что тут голодная смерть грозить не могла.

Хотя место было подходящим для зимовки, думать об этом не хотелось, и путники все надеялись, что на следующий день им удастся продолжать плавание. Но к утру, к своему разочарованию, они увидели, что путь прегражден нагромодившимися льдинами. Переждали еще день — опять та же картина. Оставалось одно — готовиться встретить зиму там, где они уже находились.

ЗИМОВКА В ПОЛЯРНОЙ ПУСТЫНЕ

Борьба за жизнь. Охота на моржей и медведей. Постройка жилища. Новоселье. Холод, грязь и нищета. Побольше спать. Мечты о лучшем будущем.

НАНСЕН достаточно знал историю полярных исследований, чтобы понимать, что означает такое решение. Случаи, когда путешественникам приходилось оставаться на зиму в полярной пустыне без корабля — все на перечет, начиная с зимовки Баренца и кончая зимовкой Грили. Но ни одна из этих зимовок не могла сравниться с той, которая ожидала Нансена. Прежние путешественники, которых полярная зима заставляла на необитаемых землях севера, всегда имели значительное количество запасов с разрушенного или покинутого корабля, имели материалы для постройки жилища. Тот же Баренц на Новой Земле мог выстроить из наносного дерева целый дом и обставить его утварью и мебелью с корабля, имея инструменты, платье и топливо на всю зиму. Экспедиция Росса зазимовала по дороге с корабля около обширного депо припасов, заранее построив деревянный дом. В тех же областях, где находился Нансен, англичанин Леи Смит потерпел крушение у южной конечности земли Франца-Иосифа и вынужден был остаться на зимовку. Но и он мог из обломков своей яхты построить себе на острове Эри сравнительно сносное жилье и имел достаточно запасов и платья. Только последняя зимовка Грили у мыса Сабины напоминала несколько те обстоятельства, в которых очутился Нансен. Но и Грили имел больше запасов и снаряжения. Между тем, результат этой зимовки, когда из 26 человек осталось всего в живых шесть, известен всем, причем оставшиеся члены экспедиции были спасены лишь благодаря тому, что ее искали, и в последнюю минуту подоспела помощь. Но кто мог искать Нансена среди этого недоступного архипелага безвестных островов? Положение его более всего напоминало обстоятельства высадки Де-Лонга у устьев Лены. Но и там была возможность искать обитаемых мест. Здесь же Нансен даже не знал, где он находится.

И что могли Нансен и Иогансен противопоставить испытаниям надвигающейся зимы? Укороченные сани и потрепанные каяки? Запасы

с „Фрама“ давно уже приблизились к концу, несмотря на то, что их страшно сэкономили, и в последнее время пища экспедиции состояла почти исключительно из мяса тюленей и медведей. Платье их было изношено, и нового запаса они не имели. Спальный мешок и тот был оставлен ими на льдинах, а палатка пришла в такую ветхость, что не была годна к употреблению даже и в летнюю пору. Деревя, которое они имели, им не хватило бы даже на один порядочный костер, не говоря уже о постройке жилища. Поэтому и жилье, и пищу, и топливо, и одежду, — все это надо было добыть здесь, на этом пустынном, обледелом месте в короткое время, которое им оставалось до наступления зимы.

Если бы Нансен наверное знал, что они находились на земле Франца-Иосифа, он, быть может, решился бы идти к югу и достичь остатков жилья Леи Смита. Но такой уверенности в нем не было. А кроме того, если они даже и достигнут до наступления зимы острова Эйры, то найдут ли еще остатки этого жилища, успеют ли восстановить его, а главное, успеют ли запастись припасами, — ведь, все надежды их были связаны только с результатами охоты. Нет, приходилось оставаться там, где они были. Здесь они, по крайней мере, для начала имели тушу убитого медведя, видели перед собой стада моржей, а льдин и камней, для постройки жилища, здесь было не меньше, чем во всяком другом месте...

Значение беды, которая захватила экспедицию, Нансен понимал превосходно. Он знал, что холод и голод были почти неотвратимы, и что страшнее обоих была цынга, если не от недостатка пищи, то от ее однообразия. Но отчаиваться не приходилось, нужно было бороться. И началась борьба, такая упорная и напряженная, что даже для писания дневника не оставалось времени. Личный дневник Нансена молчит целых три месяца, которые ушли на устройство жилья и сборы пищи. Да и что было записывать? Положение было так мрачно, что даже для обычного юмора и добродушия не хватало сил.

Жилье и пища — вот две первые и основные заботы экспедиции. До сих пор жилье состояло из палатки. Но здесь на берегу, уже в первую ночь, в виду ветхости палатки и отсутствия места, защищенного от ветров, из камней соорудили нору. Это было не что иное, как невысокие стены, сложенные из камней, покрытые сверху разостланной на лыжах палаткой. „Нора“ была так низка, что в ней нельзя было не только что стоять, но, при высоком росте Нансена, ему нельзя было даже сидеть прямо. Кроме того, наспех сложенные стены не были прилажены, как следует, и ветер дул со всех сторон и изо всех щелей. В довершение всего, при варке все помещение наполнялось удушливым чадом и дымом, так что из глаз ручьем струились слезы. Словом,

оставаться в этой „норе“ долгое время было немыслимо, и надо было подумать о постройке новой хижины. Но из чего? Строительный материал их состоял из одного толстого бревна, найденного Нансеном на берегу. Как ни обыскивали берег, как ни осматривали его, кроме нескольких полусгнивших кусков дерева, не нашли ничего. Значит — оставалась земля, камни и лед.

Еще хуже, если возможно, обстояло дело с пищей. Остатки их провианта с „Фрама“ и те запасы, которые они имели от охоты, приходили к концу. Надо было их пополнить, и при том так, чтобы хватило на всю зиму.

А на охоту можно было рассчитывать не долгое время, так как зимой все животные — как медведи, на мясо которых в особенности рассчитывали путники, так и моржи, которые должны были доставлять им топливо и горючий материал, — конечно, исчезали из этих областей.

В первые дни берег кишел моржами. Но, как только решено было начать серьезную охоту на них, они, как нарочно, исчезли с берега, хотя дальше в море видны были их громадные головы и черные спины. Без их ворвани и сала обойтись, однако, нельзя, и пришлось отправиться за ними на охоту на легких каяках.

Во время приготовления каяков Иогансен увидел медведицу с медвежонком, шествующих с юга по краю льдин. В один миг ружья были в руках, и охотники осторожно пошли навстречу медведям. Не успела медведица взойти на берег, как была встречена пулей Иогансена, свалившейся ее почти на месте. Медвежонок сперва испугался, но затем вернулся к матери и стал обнюхивать ее. Пуля положила конец его сомнениям и недоумению.

Начало собирания запасов было недурное. Но медведи не могли дать хорошего горючего материала, и поэтому, сколько бы медведей не удалось застрелить, охота на моржей все же оставалась неизбежной, и, хотя попытка на маленьких лодках нападать на чудище в его родной стихии была крайне рискованной, выбора не было, и на следующий день Нансен с Иогансеном отправились на охоту.

Без всякого труда удалось на связанных каяках подплыть на расстояние выстрела от одного из чудищ и пустить ему две пули в голову. Оглушенное животное лежало неподвижно на воде. Но только каяки приблизились к нему, как оно очнулось и стало яростно биться на поверхности воды. Охотники изо всех сил стали грести назад, чтобы удалиться от опасного соседства — но было уже поздно, и их судно получило несколько крепких ударов, прежде чем морж погрузился в воду. Через несколько времени раненый морж опять появился на поверхности, сопя, ворча и окрашивая кровью поверхность воды. Опять раздался

два выстрела, животное опять нырнуло, и так продолжалось несколько раз, при чем, в результате, после последнего выстрела животное нырнуло, и сколько его ни ждали — оно не появлялось опять. Итог: много волнений, крика, шума, потеря девяти драгоценных патронов, а домой пришлось вернуться с пустыми руками.

Очевидно, что охотиться на моржей с челноков, было немыслимо. Но в тот же день моржи показались на прибрежных льдах. Сперва вылез один, за ним другой. Вначале они производили страшный шум и возню, но затем утихли и, сонные, неподвижные, лежали, распластавшись, на льду и грелись на солнышке.

Осторожно, с ружьями в руках, подкрадывались охотники к такой великолепной дичи. Но моржи не обращали на них никакого внимания, и к ним без труда удалось подойти совсем близко. Нансен с первого выстрела уложил моржа на месте, Йогансен же только ранил, и морж, фыркая и сопя так, что все кругом сотрясало, стал направляться к воде. Тут выстрелил Нансен, но тоже лишь ранил животное. Полуоглушенный морж оперся головой на свои страшные бивни, и во всем выражении было что-то столь жалостное, печальное, что Нансен долго не мог забыть выражения его молящих глаз. И чудилось ему, что в этом выражении была тоска за весь род моржей, так безжалостно истребляемых человеком. Два представителя рода преследователей были страшно довольны своей удачей, хотя несколько вознаграждавшей их за неуспех охоты с каяков и потерянные 9 патронов.

Но как доставить эти громадные туши домой? Быстро побежали за санями. Нансен был так предусмотрителен, что на всякий случай захватил с собой и каяки, — край льда был довольно далеко от берега, а ветер крепчал, и, кто знает, чем это могло кончиться! Эта предусмотрительность оказалась далеко не лишней. Пока охотники были заняты трудной работой свежевания громадных туш, ветер от берега все усиливался. Нансен вначале то и дело подозрительно поглядывал на лед между ними и берегом, но затем увлекся работой и, лишь окончив свежевание первого моржа, случайно бросил взгляд назад и увидел, что ветром оторвало ту льдину, на которой они находились, и уже давно несло в открытое море. Между ними и берегом находилось уже большое расстояние.

Отказаться от всей добычи было сверх сил. Поэтому, отрезавши большие куски мяса и сала и нагрузив их на каяки, охотники стали грести к берегу. Но не тут-то было: ветер был так силен, что, сколько гребцы ни старались, они ни на шаг не подвигались вперед. Оставалось пожертвовать значительной частью взятой добычи и раз'единить каяки. Тем временем льдины стеснились вокруг хрупких суденышек, грозя

каждый миг раздавить их. Пришлось выбирать на лед и искать места, откуда можно было бы пуститься в плавание. Но и в одиночку было очень трудно грести, так что временами казалось: каяки стоят на месте или даже силой ветра отгоняются назад. Лишь поздно ночью, совершенно изнеможенные и промокшие, добрались охотники до своего берега. Редкий ужин приходился им так по вкусу, как тот, которым они себя угостили в ту ночь в своей „норе“, хотя он состоял только из вареного медвежьего мяса. Но как грустно было думать, что целых два моржа были так нелепо потеряны и плыли теперь на льдине в неизвестные края. Одно лишь служило утешением, что охотникам не пришлось быть невольными спутниками моржей в этом плавании. Трудно представить, чем кончилась бы эта злосчастная охота, если бы не каяки, которые они предусмотрительно захватили с собой.

Не успели охотники отдохнуть, как Иогансен разбудил Нансена сообщением, что поблизости показался медведь. Еще в полусне Нансен услышал ворчанье около „норы“. С ружьем пополз он к выходу и неподалеку увидел медведицу с двумя медвежатами. Нансен выстрелил, но спросонья и второпях не попал. Медведица вздрогнула и оглянулась. Нансен воспользовался этим и пустил ей пулю в грудь. Медведица страшно зарычала, и все трое стали убегать к берегу. Но там медведица свалилась на льдине в лужу и с трудом выбиралась из нее на сухое место. Нансен стоял и ждал, пока медведице удастся выбраться, чтобы не пришлось ее тащить по воде, и, когда она была на сухом месте, прикончил ее.

Медвежата же бросились в воду и пустились спасаться вплавь. Неподалеку от берега они подплыли к пловучей льдине и вдвоем вскарабкались на нее. Но льдина была слишком мала и не могла сразу удержать обоих. То один, то другой все сваливались в воду, но опять терпеливо взбирались наверх. Упустить такую добычу не хотелось, и охотники быстро снарядили свои каяки и пустились вдогонку. Задача заключалась в том, чтобы пригнать медвежат к берегу и там уже застрелить их. Медвежата в испуге поглядывали на приближение врагов. Один, очевидно, посмелее, бросился в воду. Другой колебался. Наконец, поплыли оба. Описав дугу, каяки заплыли с моря и стали гнать медведей к берегу. Было видно, что один плывет значительно лучше и то и дело уходил вперед, но потом терпеливо ждал другого, словно готовясь оказать ему помощь. И, лишь когда второй медвежонок совершенно выбился из сил, более ловкий пловец поспешил к берегу один. Но каяки без труда догоняли четвероногих пловцов, и на берегу около „норы“ оба медвежонка были убиты.

Удача шла за удачей. Три медведя — это было уже хорошее возмещение за трех потерянных моржей. Но оказалось, что и моржи не

все были потеряны: тот, который был убит в воде с каяков, оказался прибитым волнами к берегу. Нужно было только его вытащить на сухое место. Но все, что удалось сделать совместными усилиями, — это притащить моржа на буксире до узкого канала среди берегового льда. Тут, казалось, его можно будет вытащить по отлогому скату ледника. Но сколько ни бились, сколько ни мучились, какие приемы ни применяли, вытащить на ледник не удалось, — в лучшем случае над льдинами показывалась голова моржа.

Пока охотники безуспешно трудились над громадным животным, они заметили, что тут же в канале около самого берега появился еще один морж. Очевидно, ему было любопытно взглянуть, что, в самом деле, люди делают с его мертвым товарищем. К счастью, винтовки были при себе, и моржа удалось пристрелить. Убить его окончательно не хватило патронов, и, покамест Иогансен бегал к жилью за патронами и гарпуном, Нансену приходилось с палкой в руках бороться с раненым животным, отгонять его от выхода в канал, чтоб добыча не ушла в море. Но вот Иогансен прибежал, и второй морж стал добычей охотников.

Теперь в воде лежало два моржа, но вытащить наверх охотники не могли ни одного. Оставалось одно — свежевать животных прямо в воде. Трудно придумать более неприятную работу. Стоя по пояс в холодной воде, они должны были разрезать громадные туши, снимать кожу, вынимать сало и мясо, с трудом переворачивая добычу с боку на бок. Неприятнее всего в этом занятии было то, что сало, ворвань и кровь толстым слоем плавали поверх воды и фонтанами лились на платье, которое оказалось засаленным насквозь с головы до ног так, что нельзя было отчистить за всю зиму. Это платье и так уже было достаточно поношенным и ободраным, теперь же оно стало невыносимо грязным и липким. А, ведь, это было единственное платье, которое у них было в распоряжении. Зато в результате на берегу высилось две груды сала, прекрасного топлива на зиму.

Запасы провианта пополнялись быстро. В конце сентября опять удалось застрелить двух медведей. А на следующий день около края прибрежных льдин появилось целое стадо моржей. Иогансен полагал, что с моржами слишком много возни, и отговаривал Нансена от охоты на них, тем более, что в мясе они больше не нуждались, имея в запасе семь медвежьих туш. Но Нансен был того мнения, что было бы неосмотрительным оставить без внимания топливо и пищу, валяющуюся, можно сказать, у ног. И они отправились на охоту. На этот раз охота оказалась почти что развлечением. Моржи не обращали ни малейшего внимания на приближающихся охотников, и Нансен мог спокойно приглядываться к виду моржей и их способу обходиться друг с другом.

„Эти животные удивительны. Лежа рядом, они непрестанно наносят друг другу удары своими громадными бивнями, как старые молодым, так и молодые старым. Стоит одному из них пошевелинуться и приблизиться к соседу или побеспокоить того, как последний с сопением поднимался и всаживал бивни в спину первого. Это не было особенно нежной лаской, и счастье моржей, что они имели такую толстую кожу; хотя и то со спины многих из них струилась кровь. Другой приподнимался и, в свою очередь, отвечал такой же любезностью. Но особенно большое волнение среди моржей поднималось, когда из воды появлялся новый гость. Все хором начинали ворчать, и один из пожилых самцов, находившийся поближе к пришельцу, наносил ему здоровенный удар. Пришлец осторожно продвигался по льду, почтительно кланялся и тихонько пробирался между другими, которые тоже накладывали столько ударов, сколько позволяли время и обстоятельства. После этого все успокаивались и тихонько лежали до появления нового нарушителя спокойствия“.

Наблюдая эту своеобразную картину, Нансен и Иогансен чуть не забыли про охоту. Но торопиться было нечего, моржи на них не обращали никакого внимания. И надо было только выбрать добычу повернее. Решено было застрелить двух моржей помоложе, ибо с большими тушами была бы слишком большая возня. Наметив себе жертвы, охотники выстрелили. Но животные были только ранены и тотчас бросились в воду. Во всем же лагере поднялось движение, шум, недовольное сопение и хрюканье. И, наконец, один за другим моржи подходили к краю льда и бросались в воду. Без всякого труда двумя выстрелами удалось уложить двух моржей — одного старого и одного молодого. Этого было достаточно для охотников, и они не мешали другим скрыться. Но один из старых моржей ни за что не хотел уходить и спокойно оставался лежать, с удивлением посматривая на двух убитых товарищей и на странных, незнакомых пришельцев. Что тут было делать? Стрелять в него не хотелось, но как избавиться от него? Иогансен уже вскинул было ружье, но все колебался — стрелять или нет. Этим моментом воспользовался Нансен, чтобы сфотографировать эту живописную группу. В результате моржа не тронули и дали ему спокойно уйти в воду. Между тем, все стадо моржей так волновалось и шумело в воде, что только воздух дрожал, и вода пенилась вокруг. То и дело они свои уродливые головы поднимали над водой, а один старый морж даже высывался над краем льда. Наконец, видя, что товарищи их, оставшиеся на льдине, не двигаются, стадо повернуло к морю и исчезло в отдалении. Только пожилой морж еще несколько раз возвращался назад, поднимая голову над льдом и вызываясь сопел. Но вот и он скрылся, и охотники могли спокойно заняться свежеванием туш.

За охотой и заботами о пище не забывалось, однако, и жилье, постройка которого подвигалась быстро вперед. Архитектурный проект не был сложен. Яма в земле, стены из уложенных камней вокруг нее, а поверх крыша из моржевых шкур. Но и эта постройка при отсутствии инструментов оказалась чрезвычайно трудной. Главные орудия были в сущности две пары рук, с ногтями на них. Руками рыли яму, выгребали камни из почвы, переносили к месту постройки, укладывали в виде стены и конопатили мхом и землей. Когда морозы усилились, на помощь явились куски полозьев от саней. Когда почва промерзла так, что ее нельзя было выгребать прямо руками, то из широкой лопатки моржа и палки сделано было подобие доисторической лопаты; а из бивня моржа, прикрепленного к деревянной рукоятке, смастерили кирку для разрыхления земли. При постройке больше всего хлопот доставила крыша. Сделать деревянный кров при наличии всего лишь одного бревна и невозможности его распилить было немыслимо. Парусина от палатки была уже совершенно изношенной. Поэтому решено было использовать шкуры моржей. Вместо стропил было положено бревно, которое Иогансену в результате работы в течение целого дня удалось расколоть маленьким топориком на две части. Когда стены были выведены на высоту около метра, и на такую же глубину выкопана яма, стали сооружать крышу. Больших усилий потребовала укладка наверх бревна. Но еще труднее было покрыть крышу кожами. Кожи лежали на грудах сала и мяса и крепко примерзли к ним, так что только при помощи моржевых клыков и ножей удалось их отделить. Не легко было также дотащить их до хижины, для чего пришлось их свертывать и катить в таком виде. Но труднее всего было положить их, как следует, на крыше, так как промерзшие шкуры никак не хотели улечься аккуратно. Некоторые из них пришлось даже тащить обратно к морю и там вымачивать в морской воде, пока они не сделались мягче.

Но вот работы над хижинкой стали близиться к концу. Крыша была закончена. Кожи положены в надлежащем виде, а, чтобы ветер не мог их сорвать, поперек были положены длинные кожаные ремни, к концам которых привязали камни. Кроме того, на края кож, которые были так широки, что свешивались по обеим сторонам, наложены были камни.

Вход, который путники упорно называли „дверью“, состоял из узкого отверстия в земле, прикрытого камнями и льдом. Внутренний вход был прикрыт медвежьей шкурой, прикрепленной прямо к крыше. Наружный вход прикрывался такой же шкурой, постланной прямо на земле. В дверь эту можно было проникать только согнувшись в три погибели, или, точнее, приходилось вползать в нее. Размер хижины был 1,8 метра поперек и 3,5 метра в длину. Когда Нансен ложился поперек, то ногами

он касался другой стены, в то время, как голова касалась противоположной стены. Меблировка была более, чем скромной, и состояла из двух скамей, сложенных из камней. Но как ни первобытна была эта хижина, она казалась просто „дворцом“ для ее строителей, которые все время жили в опротивевшей „норе“ и мечтали, как прекрасно они заживут в доме, где можно не только лежать, но даже сидеть, и даже, — что за счастье! — стоять, выпрямившись во весь рост.

26 сентября Иогансен опять увидел на льду медведя, который, видимо, в нерешительности бродил взад и вперед и наблюдал за тем, что делается на берегу. Его следы Нансен заметил уже раньше около запасов и куч сала. Тотчас был составлен план охоты: Нансен пошел на лед с тем, чтоб обойти медведя и побудить его приблизиться к берегу. Но медведь, увидя Нансена, стал удаляться, так что ничего не оставалось, как выстрелить издалека. Первый выстрел был мимо, после второго медведь подпрыгнул и так начал бесноваться на льду, что лед проломился под ним, и он оказался в воде. Нансен подошел, но не хотел стрелять, так как надеялся, что медведь сам выберется на лед и тем сбережет им труды по его вытаскиванию. Но медведь, как ни бился, не мог выкарабкаться из воды. Едва только ему удавалось выбраться до половины, как лед опять проламывался. Но вот движения медведя сделались медленнее, наконец, ослабли совсем, — несколько судорог, и морда погрузилась в воду.

Вместо того, чтобы тащить его по льду, Нансен решил протащить в воде под льдом, прорубая в тонком льде отверстие только для каната. Около берега вырубили большую прорубь и там уже вытащили тушу на лед. Лишь поздно ночью, тяжело нагруженные, добрались охотники до дому.

Но медведи не оставляли их в покое. Не успели они ступить на берег, как Иогансен прошептал:

— „Глядите туда!“

И, в самом деле, около груды моржового сала видны были три медведя, аппетитно уплетавшие даровое угощение.

Нансен был даже огорчен. После долгой охоты хотелось поскорее добраться до теплого мешка и горшка с горячим бульоном, а тут, вместо этого, опять приходилось иметь дело с медведями. Но медведи заметили людей и быстро скрылись, за что охотники на этот раз почувствовали по их адресу живейшую признательность.

Но не успели охотники, как следует, расположиться на отдых, как Иогансен, ушедший за водой, свистом вызвал Нансена. Оказалось, медведи не захотели отказаться от лакомой пищи и быстро возвращались назад. Нансен схватил винтовку и, спрятавшись за камни, стал поджидать гостей. Когда медведи подошли к груде сала, Нансен прицелился

в темноте и выстрелил. Медведица была ранена, но побежала вместе с медвежатами на лед и там свалилась мертвой. Детеныши сперва остановились около нее, но потом, при виде людей, отошли на приличное расстояние. Но они все время оставались в виду и наблюдали, как люди потрошили медведицу. На утро они оказались совсем близко около тела матери, причем мимоходом съели ее выпотрошенные внутренности, в которых были куски сала. При виде людей они опять убежали.

На следующее утро, выползши из своей норы, хозяева маленькой колонии увидели, что на драгоценной куче сала лежит и спит медведь. Под прикрытием камней Иогансен подкрался к нему. Медведь услышал шум и поднял голову. В этот момент раздался выстрел, и пуля пробила медведю голову. Однако, тот как бы не обратил на это внимания, спокойно встал, презрительно взглянул на Иогансена и с достоинством стал удаляться. Но две пули, посланные вдогонку, свалили его. Он был так полон сала и ворвани, что оно текло даже из его глотки. Ни разу еще Нансен не видел такого огромного медведя. Но, вместе с тем, это был и самый тощий из всех медведей, с которыми ему приходилось иметь дело, и в нем не было ни капли жира ни под кожей, ни во внутренностях. Но зато и попиrowал же он после долгого поста! Весь пищевод, горло и пасть были полны сала и ворвани. Очевидно, натолкнувшись после долгих лишений на кучу сала, медведь просто растерялся от восторга и и хватал лакомые куски то с одного конца, то с другого, разбрасывая куски сала кругом. Потом он собрал наиболее лакомые куски в кучу и лег на них, вероятно, для того, чтобы, проснувшись, поесть опять.

Это был какой-то странный представитель медвежьего рода. Оказалось, что по дороге к берегу он встретил двух медвежат, оставшихся от застреленной медведицы, и убил их, своротив обоим черепа ударом своей мощной лапы. Трудно сказать, что побудило его к этому: желание ли избавиться от конкурентов в поисках пищи или просто дурной нрав. Во всяком случае он этим вознаграждал охотников за причиненные им убытки в виде уничтоженного сала, и охотники полагали, что их запас мяса был совершенно достаточен для всей зимы.

Хижина и вся ее обстановка были готовы, и оттягивать переселение было не за чем, тем более, что мороз все крепчал, и в норе становилось невыносимо холодно. Торжественное новоселье состоялось вечером 28 сентября. Для отопления зажгли сразу несколько горелок. Горелки эти были сделаны из жестянок, наполненных салом и ворванью. Фитилями служили бандажи и перевязочный материал из аптеки доктора Блессинга. Горелки эти действовали превосходно, давая прекрасный свет и даже тепло. И обитатели нового жилища так были полны доверия к нему, что решили ночь провести не в спальном мешке, как обычно, а отдельно,

каждый на своей лежанке. До сих пор они все время спали вдвоем в спальном мешке, сперва в своем меховом, а после его оставления на льдинах они сшили новый мешок из шерстяных одеял и спали в нем вместе, причем в общем не чувствовали холода. Тут же они расшили мешок, и каждый улегся отдельно, накрывшись своим одеялом. Но зато и промерзли они в эту ночь.

Нансен думает, что это была самая холодная ночь за все путешествие.

На утро, продрогшие и промерзшие, они сварили себе горячий бульон, и им пришлось уничтожить его несметное количество, пока, наконец, почувствовали, что начинают согреваться. И в тот же день у задней стены хижины сделана была широкая лежанка для двух. На нее была постелена медвежья шкура, одеяла были опять сшиты в один мешок, и если бы не то, что лежанка состояла из неотесанных острых камней, которые нещадно давили бока и спины, вопрос о постели на ночь можно было бы считать разрешенным прекрасно.

Для отвода чада и дыма из очага была сделана труба из медвежьей шкуры, выведенная на крышу. Но тяга была слишком ничтожной, и при каждом порыве ветра чад и дым наполняли жилище. Поэтому пришлось построить сверху трубу из льда, которая действовала в общем превосходно. Недостатком ее было лишь то, что она подтаивала от тепла, и несколько раз в течение зимы ее пришлось восстанавливать заново.

Нельзя сказать, чтобы зимний стол путешественников отличался разнообразием. В течение всей долгой зимы их пища без перемен состояла из медвежьего мяса в виде бульона или жаркого. Иногда к этому прибавлялось жареное или топленое сало, причем это сало для сокращения работы часто просто вылавливалось кусочками из горелок. Кусочки эти носили громкое название „печенья“. Но, несмотря на чрезвычайное однообразие и простоту пищи, оба уничтожали ее в большом количестве и всегда с неизменным аппетитом.

Правда, у них оставалось немного из провианта, взятого еще с „Фрама“. Но эти легкие и питательные запасы они решили хранить до весны для дальнейшей дороги. Провиант был сложен в депо и завален со всех сторон камнями, чтобы оберечь от всяких случайностей, а главным образом от песцов, которые своим воровством и грабежами приводили пустынных просто в отчаяние. Все, что мало-мальски плохо лежало, песцы тащили к себе, иногда без всякой видимой цели. Куски бамбука, проволока, гарпуны, веревки от гарпунов, коллекция камней, результат минералогических и геологических наблюдений и работ Нансена, мхи, которые Нансен хранил в небольшом парусиновом мешочке, последний клубок бечевки, неосторожно оставленный на дворе, с которым связывалось

столько надежд на шитье и починку платья, — все это грабилось без всякого стеснения, что отнюдь не делало пропажу менее болезненной. Ему не хотелось примириться с пропажей, и в полумраке он пошел по следам песцов в надежде, что, может быть, клубок валяется где-нибудь неподалеку. Отойдя на небольшое расстояние, он встретил одного из грабителей — громадного песца, который остановился в 10 шагах от Нансена и, очевидно, с негодованием, что ему преградили его обычную прогулку, сердито испустил душераздирающий вой. Нансен схватил камень и запустил им в вора. Но песец отбежал немного и остановился опять. Что было тут делать? Стрелять Нансен не хотел; тратить патрон на песца — была для него слишком большая честь. Зимой путешественники попробовали изловить воров силками. Но как ни хитрили, какие конструкции западней не придумывали, за всю зиму им ни разу не удалось поймать ни одного песца, хотя их возню, шум и беганье около жилища и по крыше и даже заглядывание в трубу они слышали постоянно и даже привыкли к тому, как дома привыкают к шуршанью мышей.

Песцы обнаглели до того, что похитили даже термометр у Нансена. В первый раз Нансену удалось найти его неподалеку на снегу. Чтобы избежать рецидива, он с той поры, оставляя термометр на дворе, придавливал его камнем. Но и это не помогло, и через некоторое время термометр опять оказался похищенным. Напрасно Нансен бродил по окрестностям по следам песцов — единственное, что ему удалось найти, был футляр термометра. Сам же термометр, вероятно, до сих пор служит украшением какой-нибудь песцовой норы.

Большинство песцов были белые. Но встречались и так называемые голубые. Один прекрасный экземпляр этой породы часто достаивал хижину своими визитами. И если в то время, как песцы спускались с ледников к жилищу, кто-нибудь из обитателей был на дворе, то песец испускал чрезвычайно неприятный вой, как бы негодуя, что ему мешают. Но стоило людям уйти в хижину, как песец приходил и начинал шумно и без стеснений возиться над кожей на крыше.

Медведи исчезли совсем. В течение осени удалось застрелить еще двух медведей. Но с 8 ноября медведи не появлялись уже до самой весны.

15 октября скрылось солнце, и воцарилась ночь. Дни или вернее сутки, так как дни ничем не отличались от ночей, проходили чрезвычайно однообразно. Большая часть суток проводилась в мешке, в спанье или в попытках спать. Хотя лежать на камнях, тщетно выискивая удобное положение усталому телу, было утомительно, все же на лежанке было всего теплее, и она неохотно покидалась. Ведь, температура жилища все время стояла около нуля, так что вода на полу тотчас превращалась в лед.

Для моциона старались хоть некоторое время проводить на воздухе, делая прогулки. Но во время сильных морозов, ветров и вьюг такие прогулки при отсутствии приспособленного платья доставляли мало удовольствия. Костюмы обоих были очень обношены, и во время ветра Нансену казалось, что он стоит на воздухе нагишом — так мало защищал грязный, оборванный убор. Нансен предпочел смастерить платье из медвежьих шкур. Но шкуры надо было еще хорошенько высушить. Для этого их развешивали в самой хижине под крышей, где места было только для одной шкуры. Затем из первых шкур пришлось сшить спальный мешок, так как он был теплее, и, кроме того, шерстяные одеяла Нансен хотел приберечь к весне. Затем одну шкуру пришлось подостлать на лежанке, так как сырая кожа, на которой они лежали, стала уже подгнивать.

Главное занятие во время зимы составляла варка пищи. Этим делом каждый поочередно занимался неделю, причем все время высчитывалось, сколько недель осталось еще каждому дежурить до весны, до возможности продолжать путь. По временам на обитателей хижины нападала „мода“ чистоты. Больше всего хотелось вымыть белье, которое было так пропитано салом и кровью, что прилипало к телу. При отрывании оно отрывало кожу от тела, и Нансен вечно ходил со ссадинами и язвами. Но, за отсутствием мыла и щелока, стирка неизбежно была упрощенной. Белье снималось, обскабливалось ножом, потом вываривалось в горшке, тщательным образом выжималось и сушилось. Нельзя сказать, чтобы белье становилось от этого совершенным образом чистым. Правда, первое время оно не клеилось к телу, но вскоре сало платья опять насквозь его пропитывало.

Оба путешественника были так грязны, что писать стало для них полной невозможностью. Палец, прикоснувшийся к бумаге, оставлял густое жирное пятно. Стоило только задеть листок краем одежды — получалась темная полоска. Поэтому Нансен невольно ограничивался занесением в свой дневник только наиболее необходимых метеорологических и научных наблюдений, не записывая больше ничего. Но и эти страницы сохранились в таком виде, что когда Нансену пришлось расшифровывать их, то он часто подолгу сидел над каждым словом и цифрой, прибегал к помощи увеличительного стекла, освещал с разных сторон, и все же остались места, которые и он разобрать не был в состоянии.

Книг не было. Морской календарь и мореходные таблицы были уже давно выучены чуть ли не наизусть. И, Боже мой, как они подчас завидовали своим товарищам по „Фраму“ с их прекрасной библиотекой! Имей они хоть несколько книг, — и зима и жилище показались бы раем.

Теперь же оставалось одно — как можно больше часов заниматься сном. Нансен рассчитывал в течение зимы привести в порядок свои наблюдения и подготовить отчеты. Но вся обстановка, весь склад и быт жизни не соответствовали этому. При скудном мерцающем и коптящем свете, без письменных приборов, без книг, при страшной окружающей грязи — нельзя было вести научные работы. От однообразия жизни и пищи, от отсутствия каких бы то ни было впечатлений, ум делался неподвижным, ленивым, вялым.

Вот отрывки из дневника Нансена. 19 декабря, сидя около очага, он пишет:

„Приближается Рождество, время всеобщего веселья. Дома все заняты и даже не знают, как управиться со временем. Здесь же нет никакого дела, здесь важно лишь одно — убить время. Спать, спать..“

„31 декабря. И этот год приходит к концу. Он был удивительным, но, несмотря на все, довольно хороший“.

„Дома колокола вещают конец года. Наш колокольный звон — завыванье холодного ветра, который свистит над ледником и ледяными полями, яростно воет, взметывая снег высоко к облакам и бросая его на нас с гребней гор. Вдали над фьордом видны облака, гонимые ветром, и снежная пыль сверкает при свете месяца. Полная луна тихо и молчаливо переходит грань, отделяющую старый год от нового. Она светит сверху на доброе и злое и не знает ни смен года, ни лишений, ни тоски. Мы одиноки, покинуты сотни миль от всего, что нам мило, но мысли неустанно летят своей тихой чередой. Опять переворачивается страница книги вечности, раскрывается новая, чистая страница, и никто не знает, что будет записано в ней“.

„Среда, 1 января. — 41,5°. Новый год пришел, год радости и возвращения домой. Ярким лунным сиянием простился с нами старый 1895 год, ярким лунным сиянием начинается 1896-ой. Однако, страшно холодно. Настали самые холодные дни, какие только мы здесь пережили. Это я испытал на себе вчера, отморозив кончики всех пальцев. А я думал прошлой весной: это было уже в последний раз“.

„Пятница, 3 января. Утро. На дворе попрежнему ясно и холодно, и я слышу грохот с ледника. Там, на гребне горы, лежит он, как громадный ледяной великан, глядящий на нас, ютящихся в снегу. Он распростер по земле свое чудовищное тело и ширится во все стороны к морю. Но как только становится холодно, холоднее, чем было раньше, он корчится в страшных болях. Трещина за трещиной открывается в громадном теле, и слышен гром, как пальба пушек. Земля и небо дрожат, и я чувствую, как колеблется почва под нами. Невольно рождается опасение, что в один прекрасный день он обрушится на нас.

Иогансен храпит так, что хижина дрожит. Я рад, что его мать не видит его теперь; она бы очень плакалась над своим мальчиком, что он такой черный, грязный, оборванный, с полосами сажи на лице. Но подождите, подождите! Она будет иметь его снова в безопасности, здорового, свежего и краснощекого“.

8 января — опять ветер и холод. И Нансен пишет:

„Мы лежим здесь и пытаемся спать, чтобы убить время. Но постоянно спать нельзя. О эти долгие бессонные ночи, когда переворачиваешься с одного бока на другой, поджимаешь ноги, чтобы их обогреть, и ничего больше на свете не хочешь, как только спать! Мысли все время неустанно заняты всем, что осталось дома, а длинное тяжелое тело тщетно ищет удобного положения среди камней. Время ползет дальше. Сегодня день рождения маленькой Лив. Сегодня ей исполнилось три года, и она должна быть большой девочкой. Бедная малютка. К следующему дню рождения, надеюсь, я буду с тобой. Мы будем с тобой добрыми друзьями. Ты поедешь верхом на коленях, и я буду тебе рассказывать северные истории про медведей, песцов, моржей и других удивительных животных, живущих среди льдов. Нет, я не могу больше думать об этом“.

Часто по целым часам Нансен и Иогансен мечтали вслух, строя планы на светлое будущее. Более всего их занимал вопрос, где они. И, сопоставляя все, что Нансен знал, он приходил к заключению, что они, вероятно, попали на таинственную землю Гилли. Все остальные предположения — менее вероятны. Но как бы там ни было, весной они достигнут открытого моря и попадут на борт рыболовного судна.

„Мысль о всяческих прекрасных вещах, которые мы найдем на борту судна, утешала нас в это безрадостное время. Наша жизнь была, действительно, не слишком хорошей. Как жаждали мы перемены в нашей однообразной ежедневной пище. Если бы хоть немного сахара или муки к нашему великолепному мясу, мы бы чувствовали себя по княжески. Наше воображение все время рисовало нам блюда, полные печения, не говоря уже о картофеле и хлебе. Зато и вознаградим мы себя за потерянное время, как только вернемся. Начало будет положено уже на борту корабля из Тромзе. Но будет ли там картофель на борту? Будет ли там свежий хлеб? В худшем случае, можно обойтись и морскими сухарями, если только их поджарить на масле с сахаром. Но еще приятнее, чем еда, было бы одеть свежее платье. А там — книги. Подумать только — книги. Да, платья, которые мы носили, были ужасны. И когда мы хотели доставить себе минуту удовольствия, то мы рисовали себе большой светлый магазин, стены которого сплошь увешаны новыми, чистыми, мягкими шерстяными платьями, из которых мы могли выбирать

себе, что хотели: чистые рубашки, жилеты, кальсоны, мягкие, теплые шерстяные брюки, великолепные, удобные куртки, а там чистые шерстяные носки и теплые байковые туфли. Ну, можно ли придумать что либо более прекрасное? А еще — римская баня. Часто по целым часам, сидя в нашем спальном мешке, мы разговаривали о подобных вещах. Мы с трудом могли себе вообразить, что настанет время, когда мы сбросим наши тяжелые сальные лохмотья, в которых мы ходили. Как глина, обклеивали они все тело. Наши ноги страдали больше всего, так как брюки прилипали около колен, так что, когда мы двигались, они сдирали кожу с бедра и получалась сплошная кровавая рана. Больших забот стоило мне, чтобы эти раны не слишком запачкались грязью и салом. Для того я постоянно должен был обмывать рану теплой водой при помощи мха и клочка марли из нашей аптеки. Никогда до сих пор я не представлял себе, какое это великолепное изобретение мыло. Мы неустанно делали попытки смыть худшую грязь, но эти попытки все время были бесплодны. Вода не оказывала на сальную грязь никакого влияния; лучше было тереть мхом и песком. Песок нам было не трудно достать в любом количестве из стен нашей хижины — стоило только сколоть лед. Лучшим, однако, способом было обмывать руки горячей медвежьей кровью и ворванью и затем обтирать мохом. Тогда они становились белыми и нежными, как нежнейшие дамские ручки, и нам просто не верилось, чтобы эти руки принадлежали нашим грязным телам. Но так как и этих туалетных принадлежностей более не было, то мы ограничивались тем, что просто соскабливали грязь с рук ножом.

Если нам было трудно привести в чистый вид наше тело, то по отношению к белью это стало полной невозможностью. Мы испытывали все способы: эскимосские и свои собственные, но ничто не помогало. По целым часам варили мы в горшке наши рубашки для того, чтобы в результате в них оставалось так же много жиру, как и при вкладывании в горшок. Более помогало выжимать ворвань. Но единственное, что, действительно, имело кое-какое влияние, это варить их и, пока они были горячие, соскабливать ножом.

Тем временем мы совершенно отпустили волосы и бороды. Правда, мы имели ножницы и могли остричь волосы, но так как запасы нашей одежды отнюдь не были чрезмерны, то мы думали, что будет несколько теплее, если мы сохраним все наши волосы, которые начали уже доходить ниже плеч. Волосы были тоже совершенно черны, как и наши лица, и когда мы весной при свете дня увидели друг друга, то мы нашли, что только наши зубы и белки глаз неприятно выделяются белизной.

Это было особое житье, которое во многих отношениях подвергало наше терпение суровому испытанию, но вместе с тем он не было

таким невыносимым, как можно было думать. Во всяком случае, мы, принимая во внимание все обстоятельства, считали, что нам не так уже и плохо. Мы были все время полны бодрости; мы светло смотрели на будущее. После нашего возвращения Иогансена как-то спросили, как мы могли выдержать зиму вдвоем и не повздорить, ведь, это такое тяжелое испытание, жить так долго вдвоем в одиночестве. — „О, нет, — ответил тот, — мы не ссорились; правда, я имею дурную привычку храпеть во сне, и тогда Нансен толкал меня в спину“.

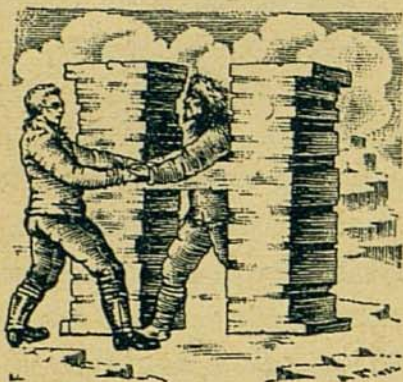
Я не могу отрицать правильность этого; я не раз давал ему здорового тумака, но он только встряхивался и спал спокойно дальше, продолжая храпеть, только уже на иной тон.

Так проходило время. Мы делали все, что могли, чтобы спать возможно больше. В этом искусстве мы достигли высокого совершенства, так что подчас мы спали по 20 часов в сутки. Если еще кто-нибудь придерживался ложного мнения, что цынга происходит от недостатка движения, то может в нас видеть доказательство противного: наше здоровье все это время было великолепным. Однако, когда весной стал возвращаться свет, у нас явилась большая охота выходить. Кроме того, теперь не всегда было холодно, и мы должны были несколько ограничивать время нашего сна. Стало приближаться время нашего отъезда, и нам пришлось многое подготовить к пути“.

26 февраля должно было впервые показаться солнце. Но небо оказалось слишком облачным. Признаки весны множились без того, и уже в предыдущие дни на небе подолгу алела заря приближающегося солнца. Накануне показались первые птицы, первые чайки: сперва стая в 10 штук, потом в 4. Они показались с юго-востока и исчезли за холмами на северо-западе. Вскоре птиц показалось больше, и часть их, повидимому, спустилась на горах около хижины. Как радовались Нансен и Иогансен их веселому щебетанию — первому признаку приближения жизни и весны!

ВЕСНА И СПАСЕНИЕ

Заботы о пище. Медведь. Приготовления в путь. Снова на юг. Ветер уносит каяки в море. На краю гибели. Земля Франца-Иосифа. Экспедиция Джексона. Незнакомец на льду. Волшебная перемена.

О весна в начале принесла лишь новые заботы: оказалось, что медвежье мясо и моржовое сало уже приходили к концу. После тщательного осмотра и подсчета выяснилось, что особенно мало оставалось сала. Пришлось поэтому значительно ограничить его потребление; гасить лампы по ночам и спать в темноте и холоде, а пищу варить только один раз в сутки.

Но экономить пришлось, к счастью, недолго. 6 марта Иогансен выглянул наружу, чтобы выбросить из хижины кости и об'едки. Но только успел он приподнять медвежью шкуру, прикрывавшую наружное отверстие выхода, как выронил мусор и бросился назад с криком:

— „Медведь там, перед дверями“.

Он схватил свое ружье и просунул голову в выход, но тотчас отпрянул назад:

— „Он стоит у самого входа и, очевидно, хочет войти“.

С трудом удалось ему устроиться в узком проходе так, чтобы можно было стрелять, просунув дуло ружья наружу. Хотя он уже не видел медведя, все же решил стрелять на-угад, так как медведь загоразживал собой весь вход. Курок спустился, раздался выстрел, послышалось рычание зверя и его торопливые удаляющиеся шаги.

Иогансен выскочил вслед за медведем, а Нансен тоже начал охоту — за своими чулками. До того он сидел в спальном мешке без обуви. Теперь же он торопливо шарил повсюду в мешке и на лежанке, но проклятые чулки так запропалились, что он никак не мог их сыскать. Наконец, нашел, конечно — на полу. Одевшись, Нансен вышел из хижины и побежал к берегу по следам Иогансена. Последнего он встретил неподалеку. Иогансен сказал, что он догнал медведя и всадил ему еще одну пулю, так что медведь лежит мертвый, и нужно только взять сани, чтоб отвезти его к хижине. Нансен, имевший с собой нож, отправился снимать шкуру с мертвого медведя, а Иогансен пошел за санями.

Но когда Нансен подошел к тому месту, где должен был лежать медведь, он увидел „мертвеца“, быстрым темпом несущегося вдоль берега. По временам медведь останавливался и оборачивался, словно посмотреть, не гонятся ли за ним. Нансен бросился бежать наперерез, чтобы, если возможно, заставить медведя повернуть назад. Но, когда медведь увидел приближающегося Нансена, он вдруг начал взбираться на крутой обрывистый берег с такой проворностью и ловкостью, которая была совершенно неожиданной не только для мертвеца, но даже для раненого зверя. Нансен пробовал было карабкаться вслед за ним, но это было не под силу. Поэтому, когда медведь был остановлен крутым подъемом неподалеку от того места, где он мог уже совершенно скрыться и откуда во всяком случае его было бы трудно достать, Нансен решил стрелять снизу, хотя расстояние и было очень большим. Раздался выстрел, и медведь, цеплявшийся за отвесные скаты, оборвался и покатился вниз. Вначале он несколько раз пытался встать, но все срывался, пока, наконец, ему удалось зацепиться, подняться, и он начал опять ползти вверх. Но Нансен успел уже вновь зарядить ружье и выстрелил вторично. Мгновение медведь оставался неподвижным, потом стал спускаться и, наконец, покатился вниз все быстрее и быстрее, так что Нансен должен был укрыться за большой камень, чтобы не быть раздавленным скатывающейся тушей. И вот, вместе с обрывающимися камнями, осколками льда и кучами снега, описывая большие дуги в воздухе, туша скатилась вниз и распростерлась в нескольких шагах около Нансена. Голодовке был положен конец. Медведь был очень велик, с чрезвычайно пышным, густым мехом и, главное, очень жирный. Целых шесть недель питались путники мясом и салом этого медведя.

В начале апреля Нансену удалось застрелить второго медведя, как раз в то время, когда тот, с чрезвычайным аппетитом и забыв про все на свете, уплетал остатки моржей. Таким образом начало было положено, и можно было думать, что опасность голодовки больше не может грозить.

С наступлением весны началось приготовление в путь. В конце марта и в течение всего апреля Нансен не раз замечал, что небо на юго-западе имело темный отлив, как если бы находилось над открытым морем. Кто знает, может быть, они находятся неподалеку от свободного моря. И вот, с утра до вечера, в течение всего апреля, Нансен с товарищем сидели за иглой, превратившись в портных и сапожников. В старом, поношенном платье итти было немыслимо, и решено было сделать новое платье из шерстяных одеял. Затем надо было заштопать верхнюю одежду и платье от ветра, починить обувь и положить новые подошвы из моржовой кожи. Вначале вся эта работа казалась невыполнимой из-за отсутствия ниток. Но Нансен попробовал выделять нитки из парусины

и к великой радости убедился, что из каждой нити парусины выходило целых 12 ниток для шитья. Мешки из-под провианта представляли достаточно материала, и „нитенная мануфактура“ вскоре достигла высокого совершенства. И вот, платья оказались готовыми, и наступил торжественный день одевания его.

„Сегодня (12 мая) простился со своими старыми штанами. Мне было грустно при мысли, как хорошо служили они мне, но теперь от сала и грязи они стали так тяжелы, что весят раза в два более, чем прежде, и при выжимании сало выступает из них наружу“.

Поэтому надеть новое платье, сделанное из легких, теплых, мягких одеял, было очень приятно. Единственным недостатком их было то, что материя была недостаточно прочна. Но все места, подвергавшиеся наибольшему испытанию, были укреплены заплатами из старого белья, и это маленькое отступление от моды делало костюм достаточно надежным.

Своими новыми костюмами, довольно таки странной формы, портные были очень довольны. Они решили даже по возможности реже носить их и щадить. Особенно Иогансена беспокоила мысль, чтобы его куртка из одеяла, которой он особенно гордился, сохранилась в хорошем виде, и он мог появиться в Норвегии в ней, „а не как какой-нибудь бродяга или разбойник“.

Так как одеяла были перешиты в платье, то надо было подумать о дорожном спальном мешке. Его смастерили из медвежьей шкуры. Хотя для этого была выбрана самая мягкая шкура, все же мешок вышел значительно тяжелее, чем прежний из оленьей шкуры, оставленный на льдине.

Хуже всего обстояло дело с палаткой. Старая палатка уже к осени пришла в ветхость, а за зиму песцы изодрали ее окончательно. Материала, которым можно было бы ее заменить, не было. Поэтому пришлось прибегнуть к архитектурному искусству, и, после долгих примериваний и проектов, приспособились к тому, чтобы устраивать навес из параллельно положенных саней и куч снега по бокам, настилая паруса сверху. Нельзя сказать, чтобы такой навес отличался значительной теплотой; а во время метели снег наносило внутрь во все щели, как ни закладывали их одеждой и мешками. Но все же это было хоть некоторой защитой от непогоды.

Большим лишением было отсутствие керосина для „примуса“. В виде топлива пришлось взять с собой запас сала и ворвани. Вообще, весь провиант, состоявший из полувысушенного медвежьего мяса, был довольно тяжелым. Но провианта брали немного, рассчитывая главным образом на охоту в дороге. Патронов имели достаточно: целых 100 патронов с пулями и 110 патронов с дробью. Этого запаса хватило бы еще не на одну дальнейшую зиму, если дело дойдет до этого.

19 мая назначено было выступление в путь. В хижине Нансен оставил краткое сообщение:

„Вторник, 19 мая 1896. 22 сентября 1893 года вошли во льды к северу от Котельного, приблизительно на $78^{\circ} 43'$ северной широты. В течение следующего года плыли в северо-западном направлении, как и ожидали. 14 марта 1895 года, приблизительно на $84^{\circ} 4'$ северной широты и 103° восточной долготы, Иогансен и я оставили „Фрам“ с целью проникнуть к северу. На севере земли не обнаружили. 8 апреля 1895 года, приблизительно на $86^{\circ} 14'$ северной широты и 95° восточной долготы вынуждены были вернуться, так как лед стал непроходимым. Путь держали на мыс Флигели, но так как наши часы остановились, то не могли точно определить долготу и 6 августа 1895 года достигли 4 островов, покрытых ледниками, к северу от этой цепи островов приблизительно на $81^{\circ} 30'$ северной широты и приблизительно на 7° восточнее этого места. Данного места достигли 24 августа 1895 года и сочли благо-разумным перезимовать здесь. Питались медвежьим мясом. Сегодня отправились в южном направлении, с намерением кратчайшим путем достигнуть Шпицбергена. Мы предполагаем, что находимся на земле Гилли. Фритьоф Нансен“.

Это сообщение было вложено в латунную трубку, часть кухонного аппарата, трубка была закрыта деревянными пробками и повешена на проволоке к потолку.

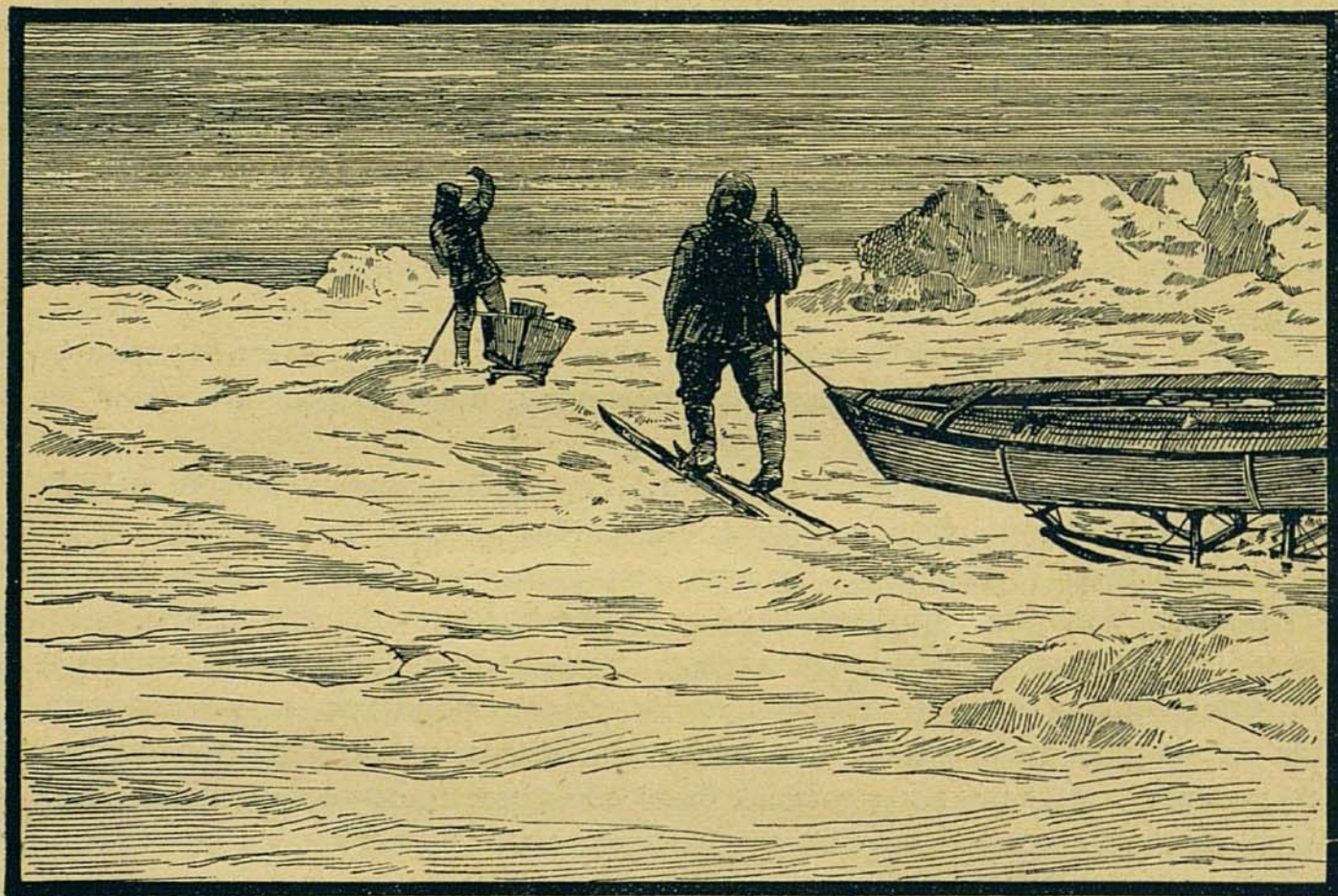
В тот же день в 7 часов вечера путешественники покинули свою хижину.

В первый день был сделан небольшой переход, так как во время зимы отвыкли от ходьбы. А тут приходилось тащить по льду сани с тяжело нагруженными каяками. Поэтому, после нескольких часов ходьбы, разбили свой первый лагерь, чрезвычайно довольные, что без-действие кончилось, и снова можно будет бороться и действовать. На следующий день шли в направлении к высокому мысу на юго-западе, за которым, им казалось, должно было находиться открытое море. Мыс этот они называли „мысом Доброй Надежды“. Его удалось достигнуть 23 мая, на третий день пути.

„Надежды“ их не были обмануты: за мысом открывалось значи-тельное пространство открытой воды. Они надеялись уже на следующий день пуститься в плавание, но снежная буря задержала их на два дня. За это время все же они привели в порядок свои каяки, залили в них стеарином швы и совершили перегрузку, чтобы было удобнее плыть. Лишь 24 мая можно было продолжать путь, вначале опять на санях.

В тот день Нансен едва не утонул. Во время довольно сильного ветра он приделал к своим саням парус, так что мог бежать довольно быстро. Иогансен решил последовать его примеру и, остановившись,

стал тоже привязывать парус. В это время под Нансеном провалился лед, и прежде, чем он мог опомниться, его ноги с лыжами, привязанными на этот раз прочно к ногам, оказались под обломками льдины. Как ни старался Нансен вытащить ноги, широкие и длинные лыжи мешали этому. Кроме того, он был привязан к саням и не мог свободно поворачиваться. Поэтому оставалось палкой опереться на край прочного льда и ожидать, пока подойдет Иогансен. Но время проходило, Нансен погружался все дальше, и даже палка стала подаваться. Тут терпение Нансена исчезло, и он стал звать на помощь. Только через некоторое время он услышал голос Иогансена, который вытащил его в то время, когда вода доходила уже до груди.

Снова в путь!

Но и на этот раз их надежды начать плавание не оправдались. Опять поднялась непогода, снег и ветер, и несколько дней снова пришлось сидеть почти на одном и том же месте. Лишь 3 июня погода улучшилась, но за время бури ветер нагнал массу льда, и свободное море отдалилось так, что опять целый день пришлось идти по льду.

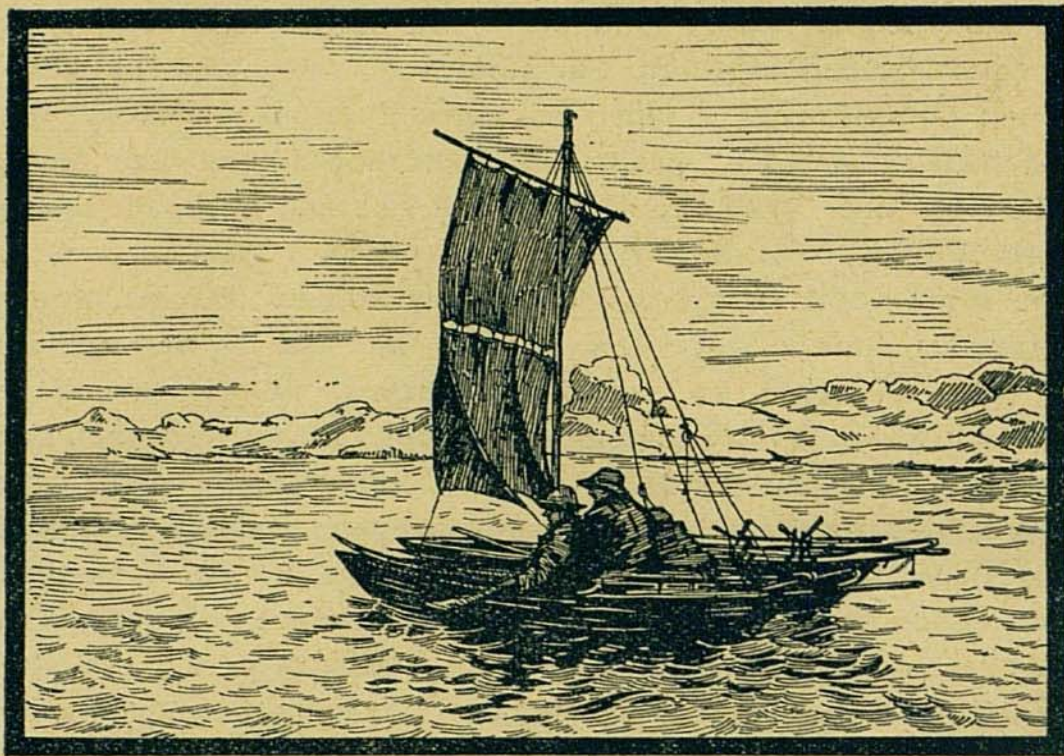
Так как запасы близились к концу, а медведи не показывались, то пришлось волей-неволей подумать о моржах, которые целыми стадами

лежали около трещин льда. Они были так непугливы, что когда Нансен хотел их сфотографировать, то ему пришлось потратить не мало усилий прежде, чем он заставил одного из моржей поднять голову, — пинки, щекотание палкой в носу, удары не действовали на эти неподвижные горы мяса. Но еще хуже было во время охоты. Выбрав сравнительно небольшого моржа, охотники одним выстрелом уложили его на месте. Остальные моржи при выстреле подняли несколько головы, но, видя, что все неподвижны, опять опустили головы на лед и продолжали мирно дремать. Но так дело не могло оставаться, нельзя же было начать потрошить моржа среди его сородичей, вооруженных прекрасными и крепкими бивнями. Охотники стали шуметь, кричать, рычать. Но моржи только лениво поглядывали на эти странные существа и не думали двигаться с места. Тогда их стали толкать, палками бить по носу, словом, досажать всеми способами. Это моржам пришлось менее по вкусу, и они стали выражать свое негодование тем, что били клыками о лед так, что только брызги летели, и все же не уходили. Наконец, осыпаемые со всех сторон ударами, пинками и толчками, они уступили и чинной медленной процессией двинулись к краю трещины. Там каждый из них, подойдя к краю, недовольно оглядывался назад и, наконец, бросался в воду. Но и после этого, пока охотники занимались тушей убитого животного, моржи то и дело показывались у края льда, выползали наполовину, словно требуя ответа, что это все значит.

Неподалеку от места охоты был разбит лагерь, и устроено пиршество из странной похлебки, состоящей из смеси крови, рыбной муки, маисовой муки и сала.

4 июня началось плавание морем, которое продолжалось много часов подряд, пока не достигли полосы льда, преграждавшего дорогу на юг. Свободное пространство имелось только к западу. После некоторого колебания решено было идти через лед на санях к югу, где, повидимому, были большие массы свободной воды, и откуда надеялись найти дорогу до самого Шпицбергена.

По льду шли почти целую неделю до утра 12 июня. Иногда путь был очень хороший, и при попутном ветре путешественники быстро шли вперед. Но иногда попрежнему на много часов задерживали снежные бури. Наконец, 12 июня достигли края ледяного поля. Каяки мигом были соединены, парус поставлен, и целый день продолжалось на редкость удачное плавание по воде. Оба путешественника были полны надежд и веры, что теперь они уже находятся на верном пути домой. Лабиринт островов, среди которых они блуждали, кончался, и, миновав мыс, к которому они все время шли, они увидели, что береговая полоса резко повернула к западу. Очевидно, тут был южный конец земли.

На парусах вдоль берегов земли Франца-Иосифа.

А, между тем, в тот же самый вечер они оба чуть было не погибли. Вот как описывает Нансен это приключение:

„Вечером мы пристали к краю льда, чтобы несколько размять наши члены, окоченевшие в каяке от сидения в течение целого дня. Кроме того, нам хотелось посмотреть, как выглядит море к западу. Когда мы пристали, возник вопрос, каким образом привязать наши драгоценные каяки“.

— Возьмите один из наших ремней, — сказал Иогансен, который уже находился на льду.

— Достаточно ли крепок он?

— Да, я пользовался им все время в качестве каната на парусе моих саней.

— Ну, ладно, много ведь не нужно, чтобы удержать эти легкие каяки, — ответил я, несколько устыдившись своей излишней осторожности, и привязал их ремнем из сырой моржовой кожи.

Мы находились уже довольно долгое время на льду, гуляя взад и вперед около каяков; ветер стал значительно тише и, казалось, повернул заметно на запад, так что было сомнительно, можно ли будет использовать его дальше. Поэтому мы поднялись на один из недалеких холмов, чтобы точнее выяснить положение. Когда мы стояли на берегу, Иогансен вдруг закричал:

— „Смотрите, унесло каяки!“

Со всех ног мы сбежали вниз. Но каяки уже отплыли на большое расстояние, и их быстро несло от берега.

— „Вот мои часы, — сказал я Иогансену и передал ему их. Как можно скорее, я сбросил часть платья, чтобы легче было плыть. Снять все я не решался, так как боялся, что от холода схватят судороги. Я бросился в воду, но ветер дул от берега, и легкие каяки с высокой оснасткой давали ему хороший упор. Они были уже довольно далеко и плыли быстро. Вода была холодной, как лед. Плыть одетому было очень трудно, а каяки неслись все дальше и дальше, подчас быстрее, чем я мог плыть. Поэтому мне начинало казаться сомнительным, чтобы я мог их настичь. Но там плыли все наши надежды. Все, что мы имели, находилось на каяках. С собой мы не имели даже ножа. Поэтому было вполне безразлично, схватят ли меня судороги, и я потону, или я вернусь без каяков назад. Я напрягал все силы до последнего. Когда я выбился из сил, я повернулся и плыл на спине. Теперь я увидел, как Иогансен беспокойно шагал взад и вперед по льду. Бедняга! Он не имел больших шансов, что я достигну каяков, но положение не изменилось бы ни на волос, если бы он также бросился в воду. Впоследствии он говорил мне, что это были худшие моменты, какие он когда-либо переживал. Когда я опять повернулся, я увидел, что каяки стали ближе. Во мне поднялась бодрость, и я удвоил свои усилия. Постепенно я замечал, как мои члены коченели и теряли чувство. Я знал, что скоро я уже не буду в состоянии двигать ими. Но теперь было уже недалеко; лишь бы еще несколько продержаться, и мы будем спасены, — и я плыл дальше. Взмахи рук становились все слабее, но расстояние делалось все короче, и я начал верить, что я все-таки поймаю каяки. Наконец, я мог протянуть руку к лыже, лежащей поперек кормы, схватил ее и, притянув себя к краю каяка, считал нас уже спасенными.

Я попытался взобраться, но все тело так окоченело от холода, что это оказалось невыполнимым. Одно мгновение мне казалось, что, несмотря на все, было уже поздно: у меня хватило сил нагнать каяки, но не хватит сил взобраться на них. Однако, через некоторое время мне удалось перебросить ногу на конец саней, лежащих на палубе, и таким образом вскарабкаться на верх. И вот я уже сижу, но настолько уже окоченевший, что почти не могу грести. Грести на связанных каяках вообще было не легко. Но развязывать их я не имел времени; прежде, чем мне удалось бы это сделать, я весь окоченел бы от холода. Я должен был согреться, работая изо всех сил веслами. Так как ветер был противный, то я продвигался очень медленно. Холод отнял у моего тела всякое чувство, но, когда налетал порывистый ветер, мне казалось, что он пронизывает меня в моей тонкой мокрой шерстяной рубашке насквозь.

Я дрожал, зубы стучали, я почти застывал; но с веслом я все же мог справляться, и лишь достичь льда — там уже согреюсь. Перед носом каяков плывут две утки; мысль иметь дичь к ужину была соблазнительной, ведь, у нас было мало припасов. Я схватил ружье и застрелил их одним выстрелом. Иогансен говорил мне потом, что он был испуган выстрелом и думал, что случилось несчастье: он никак не мог понять, что я там делаю; когда же увидел, что я гребу и достаю двух птиц, то он подумал, что я потерял рассудок“.

Наконец, Нансен добрался до края льдины и при помощи Иогансена вышел на берег.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Иогансен.

— Холодно, ужасно холодно, — ответил с трудом Нансен.

Выглядел он ужасно. Лицо было бледное, и пена стояла у рта. Он едва мог говорить и, с трудом держась на ногах, все время дрожал. Иогансен помог ему снять платье и надеть то немногое сухое, что у них было в запасе. Кроме того, он снял свои собственные штаны и надел их на товарища. Затем, разостлав на льду спальный мешок, он закутал в него Нансена и накрыл еще парусом.

Пока Нансен спал, Иогансен, оставшийся полуодетым, занялся приготовлением обеда, устройством палатки на ночлег, выжиманием и сушкой мокрых вещей. К счастью, погода стояла прекрасная, и не было слишком холодно. Утки, застреленные во время этого приключения, были уже давно сварены, а Нансен все спал. Иогансен не будил его. Проснувшись и поев горячего бульона, Нансен сразу почувствовал себя значительно лучше, его голос восстановился, и вскоре исчезли даже последние следы усталости после этого несколько рискованного упражнения в искусстве плавания.

После этого приключения в дальнейший путь отправились только на следующий вечер. По берегам всюду попадались громадные стада моржей. Так как запасы провианта ограничивались несколькими застреленными птицами, а медведей не было видно, то опять пришлось подумать об охоте на моржей. Пристав к берегу, где лежали моржи, охотники застрелили двух детенышей, рассчитывая, что их мясо будет не так жестким, как мясо взрослых животных. После выстрелов все стадо моржей бросилось в воду, кроме матерей убитых детенышей. Те беспокойно стали обнюхивать, толкать своих малышей, не понимая, что с ними случилось. Наконец, видя, что те не двигаются, они схватили их своими плавниками и, толкая перед собой, поползли к воде. Нансен бросился за ними, боясь, что пропадет добыча. Но было поздно. Самки бросились в воду, оставив охотников с вытянувшимися лицами на льду. Пришлось идти к другому стаду и там благоразумно сразу убить и

детеныша и мать. Мясо молодых моржей оказалось, действительно, очень вкусным.

Нападение моржа.

Количество моржей у этих берегов — неисчислимо. В некоторых стадах Нансен насчитывал до 300 штук. Все море было полно этими чудовищами, и соседство их было не очень приятным. Часто моржи целым стадом плыли вслед за каяками, и тогда мореплаватели торопились скорее пристать к льдинам. Но этот маневр не всегда удавалось произвести во время. Так, однажды, когда море было совершенно спокойным, и моржей поблизости не было, около каяка Нансена вдруг вынырнула широкая черная спина. Иогансен поторопился к льдине. Нансен хотел последовать его примеру, как в это самое время морж подплыл к каяку и, приподнявшись из воды, лег на каяк своим туловищем, положив на борт один плавник. Каяк сильно накренился, так что чуть не зачерпнул воду. Морж, казалось, раздумывал, не опустить ли на хрупкую лодку свои громадные бивни. Нансен, не имея времени схватить ружье, со всей силы ударил животное по голове. Морж нырнул в воду и исчез, хотя Нансен с ружьем наготове ожидал его. Уже уверенный, что опасность миновала, Нансен вдруг почувствовал, что его ноги мокры, и тотчас услышал, как вода вливается в каяк. В один миг каяк был причален к краю льдин, и, несмотря на то, что он быстро наполнялся водой, его успели вытащить на берег. Но все вещи промокли самым основательным

образом. Особенно досадно было Нансену, что вода попала в его камеру с фотографическими пластинками. Его драгоценные снимки могли испортиться.

Чем дальше продвигались вдоль берегов, тем яснее становилось Нансену, что они находятся на земле Франца-Иосифа. Берег, вдоль которого они плыли, как раз находился на широте южного берега земли Франца-Иосифа и своими очертаниями точно походил на последний. Непонятно было лишь, что пройденные северные области были так непохожи на то, что описали и изображали прежние исследователи земли Франца-Иосифа. Но вместе с тем допустить, чтобы где-нибудь между Шпицбергом и землей Франца-Иосифа находился другой такой, еще не открытый, берег, было невозможно, и Нансен все более убеждался, что они скоро должны приблизиться к становищу Леи Смита. Это было большим разочарованием для него. Шпицберген оказался значительно дальше, чем он думал раньше. Частые в тех местах бури могли разбить их легкие каяки, встречное течение ветра могло замедлить их путь.

Голод мог снова угрожать им. Они не могли взять с собой значительных запасов, значит, пришлось бы при переходе через море рассчитывать лишь на охоту. Но чем ближе к Шпицбергену, тем меньше можно было ожидать дичи, так как эти места слишком часто посещались рыболовами. Бодрости, правда, путешественники не теряли. Но непрерывная череда все новых ежедневных опасностей требовала сверхчеловеческих сил.

Земля Франца-Иосифа считалась в то время одной из наименее исследованных арктических областей. После открытия земли австрийской экспедицией на „Тегетгофе“, ее два раза посетил англичанин Леи Смит. Первый раз он без труда достиг берега, произвел ценные исследования и благополучно вернулся домой. На следующий год он хотел повторить то же, но уже с меньшим успехом. Его яхта „Эйра“ была затерта льдами и погибла, и Леи Смит с товарищами пришлось спасаться на берег. С трудом достигнув земли, они, как подлинные северные Робинзоны, построили себе из остатков корабля хижину, в которой провели зиму, питаясь дичью, в большом количестве водившейся у берегов. Весной экспедиция на санях с уцелевшей лодкой отправилась по льдам к югу, и случаю было угодно, чтобы они наткнулись при этом на судно, посланное для их отыскания и спасения.

Но после исследований Леи Смита многие географические вопросы остались открытыми. Его вынужденное пребывание на земле Франца-Иосифа не было достаточно использовано для научных наблюдений, в виду полного отсутствия нужных инструментов. Поэтому полярный

исследователь, англичанин Джэксон, выступил с планом организации на земле Франца-Иосифа полярной научной станции для систематического изучения этой области в течение нескольких лет подряд. Этот проект встретил поддержку в обществе, и английский меценат Гармсворз дал необходимые средства и снарядил корабль „Уиндуорт“, который должен был доставить экспедицию к земле Франца-Иосифа и потом каждый год навещать ее.

В первый год кораблю не удалось вернуться домой — льды затерли его, и судну пришлось перезимовать около берегов земли Франца-Иосифа. Но это не нарушало плана экспедиции. На берегу острова Эльмвуд, около мыса Флора, Джэксон установил деревянный дом, который в разобранном виде привез с собой, а также несколько хозяйственных построек, и маленькая научная колония начала свои работы. В течение осени и весны были предприняты поездки по окрестным островам, делались с'емки, устраивались депо запасов, в расчете использовать их при дальнейших поездках. На следующий год, освободившись из льда, „Уиндуорт“ отправился на родину. Он доставил с собой сообщения Джэксона, вызвавшие большой интерес во всем научном и географическом мире. Джэксон же с несколькими товарищами остались на земле Франца-Иосифа, продолжая всесторонние исследования этой своеобразной страны.

Летом 1896 года они опять ожидали прибытия „Уиндуорта“, который должен был привезти новый запас провианта, вести с родины и смену для некоторых членов экспедиции. Сам Джэксон хотел остаться еще на год, чтоб закончить свои работы.

Нельзя сказать, чтобы жизнь маленькой колонии у мыса Флоры протекала слишком тягостно. Прекрасное снаряжение экспедиции, обилие и разнообразие пищи, сравнительный комфорт жилища, — все это делало пребывание в полярной пустыне сравнительно легким, а для руководителей экспедиции — даже приятным.

Но, тем не менее, и тут чувствовалась полная отрезанность от всего мира. И все с нетерпением выжидали время, когда, наконец, придет корабль с вестями с родины, и явится возможность послать вести туда. Ведь, вот скоро два года, как они не видели ни одного человека, кроме участников экспедиции.

Можно себе поэтому представить, каким событием явилось, когда 17 июля под вечер один из участников экспедиции, вышедший на двор для наблюдений, всунул голову в дверь и с изумлением спросил:

— Сколько вас здесь? Я вижу человека на прибрежном льде...

Присутствующие моментально были сосчитаны — оказалось, что все члены экспедиции были налицо. Значит, это был кто-то чужой. Джэксон тотчас вскочил с места.

— Кто бы там ни был, я пойду к нему, — крикнул он и побежал из дому в то время, как все остальные, схватив подзорные трубы и бинокли, готовились следовать за ним. Еще издали они увидели, как Джексон и незнакомец по льду быстро приближались навстречу, как они замахали шапками, как подошли друг к другу и с возбуждением, заметным издали, обменялись первыми приветствиями и словами.

В это время на льду происходил на английском языке следующий разговор:

Джексон: Я ужасно рад увидеть Вас.

Незнакомец: И я также.

Джексон: Вы здесь с кораблем.

Незнакомец: Нет, мой корабль не здесь.

Джексон: Сколько вас?

Незнакомец: Со мной только один товарищ, он далеко отсюда.

В течение этого времени Джексон присматривался к незнакомцу. Одет тот был более, чем странно, в самодельное платье, повидимому, сделанное из поношенных одеял, страшно засаленное, запачканное. Но, главное, поражало лицо, в полном смысле — облик дикаря, обросшего давно не стриженными и не чесанными волосами и настолько покрытого копотью и грязью, что лишь белки глаз выделялись своей поразительной белизной. Но, вместе с тем, под этой дикой наружностью, в особенности в осанке и в высоком росте и стройности, которую даже платье, все состоявшее из лохмотьев и заплат, не могло скрыть, Джексону почудились знакомые черты человека, которого он однажды в своей жизни видел, и он воскликнул:

— Вы — не Нансен ли?!

— Да, — ответил незнакомец, — я — Нансен.

Несколько дней спустя Нансен записывал в дневнике:

„Что случилось! Я все еще не могу опомниться. Как бесконечно разнообразны перемены и случайности в нашем странствовании. Несколько дней тому назад борьба за существование на воде среди нападающих моржей; жизнь дикаря, которую пришлось вести уже свыше года с уверенностью, что перед нами еще долгое странствование по морю и льдам, по неизвестным областям прежде, чем мы встретим живое человеческое существо, странствование, полное неожиданностей и разочарований, — и вдруг сразу жизнь образованного европейца, окруженного роскошью и уютом, всем, что только дает цивилизация: обилие воды, мыло, полотенца, чистые мягкие шерстяные платья, книги и все, о чем мы вздыхали в течение многих месяцев“.

Эта чудесная перемена случилась таким образом: утром, 17 июня, Нансен, как всегда, встал первым готовить завтрак. Он сходил за водой,

развел огонь и думал уже опять забраться в теплый спальный мешок. Но, видя, что туман все время висевший над местностью, несколько рассеялся, он решил воспользоваться этим и осмотреться в окружающей местности. Он надел лыжи и поднялся на ближайший холм.

Легкий ветерок веял со стороны земли и нес с собой целый хор разнообразных голосов тысяч птиц, стаями носившихся над островом. Нансен стал прислушиваться к этим веселым звукам жизни, глядя вдоль берега на ледяные равнины, на ледники, в твердой уверенности, что еще ни разу нога человеческая не ступала здесь, и глаз людей не видел этих очертаний. Вдруг он вскочил, как ужаленный: среди смешанных птичьих голосов ему послышался звук, чрезвычайно напоминающий лай собаки. Звук этот повторился всего несколько раз, и, как Нансен ни вслушивался, он различал опять только голоса птиц. Но вот лай повторился: сперва несколько разрозненных звуков, потом более грубый лай и более тонкий. Сомневаться не было возможности. В это мгновение Нансену припомнилось, что накануне он расслышал два звука, похожие на выстрелы, но решил, что это трещит лед. Он крикнул Иогансену, что слышит собачий лай. Иогансен выскочил из спального мешка и поспешил из палатки.

„Собаки?“ спросил он с недоверием и, покамест Нансен приготовлял завтрак, отправился прислушиваться сам.

Ему тоже показалось, что раз или два послышались звуки, которые можно было принять за лай собак. Потом эти звуки затерялись в хоре голосов птиц, и Иогансен пришел к заключению, что это только обман слуха. Но Нансена уже нельзя было разубедить. Он торопливо готовил завтрак в намерении немедленно двинуться на разведки. Он так был уверен, что не ослышался, что бросил в похлебку весь остаток маисовой муки:

— Вечером у нас муки будет сколько угодно.

За завтраком оживленно обсуждался вопрос: кто это может быть, соотечественники или англичане? Если это английская экспедиция на земле Франца-Иосифа, о снаряжении которой Нансен слышал еще перед отъездом, то надо было заранее решить, что делать дальше.

— Мы проведем среди нее всего лишь один или два дня, — настаивал Иогансен, — и отправимся дальше к Шпицбергену, так как иначе возвращение домой слишком затянется.

Нансен был с ним совершенно согласен. Он только говорил, что на дорогу надо будет взять хороший запас припасов.

После завтрака Иогансен остался около каяков и палатки караулить, чтобы их не унесло с льдинами в море, а Нансен захватил подозрную трубу и ружье и помчался на лыжах вперед. Неподалеку от лагеря он натолкнулся на странные следы. Для следов песка они были слишком

велики. Но разве можно было допустить, чтобы собака подходила на несколько шагов к их лагерю, не зачуйв их? Чьи же тогда это следы? Волка?

Но вот опять донесся звук, похожий на лай, яснее чем когда-либо. На снегу появилось несколько таких же следов, и между ними след пса. Затем следы опять исчезли, лая не слышно, и только птичьи голоса звенят вокруг. И Нансен опять колеблется между надеждой и сомнением. Но, вот, следы показались вновь. И наконец:

Встреча Нансена с Джексоном.

— „Вдруг мне почудилось, что я слышу человеческий голос, первый чужой голос за три года. Как забилося во мне сердце, как ударила кровь в голову, когда я взлетел на ближайший холм и закричал изо всех сил моих легких. За этим человеческим голосом посреди ледяной пустыни, за этой единственной вестью жизни, стояла родина и все, что имелось на родине для меня; больше я не видел ничего, прокладывая себе путь среди льдин и глыб с такой быстротой, на какую только позволяли лыжи. Вскоре я опять услышал зов, а с возвышения увидел темную фигуру,двигающуюся к земле. Это была собака, но за ней двигалась другая фигура: это был человек.

Кто это мог быть? Был ли это Джексон или кто-либо из его сотоварищей? Или это был кто-нибудь из соотечественников? Быстро приближались мы друг к другу: я замахал шляпой, он делал то же самое. Я слышал, как он заговорил с собакой. Речь была английская, и,

приблизившись, мне показалось, что я узнаю Джэксона, которого, припомнилось, я однажды видел“.

Тут только во время первого, уже описанного, разговора Нансен реально почувствовал, какой резкий контраст он представляет по сравнению с культурным европейцем в клетчатом английском костюме, в высоких резиновых сапогах, безукоризненно выбритым, остриженным, распространяющим запах душистого мыла, который сразу почувствовало обостренное обоняние дикаря.

Когда Джэксон узнал, кто стоит перед ним, он опять схватил руку Нансена и потряс ее еще раз в то время, как все лицо его сияло сплошным приветом, и глаза лучились радостью по случаю этой неожиданной встречи.

— Откуда Вы пришли? — спросил он.

Нансен рассказал вкратце историю своего путешествия, сообщив, что на „Фраме“ он достиг 84° и на санях 86° северной широты.

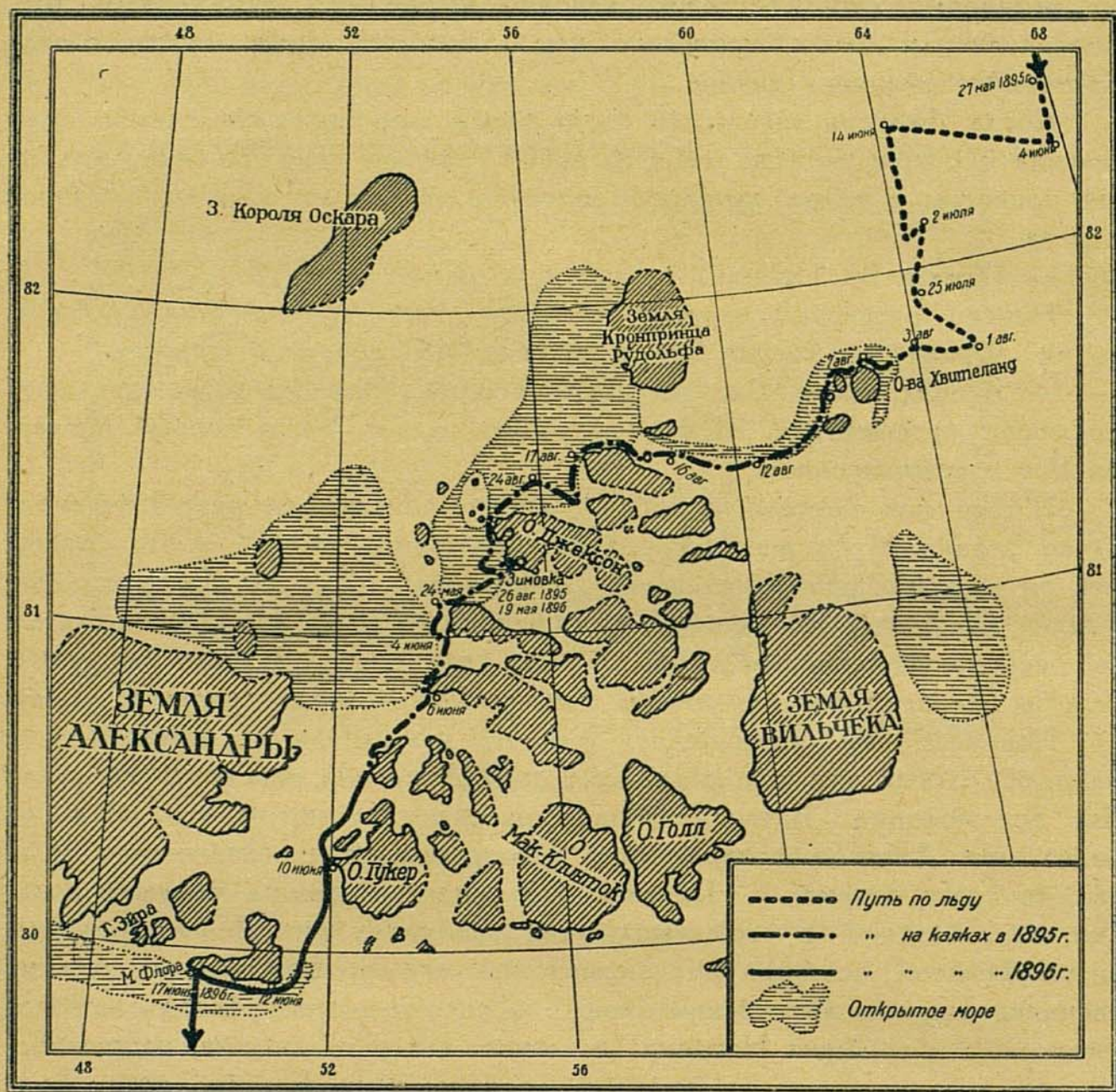
— Я поздравляю Вас от всего сердца. Вам удалось совершить блестящее путешествие, и меня страшно радует, что я первый поздравил Вас с возвращением.

И еще раз честный и добрый англичанин потряс руку Нансена и тотчас заявил, что у него „пропасть свободного места“, и что каждый день он ожидает прибытия своего „Уиндуорта“. Тут же Джэксон осведомился, как быть с Иогансеном, не пойти ли за ним. Но Нансен сказал, что тащить нагруженные каяки по льду тяжело, и было бы лучше, если бы Джэксон мог послать на помощь Иогансену нескольких людей.

Покамест они ограничились тем, что каждый из них выстрелил по два раза. Когда они приближались к дому Джэксона, навстречу им выпала вся колония. Ботаник Фишер рассказывал потом, что, когда он увидел, что Джэксон возвращается в сопровождении неизвестного человека, то сразу подумал о Нансене. Но, увидя человека с черными волосами, он отказался от этой мысли, так как знал, что Нансен белокур. Когда Джэксон сообщил имя незнакомца, они приветствовали путешественника мощным английским „ура!“ Джэксон тотчас послал людей за Иогансеном и сообщил Нансену, что имеет для него письма, написанные еще два года тому назад, которые он в прошлую и в эту весну брал даже с собой, отправляясь на рекогносцировку к северу. Оказалось, что в марте этого года Джэксон находился очень недалеко от хижины Нансена — всего в 65 километрах к югу.

Джэксон расспрашивал Нансена о его путешествии, но избегал задавать вопросы о „Фраме“. Он был уверен, что корабль погиб со всеми остальными товарищами, и Нансен и Иогансен были единственными спасшимися из экспедиции. Ему казалось, что и в выражении

Нансена было что-то грустное. Он предупредил и других товарищей не бередить раны вопросами. И только, когда Нансен случайно сам обронил замечание, из которого видно было, что он надеется на возвращение „Фрама“, Джэксон решился задать ему вопрос прямо и тогда только узнал, что Нансен оставил корабль по своей доброй воле.

Путь Нансена через Землю Франца-Иосифа.

Но вот Джэксон привел Нансена в свой жилой дом, сложенный из бревен и похожий на крестьянские избы в России.

„Редкое ощущение низошло на меня, — говорит Нансен, — когда я в этой необычной обстановке опустился на удобный стул. Одним взмахом переменчивая судьба сняла с моей души ответственность и

тяготу, давившие ее в течение трех долгих лет. Здесь же, среди льдов, я был уже в верной пристани, и страстные желания трех лет осуществились при золотом сиянии сумеречного дня. Мой долг исполнен, моя задача окончена; теперь я могу отдыхать и ожидать. Но „Фрам“...

Мне была вручена тщательно запаянная жестянка. В ней находились письма из Норвегии, написанные два года тому назад. Мои руки дрожали, мое сердце билось, когда я ее вскрыл; в ней были вести с родины, одни лишь хорошие вести. Чудная, ласковая тишина низошла на мою душу.

Потом была подана закуска. Каким наслаждением было иметь снова хлеб, молоко, масло, сахар, кофе, словом вещи, которых мы не знали в течение целого года, и которые видели только в мечтах. Но верх счастья был достигнут, когда я получил возможность сбросить грязные лохмотья, принять горячую ванну и смыть столько грязи, сколько удалось за один прием. Затем с ног до головы облачены были мягкие платья, длинные волосы были острижены, всклокоченная борода сбрита, и мало-помалу опять появился европеец. Как приятно и удобно было облачиться в одежды, не пачкаясь при этом, в особенности же — иметь возможность двигаться, не чувствуя, что платье клеится при каждом движении!

Тем временем англичане, посланные навстречу Иогансену, нашли его около палатки и каяков.

Иогансен так рассказывает о своей первой встрече с людьми:

„Когда Нансен ушел, я поднялся на холм и опять стал прислушиваться. Попрежнему слышались голоса птиц. Нет, это Нансен не мог принять за лай собак.

Вдруг ветер, повеявший от земли, принес звуки разноголосого лая многих собак; несколько раз лай был слышен так отчетливо, что можно было подумать, что раздается тут же на льду, а не на берегу, в расстоянии 5 километров. Теперь я был убежден. Это не может быть не чем иным, как лаем собак: там должны находиться люди.

Загадка становилась все напряженнее. Моя единственная рубашка развевалась высоко на шесте, и она была достаточно черна, чтобы на белом фоне быть издали заметной.

Наконец, среди неровного ледяного поля я увидел черную точку, которая то показывалась, то исчезала. Я подумал, что это возвращается Нансен. Но вскоре я заметил, что приближающийся человек не имел лыж, и, когда он приблизился, я увидел за плечами длинное дуло ружья. Это был чужой человек, первый за целых три года.

Я поспешил к палатке, достал один из наших флагов и повесил его около рубашки, чтобы незнакомец знал, к какой нации мы принадлежим. Я видел, что незнакомец был одет в чистый европейский костюм, и его

лицо было чисто вымыто; он запыхался и время от времени припадал к снегу. На нем были высокие сапоги выше колен.

Я поспешил ему навстречу; он замахал шапкой, и я тоже своей старой сальной, и вскоре мы пожимали друг другу руку.

— „Englisch?“ — спросил он.

— „No“ — ответил я.

К сожалению, я не знал английского языка. Я пробовал говорить по-немецки и по-французски, но мы не могли понять друг друга. Но это не мешало тому, что между нами сразу воцарились самые сердечные отношения.

Я повел его в нашу палатку. Увидя наши сани и каяки, нашу плохую палатку и кухонный аппарат с салом и мясом, он поглядывал то на меня, то на эти вещи, и изумление выразилось на его лице. Я, как мог, объяснялся с ним знаками. И, покамест мы так дивовались друг другу, подошли и остальные.

Эрмитаж, заместитель Джэксона, достал походную флягу и налил мне стакан портвейна. Все сняли шапки и, глядя на наш флаг, прокричали „ура!“ в честь Норвегии.

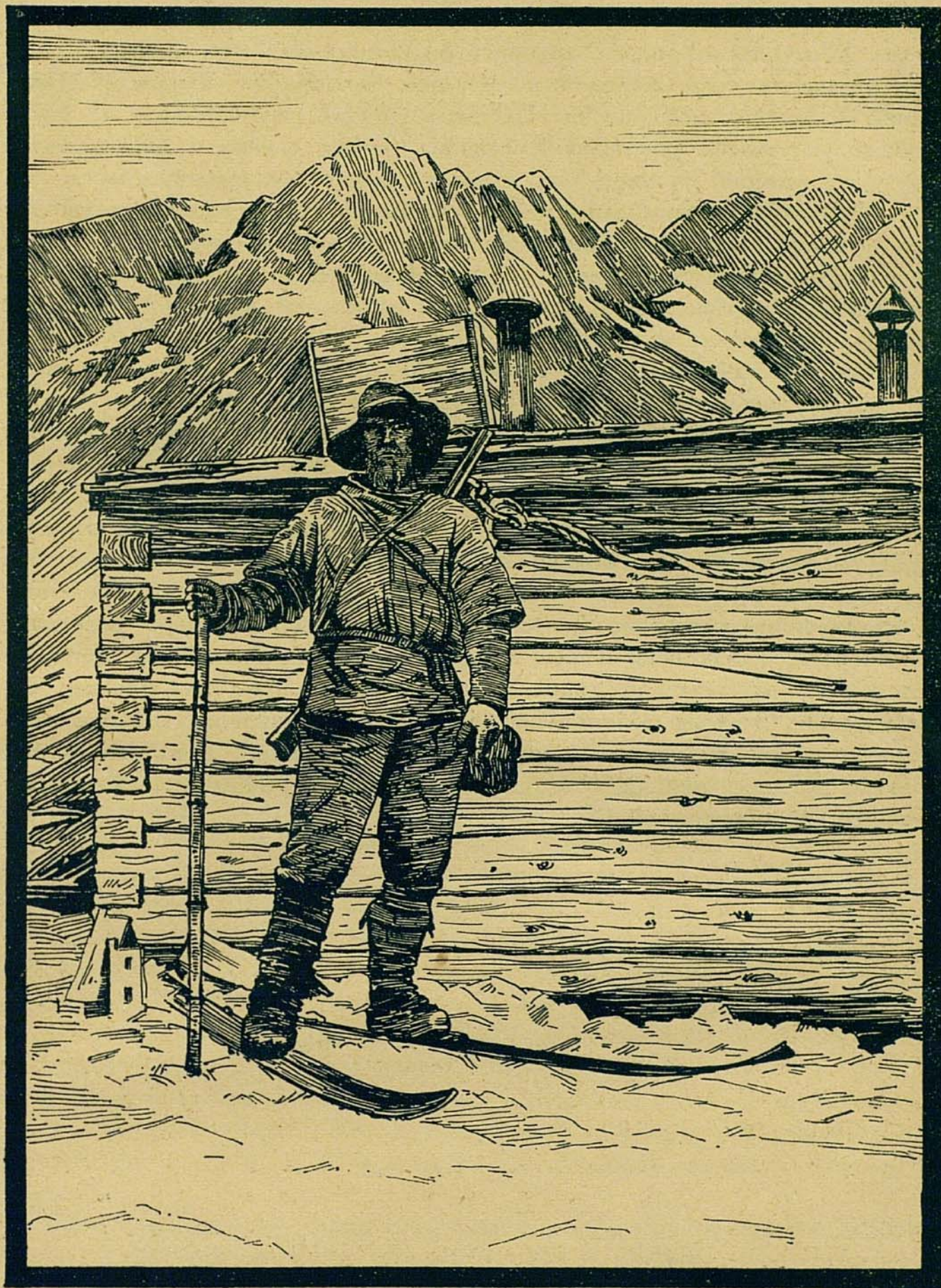
Чувства, которые я испытывал в тот момент, легче представить, чем описать. Черный, отвратительный, как дикарь, стоял я среди этих любезных людей, от которых пахло мылом и чистым бельем. Вокруг нас был лед, с которым мы боролись эти годы, и там наверху веял флаг народа, к которому я принадлежал, — никогда я не чувствовал так сильно, что я имею свое отечество, как тогда, — и в то время, как клики англичан раздавались среди льдин, я с поднятой головой осушил приветственный кубок.

Мы отправились в путь. С чувством полного удовлетворения выбросил я наш запас мяса и сала; теперь уже было не за чем таскать его с собой: там, куда мы шли, вероятно, имеется что-нибудь поесть.

Другой дал мне тотчас трубку и полный кисет табаку. И вот мы отправились по направлению к земле. Англичане тащили сани. Я шел рядом, с пустыми руками, и курил трубку.

Но вот мы настолько приблизились, что я мог различить поселение англичан, большой дом и четыре маленькие строения. Когда мы подошли ближе, я увидел перед домом Нансена, который, со всей его грязью и косматой растительностью, как раз в этот момент фотографировался. Мы замахали друг другу шапками. Я сказал ему, что из всех разнообразных испробованных мною способов передвижения по льду это самый приятный, и он с этим вполне согласился“.

Джэксон встретил Иогансена не менее сердечно, чем Нансена. И вслед за Нансеном Иогансен совершил превращение в европейца.

Нансен у мыса Флоры.

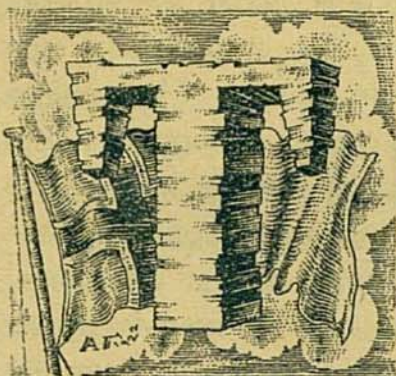
Нансен с трудом мог узнать своего товарища по долгой зимовке и напрасно искал следов того бродяги, которого он помнил около их „норы“ у подножья крутых скал и ледника. Черный, закоптелый пещерный житель исчез, и вместо него перед Нансеном удобно расположился на стуле хорошо упитанный европейский купчина, курил сигару и перелистывал книгу, по которой по мере сил старался научиться английскому языку.

Путешественники были также взвешены и к своему изумлению узнали, что за время своих странствований они не только не убавились в весе, но даже увеличились, Иогансен на 6, а Нансен на целых 10 килограммов. Это было следствием зимы, проведенной на мясной и жирной пище при полном спокойствии и долгом сне.

Все это происходило уже ночью. Но так как ночь здесь летом такая же светлая, как день, то тут же принялись застряпню, и вскоре поспел обед, несколько более разнообразный, чем та пища, которую Нансен и Иогансен употребляли в течение последнего года. Жаркое с зеленым горошком и другими овощами, торт с вареньем, сыр, сушеные и маринованные фрукты, и все это, усердно политое портвейном, винами и наливками, сменялось на столе волшебной чередой. Конечно, дело не обошлось без торжественных тостов. Англичане уже сразу поняли, что Нансеном и Иогансеном совершено необычное. Но только по мере рассказов и по мере того, как они узнавали историю плавания „Фрама“, так успешно устоявшего от давления льдов, и перед ними разворачивалась картина путешествия Нансена и Иогансена на санях, их блуждания, необходимость зимовки и другие происшествия, — им становилось ясно, что у них гостили путешественники, совершившие подвиг еще небывалый в истории путешествий и открытий.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Ожидание корабля. „Уиндуорт“. К берегам Норвегии. Варде. Первые встречи. Где же „Фрам“? „Интересная“ телеграмма. Встреча с товарищами. Радость и ликование. Доклад в Лондонском Географическом Обществе.

АК как Джэксон ожидал, что в ближайшее время должен явиться его корабль „Уиндуорт“, то, конечно, не было смысла пробираться дальше в опасный путь. И путешественники согласились на уговоры английских друзей остаться среди них и, спокойно отдыхая и наслаждаясь отдыхом и комфортом, ожидать прибытия корабля.

Но время не проходило бесплодно. Прежде всего Нансен широко воспользовался возможностью работы за письменным столом. Первым делом он сверил свои часы с хронометрами колонии и выверил их ход. Оказалось, что ошибка, допущенная им, была не так велика: часы его шли неправильно на 26 минут, что соответствовало ошибке в $6\frac{1}{2}$ градусов долготы. Теперь, имея под руками бумагу, перья, чернила, рисовальные принадлежности, он мог спокойно работать, проверять свои вычисления, подводить итог и делать сводки и сопоставления с наблюдениями других путешественников. Но и теперь все же для него было загадочным, каким образом получалось такое несовпадение его наблюдений с наблюдениями путешественника Пайера. Единственно, что он мог предположить, это то, что Пайер был введен в заблуждение туманом и особой формы облаками и поэтому принял море за землю. Во всяком случае, для Нансена было несомненным, что то, что до сих пор называлось землей Франца-Иосифа и считалось значительной массой суши, представляло собой группу многочисленных небольших островов, изрезанных фьордами, отделенных проливами. На основании своих наблюдений и наблюдений Джэксона и Пайера он составил новую карту земли Франца-Иосифа. Из благодарности к своему гостеприимному хозяину, тот остров, где была их зимняя стоянка, он назвал островом Джэксона.

Дни проходили за днями в разговорах, обсуждении научных вопросов, в экскурсиях, в охоте. Во время одной из этих экскурсий Джэксону с Нансеном посчастливилось натолкнуться на очень интересные

окаменелости, показывающие, что остров, покрытый в настоящее время ледниками, был некогда покрыт тропической растительностью. Во время лазанья по горам Нансен заметил, что ему трудно было ходить по кручам — его очень скоро схватывала одышка, и голова кружилась даже и на не особенно больших под'емах. С течением времени эти явления, происходившие, вероятно, вследствие зимы, проведенной в неподвижности, исчезли, и Нансен стал лазать по горам не хуже других.

Так прошел целый месяц. А корабля все не было. Нансен с Иогансеном стали поговаривать, что они, пожалуй, сделали ошибку, поддавшись на соблазн и оставшись ожидать. Ведь, за этот месяц они могли уже так далеко уйти, что давно встретили бы корабль и при счастливых обстоятельствах были бы, пожалуй, уже дома. Но теперь итти было уже поздно. Могло случиться, что до моря, которое посещается судами, им пришлось бы итти месяц, т. е. до конца августа, а тогда рыбацьи судна уже поворачивают к дому, и им пришлось бы все равно опять зазимовать в таких же тяжелых условиях, как и прежнюю зиму. Оставалось поэтому запастись терпением и ждать, высматривая постоянно, не появится ли на горизонте корабль, и следя за состоянием льдов.

26 июля утром Нансен проснулся, чувствуя, что кто-то тянет его за ногу. Оказалось, это был Джэксон, который, весь сияя от счастья, сообщил ему, что корабль пришел.

Нансен бросился к окну. Действительно вдоль самого берега медленно шел корабль, отыскивая места для остановки. Джэксон выбежал наружу, но через некоторое время к Нансену вбежал помощник Джэксона и сообщил, что дома все здоровы, и что „Фрам“ еще не пришел. Это было значительным облегчением для Нансена. Ведь, если бы „Фрам“ пришел раньше его, то это было бы страшным ударом для семьи, которая считала бы Нансена погибшим. За судьбу же „Фрама“ Нансен не видел оснований беспокоиться.

Когда Нансен оделся и сам пошел к кораблю, то он был встречен дружным „ура!“ всего экипажа. В беседе с капитаном корабля Брауном, за вкусным завтраком из свежего картофеля и других прекрасных яств, Нансен узнал много поразительных вещей. Прежде всего он услышал, что за время его отсутствия изобретен способ фотографирования через предметы (рентгенография), что казалось просто невероятным. Далее оказалось, что за это время интерес к северным странам стал так велик, что одна норвежская компания учредила рейсы для туристов на Шпицберген, где была построена хорошая гостиница. Нансен невольно дивился всему этому, и ему рисовались забавные картины, что было бы, если бы он попал прямо на Шпицберген и появился среди английских

туристов и туристок в своих лохмотьях, тряпье и грязи. Удивления было бы не мало, но на пожатия и об'ятия едва ли рискнул бы кто-либо из фешенебельной публики.

Корабль привез для экспедиции Джэксона множество вещей и припасов. Все это предстояло выгрузить на берег. Работа закипела, и через неделю корабль был готов к отплытию. Но отправка задержалась еще на несколько дней из-за телеграмм, писем и донесений, которые должен был приготовить Джэксон. Наконец, 7 августа, сердечно простившись с Джэксоном и всеми остающимися, Нансен и Иогансен отправились на „Уиндуорте“ в путь к Норвегии.

Счастье благоприятствовало плаванию. По дороге к земле Франца-Иосифа корабль пробивался между льдов целых три недели. Теперь же капитан Браун взял сперва курс к востоку и, действительно, таким путем очень скоро выбрался из пояса льдов, и перед кораблем было открытое море.

С неописуемо приятным чувством смотрел Нансен на синюю поверхность моря, по которой скользил корабль и с каждым поворотом винта приносил ближе к Норвегии в то время, как пассажиры могли спокойно прогуливаться по палубе.

Утром 12 августа Нансен разглядел в подзорную трубу первый корабль. Но он был очень далеко и не по пути. Потом стало попадаться кораблей все больше и больше. Поздно вечером Нансен увидел вдали у самого горизонта что-то темное.

Это была земля, это была Норвегия.

Как окаменелый стоял Нансен и всматривался в туманные очертания еще далекой родины. Что-то ожидает его там?

На другое утро земля была уже совсем близко. Но капитан несколько ошибся курсом, и пришлось плыть вдоль берегов. На корабль взошли два лоцмана — отец и сын. Они поздоровались с Брауном, но не были подготовлены к тому, чтобы встретить на английском судне своих соотечественников и несколько удивились, когда Нансен обратился к ним на родном языке. Они не придали этому слишком большого значения, и только, когда капитан Браун спросил, не узнают ли они, кто перед ними, моряк стал всматриваться в Нансена, и какое-то воспоминание стало мелькать в нем. И, лишь когда капитан назвал имя Нансена, лицо лоцмана засияло изумлением и радостью. Он схватил руку Нансена и долго тряс ее. Он, как и все, считал Нансена уже давно погибшим. Лоцман рассказал все, что знал о родине, и подтвердил, что „Фрам“ еще не вернулся.

Первая норвежская гавань, в которую пришел „Уиндуорт“, была Варде. Не успел корабль стать на якорь, как Нансен с Иогансеном отправились на лодке к берегу.

На пристани Нансена не узнал никто. Единственный, кто обратил внимание на возвращающихся скитальцев, — была корова, которая остановилась посреди узкой улицы и с изумлением смотрела на приезжих, когда те проходили мимо нее. Но и корова эта была так мила, что Нансен готов был ее обнять.

Но вот Нансен на телеграфе. Он вытащил толстую связку телеграмм и попросил отправить их возможно скорее. Телеграмм было около сотни, причем несколько из них по несколько тысяч слов.

Начальник станции испытующе посмотрел на неожиданного гостя и спокойно раскрыл связку телеграмм. Но только увидел он подпись верхней телеграммы, как лицо его изменилось, он резко повернулся и направился к телеграфистке, которая сидела за столом. Потом он опять вернулся к Нансену, и все его лицо сияло от радости, когда он приветствовал Нансена с возвращением на родину. Он обещал отправить телеграммы с возможной быстротой, но все же нужны были целые дни и ночи, чтобы справиться со всеми. И тотчас же начал телеграф выстукивать одно послание за другим, и по проволокам во всех направлениях побежали по всему миру вести о возвращении того, кого большинство считало давно погибшим.

Первые телеграммы были к жене Нансена, к матери Иогансена, к родственникам и близким остальных товарищей с „Фрама“, к королю, к Норвежскому Правительству. Последняя из этих телеграмм гласила следующее: „Председателю Совета Министров Хагеруппу.

Имею счастье сообщить Вам и Норвежскому Правительству, что экспедиция выполнила свой план, прошла неизвестное море на север от Ново-Сибирских островов и исследовала область на север от земли Франца-Иосифа до $86^{\circ}14'$ северной широты. Севернее 82° земли не найдено.

Лейтенант Иогансен и я оставили „Фрам“ и остальных членов экспедиции 14 марта 1895 года на 84° северной широты и $102^{\circ}27'$ восточной долготы. Мы отправились исследовать море к северу от направления „Фрама“ и вернулись к южной части земли Франца-Иосифа, откуда „Уиндуорт“ доставил нас домой.

Возвращения „Фрама“ ожидаю в этом году.

Фритьоф Нансен“.

Когда Нансен покидал телеграфную станцию, начальник ее сообщил, что в городе находится старый друг Нансена профессор Мон. Мон был тесно связан с приготовлениями „Фрама“ к путешествию, и Нансена очень радовало, что он может с ним, одним из первых, встретиться.

Но пока Нансен был на телеграфе, весть о его прибытии стала распространяться по городу. На улицах стали собираться толпы народа,

с любопытством глядевшие на путешественников в то время, когда те шли в гостиницу, где остановился Мон. Там Нансену сообщили, что Мон отдыхает после обеда. Но Нансен не уступал и не перед такими препятствиями. Как буря ворвался он в комнату Мона, который лежал на диване с книгой в руках и трубкой во рту.

Когда профессор увидел у порога знакомую длинную фигуру, трубка выпала изо рта, и, бросив книгу, он вскочил на ноги, а лицо его выражало скорее ужас, чем радость.

— „Может ли это быть Фритьоф Нансен!“

Бедный профессор боялся, что это — привидение, появление которого было более вероятным, чем появление живого Нансена.

Но зато с какой радостью бросился он обнимать Нансена, когда услышал его голос и убедился, что тот, живой и здоровый, собственной персоной стоит перед ним.

Но где „Фрам“? И профессор Мон долго никак не мог постичь, как случилось, чтобы Нансен решился покинуть корабль, если бы тот был совершенно цел и невредим.

В той же гостинице нашлись еще знакомые Нансена. На радостях достали шампанское выпить за здоровье экспедиции. А толпы радостно возбужденных людей все сгущались, и, когда Нансен выглянул из окна на улицу, она была полна народом, и на всех мачтах, на домах и на кораблях в гавани веяли норвежские флаги. А тут стали горами поспевать телеграммы, и все с наилучшими вестями.

Первое, что надо было сделать, это обзавестись приличным платьем. Но это было сделать не легко — все ходы и выходы были запружены толпой, и стоило только Нансену появиться в каком-нибудь магазине, как тот моментально битком набивался посетителями.

Так прошло несколько часов в сплошном празднестве в Варде. 18 августа Нансен отправился в Гаммерфест. По дороге на всех станциях — цветы, флаги, толпы, оvationи. Гаммерфест встретил гостей в праздничном уборе. Громадные толпы народа приветствовали отважных соотечественников. Тут же Нансен встретился с богатым англичанином Баден Пауэль, который один из немногих все время верил в успех предприятия Нансена. Перед отъездом он все же на всякий случай справлялся у Нансена, где нужно будет искать его в случае какой-либо беды. И теперь, возвратившись из экспедиции на Новую Землю, где он с группой астрономов наблюдал солнечное затмение, Баден Пауэль думал, что пора уже приступить к розыскам Нансена. И предполагал еще той же осенью отправиться на корабле вдоль границы льдов, не узнает ли каких-нибудь новостей о Нансене. Теперь Баден Пауэль предоставил ему свою яхту в полное распоряжение. В Гаммерфест

в тот же вечер приехала и жена Нансена с секретарем и присутствовала при великолепном приеме, устроенном Гаммерфестом в честь гостей. И дни текли один за другим в сплошной радости и празднестве.

Единственно, что начинало беспокоить Нансена, — судьба „Фрама“. Он гордо телеграфировал, что ожидает прибытия „Фрама“ еще этой осенью. Но, вот, уже вторая половина августа, а о Свердрупе и его товарищах нет никакой вести. Не случилась ли с ними какая-либо беда? И Нансен начинал чувствовать, что если осень минует, а „Фрам“ не вернется, и придется выжидать всю зиму, весну и лето, — это будет очень тяжело для него. А, ведь, последние дни, когда еще можно было ожидать „Фрама“ в этом году, истекали.

20 августа рано утром Нансен был еще не одет, как к нему постучался хозяин яхты с сообщением, что на пароход прибыл какой-то человек, который хочет поговорить с ним по экстренному делу. Нансен ответил, что он еще не одет, но что скоро выйдет.

— Это ничего, — ответил тот. — Выходите так, как стоите.

Нансен удивился такой настойчивости и спросил, в чем дело. Но Баден Пауэль сам ничего не знал и мог только повторить, что, очевидно, нечто весьма спешное. Нансен, набросив наскоро платье, вышел в гостиную.

Там стоял господин с телеграммой в руках; он представился начальником телеграфной станции и сообщил, что явился вручить Нансену телеграмму. Она, вероятно, для него не безынтересна, и поэтому он лично явился передать ее.

— Не безынтересна для меня, — подумал Нансен. В это время его интересовал только один вопрос...

Дрожащими руками разорвал он телеграмму.

„Скьярво, 20 августа 1896 года. 9 ч. утра.

Доктору Нансену.

„Фрам“ прибыл сегодня в хорошем состоянии. Все благополучно. Отправляюсь в Тромзе. Привет на родине.

Отто Свердруп“.

Нансену казалось, что он задыхается. Единственное, что он мог произнести, было:

— „Фрам“ прибыл...

Всегда сдержанный, строгий англичанин сделал от радости прыжок в воздухе. Лицо Иогансена сияло радостью. Секретарь Нансена, Христиансфирсен, был совершенно вне себя от восторга, а посреди всех стоял улыбающийся начальник станции, довольный тем эффектом, который он произвел. Нансен опрометью бросился в каюту с криком: „Фрам

пришел!“ Эва Нансен в один миг оделась и присоединилась к обществу.

Нансен не верил своим глазам. Он по многу раз перечитывал телеграмму, пока, наконец, почувствовал, что это, действительно, правда.

И вот началось великое ликование на корабле, в гавани, в городе, во всей стране и по всему миру. Как раз в это время в гавани находился „Уиндуорт“. Когда там узнали новость, с корабля раздалось громовое „ура“ в честь „Фрама“ и Норвежского флага. Яхта „Отария“ должна была в тот же день направиться в Тромзе, но теперь решено было пуститься в путь немедленно утром. Так как Скъярво было по дороге, то Нансен пытался телеграммой задержать Свердруп. Но телеграмма опоздала.

Завтрак на „Отарие“ прошел оживленно. Нансен с Иогансеном делились восторгом, что они так скоро опять увидят всех своих товарищей. Сэр Баден Пауэль то и дело вскакивал, стучал по столу кулаками и кричал: „Фрам“ пришел, „Фрам“ прибыл. „Фрам“ в самом деле прибыл. Леди Баден Пауэль сидела вся сияющая, радуясь счастью и восторгу других.

На следующий день яхта входила в гавань Тромзе. С невыразимым чувством смотрел Нансен на свое детище, „Фрам“, который спокойно лежал в гавани. Когда в последний раз Нансен видел его — он был весь во власти льдов. Теперь же он тут волюно и свободно плыл на воде, правда, обтрепанный бурями и непогодами, но все же мощный и уверенный. Яхта проплыла мимо „Фрама“, причем английский экипаж приветствовал „Фрам“ троекратным английским „ура“. На это с борта „Фрама“ послышалось девятикратное норвежское „ура“. И несколько мгновений спустя все товарищи Нансена уже были на яхте.

Трудно описать бесконечную радость товарищей, которые после стольких ожиданий и лишений оказались вдруг все вместе.

Свердруп рассказал Нансену о своем плавании, а все товарищи с „Фрама“ наперерыв рассказывали, как, выбравшись из льдов, они были встревожены тем, что на первых кораблях им сообщили, что Нансен еще не вернулся. Они решили притти к берегам Норвегии и тотчас же, забрав уголь — больше „Фрам“ ни в чем не нуждался — и расспросив о положении дел, отправиться к земле Франца-Иосифа искать своих товарищей. Ведь, они не могли оставаться спокойно, когда их мучила неизвестность о Нансене и Иогансене. Пристав к берегу Норвегии, они не дали салюта, так как, вернувшись без руководителя, не считали себя в праве радоваться и торжествовать. В гавань вошли они еще рано утром, когда все спали. Как только якорь был спущен, Свердруп вместе с Бентсеном на лодке отправились на берег к телеграфной станции. Все спали, поэтому пришлось кулаками крепко стучать в дверь. Долго

стучали, пока, наконец, со второго этажа выглянула голова начальника станции. Вот, как последний описывает последовавшую за этим сцену:

„Без особо дружелюбных чувств поднялся я утром в 2¹/₂ часа посмотреть, что это за бродяга так сильно барабанит в мою дверь. Одетый довольно легко, я высунул голову в окно и закричал: „Чорт возьми! Что там случилось? Такой грохот, когда все спят“.

Я увидел мужчину в сером платье с серой бородой. В его осанке было что-то, что я сразу подумал, что, быть может, несколько поспешил выразить свое неудовольствие, и я почувствовал себя несколько сконфуженным, когда тот спокойно ответил:

— „Да, вы совершенно правы: тем не менее я вынужден просить Вас открыть дверь. Я прибываю с „Фрама“.

Тотчас мне стало ясно, что это был не кто иной, как Свердруп. — „Я иду сию минуту, капитан“, — ответил я, накинув самое необходимое платье, и быстро сбежал вниз впустить его.

Он вовсе не был сердит на долгое ожидание или на недружелюбные слова, которыми я встретил его, вернувшегося на родину после славного путешествия. И, когда я начал извиняться за свою невежливость, с которой я его встретил, он выказал себя очень милым и любезным.

Когда Свердруп уселся, первый вопрос был, конечно, относительно пути, которым он прибыл. Они только что прибыли с берегов Шпицбергена. 13 августа они достигли открытого моря, где они почти тотчас натолкнулись на капитана Ботолфсена из Тромзе, который занимался китовой ловлей на своем корабле. Они привезли его с собой. После этого они посетили Андре, который как раз собирался складываться и ехать домой; отсюда он прибыл сюда. От Ботолфсена и затем от Андре, который должен был иметь последние новости из Норвегии, они узнали, что и здесь ничего неизвестно о Нансене, которого рассчитывали найти дома; их радость, что они скоро вернутся домой, была этим значительно омрачена.

— Да, но зато я могу Вам дать сведения о Нансене, — сказал я. — 13 августа он прибыл в Варде и в настоящее время находится в Гаммерфесте. Вероятно, он сегодня отплывает на английской яхте в Тромзе.

— Нансен вернулся!

И в возбуждении, какое этот человек редко когда обнаруживал, он вскочил, и его могучая фигура исчезла в дверях с возгласом:

— Это я должен немедленно сообщить другим.

Несколько времени спустя он вернулся назад в сопровождении Скотт Гансена, Блессинга, Могстата и Бентсена, — все в диком восторге по поводу новой вести, которая венчала их предприятие и давала им право всей душой отдаться радости возвращения на родину, тогда как

неизвестность судьбы предводителя и товарища сдерживала эту радость. И зато как они радовались!

„Правда ли это? — Нансен вернулся! — повторяли они на все лады. — Что это за счастливый день и какое редкое совпадение, что Нансен вернулся домой как раз в тот день, когда мы выбились из льдов и направили курс домой!“ — И, дрожа от возбуждения, эти крепкие молодцы поздравляли друг друга.

Тем временем, оставшиеся на корабле спокойно ожидали возвращения Свердрупа. Вдруг они увидели поразительное зрелище. Между домами показался Свердруп, который бежал к лодке с такой поспешностью, как если бы за ним гнался какой-то страшный зверь. Но только он добежал к лодке, в которой находился Бентсен, как тот тоже, по видимому, сошел с ума, — он вскочил и стал изо всех сил грести к кораблю, так что только пена летела. Ежеминутно поворачивал он голову, измеряя оставшееся расстояние. Стоявшие на борту решительно недоумевали, что это должно означать.

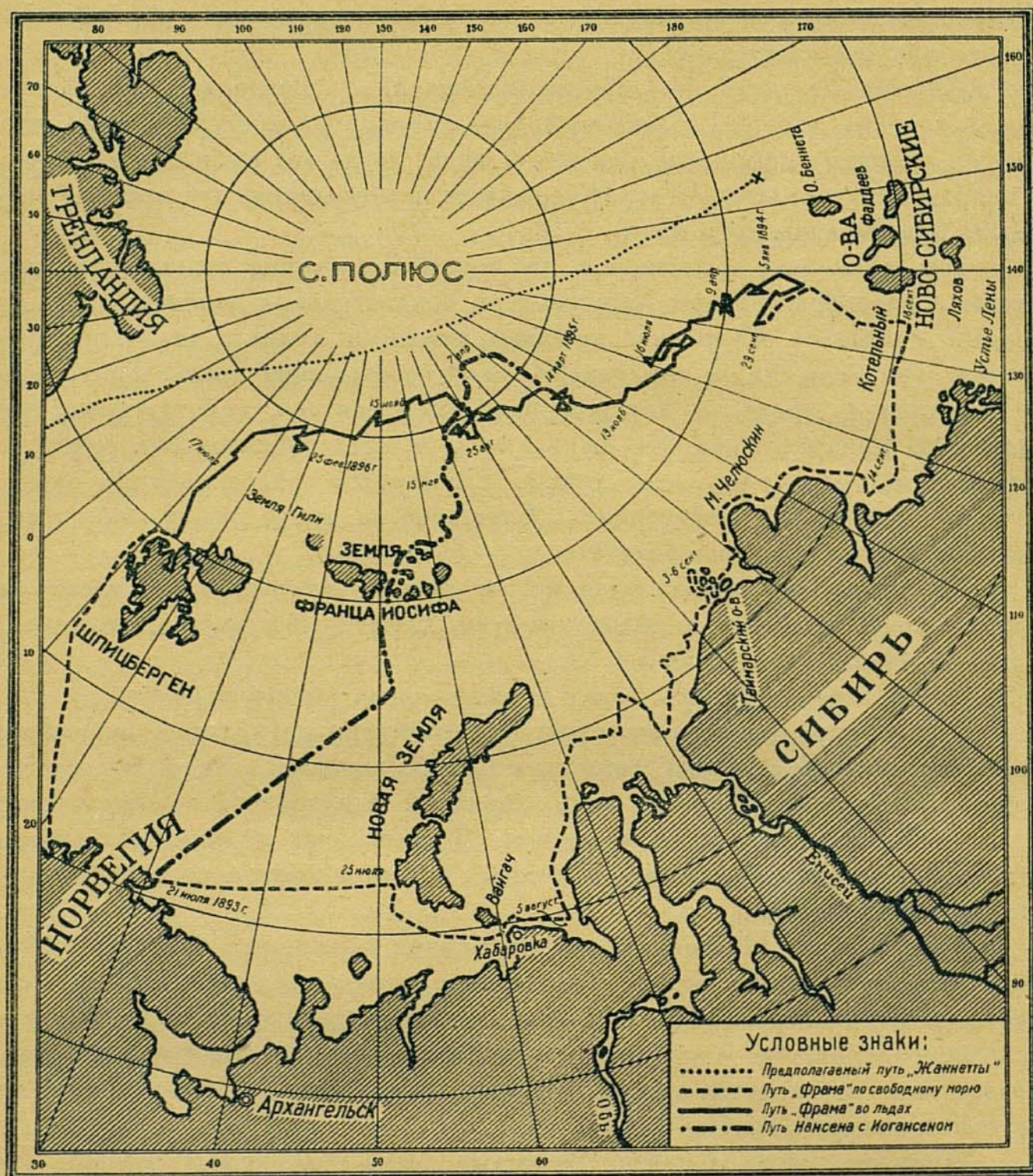
Как только он приблизился на расстояние человеческого голоса, он бросил весла, поднялся в лодке и в руки, сложенные рупором, прорычал: — „Нансен вернулся...“

После этого повернул лодку и опять начал грести к берегу.

И вот городишко рано утром был разбужен двукратным пушечным салютом, сопровождаемым громовым „ура“ экипажа в честь отсутствующих товарищей. Жители были изумлены и в тревоге повыскакивали из домов. Но весть о возвращении „Фрама“, как молния, разнеслась повсюду, на улицах появились толпы, и город быстро со всех сторон разукрасился флагами.

Возвращение Нансена и его товарищей праздновал буквально весь мир. Во всех уголках земли, куда только проникали газеты, были в то время известны все подробности смелого путешествия и небывало счастливого совпадения, что корабль и руководитель, шедшие такими опасными, безвестными и разными путями, встретились у берегов Норвегии чуть ли не в назначенный день!

Плавание вдоль берегов Норвегии было сплошным триумфом для „людей с „Фрама“, как все сокращенно стали называть путешественников. Главнейшие европейские научные общества делегировали своих представителей приветствовать путешественников. Между прочим, от русского географического общества навстречу Нансену выехал барон Толль, который встретил Нансена еще около Бергена. В ответ на приветствие Толля Нансен в короткой речи отметил громадные заслуги прежних русских путешественников, в особенности братьев Лаптевых, Прончищева, Овцына и других участников „Большой северной экспедиции“.

Самые грандиозные и невиданные торжества ожидали путешественников в Христиании. Для устройства праздника встречи парламентом были отпущены средства, на которые можно было бы снарядить не одну гренландскую экспедицию, и весь народ во главе с королем принимал участие в этих торжествах.

Но наибольшее удовлетворение ожидало Нансена в Англии, куда он через несколько месяцев приехал прочесть ряд докладов. Первый доклад

был опять в Лондонском географическом обществе. Но скромное обычное помещение общества не могло бы вместить и части желающих приветствовать и выслушать доклад смелого „викинга“. Пришлось выбрать самое большое помещение в Лондоне — залу Альберт-Голл. Кроме членов географического общества, почти всех министров, дипломатического корпуса и членов королевского дома с принцем Уэльским во главе, присутствовало более 7000 человек публики. Когда Нансен поднялся читать свой доклад — буря оваций долгое время не давала ему говорить. После его доклада слово взял опять, как четыре с лишним года тому назад, адмирал Нэрс.

„Успешным плаванием, совершенным в короткое время на корабле, замерзшем среди льдов, Нансен доказал, что его смелая идея, которая была встречена нами откровенной, но дружественной критикой, была во всех отношениях правильно задуманной. На полярные области пролит совершенно новый свет. Вопрос об образовании льда и его долговечности теперь нам представляется совершенно иначе, чем до путешествия „Фрама“. А путешествие Нансена с Иогансеном не имеет никаких precedентов и может быть сравниваемо только с его собственным путешествием через Гренландию“.

Свою краткую речь адмирал Нэрс закончил словами:

„Мы можем сказать о Нансене, что только он сам может сравниться с собой“.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ

НА РУССКОМ ВЕЛИКОМ СЕВЕРНОМ ПУТИ

„Окно“ в мир для Сибири. Первые путешествия европейцев в Карское море. Русский водный путь к устью Оби. Царский запрет. Новейшие исследования и их выводы. „Сибирское О-во“. Приглашение Нансена. Через Югорский Шар. Среди льдов Карского моря. На мели. Прибытие, „как по расписанию“. На русской тройке. Сибирь — „Страна Будущего“.

СЕВЕРНЫЙ русский великий путь — это морская дорога из Атлантического Океана к великим сибирским рекам. Достаточно взглянуть на карту, чтобы видеть, какое значение имеет этот путь для Сибири и для всей России. Обь и Енисей и их притоки, судоходные на громадном протяжении, орошают пространство, значительно превосходящее Германию и Францию, вместе взятые. И области эти, простирающиеся до северной Монголии и сердца Азии, в значительной части своей плодородны и обладают громадными естественными богатствами. Особенно обильны они лесом, который широким поясом девственной тайги покрывает неизмеримые пространства Сибири.

Но эти богатства остаются неиспользованными, так как географически эти области обижены природой и расположены до чрезвычайности неудобно и отделены от всего мира громадными расстояниями с плохими путями сообщений и даже вовсе без всяких путей. Реки же впадают в море, которое большую часть года покрыто льдом, и возможность плаванья по которому до самого последнего времени многими оспаривалась. Карское море, лежащее у порога Сибири, издавна славилось своей недоступностью; даже летом в нем так много льда, что оно получило названия „ледяного погреба“ полярных стран.

Первые сведения о Карском море Европа получила от мореплавателей, искавших морского пути в Индию и Китай. Эти отважные моряки нашли, что русские купцы и охотники давно уже знали водный путь, ведущий в сердце Азии. Через Югорские ворота, иногда через Карские ворота русский торговый путь вел из Печоры и Белого моря к устью Оби. В 1556 году англичанин Бэроу искал пути к Оби. Вынужденный остановиться в виду значительного скопления льдов у входа в Карское море, он ограничился собиранием сведений у местных охотников и от них получил такие точные данные, что было очевидно, как хорошо русские знали этот путь. В 1580 году англичане Пет и Чарльз Джэкман

повторили попытку пройти Карское море, но и они, войдя в него, натолкнулись на значительное количество льда и повернули назад, находясь уже неподалеку от полуострова Ялмал. Были слухи, что в 1581 году одно европейское судно потерпело крушение около устья Оби, и экипаж его был перебит самоедами. Более успешной была экспедиция 1594 года под начальством Корнелия Наи и Виллема Баренца. В начале и они натолкнулись на большое количество льда, но к середине августа лед почти исчез. Карское море было совсем свободно для плавания, и руководители экспедиции были уверены, что ими найден морской путь в Китай. С этим известием вернулись они в Европу. На следующий год они повторили путешествие, но уже в Югорском Шаре наткнулись на льды. Там они застали русских рыбаков, которые им сообщили, что из Холмогор и „из их земли некоторое количество барок ежегодно идут мимо Татарского моря у устья Оби к другой реке, называемой Гиисси, где они ведут торговлю платьем, и что скоро придет десять небольших барок из Холмогор, чтобы притти к этой реке и там остаться зимовать, как это ими обычно делается“. „Гиисси“ — это, конечно, Енисей. Это было первое упоминание об этой реке, известное в европейской литературе. Но голландцам на этот раз не удалось пройти Карского моря. После упорной борьбы со льдами, загородившими путь, пришлось повернуть назад. На следующий год упрямый Баренц пытал счастья в другом направлении, стараясь войти в Карское море с севера Новой Земли. Но и это оказалось невозможным и привело к необходимости зазимовать на Новой Земле.

Но русские мореплаватели, не задаваясь широкими целями, по прежнему успешно и широко пользовались своим скромным полу-морским, полу-речным путем. Особенного расцвета северная морская торговля достигла, когда около устья Оби был сооружен город Мангазея. Путешествие к нему совершалось на мелких плоскодонных суденышках. Достигнув полуострова Ялмала, путешественники, обычно, входили в речку Мутную и доходили до озера Нейте-те, затем волоком перетаскивали свои лады и товар через небольшую низину и входили в озеро Ямбуто, откуда по реке Зеленой спускались в Обскую губу. Насколько этот путь широко посещался, видно из того, что в 1611 году англичане, пришедшие к устью Печоры, нашли там 26 лодок, отправлявшихся в Мангазею, но в этом году вынужденных вернуться обратно вследствие неблагоприятного состояния льда.

Имеются, однако, намеки, что русским мореплавателям был известен не только этот, полуречной путь, но и путь морем, к северу от Ялмала, мимо острова Белого, хотя последний путь они обычно избегали. Несмотря на то, что при таком путешествии к Оби требовалось обычно два года,

торговля приносила значительный доход и была очень выгодной. Мангазея превратилась в цветущее селение, где в летнее время съезжалось до 2000 купцов. Особенно ценились купцами соболь, беличий мех, песцы и другие меха. В обмен же привозились разные европейские товары, особенно же английские. Это вызвало большое неудовольствие русских торговцев в Сибири, и жалобы тобольских купцов становились все громче и настойчивее. В конце концов жалобы эти дошли до Москвы, и царь Михаил Федорович в 1620 году издал указ, запрещающий под страхом нещадного битья батогами, плавание в сибирские реки морским северным путем. В виде полицейской меры на острове Вайгач была поставлена застава из 50 человек. Естественно, что с того времени Мангазея пришла в упадок, и северный водный путь к устью Оби пришел в забвение. Но ловля в Карском море и небольшая торговля с самоедами полуострова Ялмала все же продолжались.

Лишь сто лет спустя начались новые попытки исследовать северные побережья Сибири. „Большая“ русская северная экспедиция 1734-39 годов сделала серьезные попытки к исследованию Карского моря, и после многолетних усилий Малыгину и Скуратову удалось пройти мимо полуострова Ялмала и Белого Острова и достигнуть устья Оби чисто морским путем. В 1760 году Савва Лошкин, руководствуясь правильной мыслью, что восточное побережье Новой Земли должно быть значительно обильнее зверьем, рыбой и дичью, чем часто посещаемое западное, отправился в Карское море. Об этом путешествии известно очень мало кроме того, что Савва Лошкин, в котором природа охотника соединялась с сильной страстью к приключениям, выказал замечательную, изумительную настойчивость и, проведя, не возвращаясь домой, две зимы и три лета впервые об'ехал всю Новую Землю вокруг. Этим он доказал, что Новая Земля — остров, в то время как прежние географы полагали, что Новая Земля связана с севера с Азией.

К этому времени распространились слухи, что Новая Земля чрезвычайно богата металлами всякого рода. Это побудило лейтенанта Розмыслова отправиться на поиски этих сокровищ. Впрочем, за одно он ставил себе чисто научные задачи, усердно занимаясь составлением географических карт. Его судно оказалось очень плохим и непригодным к плаванию. Но все же ему удалось пройти Маточкин Шар, произведя точные измерения глубины. Карское море было совершенно свободно от льда и путь к Енисею лежал открытым. Но состояние судна не позволяло и думать о таком плавании, и Розмыслов вынужден был зазимовать на Новой Земле. Для этого он из привезенного с собой и найденного на берегу материала построил себе дом. Зимовка далась тяжело. Целыми неделями обитатели хижины не выходили из нее и не имели никакого движения. Поэтому,

естественно, почти все переболели цынгой и 7 человек померло. С пищей, однако, трудностей не было и товарищи Розмыслова имели ежедневно даже свежий хлеб и квас. Летом на следующий год Розмыслов пробовал было отправиться на своем судне в обратный путь, но оно оказалось в таком плохом состоянии, что пришлось вернуться к месту прежней зимовки. К счастью, экспедиция натолкнулась на другое рыболовное судно, которое доставило ее в Архангельск. Драгоценных металлов найти не удалось. Но один из товарищей Розмыслова сообщил тому перед смертью, что на одном месте на берегу Новой Земли он нашел большой камень чрезвычайной красоты. Розмыслов отправился на поиски этого камня, но никак не мог его обнаружить и осыпал упреками своего товарища, который скрыл от него находку. Надо, однако, полагать, что этот камень был не что иное, как друза горного хрусталя. Такие друзы встречаются на Новой Земле и, несмотря на свой красивый вид, не представляют никакой ценности.

В 30-х годах XIX столетия был снаряжен целый ряд экспедиций для исследования Новой Земли вообще, и ее восточного побережья в особенности. Экспедиции Литке, Пахтусова, Моисеева и ссыльного поляка Циволки дали много ценных наблюдений относительно Карского моря. Особенно замечательны экспедиции Пахтусова, который по своей настойчивости, мужеству, осмотрительности и научной подготовленности занимает выдающееся место среди полярных исследователей всех стран и народов. Но все эти путешествия ограничились восточным побережьем Новой Земли и не заглядывали в глубь Карского моря.

Только в 1862 году по инициативе и на средства архангельского купца Михаила Константиновича Сидорова, настойчивого пионера морского пути в Сибирь, неустанно, но безуспешно пытавшегося привлечь к этому вопросу внимание русских и иностранных научных и правительственных сфер, был снаряжен корабль „Ермак“ для исследования Карского моря. Командование над ним принял П. Крузенштерн младший.

15 августа Крузенштерн вошел на „Ермаке“ в Карское море. Но так как ветер совершенно стих, то корабль сразу оказался во власти морских течений. Он вынужден был пристать к большой льдине и вскоре был со всех сторон окружен льдами. Через несколько дней начались натиски льдов на корабль. Эти натиски повторялись часто, и всякий раз экипажу „Ермака“ приходилось готовиться к оставлению корабля, вытаскивая на лед лодки и провиант, так как казалось, что „Ермак“ неминуемо будет раздавлен. После недельного плавания экспедиция оказалась в виду полуострова Ялмала. Здесь громадная льдина надвинулась под корабль, который лег на бок. Сотрясения этой льдины были так велики, что опять каждую минуту приходилось опасаться гибели

и вытаскивать вещи на лед. В сентябре разыгралась сильная буря, и так как пребывание на корабле стало небезопасным, то все вышли на лед и разместились в палатке. Как раз в этот день приходилось празднование тысячелетия русского государства. Празднество это не было пропущено и здесь на льдинах, и по этому случаю была выпита не одна чарка и пропета не одна веселая песенка под завывание и аккомпанимент полярной бури. Давление льда становилось все хуже, на корабле появилась значительная течь, и, наконец, его так сдавило, что верхняя палуба выгнулась дугой. Тогда Крузенштерн собрал весь экипаж и предоставил ему выбрать трех представителей, с которыми он устроил совещание о том, что делать, чтобы спастись. Решено было покинуть корабль и перебираться по пловучим льдам к земле. Перед оставлением судна была устроена трапеза, за которой было подано все лучшее, что только оставалось. После этого сошли на лед и двинулись по направлению к земле. Сперва с собой взяли лодку, но вскоре ее пришлось оставить, и все припасы взяли в мешках на плечи. При выступлении один матрос сумел припрятать некоторое количество спиртных напитков и так напился, что не был в состоянии идти. Нести его было невозможно, и он был оставлен на льду, а для того, чтобы скорее протрезвиться с него сняли кафтан и оставили в одной рубахе. Матрос очнулся ночью и пошел по следам каравана, пока на следующий день не нагнал его.

Шествие по льду было очень трудное, так как лед был неровен и пересечен многими трещинами. Через последние часто приходилось переправляться на льдинах, гребя вместо весел баграми. Целых девять дней продолжалось это странствование, при чем не раз приходилось буквально перескакивать со льдины на льдину. Достигнув берега, поблизости нашли становище самоедов, где путешественников встретили чрезвычайно гостеприимно и радушно и угостили всем, что было лучшего — оленьим мясом, оленьими языками, оленьим мозгом, сырой рыбой и гусиным салом. Оттуда на оленях экспедиция благополучно добралась до Обдорска.

К этому времени ввиду уменьшения добычи около Шпицбергена особенный интерес к плаванию в морях около Новой Земли стали проявлять норвежцы. Одним из первых был Эллинг Карлсен, который в поисках новых районов для рыбной ловли прошел Карское море до самого Белого Острова. В 1869 году другой норвежец, замечательный смелостью своих экскурсий, Эдвард Иогансен, проник через Карские ворота и дошел до восточного берега Ямала, откуда мимо Белого Острова он направился к восточному берегу Новой Земли и, плывя к югу, вернулся через Карские ворота домой. После своего возвращения в Норвегию Иогансен послал сообщение о своем путешествии в Академию Наук

в Стокгольме, которая присудила ему серебряную медаль. Препровождая эту медаль, Норденшельд от себя в шутку добавил, что если Иогансену удастся в другой раз об'ехать Новую Землю с севера, то он, очевидно, получит золотую медаль. Но такая шутка была в духе Иогансена, и на следующий год он повторил свое плавание в Карское море и опять дошел до Ялмала. Здесь после охоты и ловли, нагрузив полностью корабль, уже на обратном пути, в позднее время, когда все рыбаки спешат домой, Иогансен решил попытать счастья и вернуться домой, обогнув северную конечность Новой Земли. Это ему удалось сделать с чрезвычайной легкостью, нигде не натолкнувшись на лед. Конечно, за такое плавание, которое до тех пор всеми авторитетами признавалось невозможным, Иогансен получил золотую медаль. В это время ему было всего 26 лет. Эти экскурсии Карлсена и Иогансена, предпринятые ими с чрезвычайно скромными средствами, составляют эпоху в истории исследований Карского моря, и показали, что дурная слава полной недоступности им не вполне заслужена. С тех пор начался период многочисленных попыток пройти Карское море и достигнуть Енисея, делавшихся с переменным успехом чуть ли не ежегодно. Так 1871 год был довольно благоприятен для плавания, и рыболов Мак из Тромзе достиг $82^{\circ} 30'$ восточной долготы, т. е. пункта восточнее устья Енисея. Но в 1872 и 73 году Карское море оказалось почти закрытым льдами. Но зато в 1874 году многие норвежские рыбацкие суда опять пересекли Карское море, и англичанин Виггинс, прославившийся своими неустанными попытками установить связь морем с Сибирью, достиг Белого острова, откуда благополучно вернулся назад.

В 1875 году Норденшельд совершил одно из своих интересных путешествий, достигнув на рыбацкой яхте „Превен“ гавани Диксона к северу от устья Енисея. В 1876 году устья Енисея достигли Норденшельд и капитан Виггинс. В 1877 году несколько кораблей достигло Оби и Енисея.

Особенно удачен для плавания и во многих отношениях замечателен был 1878 год. В этом году Карское море было в особенности благоприятным. Норденшельд во время своего знаменитого плавания на „Веге“ и „Лене“ прошел свободно до Челюскина мыса, Виггинс прошел до устья Оби и обратно, а Иогансен опять зашел в Карское море с севера Новой Земли и проник на восток так далеко, что увидел берега Таймырского полуострова и открыл остров Одиночества.

Эти плавания уже давали достаточный материал для подведения определенных итогов и составления ясной картины об условиях плавания по Карскому морю. В общем, сводя воедино все сведения по 1913 год, мы увидим, что лишь в 1882, 1902, 1903 и 1912 году состояние льда было,

действительно, неблагоприятным и препятствовало всем попыткам проникнуть через море. Но и то возможно, что в эти годы было неверно выбрано направление, а в других областях моря оставался неиспользованный проход. Во всяком случае, громадное большинство лет плавание через Карское море возможно, и неудачи плаваний не доказывают еще, что вообще имеются годы, когда Карское море недоступно совсем.

Но вместе с тем, конечно, нельзя отрицать, что состояние Карского моря из года в год не одинаково. В то же самое время и в тех же районах мореплаватели в одном году находили совершенно открытое море, а в следующем году наталкивались на грандиозные ледяные поля, пробиться через которые нельзя было и думать, и приходилось или искать иных путей или поворачивать назад. Поэтому до последних лет плавание по Карскому морю считалось и рискованным и неверным. Но выгоды морского пути были слишком значительны, чтобы опасности могли отпугнуть предприимчивых людей. И наряду с отдельными рейсами к Енисею и Оби в последнее время стали делаться попытки организовать правильное регулярное судоходство на строго коммерческих началах.

Норвежец Лид долгое время жил в России, ездил по Сибири и заинтересовался морским путем к Енисею с чисто коммерческой точки зрения. Он начал вести усиленную пропаганду, разъяснял, растолковывал, как русским, так и своим соотечественникам, значение этого пути и выгоды его использования. Наконец, ему удалось убедить нескольких норвежских, английских и русских капиталистов вложить в это предприятие капитал. Таким образом создалось „Сибирское Общество“, цель которого была торговля с Сибирью путем установления правильных рейсов между Европой и устьем Енисея.

Но первая попытка окончилась неудачей. Из Норвегии был снаряжен корабль „Тулла“, который должен был через Карское море дойти до устьев Енисея. Там Лид предполагал встретить „Туллу“ сам с запасами сибирских грузов, которые корабль при отплытии должен был взять с собой. Вместе с Лидом к устью Енисея отправился целый штат русских чиновников — два таможенных чиновника и два чина пограничной стражи, которые проделали 3000 верст пути от Иркутска до устья Енисея для того, чтобы осмотреть привозимый и вывозимый груз. На маленьком пароходике Лид выехал далеко навстречу кораблю, дошел даже до острова Диксона. Но ожидания и поиски были напрасны. Дни проходили за днями, короткое лето близилось к концу, и Лиду пришлось повернуть назад, пока Енисей не замерз. Оказалось, что „Тулла“ наткнулась в Карском море на значительные массы льда и уже в начале сентября вернулась назад, не достигнув цели.

Нечего и говорить, что такое начало не особенно способствовало успеху общества, только начинающего свою деятельность. Но Лид не сдавался, и решил на следующий год снарядить более крепкий корабль и самому провожать его до устьев Енисея. Для придания же большего значения этой попытке и для того, чтобы иметь на борту, если не руководителя, то опытного советника, он решил пригласить Нансена сопровождать экспедицию. В то же время русское министерство путей сообщения пригласило Нансена проехать по Сибирской железной дороге. Нансен принял приглашение и условился, что инженер Вурцель, заведующий постройками на Сибирской железной дороге, будет ожидать Нансена в Красноярске до 25 сентября. Нансен же должен был на корабле Лида достичь через Карское море устья Енисея, а там вверх по Енисею добираться до Красноярска. Надо отметить, что такое назначение сроков „прибытия“ и „отбытия“ было более чем рискованным в таком путешествии. Но Нансен сам верил в свою звезду, да и другие доверяли этому настолько, что страховое общество, отказавшееся принять на страх корабль, отправлявшийся в такое опасное плавание, застраховало его, как только узнало, что на нем отправляется и Нансен.

Для плавания был зафрахтован корабль „Коррект“, крепкое новое судно, корпус которого состоял из стальных плит. Хотя пароход при постройке не предназначался для плаваний в северных странах, тем не менее, можно было надеяться, что оно сможет выдержать борьбу со льдами. Для надежности носовая часть судна была покрыта толстой деревянной обшивкой.

Вел корабль капитан Самуельсен, один из совладельцев корабля. До сих пор Самуельсен плавал по южным морям. Но он был энергичен и бесстрашен, и можно было считать, что корабль находится в надежных руках. Кроме того, в качестве лоцмана был приглашен один из участников исторического плавания Норденшельда, капитан „Лены“ Ганс Иогансен, старичек, знавший вдоль и поперек все северные моря и прекрасно знакомый с условиями плавания среди льдов. Пассажирами корабля были, кроме Нансена и директора Сибирского Общества Лида, еще двое русских: член государственной думы, сибиряк и золотопромышленник Востротин, и секретарь русского посольства в Христиании Лорис-Меликов. Востротин как-то в прежние годы сам пытался организовать пароходство по Енисею, но потерял уйму денег: однако интерес к делу он сохранил, так как зная прекрасно положение Сибири и ее нужды, понимал значение установления северного пути. Лорис-Меликов был просто туристом и забавлял всех своим модным кожаным костюмом, флаконами с духами и туалетными принадлежностями, окруженный которыми он отправился в полярное плавание.

В путь экспедиция должна была отправиться из Тромзе, куда Нансен приехал по железной дороге. Там он узнал, что вести относительно состояния льдов были неблагоприятны. Корабль, прибывший из устья Печоры, был окружен в дороге льдами, которые отнесли его далеко к северу, так, что даже показался берег Новой Земли. Но это не могло повлиять на отправление экспедиции, и 5 августа корабль снялся с якоря и отправился в путь. На следующий день „Коррект“ уже держал прямой курс на остров Вайгач.

Море было пустынным. За весь свой переход „Коррект“ встретил в первый день пути всего одно четырехмачтовое судно из Архангельска. Дальше, кроме моря и неба — ничего. Даже рыбачьих лодок не было видно. Но все же не будь теплого течения Гольфштрема, море это было бы еще пустынее и большую часть года было бы покрыто льдами.

Плавание совершалось без всяких приключений. За столом каждый раз велись оживленные разговоры относительно шансов достигнуть устья Енисея и даже заключались пари. Наиболее уверенным в успехе путешествия был его организатор Лид. Он был убежден, что „Коррект“ достигнет устья Енисея еще до 14 августа и заключил в этом смысле пари с Лорис-Меликовым.

Не менее твердо верил в успех старый лоцман Иогансен. Для этой веры он имел более, чем достаточно, оснований: старая гадалка в Тромзе предсказала ему, что он совершит далекое плавание, преодолеет в пути два препятствия, достигнет цели и при этом заработает еще крупненькую сумму денег. Последнее обстоятельство его несколько смущало, так как он никак не мог понять, чем он мог дополнительно заработать. Торговать он, ведь, не собирался, предоставив это Лиду, везшему груз цемента из Штеттина для постройки сибирской железной дороги, и повару корабля, который в твердой уверенности, что отправляется в страну дикарей, накупил массу безделушек, выменивать их на меха и золото! Но дело выяснилось, когда Лид назначил премию в 50 крон тому, кто первый увидит медведя — старый лоцман естественно считал себя первым кандидатом на эту сумму, так как он чаще всего находился в наблюдательной бочке на мачте.

Впрочем, и все остальные, хотя и с меньшим оптимизмом, чем Лид, и опираясь на меньшие авторитеты, чем гадалка, все же верили в успех предприятия. Относительно льдов, на которые натолкнулось судно из Печоры, Нансен был уверен, что это просто ледяное поле, которое ввиду летнего времени поплыло по течению или гонимое ветром к северу. Во всяком случае, оно не имело ничего общего с состоянием льдов в Карском море.

На „Корректе“ находился беспроволочный телеграфный аппарат. 9 августа расстояние от Югорского Шара было таким, что телеграфист

счел возможным попробовать соединиться со станцией, соорудившейся там. Сама эта станция еще не была закончена, но на судах, которые привезли экспедицию для установки станции, должны были находиться беспроводные аппараты, и от них можно было получить известия относительно состояния льдов в Югорском шаре и Карских Воротах. И вот, вечером, динамомашинка была пущена в ход, и в пространство понеслись один за другим стонущие призывы, потом динамо останавливалось, и телеграфист прислушивался, нет ли ответа. Потом опять посылал вызовы. Опять тишина. И опять, и опять то же самое, но все безуспешно. Попытки связаться с норвежской станцией оказались бесполезными, так как аппарат „Корректа“ рассчитан был только на 150 морских миль, а расстояние до Норвегии было значительно больше.

10 августа достигли Карских ворот и с тревожным чувством вошли в пролив. Удастся ли пройти, или нет? Вот как изображает Нансен переход через пролив:

„В 8 часов утра перед нами, наконец, показалась земля. Это был остров Саханин, который лежал на расстоянии трех морских миль в стороне от нас. Лот, по словам штурмана, показал 184 сажени. Это, повидимому, слишком много и, вероятно, покоится на ошибке. Во всяком случае, правильно, что здесь лежит глубокая щель, которая идет от Карских ворот к южному берегу Новой Земли.

С юго-востока сильное течение так, что, несмотря на постоянный восточный ветер, который мы имеем, лед не может проникнуть на запад из Карского моря. Мы начинаем надеяться, что мы проберемся этим путем; а то уже подумывали идти к Югорскому Шару для того, чтобы проникнуть в Карское море.

Стоит густой туман. Мы скоро достигнем Карских ворот и повернем к востоку.

Все никаких признаков льда, но постоянное течение. Делается все вероятнее, что мы проберемся, и настроение становится напряженным. Данные измерения глубины совпадают хорошо.

Мы опять делаем попытку беспроводного телеграфирования. Здесь, поблизости от станции, которая строится на острове Вайгач, должен находиться корабль с беспроводным телеграфом. Но ответа нет. Все время густой туман.

Перед 12 часами лот показывает 28, 26 и 27 саженей. В 12 часов мы переменили курс на северо-восток, чтобы идти через Карские ворота. После 3 морских миль снова был опущен лот: сперва 6, затем 4 сажени... Стоп! Полным ходом назад. Мы поворачиваем к юго-западу.

Ближайшие измерения — 12 саженей. Где же мы находимся, в самом деле? Туман густой, как стена. Быть может, этим мы слишком

приблизились к острову Вайгачу? Нет, так далеко мы не могли зайти. Это скорее Прокофьева мель у северной части входа в Карские ворота. Там глубина доходит всего до 2 саженьей.

Опять повернули к востоку. Лот показывает 24 сажени. Это, повидимому, совпадает хорошо, и мы миновали мель. Идем уменьшенной скоростью. При новом измерении получается 6 саженьей. Опять поворачиваем к югу. Это более, чем напряженное плавание. Мы, должно быть, находимся среди шхер.

Ближайшее измерение дает 30 саженьей, потом 27, затем 68, 100, 108 и, наконец, 105. Мы опять поворачиваем к юго-востоку и получаем 68 саженьей; затем следует равномерная глубина в 20 и 30 саженьей. В 1 час 42 минуты пополудни направляем курс к востоку, а в 2 часа 5 минут к северо-востоку.

Напрасно всматриваемся мы в густой туман в поисках земли. Глубина достаточно равномерная. Мы начинаем думать, что войдем в Карское море, не увидав земли.

Наконец, в 5 часов 20 минут пополудни туман несколько рассеялся и мы увидели несколько в стороне перед носом корабля остров. Это правильно; это должно быть Олений остров. В этом предположении мы направляем курс на пол деления севернее, чтобы не наскочить. Единственное, что странно при этом, что мы не видим Чирачьего холма. Он должен быть недалеко от нас.

Но вот как раз перед собой замечаем мы какой-то холм. Нам надо держаться еще более к северу. Но данные больше не совпадают. Мы попадаем в отвратительное течение, поток силен, как горная стремнина, и образует белые гребни и большие светлые водовороты. Это выглядит опасно, и судно поворачивается в сторону. Мерим глубину, но она все еще выше 30 саженьей.

Далее, по ту сторону холма, виднеются два островка. Это, должно быть, Яновы острова, а холм был Чирачий. Значит, первая земля, которую мы видели, был не Олений остров, но Воронов Мыс. Тут мы заметили и остров в стороне от длинного выступа земли.

Сразу все стало ясным. Течение относило нас более чем на 13 миль на юго-восток, и оно еще так сильно, что нам приходится идти к северу, чтобы миновать землю. Нам приходится проходить одно течение за другим.

К великому нашему разочарованию поднялся ветер с северо-востока. Сегодня утром он был с юга, и мы радовались этому, так как он гнал льдины к северу; но теперь это резкий норд-ост, самое худшее, что только могло случиться, так как он гонит лед в южную и западную части Карского моря.

Несмотря на это, льда перед собой мы не видим. Так как воздух все время туманный, то земля вскоре исчезает. Опять ничего, кроме тумана по сторонам и сверху и воды внизу. Но мы все же держим курс на полуостров Ялмал в северо-восточном направлении.

Таким образом, мы вышли из Карских ворот в таком же тумане, как и вошли в них, и перед нами волновалось Карское море; оно казалось совершенно открытым“.

На „Корректе“, естественно, было ликование. Старый лоцман Иогансен клялся и божился, что этим оправдалось предсказание его старой гадалки — первое препятствие было преодолено.

Но вскоре путешественников ожидало горькое разочарование: уже вечером в тот же день они натолкнулись на первые льды. К счастью, это оказалась лишь полоса небольших пловучих льдин, и „Коррект“ без труда прокладывал себе путь среди них. С севера и с юга небо казалось светлее и свидетельствовало, что там находится значительное скопление льда. Но впереди небо было темное, и корабль смело двигался вперед. Вечером опять полоса льдов, но и ее миновали легко. Но вот небо впереди стало светлеть. Тут „авторитеты“ разошлись между собой в прогнозах. Иогансен принимал это лишь за проясняющееся небо, в то время как Нансен допускал, что это может быть и ледяное поле. Корабль, однако, двигался все дальше, море оставалось свободным от льдов, и Нансен улегся. Но в шесть часов утра он проснулся от того, что машина корабля стала действовать более медленным темпом. Корабль шел осторожно, значит он имел перед собой лед.

Но и на этот раз это не было сплошное ледяное поле и, между пловучих льдин, со всех сторон окружавших корабль, можно было без труда прокладывать путь. Но льды сгущались все более, пробиваться становилось все труднее, и являлась опасность, что „Коррект“ может быть так сдавлен льдами, что не будет в состоянии вырваться из их объятий. Не следует ли повернуть обратно к открытому морю? Правда, впереди, на сколько можно судить по окраске неба, имелась полоса открытого моря. Но с бочки на мачте видны только льды. Имей „Коррект“ в своем распоряжении гидроплан, который служил бы резведчиком, то многие дни пути были бы сбережены. Но теперь волей неволей приходилось поворачивать назад к юго-западу и в дальнейшем держаться ближе к земле. Расчет был тот, что около берега земли достаточно самого небольшого ветра с берега, чтобы льды начало уносить в море и образовался проход между ними и землей. Если же выжидать, находясь в ледяном поле посредине моря, то ветер не помогает, так как он несет корабль вместе с льдинами, и около борта корабля обычно собирается особенно много льдин.

Около берега тоже стоял лед, но в нем можно было пробираться. 12 августа вышли опять в открытое море и вскоре перед собой увидели низменные берега Ялмала, которые Нансен в первый раз увидел в такую же туманную погоду двадцать лет тому назад, во время путешествия на „Фраме“. На „Корреkte“ выход из льдов был отмечен тем, что капитан Самуэльсен, почти не покидавший капитанского мостика с того момента, как судно вошло в Карские ворота, впервые позволил себе роскошь — лечь не раздеваясь соснуть!

Полуостров Ялмал покрыт прекрасными пастбищами и богат пушным зверем, птицей и речной рыбой. Населен он почти исключительно самоедами. Громадное большинство их ведет кочевой образ жизни. В начале зимы они оставляют Ялмал и уходят в леса к югу около Оби, у Обдорска. К тому же в Обдорске зимой собирается очень оживленная ярмарка, где самоеды меняют свои меха и другие товары на огнестрельные припасы, муку, хлеб, масло, чай, табак. Богатые покупают даже сахар, и все всеми способами стараются раздобывать водку. Водка стала истинным бедствием, разоряющим самоедов. За четверть водки самоед подчас готов уплатить 10 рублей, т. е. переплачивает вдесятеро. В марте и апреле самоеды возвращаются назад на Ялмал, где их олени находят прекрасные пастбища и спасаются от комаров, неистовствующих летом в более южных областях. Дорога от Обдорска в Ялмал обыкновенно занимает около двух месяцев и столько же обратно. Таким образом в году самоеды четыре месяца проводят в дороге, остальные же 8 месяцев живут спокойно на одном месте. С ноября месяца полуостров Ялмал почти совершенно необитаем. Только некоторые самоеды, охотники на белых медведей, остаются на зиму, чтобы своевременно поставить силки и западни для медведей, появляющихся там лишь в раннюю весну. Точно также более бедные самоеды, не имеющие достаточного количества оленей для длительного путешествия и вынужденные подрабатывать рыбной ловлей, тоже остаются там на зиму. Самоед, имеющий всего несколько сот оленей, считается бедным. Богатые же имеют по несколько тысяч. Всего на полуострове живет около 1000 душ самоедов, которые все, в общем, живут безбедно.

На пути вдоль берегов Ялмала „Коррект“ не раз имел посетителей. На первой лодке, под'ехавшей к нему было несколько самоедов и один зырянин, знавший русский язык. Зырянин об'яснил, что лодка, которую они имели, была построена из досок, привезенных из Обдорска на трех связанных саях. Таким образом видно было с каким трудом можно было построить лодку у здешних берегов. Поэтому не многие могли похвастать обладанием ею.

Лид тотчас стал проявлять свои торговые способности, выменивать добро самоедов на разные вещи. Но, кроме товаров, интересных

в этнографическом отношении, у самоедов не было ничего. Он выменял несколько ножей, пояс, латунную цепочку местной работы и пр. Из товаров, полученных в обмен, самоедам особенно понравился карманный электрический фонарь. Они, вероятно, думали вернувшись поражать своих сородичей, но не предвидели разочарования, когда батарея будет использована, и фонарь перестанет гореть. Тут пробовал заняться коммерцией и повар „Корректа“, но к великому его разочарованию все его бусы и безделушки не производили ровно никакого впечатления на самоедов и в глазах их не имели никакой цены. Капитал в несколько десятков крон оказался затраченным понапрасну!

За время, пока „Коррект“ находился у берегов Ялмала таких посетителей перебивало не мало. Все они, как только дело доходило до мены, в первую очередь просили водки и бывали страшно разочарованы и огорчены, когда наталкивались на решительный отказ.

Между тем лед опять перегородил дорогу кораблю и ему пришлось несколько дней стоять на якоре, ожидая перемены. Но море было неподвижным, ветра не было, и льдины чрезвычайно медленно меняли свое положение. Все море казалось безжизненным, и не было видно ни зверей, ни птиц. Только один раз тюлень поднял голову над водой.

Через несколько дней лед немного поредел, и „Коррект“ мог от времени до времени продвигаться вперед. Так продолжалось с неделю. По целым суткам „Коррект“ выжидал, остановившись около льдин, и лишь редкими часами он мог продолжать свой путь. Кроме льдов, сильно препятствовали плаванью туманы, которые почти все время висели над морем, скрывая от глаз все окружающее. Поэтому, даже когда море казалось свободным, была опасность забраться вглубь ледяного поля и там застрять среди льдин. Туман — самое страшное препятствие для плаванья в этих местах.

21 августа Нансен, гуляя по палубе, увидел, что погода несколько прояснилась. Он быстро взобрался на бочку и лишь приложил бинокль к глазам, как увидал, что вдоль берега шла полоса свободной воды, теряясь из виду только вдали за льдами. Нансен слез вниз и разбудил капитана, который сладко дремал после долгой работы без сна. Тотчас были разведены пары, и корабль вошел в открытое пространство.

Лоцман Иогансен в это время тоже дремал после обеда. Поднявшись и увидя, что корабль уже идет по направлению к берегу, он очень рассердился и торжественно заявил капитану, что снимает с себя всякую ответственность за целостность корабля. Но за то весь остальной экипаж ликовал. Надо признаться, что многие, видя все время кругом льды, стали уже терять веру в успех предприятия. Кроме того, от постоянного наскокивания на льдины корабль получил в нескольких местах течь, и это

не могло способствовать бодрости экипажа. Теперь же все приободрились. В ту же ночь самая опасная часть пути оказалась пройденной, полуостров Ялмал был обогнут, и в виду показался Белый Остров. К северу от Белого Острова море тоже оказалось свободным так, что его легко было обогнуть. Дальше — опять открывалось чистое море. Лоцману Иогансену пришлось сдаться, и он даже заявил, что, по его мнению теперь преодолено и второе препятствие, о котором ему говорила гадалка из Тромзе.

Весь следующий день шли по открытому морю, не встречая льдов. Мимо Белого Острова, мимо острова Вилькицкого, который лежит на водоразделе Обской и Енисейской губы, затем к югу, в надежде войти беспрепятственно в Енисейскую губу. Но к утру 23 августа опять встретился лед, который становился все гуще, и, наконец, около острова Сибирякова, наткнулись на такие массы льда, что пришлось повернуть назад в надежде обогнуть остров с севера.

Измерение глубины показало, что море было очень неглубоко, около 3-4 сажень и, наконец, около небольшого островка, который раньше даже не заметили, так он был низок и ровен, перед кораблем оказалась мель. Пришлось опять повернуть к югу, чтобы обогнуть и этот островок. Но тут „Коррект“ ожидало самое серьезное испытание.

„Сидя за завтраком — рассказывает Нансен — мы почувствовали вдруг толчок корабля. Толчок был иного рода, чем при столкновении с льдинами. Корабль несколько накренился и затем, после нового толчка, остановился неподвижно. Мы вышли наверх. Льда кругом не было видно, и все же корабль неподвижно стоял. Оказалось, что у южного берега островка мы слишком рано повернули к западу и теперь сидим прочно на мели, которая идет от острова в южном направлении. Видно было, как на мели лежали ледяные глыбы, севшие на дно. Перед нами же неподвижно стояли тонкие льдины, так что там глубина была, повидимому, меньше метра.

Судя по льдинам, можно было предположить, что был отлив и что, таким образом, можно было рассчитывать на скорый подъем воды. Но разница между приливом и отливом здесь не так велика, чтобы можно было рассчитывать этим поднять судно. Лот показал, что у носа, который приподнялся примерно на метр, было $1\frac{3}{4}$ сажени, в середине корабля — 5 метров, т. е. ровно столько, сколько судно имело осадки, а у кормы $3\frac{3}{4}$ сажени. Попытки идти задним ходом не приводили ни к чему, корабль не двигался с места; винт только так взбудоражил дно, что вода кругом превратилась в мутную грязь.

Тут была сделана попытка прикрепить толстый стальной трос к кормовому якорю, сбросить его и затем при помощи паровой лебедки тянуть его по дну к кораблю. Дело шло медленно, все так напрягалось,

что весь корабль дрожал; но когда якорь был 20 сажень от кормы, стальной трос от страшного напряжения разорвался.

Тогда наполнили водой заднюю камеру судна для того, чтобы таким образом приподнять передний конец и затем одновременно тащить якорь по дну и давать полный ход назад. Напрасно! Как ни бились, ни с места! Был спущен в воду передний якорь и отданы все цепи, чтобы облегчить передний конец — но мы все же сидим так же неподвижно, как и перед этим. Пытались забросить якорь в сторону от судна и тащить его, чтобы сдвинуть корабль в сторону, туда, где вода была глубже всего. Но якорь не зацепился за дно.

Мы уже готовились перегружать с носа на корму бочки с цементом; но, вдруг, накренившийся корабль несколько выпрямился: должно быть начинался прилив. Мы пытаемся еще раз тащить якорь сзади и сбоку судна и даем одновременно полный ход назад. Винт бешено вращается, лебедки стонут и работают так, что весь корабль дрожит. Вдруг мне показалось, что я почувствовал маленький толчок. Компас, за которым я наблюдал, сдвинулся на четверть градуса; вскоре почти на пол градуса, затем еще более и, наконец, весь корабль стал поворачиваться все быстрее и быстрее. Целый градус, два градуса, три, пять, десять, пятнадцать градусов, и вот корабль сдвигается, медленно идет назад и всплывает опять!

На корабле радость и ликование. И последнее слово опять принадлежало Иогансену. Он предложил назвать маленький остров, стоявший экспедиции стольких усилий, „Чортовым островом“. Все вынуждены были согласиться, что такое название было и метким и кстати.

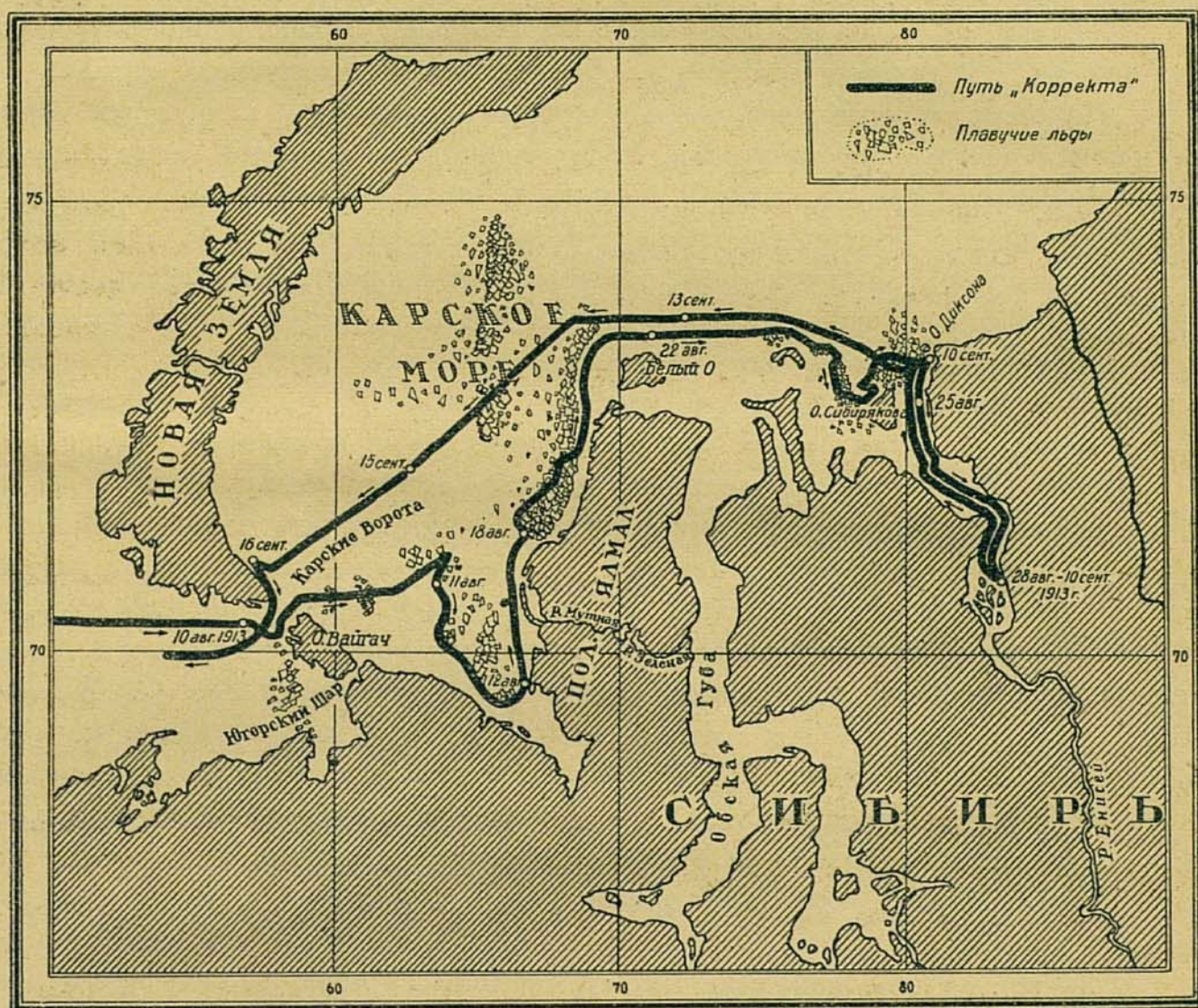
После небольшого пребывания в гавани Диксона, „Коррект“ направился вдоль берега прямо на юг. Пройдя небольшие полосы льда, 25 августа он вошел в воды обширной Енисейской губы, размеры которой соответствовали размерам реки и массе вод, несущихся из нее в море. Не даром Енисей — пятая по величине река во всем мире и имеет почти 5200 километров длины с бассейном в $2\frac{1}{2}$ миллиона квадратных километров, при чем его приток, Ангара, вытекает из самого большого озера в мире — Байкальского.

Но и в устье Енисея опасности не кончались. То и дело лот начинал показывать тревожные данные. Приходилось замедлять ход и искать русла в ином направлении, а ночью пришлось остановиться вовсе. Лишь только остановились, как к „Корректу“ приблизилась лодка с несколькими русскими, между которыми находились один чиновник и двое политических ссыльных.

Несмотря на все предосторожности капитана Самуельсена „Коррект“ несколько раз насккивал на мель, иногда из-за отсутствия знаков, иногда

по неточности карт. Последняя мель, на которую сел „Коррект“, находилась недалеко от места назначения. Но, даже снявшись с мели, пришлось остановиться и лишь сигналами дать знать о своем прибытии. Утром 28 августа вдаль показался дымок и вскоре к „Корректу“ подошел речной пароход. Наверх поднялись несколько человек — между ними помощник Лида и таможенные чиновники с чинами пограничной стражи, которые и в этом году совершили длинейшее путешествие — за счет, конечно, общества!

Но в этом году они проехали хоть не даром. Встреча совершилась так, как было условлено. Пароход „Туруханск“ с товарами для за-границы пришел вниз по реке к устью Енисея ровно в назначенный

день, 26 августа, а „Коррект“ опоздал всего на один день, придя 27-го. Если принять во внимание, что „Туруханск“ прошел 2200 верст с юга, а „Коррект“ 3000 верст с запада, то надо признать, что расчет времени был сделан достаточно умело, и удача на этот раз сопутствовала предприятию.

В тот же день началась перегрузка товаров с „Корректа“ на барки и с барок на „Коррект“. Перегрузка шла медленно, так как было мало рабочих рук. Зато полиция была представлена, кроме таможенных чиновников, еще одним полицейским и хорошо упитанным жандармом, который должен был позаботиться о том, чтобы никто из политических не убежал на „Корректе“.

Дальнейшее путешествие Нансена по Сибири совершалось без всяких приключений. Через несколько дней по Енисею пришел за ним паровой катер „Омул“ и благополучно доставил вверх по реке в Енисейск, куда Нансен прибыл, как и рассчитывал, 21 сентября. Оттуда на лошадях отправился в Красноярск и, как было предположено еще в Норвегии, оказался там ровно 25 сентября.

Поездка на лошадях произвела на Нансена большое впечатление. Вот как он, с обычным юмором, изображает свой сухопутный переезд.

„Наконец, вечером все было уложено и привязано к коляске. Мы взобрались на это замечательное сооружение и влезли под полотняную крышу в своеобразную коляску, внутри которой нас ожидала настоящая постель в виде соломенного матраца и пуховых подушек. Я устроился в полулежачем-полусидячем положении и начал думать, что здесь будет весьма удобно и, во всяком случае, весьма тепло. Заботливая рука хозяйки дома подсунула мне еще одну громадную подушку. Это было чудесно, и в первое время я думал, что удобнее нельзя ни сидеть, ни лежать. И вот началась дикая скачка при хлещущем дожде и полной тьме.

Вследствие четырехнедельных дождей дороги были расхлябаны и очень неровны. Колеса местами глубоко погружались, и часто ухаб следовал за ухабом, особенно пока мы не выехали из Енисейска, и затем при каждой проезжаемой деревне. И, когда безрессорный тарантас мчался полным галопом, он так ударялся, что приходилось бы считать счастьем, отделавшись только несколькими переломами членов тела. Особенно опасался я за свои зубы и крепко сжимал их для того, чтобы в минуту неосторожности, когда рот был открыт, не сделаться жертвой очередного ухаба на дороге. Поразительно, как, однако, все сходило благополучно; тепло и уютно лежалось нам в нашем тарантасе, а временами мы могли даже спать. Через некоторое время дождь прекратился, и мы быстро мчались вперед.

Для того, чтобы избежать потери времени на переупаковку при перепряжке лошадей, Востротин имел свой собственный экипаж, я с Лорис-Меликовым имели тоже общий тарантас на всю дорогу, так что на каждой почтовой станции приходилось менять только ямщика и лошадей.

Тарантас имеет четыре колеса. Это повозка, которая больше всего в ходу в Сибири при путешествии, особенно для больших расстояний,

когда для того, чтобы прибыть своевременно, приходится ехать круглые сутки и спать в коляске. Нельзя сказать, чтобы такой тарантас был особенно элегантною повозкой. Но он крепок, и им можно пользоваться в таких условиях, где наши европейские коляски развалились бы вдребезги. Рессор, к счастью, он не имеет, так как они были бы моментально поломаны; вместо них корпус тарантаса поддерживают два деревянных длинных бруса, покоящихся на передней и задней оси. Для того, чтобы устоять, эти бруссы должны быть толстыми и крепкими и слишком большой пружинностью и эластичностью они не грешат. Корпус тарантаса имеет спереди козлы для хорошо одетого возницы, который все время покрикивает на лошадей. Сзади нечто вроде коляски, при чем во время дождя, как ныне, к козлам натягивается парусиновая покрывка, так что задняя часть коляски совершенно защищена.

Каких либо скамеек для сиденья нет. Пассажиры устраиваются, как умеют, лежа на дне тарантаса. В каждом тарантасе место для двоих. На днище кладется солома, затем обычно подушки, матрацы, одеяла, чтобы смягчить толчки, так что получается довольно хорошая постель. Пассажир накрывается, как придется, шерстяным одеялом или шубой, и если бы не ужасные толчки, то можно было бы считать тарантас идеальной повозкой для далеких расстояний. Мне припомнилось, как не раз я сидел на Норвежском кабриолете или двуколке и качался во все стороны в полудремоте, тщетно пытаюсь найти удобное положение. В тарантасе же, если только толчки не слишком сильны, можно спать долгое время.

Повозка запрягается обычно тремя лошадьми, „тройкой“; но для „знатных“ персон, как мы, например, запрягалась подчас и четверка. Лошади бегут всегда в одну линию рядом. Коренная запряжена деревянной дугой, которая характерна для русской упряжки. Дуга велика, отделана резьбой и раскрашена; к ней привешены бубенчики. Остальные лошади запряжены по бокам коренной; им приходится тянуть значительно в сторону, чтобы не налезать на коренную, и поэтому они во время бега держат головы на отлет, что выглядит очень своеобразно“.

Так катил Нансен день и ночь, останавливаясь на станциях лишь на короткое время.

„Как бы тарантас ни был крепок и вынослив, все же, в сущности, непонятно, каким образом повозка выдерживает такую скачку. Счастье, что не было рессор; ведь даже если бы пружины выдержали, то нам это было бы не под силу: на первом ухабе мы были бы так подброшены вверх, что вылетели бы из повозки. Кричащий и понукающий ямщик не разбирает, гладка ли дорога или она полна ям, и одинаково гонит полным галопом, так что пассажиру кажется, что вот вот душа вылетит из

тела. Когда я думал, что таким образом придется совершить путь в 350 километров, я не представлял себе, что станет при этом с моими костями.

Но поразительно, как человек привыкает ко всему. Понемногу удалось найти такое положение, которое было почти сносным. И, однажды в полночь, под'ехав к какой-то станции, мы лежали так уютно, что не хотелось вылезать. Но зато когда встали на землю, что за наслаждение было потянуться, подвигать суставами и убедиться, что они еще пригодны для употребления!"

Через несколько дней после Нансена в Красноярск приехал Вурцель, и Нансен отправился с ним по всей Сибири до Владивостока, а потом по Амурской железной дороге опять через всю Сибирь и Россию к себе домой.

Нечего и говорить, что и в Енисейске и Красноярске и по всей Сибири Нансен был встречен непрерывными овациями, чествованиями и торжествами. Сибиряки встречали в нем не только знаменитейшего путешественника современности. В его приезде новым и мало испытанным путем они чувствовали как бы весть из другого мира, от которого они отделены безбрежными пространствами, как бы дуновение ветра через новое „окно“ которое пробивалось для доступа культуры и света и как раз с той стороны, где до сих пор царствовали безраздельно мороз и льды.

*
* *
*

Впечатления, полученные Нансеном за время путешествия по Сибири, были сильны и разнообразны. Прежде всего его, как гражданина маленькой страны, где использован каждый клочек земли, поражали размеры Сибири, громадные пространства еще нетронутой земли. Население всей необ'ятной азиатской России только на три миллиона превышает население маленькой Скандинавии, хотя значительные области, особенно южной и западной Сибири, представляют лучшие условия для жизни, чем Скандинавия.

Уже во время плавания по Енисею Нансен видел, как тундра стала сменяться лесом. Сперва деревья были малы и низкорослы и стояли на большом расстоянии друг от друга. Но чем дальше к югу, тем они становились выше и гуще, и вот развернулся неизмеримый, единственный в мире лес — знаменитая Сибирская тайга в две тысячи километров шириной с юга на север и в 6 тысяч километров длиной от Великого океана и Камчатки до Урала, все сплошные лесные пространства, прерываемые только широкими поясами рек!

Сибирский лес представлял для Нансена особенный интерес, так как он уже сыграл немаловажную роль в его жизни — мы помним, как

в доказательство движения льдов он приводил нахождение большого количества наносного леса на берегах Гренландии, при чем лес этот мог происходить только из Сибири. И тут по Енисею он видел, как с берегов, подмытых половодием, деревья, не имеющие опоры под половиной своих корней, склонялись к реке. На следующую весну вода смывает их в реку и понесет в море, где они замерзнут во льдах и будут носиться по Ледовитому океану, пока не будут выброшены на пустынный берег Гренландии, Шпицбергена или Новой Земли.

На ряду с естественными богатствами внимание Нансена привлекали и жители. Официальность ли встреч или иные причины были тому виной, но Нансену прежде всего бросилось в глаза большое количество людей в форме. „Страна в мундирах“, так называет он прежнюю Россию. Но количество „блюстителей“ не увеличивает порядка ее. И Нансен видит, как „культура“ и здесь черной тенью надвигается на туземцев и старожилов Сибири, разоряя и опустошая их первобытный, но приспособленный к природным условиям быт. Север Сибири не только не развивается, но он падает. В конце 18 века, судя по сохранившимся картам, ныне пустынные низовья Енисея представляли собой населенные области, и селения были разбросаны до самого острова Диксона. В 1824 году поселений уже значительно меньше, но все же на север от Туруханска их было еще до 46. Но в 1863 году число их падает до 27. И даже подъем, который замечен в последнее время, и в малой степени не вернул состояния прежних времен. Хищническая охота на пушного зверя истребила его, мехов стало меньше, туземцы, закабаленные, истощенные водкой, стали слабее и беспомощнее, и прежнюю жизнь далекого севера уже нельзя воскресить.

Но и в глубине Сибири многое поражало Нансена. Широкое гостеприимство в городах и палаты богачей, а в то же время в деревне часто нельзя получить куска хлеба. Много земли, но она не использована как следует, и даже драгоценный навоз еще не имеет цены, ибо его вываливают на дорогу или валом из него окружают деревню вместо забора: землю же незачем удобрять, когда почва истощится—можно просто переменить место для посева. Лесов много, так много, что дерево не имеет никакой цены, и, когда вспыхивают грандиозные лесные пожары, опустошающие громадные пространства, это мало кого беспокоит, кроме лесных обитателей — зверей и птиц, да случайных путников, оказавшихся в лесу. Леса много, но обделка дерева на первобытной ступени. Даже в таком городе, как Енисейске, с 12000 жителей и 1000 деревянных домов, нет ни одного лесопильного завода, и вся работа делается ручным способом. Прекраснейшие условия для скота, но население не умеет устроить даже хлебов. Множество чиновников, но врачей так мало, что медицинская помощь почти что отсутствует.

Но все же на месте жизнь не стоит. И Нансен ошеломлен цифрами. В 1909-13 годах в Сибири было нарезано 18 миллионов десятин т. е. 196500 кв. километров земли и предоставлено 350 семьям, т. е. почти двум миллионам человек. Это значит, что каждый год заселялось 40,000 кв. километров земли и в восемь лет это составило бы такую площадь пахотной земли, какую занимает вся Норвегия целиком. Но Нансен чувствует, Сибирь — не колония для России, но органическая часть ее. И ему чудятся грандиозные возможности, когда просторы еще неиспользованной земли будут заселены и превратятся в цветущие места.

И, как ни чужда вся русская обстановка Нансену, он все же за время своего путешествия привязался к России, и при расставании он пишет:

„Мне становится грустно при мысли о расставании с этими громадными, унылыми лесами, с этой суровой природой, с ее простыми линиями, в которых нет ничего малозначущего. Я полюбил эту безграничную землю, мощную, как море — с ее бесконечными просторными равнинами и степями — с застывшими берегами ледяного моря — с пустынными, свободными тундрами — с глубокой, таинственной тайгой, которая простирается от Урала к Тихому Океану — с поросшими волнуемой травой степями — с голубыми, покрытыми лесом горами — и с маленькими пятнами между ними, на которых живут люди“.

Да, современные люди лишь „пятна“ на уборе природы! И в предисловии к своей книге о Сибири, „Стране Будущего“, где столько просторов, богатств, неиспользованных даров природы, Нансен уже упоминает о той страшной бойне, которой вцепились друг в друга европейские народы.

Во время войны Нансен был тих и уныл. Ему не было, конечно, места среди крикливых, воинствующих элементов, которых было не мало даже среди скандинавских народов — вспомним выступления знаменитого шведского путешественника Свена Гедина. Но также он был слишком реален, чтобы броситься в беспочвенную и бесплодную агитацию вроде экспедиции Форда, которая только выставляла в смешном виде противников войны. Нет, он спокойно продолжал свою работу, и лишь когда война стала утихать, оставляя развалины, разорение, голод, Нансен опять стал на виду. Но об этом незначем рассказывать. Деятельность Нансена в последние годы в России известна всем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Поиски великих северных путей	9
Молодые годы Нансена	41
НА ЛЫЖАХ ЧРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ	
Северная Сахара	57
В плену у льдов	72
К северу на лодке	86
Подъем на ледник	99
У западного берега	116
ВО ТЬМЕ И ЛЬДАХ	
Имеется ли путь к Северному Полюсу?	143
Снаряжение и отплытие „Фрама“	155
Вдоль северных берегов Сибири	169
„Фрам“ отдается во власть льдов	179
Среди пловучих льдов	189
Сомнения и надежды	209
Новый план	226
На опустевшем „Фраме“	250
К северу на санях	267
В обратный путь	278
Заблудились	292
Земля!.. Земля!..	305
Зимовка в полярной пустыне	315
Весна и спасение	332
Возвращение на родину	353
ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ	
На русском великом северном пути	367